АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE d'HISTOIRE ANCIENNE

1 (180)

Январь — Февраль — Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1987

Редакционная коллегия:

Главный редактор чл.-корр. АН СССР *З. В. Удальцова*,

чл.-корр. АН СССР *Г. М. Бонгард-Левин*, д. филолог. н. *М. Л. Гаспаров*, д. и. н. *Е. С. Голубцова*, д. и. н. *М. А. Дандамаев*, акад. АН АрмССР *С. Т. Еремян*, д. и. н. *Ю. К. Колосовская* (зам. главного редактора), д. и. н. *В. И. Кузищин*, акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*, д. и. н. *Л. П. Маринович*, д. и. н. *А. И. Павловская* (ответственный секретарь), к. и. н. *О. И. Савостьянова*, д. и. н. *Е. М. Штаерман*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

© Издательство «Наука»,
«Вестник древней истории», 1987 г.

Ю. В. Андреев *

РАННИЕ ФОРМЫ УРБАНИЗАЦИИ

Вопрос о происхождении и природе раннего города как особой формы человеческого общежития по существу может быть сведен к простой дилемме: что привело к рождению города — революция или эволюция, относительно быстрый переход из одного состояния в другое (т. е. от не-города, что бы мы под ним ни понимали, к городу) или же длительный процесс, разделенный на множество промежуточных этапов или стадий? Как известно, уже Г. Чайлд с его завоевавшей широкую популярность теорией «городской революции»[1] не был чужд некоторых сомнений и колебаний именно в этом ключевом пункте. Во всяком случае, он счел необходимым предупредить своих последователей, заметив как-то, что «городскую революцию невозможно представить так же, как и революцию индустриальную, в виде одного-единственного события. Скорее это был критический пункт в довольно длительном процессе» [2]. По Чайлду, первые города возникли где-то на грани эпохи неолита и ранней бронзы. Зарождение металлургии было, в его понимании, одной из важнейших (если не самой важной) предпосылок ранней урбанизации [3]. Однако спустя короткое время после выхода в свет статьи Чайлда, в которой были сформулированы основные положения его теории [4], известный американский социолог Л. Мамфорд счел возможным отодвинуть дату рождения первых городов куда-то в глубины эпохи неолита. Напомним, что к тому времени (декабрь 1958 г.), когда Мамфорд выступил с докладом на Чикагском симпозиуме, специально посвященном проблемам ранней урбанизации в странах Передней Азии [5], в печати уже появились сообщения о таких значительных «неолитических городах», как палестинский Иерихон и анатолийский Хаджилар. В своей обычной парадоксальной манере Мамфорд опровергал в этом же докладе чайлдовскую теорию «городской революции» [6]:

---

* Редколлегия ВДИ приглашает авторов и читателей журнала принять участие в обсуждении проблем, затронутых в статье Ю. В. Андреева.

[1] Различные оценки этой теории см. в работах: *Adams R. M.* The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966, p. 18; *Daniel G.* The First Civilizations. The Archaeology of Their Origins. L., 1968, p. 26; *Berger P. A.* Herrschaftsform Stadt. Eine soziologische Rekonstruktion der Stadtgeschichte im Altertum. München, 1983, S. 103 f.; *Массон В. М.* Типология древних городов и исторический процесс.— В кн.: Древние города. Л., 1977, с. 7.

[2] *Childe V. C.* The Prehistory of European Society. Harmondsworth, 1958, p. 53.

[3] Ibid., p. 78 ff.

[4] *Childe V. C.* The Urban Revolution.— Town Planning Review, 1950, 21.

[5] *Mumford L.* Concluding Address.— In: City Invincible. A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East. Ed. by Kraeling C. H. and Adams R. M. Chicago, 1960.

[6] Ibid., p. 232.

«Революция означает, что все переворачивается вверх дном и прошлое остается позади. Но город ничего не оставлял позади себя. Напротив, все более и более вещи (уже существующие) собирались и сохранялись здесь. Именно в тесных городских кварталах люди, представлявшие палеолитическую и неолитическую культуры, собрались вместе с тем, чтобы воздействовать и влиять друг на друга». Если Чайлд тщательно отобрал и рассортировал свои известные десять признаков настоящего города [7], то Мамфорд решил, по крайней мере, для начала ограничиться всего двумя: по его словам, ранний город (правда, он осторожно называет его здесь «proto-city») мог отличаться от деревни лишь своими размерами и числом жителей, хотя при этом он непременно должен был выполнять функции религиозного центра, чем собственно и объясняется, по Мамфорду, концентрация населения в поселениях именно этого типа [8].

Таким образом, еще в 50-х годах определились два основных «камня преткновения» в продолжающейся до сих пор дискуссии о происхождении и характере первых городов: проблема «точки отсчета», т. е. вопрос о том, с какого момента следует начинать историю города [9], и тесно связанная с первой проблема критериев, с помощью которых можно отличить город от предшествующего ему не-города. Дискуссия эта еще и сейчас далека от своего благополучного завершения, о чем свидетельствуют довольно обычные даже в новейшей литературе терминологическая путаница и подмена понятий, благодаря которым возникают всевозможные исторические парадоксы и курьезы вроде уже упоминавшихся «неолитических городов» [10] или «городов», в которых, по признанию самих описывающих их авторов, подавляющую массу населения составляли крестьяне-земледельцы, как это было, например, в крупнейших поселениях древних майя или йорубов [11]. В основе заблуждений такого рода лежит, как нам думается, субъективная неспособность или, может быть, нежелание мысленно охватить всю огромную временную протяженность процесса градообразования или, если выразиться несколько иначе, ту колоссальную историческую дистанцию, которая отделяет город в собственном значении этого слова от всевозможных его предшественников, прототипов, ранних эмбриональных форм, внешне с ним схожих, но по существу еще не имеющих права так называться. Возможно, уже сейчас следовало бы, учитывая их морфологическое и отчасти также функциональное сходство с собственно городом, ввести в употребление некое охватывающее все эти формы обозначение, на-

---

[7] *Childe*. The Urban Revolution, p. 11 ff.

[8] *Mumford*. Op. cit., p. 226, 230, 237.

[9] На реально существующую опасность «беспредельного расширения хронологических и пространственных рамок процессов урбанизации» в свое время совершенно оправданно указывал В. М. Массон [Первые города (К проблеме формирования городов в среде раннеземледельческих культур).— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975, с. 12].

[10] *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982, с. 83 слл.; *Брентьес Б.* От Шанидара до Аккада. М., 1976, с. 60 слл.; *Глазычев В. Л.*, И заложил город ...— Знание — сила, 1980, № 11, с. 27. Ср. *Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambr. Mass., 1972, p. 18, 98, 151; *Berger*. Op. cit., S. 109 f.; *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (В свете данных археологии). Л., 1977, с. 139 слл.

[11] *Гуляев В. И.* Забытые города майя. М., 1984, с. 40; *Кочакова Н. Б.* Города-государства йорубов. М., 1968, с. 65 слл. Ср. *Trigger B. G.* Determinants of Urban Growth in Pre-industrial Societies.— In: Man, Settlement and Urbanism. Ed. by Ucko P. J., Tringham R. and Dimbleby G. W. L., 1972, p. 577.

пример «урбаноморфные» или «урбанизированные поселения» [12], разделив сообразно с этим сам процесс урбанизации на два основных этапа (или, может быть, типа). Историческое содержание одного из них можно было бы свести к вызреванию различных архетипов или прототипов города. Во всяком случае, традиционное представление о непосредственном перерастании деревни в город, следствием чего было возникновение извечной противоположности этих двух типов поселений, сейчас воспринимается как сильно устаревшее и грубо упрощающее реальный ход событий [13].

Уже a priori, т. е. до ознакомления с конкретным историческим материалом, представляется маловероятным, чтобы город как особый тип поселения и вместе с тем особого рода социальный организм, не только не исчезающий, но, напротив, достигающий своего наивысшего расцвета в условиях современной индустриальной цивилизации, мог возникнуть и утвердиться в результате одного сравнительно короткого скачка еще в ту пору, когда только зарождались древнейшие из всех известных нам классовых обществ. Логичнее было бы предположить, что, подобно другим универсальным историческим категориям, таким, как государство, классы, частная собственность и т. п., город прошел весьма длительный путь развития, прежде чем стал самим собой не только номинально, но и субстанциально. На этом пути неизбежно должны были возникать многообразные промежуточные или гибридные формы поселений, соединяющие в себе признаки города с признаками его диалектической противоположности — первобытного не-города. В связи с этим уместно напомнить, что даже и в одной более или менее ограниченной исторической плоскости, возьмем ли мы современную индустриальную эру или же предшествующую ей эпоху средневековья, всегда бывает трудно провести четкую разграничительную линию между городом и противостоящей ему деревней. На разделяющей их «ничейной земле» обычно обнаруживаются некие комбинации этих двух «идеальных типов», не совпадающие в полной мере ни с одним из них [14]. Эта размытость границ, разделяющих понятие города и деревни в их конкретно-исторической (не теоретической) данности, так или иначе отражена во многих языках мира, как современных, так и более древних (ср. русск. «город — городок — деревня», англ. «city — town — village» и т. п.).

Признание географической реальности категории «города-деревни» (некоторые немецкие авторы пытаются выразить ее посредством сдвоенных терминов: Stadtdorf, Ackerburg и т. п.) [15] неизбежно влечет за собой признание также и исторической ее реальности в качестве не просто одного из звеньев в эволюционной цепи становления городского уклада жизни, но весьма длительного переходного состояния, в сущности составляющего целую историческую эпоху. Само это состояние мы можем представить себе как процесс постепенного накопления собственно урбанистических качеств

---

[12] Попытки разработки такого рода новой терминологии уже предпринимались некоторыми западными историками, хотя в отдельных случаях они ведут к прямому отказу от употребления самого термина «город» и соответствующего ему понятия (см., например, *Andersson H.* Urbanisierte Ortschaften und lateinische Terminologie. Studien zur Geschichte des nordeuropäischen Städtewesens vor 1350.— Acta regiae societatis scientiarum et literarum Gothoburgensis, Humaniora, 6, Gotheborg, 1971, S. 39; *Vittinghoff P.* Urbanisation als Phänomen der Antike.— Reports of the XIVth International Congress of the Historical Sciences. N. Y., 1977, S. 575.

[13] Ср. *Berger.* Op. cit., S. 111 f.

[14] *Ennen E.* Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1953, S. 22; *Wheatly P.* The Concept of Urbanism.— In: Man, Settlement and Urbanism, p. 604; *Grundmann S.* Die Stadt. B., 1984, S. 86.

[15] *Ennen.* Op. cit., S. 21.

и признаков или, что то же самое, как постепенное повышение уровня урбанизации в рамках некоего до поры, до времени нерасчлененного единства противоположностей, т. е. в данном случае города и деревни [16]. Само собой разумеется, что рано или поздно этот процесс должен был привести к окончательному размежеванию города и деревни в качестве двух резко различающихся типов поселения. Весь вопрос как раз в том и состоит, когда такое размежевание могло произойти.

Историческая специфика города заключается в том, что он является поселением в полном смысле этого слова полифункциональным [17], что собственно и обеспечивает ему с самого момента его возникновения то доминирующее положение, которое он занимает среди всех прочих поселений (деревень или поселков), выполняющих, как правило, не более одной-двух функций одновременно. Разумеется, сам набор функций, отличающих город от не-города, нельзя рассматривать просто как некую механическую сумму признаков, не меняющуюся сколько-нибудь существенно от перемены мест составляющих ее слагаемых [18]. В этом наборе обязательно должен быть выделен какой-то один, можно сказать, сущностный признак, являющийся, по определению Г. А. Кошеленко [19], «структурообразующим элементом, определяющим главное в характере города». В противном случае мы можем очень легко оказаться в положении тех не столь уж немногочисленных авторов, которые вообще отрицают возможность выработки единого, одинаково пригодного для всех исторических эпох, стран и народов определения самой категории города [20]. Конечно, можно еще долго спорить о том, что же считать этим наиболее важным или сущностным признаком города (одно перечисление мнений, уже высказанных по этому вопросу, вероятно, заняло бы не один десяток страниц). Тем не менее, ориентируясь на известные высказывания классиков марксизма [21], а также на некоторые, на наш взгляд, достаточно авторитетные суждения их современных интерпретаторов [22], мы можем сейчас определить город в самом широком значении этого слова, прежде всего как устойчивую полифункциональную форму территориальной консолидации гетерогенного населения, непосредственно не занятого в сфере сельскохозяйственного производства [23]. Необходимо иметь в виду, что этот главный сущностный при-

---

[16] Ср. *Mumford*. Op. cit., p. 228.

[17] *Trigger*. Op. cit., p. 577, 592.

[18] В таком механистическом подходе к пониманию природы города справедливо обвиняли Г. Чайлда некоторые из его оппонентов (см., например, *Adams*. Op. cit., p. 11 f.; *Wheatley*. Op. cit., p. 611 f.).

[19] *Кошеленко Г. А.* Греческий полис и проблемы развития экономики.— В кн.: Античная Греция. Т. I. М., 1983, с. 220.

[20] Против тенденций такого рода вполне оправданно выступает О. Г. Большаков (Средневековый город Ближнего Востока. VIII — середина XIII в. М., 1984; см. ссылки на работы, в которых эти тенденции проявились наиболее отчетливо).

[21] См. в особенности *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 49 сл.; т. 21, с. 163.

[22] См. *Кошеленко*. Ук. соч., с. 222 сл. со ссылками на более раннюю литературу.

[23] Мы сознательно выбираем здесь эту достаточно широкую формулировку, принимая во внимание, что «население, непосредственно не занятое в сфере сельскохозяйственного производства», может означать и людей, занимающихся различными видами несельскохозяйственного труда, т. е. ремесленников, рабочих, торговцев и т. п., и людей, вообще не причастных к материальному производству, т. е. представителей господствующих классов, обслуживающий их персонал из рабов и свободных, интеллигенцию, представителей государственной администрации, военных, священнослужителей, наконец, люмпен-пролетариат (*Sjoberg G.* The Origin and Evolution of Cities.—Scientific American, 1978, 20, p. 56). Заметим попутно, что в древности, в особенности в странах античного мира, эта вторая категория городского населения численно нередко лишь немногим уступала первой или даже превосходила ее.

знак города обычно проявляется в достаточно ясно выраженной форме, предполагающей окончательно определившуюся дихотомию города и деревни как двух антагонистически противоположных типов поселения лишь на сравнительно поздних стадиях развития основных общественных формаций древнего мира, но никак не в момент их зарождения в начале бронзового века [24]. Следовательно, в данный момент наша задача заключается в том, чтобы попытаться наметить хотя бы самую общую, во многом, конечно, лишь предварительную, еще нуждающуюся в дальнейшей доработке и уточнениях схему начальных этапов процесса урбанизации, предшествующих возникновению собственно города [25].

Наиболее ранний из этих этапов и соответствующий ему тип поселения может быть обозначен условным термином «квазигород» [26]. Под квазигородом мы подразумеваем земледельческое поселение (или, по сути дела, деревню), обладающее некоторыми чисто внешними признаками, которые сближают его с городом [27]. Такими признаками могут считаться: *1*) наличие более или менее массивных оборонительных сооружений; *2*) компактная застройка всей площади поселения, при которой почти не остается места для садов и приусадебных участков, как в обычных деревнях, хотя могут существовать специальные загоны для скота; *3*) более или менее правильная планировка нередко с ясно выраженной сеткой кварталов и улиц; *4*) наличие элементов коммунального благоустройства, например вымостки улиц, колодцев, дренажных стоков и т. п.; *5*) более или менее благоустроенные жилища, отличающиеся от обычных деревенских хижин в чисто архитектурном плане и по уровню бытового комфорта; *6*) наличие более или менее ясно выраженного ритуального центра в виде открытой церемониальной площадки или закрытого святилища, или, наконец, комбинации того и другого. Из этих шести признаков, выделяющих квазигород среди

---

[24] В противном случае мы должны были бы зачислить в разряд «городов», как это, впрочем, обычно и делается, множество относительно крупных поселений, в которых люди, занятые обработкой земли и другими видами сельского труда, составляли подавляющее большинство или, во всяком случае, весьма значительную часть населения (*Hammond*. Op. cit., p. 3; *Trigger*. Op. cit., p. 577; *Berger*. Op. cit., S. 110 f.; *Grundmann*. Op. cit., S. 83 ff.; *Сайко Э. В.* Становление города как производственного центра. Душанбе, 1973, с. 17). Многие авторы склонны думать, что ни древний Восток, ни даже античный мир никогда не знали настоящего антагонизма между городом и деревней или же узнали его лишь в сравнительно позднее время. См.: *Оппенхейм А. Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980, с. 111; *Humphreys S. C.* Town and Country in Ancient Greece.— In: Man, Settlement and Urbanism, p. 766; *Штаерман Е. М.* Эволюция античной формы собственности и античного города.— ВВ, 34, 1973, с. 7; *Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э.— В кн.: Античная Греция. Т. I. М., 1983, с. 275. Ср. *Дьяконов И. М.* Проблемы вавилонского города II тыс.— В кн.: Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1973, с. 32 сл.; *Кошеленко*. Ук. соч., с. 222, 245.

[25] Ср. *Redman Ch. L.* The Rise of Civilization. San Francisco, 1978, p. 182 ff., 202, 221.

[26] Ср. *Sjoberg*. Op. cit., p. 56, 58.

[27] В известном смысле аналогом квазигорода можно считать географически гораздо шире распространенное городище, в котором некоторые авторы видят особую форму первобытного поселения, из которого или на основе которого непосредственно вырастает город (см., например, *Саваренская Т. Ф.* История градостроительного искусства. М., 1984, с. 7). Понятия эти, однако, нельзя расценивать как вполне тождественные друг другу, поскольку они принадлежат к двум разным таксономическим рядам. Городище представляет собой особый род археологических памятников, которым в конкретной исторической действительности могли соответствовать самые разнообразные виды и формы поселений: укрепленные земледельческие поселки, т. е. квазигорода, общинные и племенные убежища, резиденции племенных вождей (примитивные замки), наконец, протогорода и ранние города (ср. *Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd. 2. Prag, 1969, S. 969 f.).

всех других видов и форм первобытных земледельческих поселений, совершенно обязательными должны быть признаны лишь два: второй и пятый. Все остальные в зависимости от конкретных условий, места и времени могут либо появляться, либо исчезать. Как показывает практика, уже несколько десятков двух- и трехэтажных домов, компактно сгруппированных на небольшом пространстве, бывает вполне достаточно для того, чтобы такое поселение могло произвести на непредубежденного путешественника, впервые увидевшего его со стороны, или на производящего раскопки археолога впечатление настоящего, хотя и небольшого города [28].

Исторически квазигород представляет собой весьма устойчивую форму человеческого общежития, без сколько-нибудь существенных изменений переходящую (там, где для этого существуют благоприятные условия) из одной эпохи в другую [29]. В сущности, если вдуматься, не столь уж велика разница между такими его разновидностями, разделенными огромными, исчисляемыми тысячелетиями хронологическими промежутками, как, например, неолитические поселения Анатолии Чатал Гюйюк и Хаджилар, с одной стороны, и многие деревни, существовавшие на той же территории в эпоху римского, византийского и затем османского владычества, с другой. Во многом такая жизнеспособность квазигорода объясняется его идеальной приспособленностью к определенного рода естественной среде, характерной в основном для гористых и засушливых районов Передней и Центральной Азии, Кавказа, Средиземноморья, Северной Африки и Центральной Америки. Во всех этих регионах основными факторами, определявшими выбор места для поселения, его характер и структуру, во все времена оставались крайняя изрезанность рельефа, ограниченность пригодных для обработки земельных массивов, большие природные запасы камня и глины при сравнительном дефиците строительного леса и, наконец, сравнительная редкость источников питьевой воды. Все эти обстоятельства, несомненно, способствовали широкому распространению квазигорода в пределах обширной географической зоны, простирающейся от Испании и Марокко на западе до Тибета и Непала на востоке [30]. Повсюду на этой территории мы встречаем практически один и тот же тип поселения (хотя, разумеется, в весьма многообразных его вариантах), характеризующийся чрезвычайно плотной застройкой, тенденцией к развитию жилого массива скорее в вертикальном, чем в горизонтальном, направлении (преобладание так называемых «башенных жилищ»), особой заботой о неприступности поселения [31].

Разумеется, необходимо учитывать не только экологическую, но и социальную, а также экономическую обусловленность важнейших специфических особенностей квазигорода. Одной из главных предпосылок возникновения этой формы поселения следует считать переход от охоты и собирательства к оседлоземледельческому образу жизни, с чем обычно связывается резкое увеличение плотности населения и его концентрация

---

[28] Классическим примером квазигорода могут считаться мексиканские пуэбло. Американский археолог Роув относит их к особой категории «поселений городского типа» (urban settlements), видя их главное отличие от собственно города в том, что основную массу их населения составляли охотники, рыболовы, земледельцы и скотоводы (цит. по: *Wheatly*. Op. cit., p. 613).

[29] Ср. *Myres J. L.* Mediterranean Culture. Cambr., 1944; *Ennen*. Op. cit., S. 21 f.

[30] Эта зона дает наиболее впечатляющие и вместе с тем исторически наиболее устойчивые образцы поселений квазигородского типа, хотя отдельные их экземпляры и даже целые «гнезда» можно встретить и далеко за ее пределами. Едва ли не самым северным из поселений этого рода может считаться знаменитая Скара Бра на одном из полуостровов Оркнейского архипелага у берегов Шотландии.

[31] *Джандиери М. И., Лежава Г. И.* Народная башенная архитектура. М., 1976.

в пунктах, наиболее благоприятных с хозяйственной точки зрения [32]. Уже на ранних стадиях эпохи неолита появляются поселения квазигородского типа, которые и по занимаемой ими площади, и, видимо, по численности населения превосходят даже некоторые из так называемых «городов» более позднего времени [33]. Примером может служить уже упоминавшийся Чатал Гюйюк в Анатолии, площадь которого составляла около 13 га [34]. Судя по всему, квазигород возникает еще в условиях вполне жизнеспособного первобытнообщинного строя, и если в дальнейшем продолжает существовать как особый вид поселения также и в некоторых классовых обществах, то лишь в тех, где традиции первобытной эпохи были особенно сильны и где сохранялся особенно мощный слой свободного или полусвободного крестьянства. По своей социальной природе квазигород может быть квалифицирован как поселение земледельческой общины, внутренне еще очень слабо дифференцированной. Типичная для поселений этого рода стандартность жилой застройки, отсутствие построек, которые могли бы быть отнесены к разделу «особняков», «вилл» или «господских домов», свидетельствуют о принципиальной социальной однородности занимающих их коллективов. Конечно, с течением времени в этой изначально однородной и неподвижной социальной среде должны были происходить определенные изменения, появлялись зачаточные формы имущественной стратификации и хозяйственной специализации. Однако среди основной массы общинников еще очень долго продолжали сохранять свою силу традиции первобытной солидарности и равенства. Для подавляющего их большинства основным способом жизнеобеспечения оставалось примитивное сельское хозяйство. Возникавшие в отдельных семьях зачатки ремесленной специализации, как правило, не поднимались выше уровня подсобных промыслов или же так называемого «общинного ремесла» [35]. Всем этим, собственно говоря, и обеспечивалось длительное выживание квазигорода в качестве особой формы поселения.

Промежуточное положение между квазигородом и собственно городом занимает еще один специфический тип поселения, который мы предложили бы обозначить также в достаточной степени условно термином «протогород». Термин этот давно и теперь уже достаточно широко используется в научной литературе, варьируясь с такими словосочетаниями, как «ранний город», «первый город» и т. п., без сколько-нибудь четкого смыслового разграничения между ними. Обычно под протогородом понимается некая зачаточная форма собственно города, отличающаяся от его более зрелых, окончательно определившихся форм не столько качественно, сколько количественно, по степени выраженности в общем одних и тех же признаков или в более редких случаях по полноте их «ассортимента» [36]. Нам кажется, однако, что протогород был в значительной мере явлением sui generis со своими специфическими особенностями, отличающими его в равной степени и от предшествующего ему квазигорода, и от сменившего его собственно города. Исторически протогород как особый переходный тип поселения соответствует эпохе классообразования и становления государства (поли-

---

[32] *Массон В. М.* Алтын-Депе. Л., 1981, с. 119 сл.

[33] Ср. *Redman.* Op. cit., p. 206 ff., 215.

[34] *Мелларт.* Ук. соч., с. 83.

[35] *Массон В. М.* Ремесленное производство в эпоху первобытного строя.— ВИ, 1972, № 3, с. 10 слл.; *он же.* Экономика ..., с. 62 слл.; *Сайко.* Ук. соч., с. 69.

[36] *Mumford.* Op. cit., p. 230 f.; *Hammond.* Op. cit., p. 151; *Renfrew C.* The Emergence of Civilization. The Cyclades and the Aegean in the Third Mill. B. C. L., 1972, p. 402; *Массон.* Алтын-Депе, с. 108, 119.

тогенеза), хотя во многих районах древнего мира он продолжает существовать также и на стадии раннеклассовых общественных формаций вплоть до их окончательного изживания. Основными предпосылками его зарождения могут считаться: *1*) относительно высокий уровень развития общественного производства, в особенности сельского хозяйства, обеспечивающий появление прибавочного продукта и создающий условия для его концентрации в определенных местах; *2*) далеко продвинувшаяся социальная стратификация общества по имущественному и статусному признакам; *3*) политическая интеграция первоначально обособленных земледельческих общин и образование хотя бы примитивного государственного аппарата; *4*) развитая специализация (профессионализм) в ремесле, военном деле, культовой практике и т. п.

В отличие от квазигорода, являвшегося, по крайней мере, в своей первоначальной форме поселением изолированной общины, протогород уже с самого начала выступает в роли объединяющего (интегрирующего) центра целого района или округа, занимая главенствующее положение внутри в одних случаях сравнительно простой, в других же весьма сложной иерархии поселений. Уже на ранних стадиях своего развития протогород создает вокруг себя своего рода «силовое поле», распространяя свое влияние на все окружающие его поселения и удерживая их под своим контролем [37]. Так происходит потому, что в отличие от рядовых поселений сельского или квазигородского типа, выполняющих в рамках такой иерархии, как правило, простейшие чисто производственные функции, протогород даже и в наиболее примитивной (первичной) своей форме способен выполнять уже и иные, иногда довольно сложные задачи экономического, социального, политического, военного и идеологического характера, причем с течением времени число этих задач все более увеличивается [38]. Этому многообразию функций, выполняемых протогородом в пределах возглавляемой им иерархии поселений, обычно соответствует и многообразие (гетерогенность) его населения. Оно намного сложнее, разнороднее по своему социальному, профессиональному и этническому составу, чем население любого, даже самого крупного квазигорода. Естественно, что чем больше сам протогород и чем более важное место занимает он в общей системе поселений того или иного района или государства, тем сложнее выполняемые им общественные функции и тем сложнее и разнообразнее состав его населения.

Как поселение с ярко выраженными признаками экономического, политического и идеологического центра определенного округа, района или даже целого государства протогород, несомненно, стоит в том же типологическом ряду, что и собственно город. Неудивительно, что их постоянно смешивают друг с другом, хотя в действительности они представляют собой две сильно различающиеся исторические категории. Даже в своих наиболее зрелых, можно сказать, классических формах, обладающих наиболее

---

[37] В их простейшей форме такого рода системы расселения засвидетельствованы, с одной стороны, археологически для Южного Двуречья и Туркмении (*Adams R. M., Nissen H. J.* The Uruk Countryside. The Natural Setting of Urban Societies. Chicago — London. 1972, p. 18; *Adams R. M.* Patterns of Urbanization in Early Southern Mesopotamia.— In: Man, Settlement and Urbanism, p. 742; История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. М., 1983, с. 107 слл.; *Массон.* Экономика..., с. 142 сл.), с другой — этнографически для некоторых районов тропической Африки (Община в Африке). Проблемы типологии. М., 1978, с. 232 слл.).

[38] Ср. *Trigger.* Op. cit., p. 579 ff.; *Массон.* Типология древних городов..., с. 6; *он же.* Формирование раннеклассового общества и вопросы типологии древних цивилизаций.— В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1980, с. 23 сл.

полным набором урбанистических признаков, протогород все же остается особым, еще достаточно архаичным типом поселения, не тождественным городу в самом точном значении этого слова. Важнейшая специфическая особенность протогорода, отличающая его от собственно города, заключается в том, что, несмотря на отмеченную выше гетерогенность его населения, его основную массу составляли, как правило, крестьяне-земледельцы, сохранявшие при переселении в город свои права членов поземельной общины и, что особенно важно, свою землю и основной род занятий — земледелие и скотоводство [39]. Таким образом, формально став «горожанином», крестьянин переносил в новую среду обитания свой хозяйственный и житейский уклад, подвергшийся лишь незначительным изменениям в результате неизбежного приспособления к этой среде.

Классическим примером таких крупных агломераций земледельческого населения могут служить так называемые «города» древнего Шумера, по крайней мере, в той их форме, в которой они возникли и существовали еще на заре истории Двуречья в IV—III тыс. до н. э. Как признают такие авторитетные исследователи шумерской цивилизации, как Франкфорт, Эдэмс, Оппенхейм [40], подавляющее большинство их обитателей было так или иначе занято в сфере сельскохозяйственного производства [41]. Сейчас довольно трудно понять, что заставляло древних земледельцев Южного Двуречья бросать насиженные места в каких-нибудь хуторах или деревушках и перебираться в огромные человеческие скопища типа Урука или Лагаша, жертвуя привычками и даже удобствами, связанными с нормальной сельской жизнью. Не исключено, что во многих случаях это переселение крестьян в так называемые «города» осуществлялось принудительно, не столько ради них самих, ради их удобств и житейских потребностей, сколько в интересах государства, стремившегося держать под своим контролем максимум рабочей силы, не давать ей распыляться в пространстве, а главное, не уступать ее (так же как и обрабатываемую ею землю) другим враждебным государствам. Создается впечатление, что только такого рода стимулы могли вызвать к жизни такие на первый взгляд противоестественно огромные скопления земледельческого населения, какими были «первые города» Шумера [42]. Вероятно, именно постоянная напряженность, существовавшая между расположенными в близком соседстве номовыми государствами, создавала в этой части Двуречья эффект, подобный действию двух электродов, погруженных в ванну с раствором, и стимулировала рост поселений протогородского типа. Напомним для сравнения, что

---

[39] Применительно к «ранним городам» эта особенность была отмечена уже Г. Чайлдом (The Urban Revolution, p. 11; *Чайлд Г.* Древний Восток в свете новых раскопок. М., 1956, с. 255; см. также *Berger*. Op. cit., S. 114).

[40] *Frankfort H.* The Birth of Civilization in the Near East. L., 1951, p. 57 f.; *Adams.* Patterns of Urbanisation..., p. 739, 743 f.; *Оппенхейм.* Ук. соч., с. 113 сл.

[41] К тому же мнению склоняется, судя по всему, и И. М. Дьяконов, который в своем очерке о Двуречье протописьменного периода берет в кавычки сам термин «город» (История древнего Востока, ч. I, с. 139).

[42] Такой крупный авторитет в области археологии Двуречья, как Р. Эдэмс, обращает внимание на «в сущности искусственный характер ранних месопотамских городов, по крайней мере, с социально-экономической точки зрения». По его словам, «это были своего рода сплавы, созданные специально для того, чтобы увеличить экономическое благосостояние, а также наступательную и оборонительную мощь очень небольшого политически сознательного верхнего слоя ... большая часть населения была привязана к городу только в различающихся степенях принуждения, была лишь косвенно затронута многими наиболее характерными городскими институтами и лишь с известным преувеличением может быть охарактеризована как существенно урбанизированная в своих взглядах на жизнь» (*Adams.* Patterns of Urbanization..., p. 743; см. также: История древнего Востока, ч. I, с. 139).

в Египте, где очень рано сложилось единое централизованное государство в масштабе целого речного бассейна, протогородские центры то ли так и не вышли из полуэмбрионального состояния, то ли, будучи лишенными достаточно четких контуров, заметно сливались с окружающей их сельской местностью [43].

Едва ли существенно иными были пути, по которым шел процесс градообразования также и в других частях древней ойкумены. Даже в государствах античного мира поселения протогородского типа, т. е. с преимущественно крестьянским населением, в течение достаточно долгого времени занимали доминирующее положение. Именно так можно понять известное высказывание К. Маркса в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» [44]: «История классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии». Так же и Ф. Энгельс называл республиканский Рим «крестьянским городом» [45]. Еще в сравнительно недавние исторические периоды «города» с преимущественно земледельческим населением, т. е. в сущности опять-таки протогорода, были известны в ряде районов Мезоамерики и Центральной Африки («города» майя и ацтеков, «города» йорубов и пр.) [46].

Все эти примеры достаточно ясно показывают, что где бы и в каких конкретных условиях ни возникал протогород, его основным конституирующим (градообразующим) элементом всегда оставалось крестьянство, организованное в поземельные и большесемейные общины [47]. Иначе говоря, тот тип поселения, который мы привыкли называть «ранним городом», в действительности представлял собой специфическую форму территориальной консолидации земледельческого населения. Такая консолидация или то, что греки называли «синойкизмом», могла происходить как спонтанно в силу внутренней потребности первичных сельских общин в политическом сплочении (чаще всего в целях совместной самозащиты), так и искусственно, под нажимом высшей государственной власти. Чаще всего (особенно на Востоке) основным ядром, вокруг которого формировался протогород, было наиболее почитаемое в данной местности святилище, что дает основание ряду авторов говорить об особой интегрирующей роли религиозных центров на начальных фазах процесса градообразования [48]. Однако как бы ни протекал и какие бы формы ни принимал сам этот процесс, в то время он еще не мог привести к четкому территориальному размежеванию двух основных групп производящего населения: наиболее многочисленной группы, занятой в сфере сельского хозяйства, и менее многочисленной группы, находящейся вне этой сферы. Следовательно, здесь не могла еще возникнуть сколько-нибудь ясно выраженная противоположность между городом и деревней. Оба эти типа поселения пока еще составляли единое целое, которое мы и называем «протогородом» [49].

---

[43] *Wilson J. A.* Civilization Without Cities.— In: City Invincible, p. 124 ff.; *Hawkes J., Wooley L.* History of Mankind. Cultural and Scientific Development. V. I. L., 1964, c. 417; *Hammond.* Op. cit., p. 76. Ср. *Kemp B. J.* Temple and Town in Ancient Egypt.— In: Man, Settlement and Urbanism; *Саваренская.* Ук. соч., с. 12 слл.

[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 470.

[45] Там же, т. 20, с. 164, 647.

[46] *Trigger.* Op. cit., p. 577; *Гуляев.* Ук. соч., с. 40 слл.; *Кочакова.* Ук. соч., с. 45 слл.; Община в Африке, с. 232 слл.

[47] *Массон.* Экономика ...., с. 142 сл.

[48] *Mumford.* Op. cit., p. 226, 230, 237; *Adams.* The Evolution of Urban Society, p. 121, 125 ff.; *Hammond.* Op. cit., p. 38; *Berger.* Op. cit., S. 128 f.; *Оппенхейм.* Ук. соч., с. 113 сл.

[49] Небольшие земледельческие поселки, деревни и хутора, составлявшие в совокупности то, что весьма условно может быть названо «сельской периферией» протого-

В связи с этим следует обратить внимание также и еще на одно немаловажное обстоятельство: в раннеклассовых обществах, с которыми обычно связывается весь комплекс представлений о так называемой «городской революции», процесс отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства, в которой основоположники марксистской исторической науки видели первооснову антагонизма города и деревни [50], протекал по большей части чрезвычайно замедленными темпами. Об этом свидетельствует целый ряд характерных фактов. В раннединастическом Шумере, так же как и в некоторых других государствах древней Передней Азии, даже высококвалифицированные ремесленники, занятые в храмовых и дворцовых хозяйствах, получали за свою работу земельные наделы и, следовательно, должны были в той или иной степени заниматься хлебопашеством, садоводством и т. п. видами сельского труда. Как справедливо заметил по этому поводу И. М. Дьяконов [51], «говоря о разделении труда между ремеслом и земледелием, не следует абсолютизировать понятие этого разделения». Добавим от себя, что такая абсолютизация тем более опасна, что основную массу ремесленного населения в древнейших классовых обществах, где бы они не возникали, составляли, по всей видимости, не специалисты высокой квалификации или full-time specialists, как называл их Г. Чайлд, а люди, занимавшиеся всевозможными домашними промыслами в перерывах между работой на полях или выпасом скота, т. е. в сущности полуремесленники-полукрестьяне [52]. Вся эта масса производителей была рассеяна по множеству сельских и домашних (большесемейных) общин и уже в силу своей зависимости от этих общин, а также и в силу привязанности к своим земельным наделам не имела возможности свободно передвигаться и скапливаться в тех или иных местах, если только такому перемещению не подверга-

рода, едва ли могут считаться его противовесом в социальном и экономическом планах. Скорее они были его, так сказать, продолжением и развитием, его хозяйственными «филиалами» или «аванпостами», вынесенными в зону непосредственной производительной деятельности основной массы его населения, или, иначе говоря, звеньями одного пространственного континуума. Не случайно в некоторых странах древнего мира четкая грань между так называемым «городом» и его сельской округой нередко отсутствовала. Одно здесь незаметно переходило в другое. Подвергнутая археологическому изучению, такая система расселения у одних исследователей вызывает впечатление почти полного отсутствия настоящих городских центров, у других же, напротив, впечатление огромных мегалополисов, протянувшихся на многие километры. Так воспринимаются некоторыми авторами, например, «столичные города» древнего Египта: Мемфис и Фивы (*Саваренская.* Ук. соч., с. 12, 18), церемониальные центры древних майя (*Гуляев.* Ук. соч., с. 54 слл.; ср. *Willey G. R.*— In: City Invincible, p. 44 f.— выступление в дискуссии по докладу Эдэмса). С другой стороны, некоторые шумерские «города», например Урук, поглощали в процессе своего становления все расположенные в непосредственной близости от них поселения сельского типа, образуя вокруг себя зону «свободной земли», простиравшуюся на 15 км от стен «города» (*Adams.* Patterns of Urbanization..., p. 739, 742 f.; *Adams, Nissen.* The Uruk Countryside, p. 17 ff.; *Redman.* Op. cit., p. 266 f.; *Дьяконов.* Проблемы вавилонского города..., с. 32).

[50] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 49 сл.; т. 21, с. 163.

[51] *Дьяконов И. М.* Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.— ВДИ, 1968, № 4, с. 9, прим. 39.

[52] Разграничить так называемое «домашнее» или «общинное ремесло» и ремесло специализированное, профессиональное как в синхроническом, так и в диахроническом планах — задача не менее трудная, чем проведение четкой демаркационной линии между первым городом и предшествующим ему не-городом. На чисто археологические трудности решения этой проблемы в свое время обратил внимание В. М. Массон (Становление ремесла в свете данных археологии.— В кн.: Домашние промыслы и ремесло. Л., 1970, с. 20). Как он указывал в другой своей работе (Ремесленное производство ..., с. 117), о настоящей специализации ремесленного производства и отделении его от сельского хозяйства можно говорить только применительно к периодам развитой и поздней бронзы, т. е. не ранее II тыс. до н. э. О длительном сосуществовании домашнего ремесла с ремеслом специализированным см. *Сайко.* Ук. соч., с. 69 сл.

лись сами общины, в состав которых входили ремесленники этой категории.

Что же касается сравнительно немногочисленных мастеров высокой квалификации, живших в основном за счет своей профессии, то они тоже были сильно ограничены в свободе передвижения, поскольку в подавляющем большинстве находились под контролем и в распоряжении дворцовой или храмовой администрации, которая, скорее всего, и определяла места для их поселения. При этом часть специалистов такого рода могла размещаться в самом дворце или храме или же где-то в непосредственной близости от него, другая же, возможно более многочисленная их часть, расселялась по окрестным городкам или деревням либо вперемежку с обитавшими там земледельцами, либо в особых «рабочих поселках». Такая система существовала, например, в Угарите, где состоявшие на царской службе специалисты, так сказать, высокого класса получали от дворца в условное держание земельные наделы и селились в тех общинах, где находилась выданная им земля. Так, литейщики меди и бронзы проживали в 12 различных селениях, разбросанных по территории Угаритского государства. В хурритской Аррапхе засвидетельствованы специализированные общины (*димту*) ткачей, гончаров, кузнецов, плотников, торговцев и даже писцов. Такие общины имели землю в коллективной собственности и вели на ней свое хозяйство. Число общин было ограничено: каждая специальность была представлена только одной общиной на всю страну [53]. Последнее обстоятельство свидетельствует, во-первых, об активном вмешательстве государства в спонтанный процесс развития ремесленной специализации, во-вторых же, о том, что на определенном этапе развития древневосточных и иных подобных им цивилизаций такая специализация отнюдь не обязательно имела своим следствием скопление ремесленников различных профессий в городских центрах [54].

Итак, мы видим, что в древнейших классовых обществах ремесленники отнюдь не были теми свободно блуждающими индивидами, из скоплений которых в более поздние времена, согласно общепринятым воззрениям, постепенно вырастали средневековые европейские города. Очевидно, должен был пройти немалый исторический срок, прежде чем ремесленная прослойка смогла, наконец, выдвинуться на первый план как более или менее самостоятельный и достаточно весомый благодаря своей численности и социальному престижу градообразующий элемент [55]. На ранних этапах урбанизации, падающих на IV—III тыс. до н. э., такая роль ей была еще

[53] *Янковская Н. Б.* Децентрализованный сектор экономики в Передней Азии: Дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук (рукопись). Л., 1981, л. 306 слл., 315, 321.

[54] *Trigger*. Op. cit., p. 583.

[55] Вряд ли можно согласиться с Э. В. Сайко (ук. соч., с. 17), которая, неодобрительно отзываясь об авторах, «акцентирующих внимание на слабости и низком уровне ремесла и торговли в период становления города», пытается парировать их доводы с помощью такого рассуждения: «Известно, что первые города очень часто мало чем отличались по своему виду, объему от деревни. Хозяйства древнейших городов носили полунатуральный характер. Ремесло не всегда занимало в нем по объему основное положение. Более того, сами ремесленники могли располагаться со своими лавками за пределами городов. Однако не объем развивающегося явления, а тенденция и возможность его развития являются определяющими». Но, рассуждая таким образом, можно прийти к выводу, что «первым городом» могла быть палеолитическая охотничья стоянка, так как уже и там были свои специалисты, скажем, по обработке кремня или кости и, следовательно, существовала тенденция к обособлению ремесла от всяких иных видов хозяйственной деятельности. Если сравнивать относительно вяло протекавший процесс ремесленной специализации по степени его воздействия на урбанизацию на наиболее ранних ее этапах с такими факторами, как развитие светской и духовной власти, развитие военного дела одновременно в его оборонительном и насту-

явно не под силу. Отдельные ремесленные мастерские, иногда даже целые их комплексы (так называемые «ремесленные кварталы»), открытые в некоторых достаточно древних поселениях Передней и Средней Азии, например, в Ярым-Тепе (Северный Ирак), Алтын-Депе (Южная Туркмения) и др., упоминания о различных ремесленных профессиях в древнейших клинописных текстах вряд ли могут существенно изменить эту картину, ибо даже и в тех местах, где уровень концентрации ремесленного производства был особенно высоким, сами ремесленники составляли лишь незначительное меньшинство в общей массе по преимуществу земледельческого населения «раннего города» [56].

Пожалуй, в еще меньшей степени могут претендовать на роль основного градообразующего элемента на ранних этапах урбанизации представители прослойки профессиональных торговцев. В древнейших государствах Двуречья они были преимущественно торговыми агентами крупнейших храмов или зависели от дворцовой администрации [57], причем упоминания о них встречаются лишь в довольно поздних письменных источниках. Во II тыс. до н. э. во многих городах Передней Азии появляются особые купеческие кварталы — *карум* [58]. Такие кварталы, однако, ни в коем случае не могут считаться структурным ядром древневосточного «города» хотя бы уже по той причине, что, как правило, они возникают намного позже самого «города» в качестве его своеобразных придатков. Нередко они находились вне черты городских стен, вблизи от пристани, где размещались склады товаров. В известном смысле это были самостоятельные социальные организмы, очень слабо связанные с городской общиной. Как указывает Н. Б. Янковская [59], «возникновение карума (при малоазиатских и сирийских городах.— *Ю. А.*) ничего не меняло в структуре местного города-государства».

Хорошо известно, какую большую роль играла в становлении средневекового европейского города рыночная торговля. Именно рынок был в ту пору тем интегрирующим, структурообразующим центром, который стягивал к себе первоначально разрозненных свободных ремесленников и торговцев, организуя их в новое социальное единство — город [60]. Однако формула свободного рыночного хозяйства едва ли способна дать вполне адекватное объяснение той экономической ситуации, которая может считаться более или менее характерной для протогородских поселений Передней Азии и сопредельных с нею районов древней ойкумены. В большинстве случаев, как уже было сказано, основным структурным ядром протогорода с самого момента его возникновения был храм, позже уступивший

пательном аспектах, то преимущество, несомненно, окажется на стороне этих последних (ср. статью: Город (б. а.).— СИЭ, т. 4, 1963, с. 546; *Саваренская.* Ук. соч., с. 7 сл.; *Гуляев.* Ук. соч., с. 40).

[56] Как справедливо указывает И. М. Дьяконов (История древнего Востока, ч. I, с. 129), «город в древности всегда был центром не только и даже не столько ремесла и торговли, сколько сельскохозяйственного производства». Также и В. М. Массон (Первые города...., с. 12; Типология древних городов ...., с. 7; Формирование раннеклассового общества ..., с. 25) считает, что «генетически наиболее древней» из всех функций «раннего города» была функция «центра земледельческой округи».

[57] *Дьяконов.* Проблемы экономики ..., с. 9; *Оппенгейм А. Л.* Торговля на Ближнем Востоке в древности. М., 1970, с. 12; *Дандамаев М. А.* Роль тамкара в Вавилонии II и I тыс. до н. э.— В кн.: Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1973, с. 65.

[58] *Оппенгейм.* Торговля..., с. 12; *Дьяконов.* Проблемы вавилонского города...., с. 50.

[59] *Янковская.* Ук. соч., л. 42.

[60] *Эппен.* Op. cit., S. 67, 300; *Пиренн А.* Средневековые города Бельгии. М., 1957, с. 178.

свое место дворцу или же выступавший в комбинации с ним как единый дворцово-храмовый комплекс [61]. Вместе с примыкавшими к нему домами жреческой знати и высших сановников государства храм или дворец образовывал внутри основного жилого массива протогорода какое-то подобие аристократического анклава или сеттльмента, занимающего обособленное положение среди домов рядовых общинников. Нередко эта обособленность еще более подчеркивалась посредством возведения особой внутренней стены, превращавшей дворец или храм вместе с группировавшимися вокруг него постройками в настоящую цитадель или город внутри города [62]. Именно здесь, в пределах этого анклава, по преимуществу концентрировалась правящая элита номового государства. Сюда же в кладовые и житницы дворцов и храмов стекалась основная масса производимого на его территории прибавочного продукта, обычно поступавшая в виде разного рода податей и повинностей, которыми было обложено окрестное земледельческое и ремесленное население. Здесь же значительная часть этого продукта подвергалась перераспределению или же поступала в обменный фонд для приобретения предметов чужеземного импорта [63].

В качестве так называемых «редистрибутивных центров» дворцы и храмы выполняли в древнейших классовых обществах Востока и Запада функции экономической интеграции, отчасти предвосхищающие рыночные функции позднейших городов [64]. В этом смысле дворцово-храмовый ком-

[61] Хронологическое соотношение храма или дворца с «ранним городом» остается одной из нерешенных урбаноархеологических проблем. Вероятно, в ряде случаев монументальные сооружения такого типа предшествовали протогороду в качестве изолированных ритуально-административных центров, которые существовали в окружении беспорядочно разбросанных по окрестностям земледельческих поселений. В некоторых регионах Старого и Нового Света (Египет, возможно, также Хеттское царство, древнее Перу, государства Майя) системы такого рода не были окончательно изжиты еще и в эпоху расцвета сложившихся здесь древнейших цивилизаций (кроме литературы, указанной в прим. 11; см. *Bray L. B.* Land-use, Settlement Patterns and Politic in Prehispanic Middle America: A Review.— In: Man, Settlement and Urbanism, p. 912 ff.; *Берёвкин Ю. Е.* Городские поселения древнего Перу.— В кн.: Древние города. Л., 1977, с. 17 сл.). Однако чаще дворцово-храмовый комплекс, по-видимому, возникал одновременно с протогородом в качестве его интегральной, жизненно важной части.

[62] *Mumford.* Op. cit., p. 233; *Оппенхейм.* Ук. соч., с. 133.

[63] Именно дворцово-храмовые комплексы древней Передней Азии и некоторых сопредельных с ней стран (Индия, ахейская Греция, Крит), на наш взгляд, более всего отвечают тому определению города, которое было сравнительно недавно предложено О. Г. Большаковым и В. А. Якобсоном (*Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи».— ВДИ, 1982, № 2, с. 3; *Большаков.* Ук. соч., с. 10; ср., впрочем, *Childe.* The Urban Revolution, p. 11 f.; *Sjoberg.* Op. cit., p. 55; *Berger.* Op. cit., S. 110; *Массон.* Алтын-Депе, с. 120). Согласно этому определению, город представляет собой «населенный пункт, основной функцией которого является концентрация и перераспределение прибавочного продукта». Но в поселениях протогородского типа обе эти функции выполнялись в основном храмом или дворцом. Основная масса населения протогорода, не принадлежавшая к этим двум, по выражению Л. Оппенхейма, «великим организациям», была затронута операциями этого рода лишь в минимальной степени. Ее основным уделом был, вне всякого сомнения, тяжелый физический труд на полях и в ремесленных мастерских. В другие исторические эпохи функции концентрации и перераспределения прибавочного продукта могли выполняться и социальными организациями, весьма далекими от города в собственном значении этого слова, например, феодальными поместьями, армиями во время завоевательных походов, акционерными обществами и т. д. Таким образом, и как универсальное определение города дефиниция Большакова и Якобсона представляется нам методологически не вполне корректной.

[64] *Polanyi K.* On the Comparative Treatment of Economic Institutions in Antiquity with Illustrations from Athens, Mycenae and Alalach.— In: City Invincible, p. 341 ff.; *Adams.* The Evolution of Urban Society, p. 121 ff.; *Renfrew.* Op. cit., p. 296; *Berger.* Op. cit., p. 127.

плекс может считаться воплощением и носителем собственно урбанистического начала в том сложном симбиозе элементов города и деревни, который был основой протогорода в любом из его вариантов. Тем не менее это урбанистическое начало проявлялось здесь в весьма специфических и архаичных формах. Подобно средневековому феодальному поместью или монастырю, дворцово-храмовый комплекс представлял собой в сущности всего лишь одно, хотя достаточно крупное и широко разветвленное хозяйство, паразитировавшее за счет зависимого от него производящего населения. В то время как экономика собственно городского типа всегда базируется на сложном взаимодействии множества самостоятельных хозяйственных единиц, как правило связанных между собой через посредство рынка, в экономической жизни протогорода рыночная торговля, судя по всему, могла играть лишь второстепенную роль, поскольку ее развитие сдерживалось контролем администрации и прямым вмешательством государства в процесс свободного обращения товаров. Как верно заметил В. М. Массон [65], весьма популярная среди западных исследователей «торговая модель» древневосточной урбанизации «в применении к столь ранним обществам является модернизацией и преувеличением», поскольку «так называемая торговля велась без всеобщего эквивалента и затрагивала лишь ограниченную сферу тогдашних производств, направленных на удовлетворение потребностей зажиточной верхушки общества, а иногда вообще ограничивалась транспортировкой сырья» [66].

То особое, практически близкое к монопольному положение, которое дворцово-храмовое хозяйство занимало в экономике почти всех известных нам древнейших классовых обществ, с течением времени неизбежно должно было привести к усилению изначально заложенных в нем паразитических тенденций в ущерб выполняемым им общественно полезным функциям интегрирующего характера. Таким образом, дворец или храм постепенно превращался в помеху на пути дальнейшего углубления процесса урбанизации, и перерастание протогорода в настоящий город оказывалось возможным лишь там, где удавалось тем или иным способом ограничить всевластие государственного экономического сектора (такая ситуация сложилась в ряде государств Передней Азии во II—I тыс. до н. э.) [67], либо там, где этот сектор с самого начала по тем или иным причинам не смог сформироваться, как это было в странах античного мира.

Настоящее обособление города от деревни, т. е. более или менее четкое территориальное размежевание двух основных демографических категорий: населения, постоянно занятого в сфере сельскохозяйственного производства, и населения, стоящего в силу тех или иных причин вне этой сферы, может быть реализовано лишь в условиях вполне развитого, оконча-

[65] *Массон.* Алтын-Депе, с. 114.

[66] Можно, вероятно, согласиться с Л. Мамфордом в том, что в древности «рынок был побочным продуктом» концентрации населения в «городах», а не наоборот: «именно притягательная сила города приводит сюда торговца, который отнюдь не может считаться создателем города» (*Mumford.* Op. cit., p. 236); см. также *Hammond.* Op. cit., p. 40 f.; *Berger.* Op. cit., S. 118, 126; *Дьяконов.* Проблемы экономики..., с. 21; *Янковская Н. Б.* Частный кредит в торговле древней Западной Азии III—II тыс. до н. э.— В кн.: Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973, с. 20. Даже авторы, оспаривающие известный тезис К. Поляни о преобладании «безрыночной торговли» в очагах древнейших цивилизаций Старого Света, признают известную недоразвитость и вторичность рыночного обмена в общей системе сложившихся здесь экономических отношений (*Gledhill and Larsen M.* The Polanyi Paradigm and a Dynamic Analysis of Archaic States.— In: Theory and explanation in archaeology. N. Y. etc., 1982, p. 204).

[67] *Дьяконов.* Проблемы экономики ..., с. 21.

тельно порвавшего с традициями родового строя классового общества. В таком обществе свободное или полусвободное крестьянство как особый класс либо вообще исчезает, либо сильно сокращается в численности. Значительная его часть подвергается интенсивной социальной эрозии и деградирует, превращаясь либо в подневольных сельских работников, лишенных собственности, т. е. в рабов или прикрепленных к земле арендаторов, либо в сельский и городской пролетариат. Подневольные сельские работники, как правило, не живут в городе, поскольку все они так или иначе привязаны к земле, которую они обрабатывают. Вероятно, именно по этой причине доля земледельцев в составе городского населения резко сокращается или даже совсем сходит на нет, как это было, по всей видимости, в эллинистических государствах и еще позже в Римской империи. Подавляющее большинство городских жителей теперь составляют люди, не принимающие непосредственного участия в сельскохозяйственном производстве, несмотря на то, что многие из них вплоть до самого конца античной эпохи владели землей и жили за счет получаемой ими в различных видах земельной ренты. Так в самом общем виде можно представить превращение протогорода в собственно город, хотя конкретные пути и формы этой трансформации, несомненно, должны стать предметом специальных эмпирических исследований историков и археологов.

LES FORMES PRÉCOCES DE L'URBANISATION

Ju. V. Andrejev

L'antithèse familière «ville : campagne» ne permet pas d'interprétation adéquate de la dynamique complexe de l'urbanisation à ses premières étapes, lesquelles ont coïncidé, dans les foyers les plus anciens de la civilisation, avec l'âge du bronze, voire partiellement avec le néolithique. L'idée traditionnelle d'une métamorphose graduelle de la campagne en ville sous l'effet de l'ainsi-dite «révolution urbaine» apparaît aujourd'hui comme dépassée, grossièrement simpliste, inadéquate à la suite réelle des événements. Il est plus logique de supposer que la ville a connu une évolution très prolongée avant de devenir ville non seulement de nom, mais aussi de fait. Au cours de cette évolution, qui a duré plusieurs millénaires, il a inévitablement dû apparaître de nombreuses formes intermédiaires ou hybrides d'agglomérations combinant des caractères urbains et des caractères dialectiquement opposés, c'est-à-dire non-urbains.

A l'heure actuelle on peut parler de deux formes hybrides d'agglomérations, bien qu'une étude plus poussée du problème puisse en accroître le nombre. Nous proposons de les désigner sous les noms conventionnels de «quasi-ville» et «protoville». Par quasi-ville nous entendons une agglomération ne possédant que certains des caractères extérieurs d'une localité de type urbain, par exemple une enceinte, des habitats à disposition compacte, des maisons de pierre, parfois à un ou deux étages, des éléments de planification régulière, mais qui ne remplit pratiquement aucune des fonctions propres à une vraie ville et qui n'est en réalité qu'une agglomération rurale présentant une ressemblance morphologique avec la ville. La protoville est une catégorie historique d'un ordre plus élevé, beaucoup plus proche de la ville proprement dite, mais qui ne lui est pas totalement identique. La protoville remplit généralement nombre de fonctions de la ville proprement dite, avant tout celle de centre: économique, politique, religieux, militaire etc. Mais une partie considérable de sa population est constituée par des personnes travaillant directement dans la production agricole.

La séparation entre la ville et la campagne n'est effective qu'en société de classe pleinement constituée qui a définitivement rompu ses attaches avec les traditions de la société clanale primitive, où la paysannerie libre ou à demi libre soit disparaît totalement en tant que classe, soit diminue très fort numériquement, comme ce fut le cas apparemment dans les Etats hellénistiques et, encore plus tard, dans l'Empire romain. C'est alors que prend fin l'urbanisation des pays de l'Antiquité.

Ю. Б. Юсифов

РАННИЕ КОНТАКТЫ МЕСОПОТАМИИ С СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫМИ СТРАНАМИ

(Приурмийская зона)

Месопотамия была не только родиной древнейшей переднеазиатской цивилизации, но и родиной первых письменных свидетельств о ее соседях. Соседние народы находились в политическом и экономическом контакте с жителями Месопотамии уже в раннединастический период (XXVIII—XXIV вв. до н. э.); связи эти усилились в период существования шумеро-аккадских государств (XXIV—XX вв. до н. э.). Вместе с тем следует отметить, что ранняя история соседних с Месопотамией стран отражена в шумеро-аккадских письменных источниках весьма скудно, к тому же сведения о контактах населения Месопотамии, в частности с северо-восточными, да и другими соседями имеют крайне отрывочный характер. Ранняя географическая номенклатура вне пределов Месопотамии не всегда поддается точной локализации. Более или менее успешно обстоит дело с определением регионов обитания лишь тех этнических групп, названия которых повторяются в письменных источниках последующего периода.

Достоверные сведения о контактах с северо-восточными странами содержатся в письменных источниках второй половины III тыс. до н. э. Судя по этим источникам, в северо-восточном направлении обитали племена кутиев, луллубеев и су. По-видимому, следует отличать собственно страну кутиев, луллубеев и су от регионов, где происходил их политический контакт с Месопотамией. Общее состояние ранних и поздних письменных источников позволяет заключить, что названные выше племена обитали северо-восточнее Месопотамии на обширной территории, охватывавшей также бассейн Урмийского озера, т. е. земли Иранского Азербайджана [1]. Возможно, что часть этих племен была расселена в Восточном

[1] Точные границы регионов обитания кутиев, луллубеев, а также народа су установить трудно. Исходя из места находки памятников луллубейского царя Анубанини и Нарам-Суэна, страну луллубеев локализовали в регионе долины Шеризор, в зоне совр. Сулеймании, вплоть до зоны совр. Зохаба на юго-востоке, а кутиев помещали севернее луллубеев (*Billerbeck A.* Das Sandschak Suleimania. Lpz, 1898, S. 7—8, 10—11, 16, 80; *Speiser E. A.* Mesopotamian Origins. Philadelphia—London, 1930, p. 88—89; *Cameron G. G.* History of Early Iran. Chicago, 1936, p. 40—41. Ср. также Fischer Weltgeschichte. B. 2. Frankfurt am Mein, 1965, S. 125—186; *Klengel H.* Lullubum. Ein Beitrag zur Geschichte der altvorderasiatischen Gebirgsvölker.— MIO, 1966, B. XI, H. 3, S. 350; *Kammenhuber A.* Historisch-geographische Nachrichten aus der althurrischen Überlieferung, dem Altelamischen und den Inschriften der Könige von Akkad

Закавказье, но южные пределы их расселения находились на близких подступах к Месопотамии.

Шумеры имели некоторые представления о землях, простиравшихся от Армянского нагорья на севере до Персидского залива на юге и от Иранского нагорья на востоке до Средиземного моря на западе [2]. В первой половине III тыс. до н. э. им были знакомы страны Субир (акк. Субарту) на севере и Элам (шум. Ним, акк. Эламту) на востоке, с которыми шумерские цари вели войны. Судя по эпическим сказаниям, шумеры поддерживали более или менее мирные отношения также со страной Аратта. Эпические сказания, в которых встречается название этой страны, составлены в начале II тыс. до н. э., но отражают события начала III тыс. до н. э.[3] Местоположение страны Аратта до сих пор точно не установлено. Судя по поэме «Энмеркар и правитель Аратты» [4], шумеры получали оттуда различные драгоценные металлы, минералы, в том числе лазурит, строительный камень, взамен поставляя зерно. Все это предполагает сравнительно близкое расположение Аратты от Двуречья. В связи с тем, что в эпосе упоминается лазурит, были сделаны попытки локализовать Аратту в районе известнейшего месторождения этого минерала, т. е. в совр. Афганистане [5]. В эпосе упоминаются город Сузы и горы Аншана, перевалив через которые герои достигали страны Аратта. Поскольку Аншан, область Элама, ныне локализуется на равнине Телли Малиян севернее Шираза [6], то и страну Аратта помещали в зоне Кермана и Фарса [7]. С. Н. Крамер первоначально локализовал эту страну на территории совр.

---

für die Zeit vor dem Einfall der Gutäer (ca. 2200—2136).— AAASH, 1974, t. XXIII, fasc. 1—4, S. 168 f., 234 ff., 242; *Beec M. A.* Atlas of Mesopotamia. Amsterdam, 1962, p. 76, 156 f., map. 10). Однако зона Сулеймании-Зохаба и территории к северу от нее были южными окраинами страны луллубеев и кутиев. Кутиев и луллубеев помещали также в зоне Урмийского озера, на территории совр. Иранского Азербайджана и Курдистана (см. *Меликишвили Г. А.* Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, с. 118—119; *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.— Л., 1956, с. 101, 104; АВИИУ, I, прим. 4, 5, с. 265; *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960. с. 40, 64; прим. 8, 67, 82; *Юсифов Ю. Б.* О языках древнейших насельников Азербайджана.— ВАФ, Баку, 1983, с. 63; 68—69). Судя по сведениям ассирийских источников, глубинные территории этих племен простирались до юга и юго-востока (луллубеи), запада (кутии) и юга, юго-запада, (su/suwbi < sum-bi) Урмийского озера.

[2] *Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. М., 1965, с. 253.

[3] Там же, с. 32 сл.; *Канева И. Т.* Шумерский героический эпос.—ВДИ, 1964, № 3, с. 246 сл.; *Белицкий М.* Забытый мир шумеров. М., 1980, с. 81 сл.

[4] *Kramer S. N.* Enmerkar and the Lord of Aratta. Philadelphia, 1952, p. 3 f.; *idem.* The Sumerians. Chicago, 1963, p. 270, 274.

[5] *Сарианиди В. И.* О Великом лазуритовом пути на древнем Востоке.— КСИА, 1969, вып. 114, с. 5; *он же.* Бактрия сквозь мглу веков. М., 1984, с. 86 сл.; *Sarianidi V. I.* The Lapis Lazuli Route in the Ancient East.— Archaeology, 1974, v. 24, № 1, p. 12—15; *Hansman J. F.* Elamites, Achaemenians and Anshan.— Iran, 1972, 10, p. 118, not. 97; *idem.* The Question of Aratta.— JNES, 1978, v. 37, № 4, p. 336.

[6] *Hansman.* Elamites..., p. 101—125; *Reiner E.* The Location of Ansan.— Iran, 1972, 10, p. 210; *idem.* Tall-i Malyan. Ephigraphic Finds. 1971—1972.— Iran, 1974, 12, p. 176.

[7] *Majidzadeh J.* The Land of Aratta.— JNES, 1976, v. 36, № 2, p. 105—107, 111 f. Исходя из того, что в эпосе упоминаются Аншан и Сузы, ряд авторов помещал Аратту в Центральном Иране (см. *Массон В. М., Ромодин В. Ф.* История Афганистана. М., 1964, с. 35; *Массон В. М.* Средняя Азия и древний Восток. М.— Л., 1964, с. 233, 435), в горах восточнее Элама (см. *Канева.* Ук. соч., с. 247) или же где-то в верховьях реки Дияла в зоне Сенендеджа и Керманшаха (*Gordon E. J.* The Meaning of the Ideogram ^{d}KASKAL.KUR — «Underground Water-course» and Its Significance for Bronze Age Historical Geography.— JCS, 1967, 21, p. 72, not. 9).

Луристана [8], а затем в Северном Иране, в зоне Каспийского моря и Урмийского озера [9].

К сожалению, приведенные выше гипотезы относительно локализации Аратты не имеют достаточно весомой аргументации. Археологические материалы (прежде всего изделия из лазурита) позволяют в лучшем случае установить маршруты торговых путей, ведущих из Месопотамии на восток. Поскольку эпические сказания шумеров также не позволяют определить местонахождение Араттy [10], в вопросе о ее локализации следует отдать предпочтение письменным историческим свидетельствам. Такие свидетельства о стране Аратта имеются в поздних надписях. Так, в надписи Саргона II (721—705 гг. до н. э.) упоминается ^{nar}A-rat-ta-a «река Араттая», протекавшая в зоне «Семи гор», за которыми начинались Маннейские области [11]. Примечательно, что и реки Араттая и Аратта шумерского эпоса находились за «семью горами». То, что область южнее Урмийского озера была известна как горная страна, подтверждается урартскими надписями Аргишти I (781—760). В его надписи повествуется о захвате ^{KUR}A-la-tè-i-e^{KUR} ba-ba-a-ni «Алатейе, страны горной» в Манне южнее Урмийского озера [12]. Поскольку Алатейе по названию и местоположению соответствует стране «реки Араттая» надписи Саргона II, то оба обозначения на наш взгляд можно принять за диалектные варианты. Судя по урартской надписи, слово Алатейе имело значение «гора, горная страна» [13]. В поздних шумеро-аккадских школьных силлабариях Аратта/Арату засвидетельствована в значении «гора» [14]. Таким образом, мы полагаем, что слово со значением «гора» легло в основу образования названия страны Аратта/Алатейе, что характерно для алтайской географи-

---

[8] *Kramer.* Enmerkar..., p. 3. Ср. *Белицкий.* Ук. соч., с. 81, 91.

[9] *Kramer.* The Sumerians, p. 37, 42, 267; *idem.* The Sumerians.— Scientific American, 1957, Oct., p. 72—73, Мар. Г. Герман в связи с установлением лазуритового пути помещал Аратту где-то на юге или юго-востоке Каспийского моря (*Herrmann G.* Lapis Lazuli: The Early Phases of Its Trade.— Iraq, 1968, 30, p. 54).

[10] *Sauren H.* Der Weg nach Aratta.— AAASH, 1974, XXII, fasc. 1—4, S. 143.

[11] *Thureau-Dangin F.* Une relation de la Huitième Campagne de Sargon (714 av. J.-C.). P., 1912, col. 1, 30, S. 8.

[12] *Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи. М., 1960, № 127, IV, стк. 57, с. 223—224; № 128, B2, стк. 28, с. 238 сл.

[13] *Юсифов Ю. Б.* О некоторых компонентах неизвестного происхождения.— В кн.: V Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов. Тбилиси, 1971, с. 118.

[14] Textes scolaires du Temple de *nabû sa Harê*. V. I. Baghdad, 1981, p. 112 f. Под рубрикой шумерских слов приведены, в частности, kur, hursag и a-rat-tu-u (варианты a-rat-ú, a-ru-tú-u), каждое из которых соответствует аккадскому слову šadû «гора». Слова hursag и a-rat-tu-u нешумерского происхождения. Последнее, видимо, заимствовано из языка населения Аратты. Согласно К. Кесслеру (Textes scolaires..., p. 113), соответствующее слово восходит к географическому названию Аратта. В средневековых источниках область между Азербайджаном, Хорасаном и Ираком называлась Кухистан (перс. Kūhistan) — «горная страна» и ал-Джибал (араб. мн. ч. от jabal «гора») — «горы» (см. *Ал-Бакуви.* Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могучего. Пер. Буниятова З. М. М., 1971, с. 68). Южные и юго-восточные районы Азербайджана также входили в состав горной области ал-Джибал (там же, с. 73—75, 78). Таким образом, традиция обозначения определенного региона на территории древнего Азербайджана и областей южнее и юго-восточнее от него как горной страны восходит к III тыс. до н. э. Вместе с тем можно допустить, что географическое понятие Аратта/Алатейе охватывало более обширную горную зону, чем только юг и юго-восток Урмийского озера. Письменные источники того времени свидетельствуют только о передних по отношению к Месопотамии рубежах Аратты/Алатейе. Мы полагаем, что границы Аратты доходили до верховьев Диялы и озера Зерибор на юге и реки Зенджан-руд на юго-востоке.

ческой номенклатуры [15]. Приведенные данные позволяют локализовать страну Аратта шумерских эпических сказаний в районе реки Араттая надписи Саргона II и горной страны Алатейе урартских надписей, т. е. на территории южнее и юго-восточнее Урмийского озера. Эта зона была луллубейской территорией, входившей впоследствии в состав Манны. Видимо, этноним луллубеи обозначал население Аратты. Таким образом, Аратта была не мифической, но действительно существовавшей горной страной. По всей вероятности зона, в которой располагалась страна Аратта, еще в древности славилась своими полезными ископаемыми и минералами. Из упомянутого выше шумерского эпического сказания явствует, что люди Аратты — Приурмийской страны занимались добычей и обработкой золота, серебра, свинца, поделочных камней, в том числе лазурита. Поздние источники также подтверждают, что в зоне Урмийского озера добывались драгоценные металлы, минералы, строительные камни и лазурит [16]. Эти материалы и изделия из них были предметами обмена

[15] Ср. тюрк. Алатау, Алатоо, Алатаа, Алтай, Аладаг, Алагеоз/Арагац. Оронимы Аратта с вариантами и Алатейе, засвидетельствованные на территории древнего Азербайджана, наталкивают нас на следующие суждения. Мы предполагаем, что название Aratta (A-rat-ta-a, a-rat-tu-u, a-rat-ú, a-ru-tú-u)/A-la-tè-i-e сложилось из сочетания двух однозначных слов: ara/ala и ta/tu/teie (от tai или taia). Обе части слова явно имеют значение «гора», «возвышенность». Различие между ara/ala — графическое или диалектное (например, ср. Ararat/alarodi, Aragac/Alageoz), и оно в соответствующих сочетаниях представлено в оронимах и гидронимах. Можно было бы допустить, что ara/ala является древнейшей индоевропейской формой, заимствованной алтайским этносом (об индоевропейско-алтайских языковых контактах см. фундаментальную работу: *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984, с. 938 сл.), но этимологизация названия Аратта как «вода», «река» (там же, с. 1325) противоречит вышеприведенным письменным свидетельствам. Однако слово ala как компонент оронима сохранилось лишь в тюркских языках. Первоначально оно имело, вероятно, значение либо «гора», «возвышенность» (ср. монг. ola «гора»), либо — «высокий, большой» (см. *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984, с. 47; ср. *Мамедов Н. Х.* Значение данных талышского языка в изучении азербайджанского языка дописьменного периода.— Советская тюркология, 1984, № 6, с. 21—22). Формы ta/tu/teie, учитывая современные обозначения горы у тюркских и других народов алтайской семьи языков (tau, ta, tu, too, tai, täv, da, tag/dag; ср. *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 28 сл., 99 сл.; *Мурзаев* Ук. соч., с. 44—47), на наш взгляд, относятся к периоду алтайской и пратюркской языковой общности. Мы полагаем, что эти факты открывают новую перспективу в изучении топонимики, отраженной в клинописи, и позволяют поставить вопрос о присутствии алтайско-пратюркских этносов в Приурмийской зоне (а может быть, и в более обширном ареале) уже в III—I тыс. до н. э.

[16] Возможно, что Приурмийская зона играла также роль перевалочного пункта привозимого с востока лазурита. Судя по надписи Ашшурназирпала (884—859 гг. до н. э.), цари Замуа — луллубейской территории, входившей в регион Аратты, были обложены данью, состоявшей из золота, серебра, свинца, меди, медных сосудов, раскрашенных одежд и скота (*Luckenbill D. D.* Ancient Records of Assyria and Babylonia. V. I. N. Y., 1968, p. 153, § 457). По свидетельству средневековых авторов, в Азербайджане, в зоне Урмийского озера, добывали золото, серебро, свинец, ртуть, охру, мышьяк, минеральные краски, соль, аметист, строительный камень, мрамор (*Minorsky V.* Abu Dulaf. Cairo, 1955, § 183a, b, 184a, b, 185a; Вторая записка Абу Дулафа. Пер. Булгакова П. Г., Халидова А. Б. М., 1960, § 183а, б, 184а, б, 185а; Ибн Хаукаль, 247—248 (BGA, II). Ср. *Велиханлы Н. М.* Арабские географы-путешественники IX—XII вв. об Азербайджане. Баку, 1974 (на азерб. яз.), с. 77—78, 81, 112 сл.). Есть также сведения о добыче лазурита в Азербайджане (*Hamdallah Mostawfi of Kazvin.* The Geographical Part of the Nuzhat-al-Qulub. Trans. Le Strange G. Cambr., 1905, p. 195, 197; *Ал-Бакуви.* Ук. соч., с. 62, 72; Источники по истории Азербайджана. Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-Кулуб. Пер. Буниятова З. М., Петрушевского И. П. Баку, 1983, с. 58). Э. А. Грантовский в докладе «Бактрия и Ассирия (в связи с проблемой древнебактрийского «царства») (см. «Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов». М., 1983, с. 28) со ссылкой на Хамдаллаха Казвини отмечает, что кроме Бадахшана лазурит добывался также в копях Мазандарана, Кирмана и Азер-

и вывозились, в частности, в Двуречье в обмен на зерно. Страной управлял правитель (*эн*). Земледелие в жизни населения Аратты играло побочную роль, основным занятием было, видимо, ремесленное производство, главным образом связанное с обработкой металлов и минералов. Можно также предполагать, что различные металлы, минералы (лазурит) в раннединастический период доставлялись в Двуречье также из стран, расположенных к востоку и северо-востоку от Урмийского озера. Поэтому эта область уже в ранний период должна была стать объектом экспансии царей древних государств Месопотамии. Вероятно, отраженная в шумеро-аккадских надписях неотождествленная географическая номенклатура могла включать в себя также северо-восточные страны. В этом аспекте представляет интерес надпись царя Уммы Лугальзагеси, согласно которой бог Энлиль проложил ему путь от Нижнего моря по Тигру и Евфрату до Верхнего моря [17]. Локализация Верхнего моря в текстах шумерского и раннеаккадского периодов спорна [18]. Учитывая, что шумеры имели ранние торговые отношения со страной Аратта, нам представляется правомерной постановка вопроса об отождествлении Верхнего моря также и с Урмийским озером.

Несколько более явственно политические взаимоотношения жителей Месопотамии с северными и северо-восточными странами проступают начиная с Аккадской династии (XXIV—XXII вв. до н. э.). В правление Саргона Аккадского (2316—2261 гг. до н. э.) была одержана победа над воинственными восточными соседями — эламитами, прежде неоднократно

байджана, и ставит под сомнение бадахшанское происхождение лазурита, упоминаемого в восточных текстах. По-видимому, из Северной Мидии происходит недатированный фрагмент текста (HABL, № 1240, ср. *Waterman L.* Royal correspondence of the Assyrian Empire. N. Y.— L., 1972, p. 362—363, ср. АВИИУ, 50, 41Ж, с. 355 сл.), сообщающий об отправке лазурита в Ассирию, вероятно, из лазуритовых копей Азербайджана (см. *Буниятов З. М.* Государство Атабеков Азербайджана. Баку, 1978, с. 209 сл.).

[17] *Thureau-Dangin F.* Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften. Lpz, 1907, S. 154. В. А. Якобсон (Представление о государстве в древней Месопотамии.— В сб.: Древний Восток. III. Ереван, 1978, с. 60) полагает, что в надписи речь идет об установлении свободного передвижения вплоть до Верхнего моря.

[18] И. М. Дьяконов (см. ОГСДШ, с. 199) принимает «Верхнее море» за Средиземное. См. также CAD, elû; AHW, elû(II), где также отмечается, что под «Верхним морем» чаще всего подразумевается Средиземное море. Имеется также предположение, что понятия «Верхнее» и «Нижнее» море в надписи Лугальзагеси появились в результате поздней, старовавилонской редакции и что в обоих случаях подразумевали Персидский залив со стороны Шумера и Элама (*Kammenhuber.* Op. cit., S. 216 f.). Однако такое толкование противоречит содержанию надписи, в которой говорится о признании Лугальзагеси странами «от восхода солнца до захода солнца» и о преклонении перед ним «всех вождей Шумера и *энси* всех чужих стран» (см. *Kramer.* The Sumerians, p. 323). По-видимому, номинальная власть Лугальзагеси признавалась за пределами Шумера вплоть до Верхнего моря, т. е., как мы допускаем, до района Урмийского озера. На правомерность такого предположения указывает и то обстоятельство, что шумеры еще в первой половине III тыс. до н. э. были знакомы с этим регионом, куда отправлялся царь Урука Энмеркар для завоевания страны Аратта (*Kramer.* The Sumerians, p. 275). Учитывая наличие контактов между шумерами и горными племенами Загроса, в частности, со страной Аратта, можно допустить, что жители Месопотамии уже в раннюю пору имели определенное представление об Урмийском озере. Месопотамия не была замкнутой страной. Ранняя месопотамская культура была представлена на обширной территории. Элементы убейдской культуры были обнаружены также в Азербайджане (см. *Массон.* Ук. соч., с. 416; *Нариманов И. Г.* Обейдские племена Месопотамии в Азербайджане.— В кн.: Всесоюзная археологическая конференция. Тезисы докладов. Баку, 1985, с. 271 сл.).

вторгавшимися в Двуречье [19]. Предполагают, что после похода в северные области Элама Саргон завоевал страны Кутиум и Луллубум [20]. К сожалению, надписи, составленные в период правления Саргона, не содержат прямых сведений о его походе в названные страны. Завоевания Саргона могли коснуться северо-восточных стран и во время других его походов. Согласно старовавилонским копиям его надписей, Саргону досталась огромная территория «от Верхнего моря до Нижнего моря» [21]. Если в Верхнем море, как мы предлагаем, видеть Урмийское озеро [22], то эти сведения можно воспринимать как косвенные указания на поход в северо-восточном направлении. На это направление его похода может указывать также датировочная формула «годом, когда Саргон на Симуррум пошел» [23]. Страна Симуррум была расположена на северо-востоке, в предгорьях Загроса на реке Малый Заб [24]. Во время этих походов Саргон должен был соприкоснуться также с луллубеями и другими племенами. Возможно, что такие географические названия, как «Верхняя страна», «Горы благородных металлов», упомянутые в надписях Саргона [25], могли также подразумевать северо-восточные страны, включая и Приурмийские области, где обитали кутии, луллубеи ису[26].

В поздних надписях упоминаются походы Саргона против северных племен, в частности против страны Субарту [27], которая была расположена в Северной Месопотамии, начиная от гор Загроса до рек Хабур и Балих и далее на запад [28]. Саргон покорил Субарту и захваченную добычу от-

---

[19] *Poebel A.* Historical Textes. Philadelphia, 1914, p. 185—189; *Legrain L.* Royal Inscriptions and Fragments from Nippur and Babylon. Philadelphia, 1926, p. 13—18 *Hirsch H.* Die Inschriften der Könige von Agade.— AfO, 1963, XX, S. 36, 46—47, 51—52. Саргон захватил в плен Санамсимута, *энси* Барахси, Сидгау, управителя Барахси, Луххишана, царя Элама и других, вывез большую добычу из Авана, Суз и прочих городов.

[20] *Cameron.* Op. cit., p. 29.

[21] *Hirsch.* Op. cit., S. 3—4, 36, 48. В надписи речь идет о том, что «Энлиль дал ему Верхнее море и Нижнее море». Лугальзагеси также получает от Энлиля власть над странами Восхода и Захода солнца. Географический ареал в обоих случаях, по-видимому, должен быть одинаковым.

[22] А. Камменхубер (op. cit., S. 216, 236, 246) допускает, что начиная с правления Нарам-Суэна под названием «Верхнее море» понималось Урмийское озеро.

[23] *Hirsch.* Op. cit., S. 5.

[24] Симуррум отождествляют с совр. Алтын Кепрю (*Sayce A. H.* The New Babylonian Chronological Tablets.— PSBA, 1899, XXI, p. 20; *Cameron.* Op. cit., p. 33; *Дьяконов.* История Мидии, с. 101, 117). Э. Вайднер (AfO, 1945—1951, 15, S. 75 f.) его локализует в зоне Джебел Хамрина у реки Адем.

[25] Упомянутые в надписи страны Мари, Ярмути, Эбла были расположены на Евфрате и его притоках. Под «горами благородных металлов» подразумевались, вероятно, страны на востоке и северо-востоке от Тигра — Иран (*Kammenhuber.* Op. cit., S. 217, 230) и Кавказ (*Белицкий.* Ук. соч., с. 90—91), откуда привозили металл. Под страной «благородных металлов» подразумевались также территории на восток от Тигра, в частности Элам, который в аккадское время был поставщиком таких строительных материалов, как дерево, камень, металл (*Kammenhuber.* Op. cit., S. 217, 247).

[26] Территория Азербайджана, по свидетельствам средневековых источников (ср. прим. 16) также изобиловала различными металлами и минералами. Понятие «горы благородных металлов» абстрактно и не приложимо к какой-либо определенной стране. Однако на наш взгляд ясно, что здесь оно подразумевало близлежащие к Месопотамии горные страны, в том числе и Аратту.

[27] *Hirsch.* Op. cit., S. 5.

[28] Fischer Weltgeschichte. B. 2, S. 103; *Меликишвили.* Наири-Урарту, с. 100; *Дьяконов.* История Мидии, с. 60; *он же.* Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 116.

правил в Аккад [29]. Население Субарту в этническом и языковом отношении было неоднородным [30]. Выступали ли вместе с субареями против Саргона их восточные соседи, в частности кутии и су, сказать определенно невозможно. Даже в поздних надписях столкновения Саргона с кутиями и су не получили конкретного отражения. Зато луллубейская тематика занимала определенное место в устной и письменной традиции шумеров и аккадцев [31]. В поздних надписях и гимнах, описывающих царство Саргона [32], отражено более или менее близкое знакомство со страной луллубеев. Экспансия Саргона в районы Верхнего моря, Верхних стран и Гор благородных металлов должна была коснуться также страны кутиев, луллубеев и су.

Начиная с правления аккадского царя Нарам-Суэна (2236—2200 гг. до н. э.) география покоренных стран на севере и северо-востоке становится более или менее отчетливой. В старовавилонской копии надписи этого царя говорится о завоевании Элама и Субарту вплоть до Кедровых лесов на западе и получении им дани от правителей (*энси*) Субарту и «владык (*белу*) горных стран» [33]. В копии другой надписи Нарам-Суэн именуется «владыкой Верхнего моря», а также страны Кедрового леса, Эблы, Амана и Армана [34]. Арман был расположен восточнее Тигра (на юго-запад от Сулеймании, между Диялой и Адемом), а остальные страны — западнее Евфрата и в Северной Сирии [35]. Поскольку западные страны отмечены в надписи поименно, то под Верхним морем здесь совершенно явно подразумевается Урмийское озеро [36]. Поскольку в надписях Нарам-Суэна конкретно называются страны запада (Кедровый лес, Аман), востока (Элам до Барахси) и севера (Субарту), то собирательное обозначение «владыки горных стран» должно относиться к мелким правителям северо-восточных регионов, в том числе к царькам кутиев, луллубеев и су. После походов против «владык горных стран» и стран Верхнего моря Нарам-Суэн должен был войти в прямой контакт с обитателями Загроса вплоть до бассейна Урмийского моря, в частности с жителями стран Кутиум и Луллубум,

---

[29] В позднеассирийской и нововавилонской хрониках также говорится о походе Саргона в Субарту *для подавления восстания*. *После подавления восстания* Саргон отправляет в Аккад добычу и военнопленных (*King L. W.* Chronicles Concerning Early Babylonian Kings. L., 1907, p. 25; *Ungnad A.* Subartu. B.— Lpz, 1936, p. 42 f.; *Gelb J.* Hurrians and Subarians. Chicago, 1944, p. 34).

[30] Ср. *Дьяконов.* Языки древней Передней Азии, с. 116.

[31] В шумерских эпических сказаниях о Лугальбанде, предшественнике Гильгамеша (XXVIII в. до н. э.), и птице Анзу упоминается страна Лулуби (lu_{-5}-lu_5-bi). В шумеро-аккадском географическом списке имеется шумерское название страны луллубеев как ^{KUR}lu-lu-bi$^{k[i]}$ и его аккадское соответствие $^{[mât]}$Lul-lu-bi-e (*Klengel.* Lullubum, S. 350).

[32] В надписи, составленной в ассирийское время и описывающей царство Саргона, указывается на протяженность пути по стране луллубеев. В шумерском гимне, приписываемом дочери Саргона, говорится о том, что она обошла Элам, Субир/Субарту и «горы луллуби, войдя в самую глубину гор» (*Klengel.* Lullubum, S. 350).

[33] *Hirsch.* Op. cit., S. 20, 72—73.

[34] Ibid., S. 20, 74; в тексте речь идет о том, что бог Нергал открыл Нарам-Суэну путь и наряду с упомянутыми странами подарил ему и Верхнее море. В фрагментарном тексте (ibid., S. 18) упоминаются «четыре части света» и «Верхнее море». Оно же упоминается в старовавилонской копии надписи Римуша (ibid., S. 12, 66), который обозначается как «владыка над всеми странами, Верхним и Нижним морем и всеми горными (странами)».

[35] *Güterbock H. G.* Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei den Babyloniern und Hethitern bis 1200.— ZA, 1934, 42, NF 8, S. 73—74; *Gelb.* Op. cit., p. 103; *Kammenhuber.* Op. cit., S. 235; *Дьяконов.* История Мидии, с. 126, прим. 6.

[36] Ср. также *Kammenhuber.* Op. cit., S. 236—246.

а также с народом су, который, судя по поздним свидетельствам, обитал в той же зоне (см. ниже).

Военный успех Нарам-Суэна в Приурмийском регионе носил временный характер. Судя по позднему эпическому произведению «Царь Куты»[37], Нарам-Суэну приходилось испытать и горечь поражения: в тексте описывается, как он трижды посылает войска против вражеской коалиции 70 царей, но ни один воин не возвращается живым. Враги Нарам-Суэна при этом обозначены как *умманманда* — «войска Манды», термином, который позже применяется и для обозначения населения северо-восточных стран в зоне Урмийского озера [38]. Легенда о царе Куты имеет религиозно-политическую направленность. Деятельность Нарам-Суэна представлена в нем как противная воле Энлиля — главного божества Ниппура. Эта же тенденция ясно видна и в другом эпическом произведении, органически связанном с вышеназванным, где описывается неудачное выступление Нарам-Суэна против храма Энлиля в Ниппуре. Для защиты города Энлиль призывает кутиев из гор, боги же, собравшись, посылают проклятие Аккаду [39]. Это первое свидетельство о кутиях в период правления Нарам-Суэна, при этом они изображены в качестве союзников ниппурцев, т. е. в конечном итоге — шумеров. По-видимому, кутии еще во времена предшественников Нарам-Суэна находились в контакте с населением Двуречья. В позднем «Списке царей» упоминается имя Энридавазир/Энридапизир (вар. Эрридупизир) с титулом «могущественный, царь Кутиума и четырех стран света» [40]. Как известно, последний титул впервые принял Нарам-Суэн. Тождество царских титулов дало повод считать Энридавазира современником Нарам-Суэна [41]. Энридавазир, видимо, был царем тех кутиев, которые вторглись в Ниппур [42] и положили конец посягательствам отрядов Нарам-Суэна на храм Энлиля.

На основании этих поздних реминисценций можно полагать, что кутии поддерживали с Южной Месопотамией союзные отношения, выступая против аккадских царей. Нарам-Суэну приходилось отбиваться от натисков кутиев [43] и других племен. В этой борьбе ему, вероятно, помогал царь Элама Кутик-Иншушинак (2240—2190 гг. до н. э.), который был связан с Аккадом союзным договором [44]. Кутик-Иншушинак предпринимает поход в зону Загроса и завоевывает около 70, видимо, мелких

---

[37] *Hirsch.* Op. cit., S. 25—26, b-4.

[38] См. *Дьяконов.* История Мидии, с. 73 сл.; *он же.* Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам.— ВДИ, 1951, № 2, с. 34 сл.; *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959, с. 234; *Белявский В. А.* Война Вавилонии за независимость (627—605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии.— В кн.: Исследования по истории стран Востока. Л., 1964, с. 112—115, прим. 57—59, 67, где дана и соответствующая литература.

[39] *Hirsch.* Op. cit., S. 24—25, b-1.

[40] *Poebel.* Op. cit., p. 93, 134.

[41] *Jacobsen T.* The Sumerian Kinglist. Chicago, 1939, p. 117.

[42] По-видимому, Энридавазир овладел Ниппуром и оставил там свою надпись на аккадском языке (*Jacobsen.* Op. cit., p. 117; ср. *Дьяконов.* История Мидии, с. 105).

[43] В свое время была высказана мысль о том, что Нарам-Суэн пал в битве с кутиями (*Güterbock.* Op. cit., S. 47). Вместе с тем существует предположение, что неудачи преемников Нарам-Суэна в борьбе с кутиями были приписаны ему самому поздними легендами (*Kammenhuber.* Op. cit., S. 243).

[44] Г. Камерон и В. Хинц считали, что партнером Нарам-Суэна по договору выступал эламский царь Хита (*Hinz W.* Das Reich Elam. Stuttgart, 1964, S. 63). Однако это предположение не подтверждается, поскольку имя Хиты в документе не фигурирует (см. *Юсифов Ю. Б.* Элам. Социально-экономическая история. М., 1968, с. 55; *Kammenhuber.* Op. cit., S. 174 f.). Вероятно, этим правителем был Кутик-Иншушинак.

стран, в том числе и страну Кутиум (Ku-tu^{ki}) [45], которую можно считать самым северным пределом завоеваний эламского царя. Было высказано предположение, что перечисленные в надписи страны преимущественно хурритские и луллубейские [46]. Названия стран, которые предположительно можно поместить севернее и северо-западнее от Элама, содержат различные форманты: -h, -n, -r, -š с соответствующими гласными. Полагаем, что судя по этим формантам, население завоеванных эламским царем стран должно было состоять из луллубеев (формант -n-), кутиев (формант -š-), хурритов (формант -h-) и эламитов (формант -r-) (подчеркнем, однако, что этот вывод носит пока предварительный характер). Название страны Hu-tu-in^{ki} можно отождествить с названием города Hudun из надписи Ашшурназирпала [47]. Этот город был расположен южнее Урмийского озера в зоне поздней Замуа. Таким образом, экспансия эламского царя Кутик-Иншушинака на севере, видимо, достигла районов Урмийского озера. Уже давно обращено внимание на то, что наличие названия Кутиум в надписи Кутик-Иншушинака свидетельствует о существовании контактов между эламитами и кутиями или со странами, откуда их отряды спускались в Месопотамию [48]. Приведенные данные показывают, что эламиты на севере доходили до Урмийского озера. Страну Кутиум можно считать самым северным пределом завоеваний эламского царя. Следует отметить, что шумеры осуществляли связь с Араттой по дороге, ведущей от Суз и гор Аншана на север. По этой же дороге, видимо, совершил поход Кутик-Иншушинак. Следовательно, дорога, ведущая с юга на север до регионов бассейна Урмийского озера, была нахоженной с древнейших времен. По всей вероятности, Кутик-Иншушинак как союзник аккадского царя своим походом на север и северо-запад стремился преградить путь кутийским вторжениям в Месопотамию. Однако этот поход не привел к желаемым результатам. Вторжения восточных и северо-восточных племен в Месопотамию продолжались.

Враждебные действия кутиев, луллубеев и других племен против Аккада привели к созданию новой коалиции против Нарам-Суэна. В ней участвовали тот же город Ниппур, Симуррум (Шимуррум), против которого выступал еще Саргон, Намар и ряд других городов Двуречья [49]. Намар (хур. Навар, поздний Намри) был расположен на востоке Месопотамии, в среднем и верхнем течении реки Диялы. Согласно хурритским преданиям, в Намаре во второй половине III тыс. до н. э. правили цари с хурритскими именами [50]. Вероятно, тогда же Намар стал хурритской тер-

---

[45] *Barton G. A.* The Royal Inscriptions of Sumer and Akkad. New Haven, 1929, p. 158.

[46] *Дьяконов.* История Мидии, с. 101.

[47] *Luckenbill.* Op. cit., I, p. 453, 457. Лишь некоторые из завоеванных стран поддаются отождествлению и локализации (*Cameron.* Op. cit., p. 37; *Hinz.* Op. cit., S. 65; *Дьяконов.* История Мидии, с. 101).

[48] *Cameron.* Op. cit., p. 37—38.

[49] *Hirsch.* Op. cit., S. 25, b-3.

[50] *Thureau-Dangin F.* Tablette de Samarra.— RA, 1912, IX, p. 1—4; *Hirsch.* Op. cit., S. 32; *Kammenhuber.* Op. cit., S. 164 f.; *Меликишвили.* Наири-Урарту, с. 103—104; *Дьяконов.* История Мидии, с. 102, прим. 3; *Алиев.* История Мидии, с. 58. В надписи, происходящей из Самарры (среднее течение Тигра), упоминается хурритское имя царя Арисена (A-ri-se-en), «царя Уркиша и Навара». Уркиш, который, вероятно, был постоянной резиденцией Арисена, ныне локализуется южнее Мардина, в треугольнике, образуемом рекой Хабур, между Рас-ал-Айном и Гамишли (*Kammenhuber.* Op. cit., S. 164).

риторией [51] в результате завоевания [52]. Временами эта страна входила в зону политического влияния луллубеев [53]. Поскольку упоминаемый выше старовавилонский эпический текст неполон, конечную судьбу враждебной Нарам-Суэну коалиции определить невозможно. Лишь на основании других данных можно выявить, что эта коалиция, видимо, распалась. Из датировочной формулы известно, что Нарам-Суэну, по-видимому, удалось взять в плен правителя города Симуррума [54]. Позже Симуррум упоминается наряду с Луллубумом. Так, царь III династии Ура Шульги (2093 — 2046 гг. до н. э.) несколько раз предпринимает поход против Симуррума и Луллубума одновременно [55]. Вероятно, существовали и традиционные союзные отношения между обеими странами. Во всяком случае походы аккадских царей в Симуррум касались политических интересов также царства Луллубум. Со времени правления Нарам-Суэна луллубеи стали принимать непосредственное участие в коалициях, направленных против Аккада.

Имя луллубеев впервые было засвидетельствовано в подлинной надписи Нарам-Суэна на так называемой «Победной стеле», первоначально установленной в Сиппаре и впоследствии вывезенной эламским царем Шутрук-Наххунте I (1185—1155 гг. до н. э.) в Сузы [56]. К сожалению, надпись на стеле повреждена и в интересующей нас части сохранилось лишь следующее: A[...]Si-dur u Sa-tu-ni Lu-lu-bi-im ip-hu-ru- ma[... «А[...] Сидурский и Сатуни Луллубейский объединились и затем (эту армию он, т. е. Нарам-Суэн.— *Ю. Ю.*) разбил[...» [57]. Полностью сохранилось лишь имя луллубейского царя Сатуни. Как явствует из надписи, Нарам-Суэн одержал победу над луллубеями и другими участниками битвы [58]. В правление аккадского царя Шаркалишарри (2200—2175 гг. до н. э.) политические отношения с северо-восточными соседями осложняются. Современником его,

---

[51] *Дьяконов.* История Мидии, с. 127. Согласно Г. А. Меликишвили (Наири-Урарту, с. 103 сл.), население Намара было не хурритским, а загро-эламским. По-видимому, в эту раннюю пору сюда проникали хурритские этноязыковые элементы, но страна впоследствии не стала хурритоязычной. В этой зоне Диялы политическое верховенство принадлежало луллубеям, а позже здесь преобладали касситы.

[52] *Kammenhuber.* Op. cit., S. 170 f.

[53] *Дьяконов.* История Мидии, с. 127.

[54] *Hirsch.* Op. cit., S. 22, c-6.

[55] *Lassoe J.* The Shemshāra Tablets. København, 1959, p. 15. Шульги предпринял в общей сложности три похода против Луллубума и пять — против Симуррума.

[56] *Юсифов.* Элам, с. 85; *он же.* Эламское sugir.— ПС, 1964, вып. 11 (74), с. 13, прим. 32; *Hinz.* Op. cit., S. 104. Шутрук-Наххунте так описывает свою победу: «Иншушинак, бог мой, помог мне. Сиппар я ниспроверг, стелу Нарам-Суэна я забрал, и овладел ею, и в Элам отправил» (ср. *König F.* Die elamischen Königsinschriften. Graz, 1965, S. 14, 76, № 22).

[57] *Thureau-Dangin.* Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften, S. 166 f.; *Barton.* Op. cit., p. 142 f.; ср. также *Hirsch.* Op. cit., S. 17; *Klengel.* Lullubum, S. 351; *Kammenhuber.* Op. cit., S. 234; *Дьяконов.* История Мидии, с. 101.

[58] Место битвы точно неизвестно. Чаще всего предполагают, что это Дарбанди Гаур возле города Гара-Даг, юго-восточнее Сулеймании, где найден наскальный рельеф, который связывают с «Победной стелой» Нарам-Суэна (*Smith S.* Early History of Assyria. L., 1925, p. 96—98; *Edmonds C. Y.* Kurds, Turks and Arabs. L., 1957, p. 359 f.; *Speiser.* Op. cit., p. 88, not. 4; *Lessoe.* Op. cit., p. 14; *Klengel.* Lullubum, S. 351; *Hirsch.* Op. cit., S. 24, Anm. 255; *Дьяконов.* История Мидии, с. 101) и трактуют как изображение его победы над луллубеями. Однако в литературе отмечено, что аккадские цари, как правило, устанавливали стелы или статуи с надписью, но не оставляли наскальных изображений (см. *Kammenhuber.* Op. cit., S. 236). Стела Нарам-Суэна и наскальный памятник отражают единую композицию, но принадлежность последнего какому-либо царю установить невозможно (*Strommenger E.* Das Felsrelief von Darband-i Gaur.— Baghdader Mitteilungen, 1963, B. 2, S. 88).

вероятно, был луллубейский царь Иммашкун [59], имя которого засвидетельствовано в надписи из Богазкёя в следующем контексте: ^{m}Im-ma-aš-ku-un ib-ri e-we$_{e}$-er-ne [^{URU}]Lu-ul-lu-e-ne-we$_{e}$ «Иммашкун, царь царей страны Луллу» [60]. Отсюда вытекает, что в стране Луллубум было «много царьков» [61] (т. е., вероятно, племенных вождей), которые были подчинены власти верховного правителя. Возможно, что и Сатуни был таким царем объединенных луллубейских племен. Из сведений источников создается впечатление, что на северо-востоке сильное государство Луллубум существовало со времен Нарам-Суэна. Впоследствии луллубейские цари контролировали огромную территорию, простиравшуюся до пределов Месопотамии. Государство луллубеев особенно усиливается при царе Анубанини. Он, в отличие от своих предшественников, оставил наскальный рельеф с аккадской надписью, которая дает частичное представление о его политических успехах. В надписи говорится: ^{m}An-nu-ba-ni-ni LUGAL da-núm LUGAL Lu-lu-bi^{ki}-im ṣa-la-am-šu ù ṣa-lam^{il} Ištar i-na ša-du-im Ba-ti-ir uš-zi-iz «Анубанини, царь могучий, царь Луллубума, изображение свое и изображение Иштар на горе Батир установил» [62]. После формулы заклинания [63] в фрагментарном контексте упоминается «Море Верхнее и Нижнее, которое... отец его и...». По-видимому, в тексте имеется в виду отец Анубанини, который, вероятно, также был царем. Судя по этому фрагментарному отрывку, кто-то из упомянутых лиц, скорее всего сам Анубанини, претендовал на власть над обширной территорией между Верхним (Урмийским озером) и Нижним (Персидским заливом) морями [64]. В правление Анубанини южные границы луллубейского царства проходили по среднему течению реки Диялы, где и был обнаружен этот наскальный памятник [65]. Как видно, в правление Анубанини, деятельность которого можно отнести к периоду, следующему за царствованием Шаркалишарри [66], было создано сильное Луллубейское государство. На юге влияние его простиралось, вероятно, вплоть до Персидского залива. Можно полагать, что территория поздней Манны, включая области восточнее Урмийского озера, входила в состав Луллубейского государства. Его население поддер-

---

[59] *Kammenhuber*. Op. cit., S. 236.

[60] *Klengel*. Lullubum, S. 357; *Kammenhuber*. Op. cit., S. 167.

[61] О многочисленности луллубейских царей говорится в документах старовавилонского периода (*Lassoe*. Op. cit., p. 77; *Klengel*. Lullubum, S. 355).

[62] *Thureau-Dangin*. Die sumerischen und akkadischen Königsinschirften, S. 172 f.; *Barton*. Op. cit., p. 150 f.

[63] Заклинание направлено против того, кто уничтожит эту надпись, затем перечислены имена аккадских божеств: Анум, Адад, Син, Иштар, Шамаш и др.

[64] Г. А. Меликишвили (Наири-Урарту, с. 129) южные пределы завоеваний Анубанини доводит до Персидского залива; ср. также *Алиев*. История Мидии, с. 67, 82, 156. И. М. Дьяконов (История Мидии, с. 102) южные границы владений Анубанини связывает с местом находки его памятника. Х. Кленгель (Lullubum, S. 354) считает, что выражение «Верхнее и Нижнее море» в тексте не дает оснований для предположения о распространении власти Анубанини на огромной территории от Урмийского (или Ванского) озера до Персидского залива.

[65] Рельеф Анубанини обнаружен восточнее среднего течения реки Диялы по дороге к Кирманшаху, в местности Сар-и Пул, у города Зохаба (*Herzfeld E.* Iran in the Ancient East. L.— N. Y., 1941, p. 183; *Barton*. Op. cit., p. 150; *Speiser*. Op. cit., p. 88—89; *Hirsch*. Op. cit., S. 32; *Klengel*. Lullubum, S. 354; *Kammenhuber*. Op. cit., S. 236, Anm., 162; *Меликишвили*. Наири-Урарту, с. 48, 128; *Дьяконов*. История Мидии, с. 102; *Алиев*. История Мидии, с. 82).

[66] Наскальный памятник Анубанини относили ко времени правления Аккадской династии (*Hirsch*. Op. cit., S. 32; *Меликишвили*. Наири-Урарту, с. 129; *Дьяконов*. История Мидии, с. 102), к промежутку между правлениями III династии Ура и Гугунума (1932—1906 гг.) (*Kammenhuber*. Op. cit., S. 236) или же к периоду, предшествующему раннему старовавилонскому царству (*Klengel*. Lullubum, S. 354).

живало связь с Месопотамией [67] и испытывало на себе влияние ее культуры [68]. По всей вероятности, луллубеев, а также кутиев, испытавших воздействие шумеро-аккадской культуры, можно отнести к месопотамскому культурному ареалу [69].

Кутийские правители свои действия направляли против Аккадского государства. Поход Кутик-Иншушинака на северо-западные страны не приостановил натиск кутиев на Месопотамию. В правление Шаркалишарри кутии оказывают весьма активное давление на Месопотамию. В одном из писем этого периода выражается беспокойство действиями кутиев, приведшими, видимо, к срыву полевых работ и сокращению поступления скота в город. В связи с этим Ишкун-Даган (современник Шаркалишарри) обязуется возместить нанесенный кутиями ущерб [70]. Шаркалишарри предпринимает меры против вторжения кутиев. В одной из шумерских датировочных формул, приписываемой Шаркалишарри, упоминается битва против Кутиума [71]. Аккадская датировочная формула повествует о победе Шаркалишарри над царем кутиев Сарлагом [72], который отождествляется с Сарлагабом списка кутийских царей [73]. Один из неопубликованных текстов из Адаба содержит имя Ашшарлак [74], которое также отождествляют с именем Сарлагаба [75]. Поскольку Сарлаг попал в плен к Шаркалишарри, то можно полагать, что битва происходила где-то на территории Месопотамии. Вероятно, попытки захвата Аккада кутиями предпринимались уже в этот период.

---

[67] Так, между населением Гасура (поздняя Нузи) и луллубеями существовали контакты. Луллубеи взамен зерна поставляли скот (*см. Klengel.* Lullubum, S. 351 f.; *Янковская Н. Б.* Децентрализованный сектор экономики в Передней Азии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. Л., 1982, с. 12). По-видимому, в Луллубуме экономические контакты его жителей с населением Месопотамии не находились под контролем государственной власти. И. М. Дьяконов (История Мидии, с. 102) полагал, что государство луллубеев было создано хурритами или аккадцами. Однако нет никаких оснований отрицать возможность создания государства и самими луллубеями. Это видно из аккадских источников. К тому же древнехурритские царские списки причисляют Луллубум к вполне развитым государствам с царем во главе (*Kammenhuber.* Op. cit., S. 236).

[68] В свое время отмечалось сильное влияние вавилонской культуры на луллубеев (*Меликишвили.* Наири-Урарту, с. 129; ср. *Дьяконов.* История Мидии, с. 140). Что же касается шумеро-аккадской культуры, то влияние ее на жизнь луллубейского общества нам известно гораздо хуже. Некоторые данные об этом можно извлечь также из наскального рельефа Анубанини. Уже самое появление памятника подобного рода можно рассматривать как факт заимствования луллубеями элемента шумеро-аккадской культуры. Рельеф является локальным подражанием месопотамским образцам (*Klengel.* Lullubum, S. 355); в его создании несомненно принимали участие луллубейские мастера, которым были знакомы аккадский язык и аккадские исторические традиции создания «победных» памятников с надписями. На то же влияние указывают использование мастерами аккадской письменности при составлении текста, а также заимствование лексики из надписей династии Саргонидов («Верхнее и Нижнее моря») и перечисление в формуле заклинания имен аккадских божеств.

[69] Благодаря заимствованию клинописи в шумеро-аккадский период образовалась обширная культурная зона, которая включала в себя шумеро-аккадский центр и периферийные соседние государства — Элам, Субарту (*Kammenhuber.* Op. cit., S. 244 f.). К этой культурной зоне примыкали также страны Аратта, Луллубум и Кутебум, цари которых применяли клинопись при составлении своих надписей.

[70] *Hirsch.* Op. cit., S. 30.

[71] *Thureau-Dangin.* Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften, S. 226e; *Ungnad A.* Datenlisten.— RLA, 1938, 2, p. 133e; *Hirsch.* Op. cit., S. 29.

[72] *Thureau-Dangin.* Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften, S. 225c; *Ungnad.* Datenlisten, S. 133c; *Hirsch.* Op. cit., S. 29; *Kammenhuber.* Op. cit., S. 238—241.

[73] *Jacobsen.* Op. cit., p. 118 f.

[74] Aš-šar-la-ak/Eš$_4$-šar-la-ak. Возможна передача š посредством s.

[75] *Kammenhuber.* Op. cit., S. 241.

После смерти Шаркалишарри [76] в Аккадском государстве наступает время безначалия (2175—2172 гг. до н. э.). Частые вторжения первых кутийских царей в Месопотамию и создание коалиций, в которых участвовали и луллубейские цари, постепенно ослабили и затем привели к падению Аккадское государство. Вероятно, кутийский царь Элулумеш положил конец существованию государства Саргонидов [77]. Господство кутиев в Месопотамии продолжалось около ста лет [78]. Последний кутийский царь в Месопотамии Тирикан пал в период около 2109 г. до н. э. от руки Утухегаля, царя Урука [79], после которого власть перешла к III династии Ура (2112—1997 гг. до н. э.).

Из письменных источников создается впечатление, что кутии и, возможно, луллубеи имели мирные контакты с Южной Месопотамией, т. е. с шумерами. Лишь после прихода к власти Аккадской династии этим традиционным отношениям был нанесен ущерб. Кутии и другие племена поддерживали борьбу шумеров (см. выше о событиях в Ниппуре) против Нарам-Суэна. К тому же захватнические устремления аккадских царей беспокоили эти племена, и они в свою очередь стали совершать постоянные вторжения в Месопотамию. Именно наличием традиционных мирных сношений между шумерами и названными племенами можно объяснить тот факт, что после установления кутийской власти в Месопотамии шумерский юг управлялся своими правителями, номинально подчиненными кутиям.

Кутийское владычество не исчезло бесследно, оставив свой отпечаток, в частности, в истории III династии Ура. Наместник Лагаша при царе III династии Ура Шу-Суэне (2046—2038 гг. до н. э.) Урдунанна имел множество титулов, в том числе титул «*энси* страны кутиев» (Qu-te-bu-um^{ki})

---

[76] Согласно позднему свидетельству, Шаркалишарри был убит (Fischer Weltgeschichte, S. 114; AfO, 1963, 20, 13a, 16a, 30).

[77] Согласно «царскому списку», в период безначалия в Аккадском государстве появились претенденты на власть. Среди них последним упомянут Элулу, которого отождествляют с кутийским царем Элулумешем (*Jacobsen*. Op. cit., p. 112, 207; *Hirsch*. Op. cit., S. 31; Fischer Weltgeschichte, S. 11; ср. также *Дьяконов*. История Мидии, с. 105 сл., 110; *он же*. Шумер, с. 239; *Алиев*. История Мидии, с. 154, прим. 3). «Царский список», составленный при III династии Ура, отображает победу кутиев не над Аккадом, а над Уруком. Возможно, что Урук был завоеван после Аккада или же захват Урука расценивался как падение всего Аккада (*Jacobsen*. Op. cit., p. 116 f.; *Poebel*. Op. cit., p. 80; Fischer Weltgeschichte, S. 97). Старовавилонские документы отмечают падение Аккада (*Hirsch*. Op. cit., S. 32).

[78] Конец кутийского владычества датируют 2109 или 2104 годом (см. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1976, с. 181). Продолжительность кутийского владычества в Месопотамии определяют в 91 год (*Jacobsen*. Op. cit., p. 120 f.) и даже 40 лет (*Hallo W. W.* Gutium.— RLA, 1971, III, 9, p. 708—720, § 2). В общей сложности кутийские цари, видимо, правили 125 лет (*Poebel*. Op. cit., p. 93; *Barton*. Op. cit., p. 242 f.). О правлении кутийских царей см. *Дьяконов*. История Мидии, с. 104—114; *он же*. Шумер, с. 237—247. Если исходить из последней цифры, то начало правления Энридавазира можно условно датировать 2234 годом.

[79] *Thureau-Dangin F.* La fin de la domination gutienne.— RA, 1912, IX, p. 111 f.; *Poebel*. Op. cit., p. 135; *Kramer*. The Sumerians, p. 324—326; *Sauren H.* Der Feldzug Utuhengals von Uruk gegen Tirikan und das Siedlungsgebiet der Gutäer.— RA, 1967, 56, № 1, S. 75—79. Высказано мнение, что вся отредактированная во время III династии Ура древнешумерская литература о кутиях в историческом аспекте может быть использована условно (*Kammenhuber*. Op. cit., S. 242). То же самое можно сказать о литературном сочинении, описывающем действия кутиев в весьма отрицательном свете (см. *Kramer*. The Sumerians, p. 324—326). Негативное отношение к кутиям, вероятно, было результатом реакции Утухегаля и его сторонников, вызванной действиями кутийского царя Тирикана и его отрядов, а не всех кутиев, которые спокойно царствовали в Месопотамии длительное время. Обвинения в адрес кутиев в названном сочинении, как нам кажется, можно считать преувеличенными (ср. *Белицкий*. Ук. соч., с. 144).

и «правителя над людьми страны Су» ($^{LÚ}Su^{ki}$) [80]. Возможно, что Урдунанна носил пышный титул *«энси* Кутебума», оставшийся в наследство от былого кутийского владычества в Месопотамии [81]. Несмотря на отрывочность и противоречивость сведений, можно полагать, что кутии имели своих царей еще до окончательного завоевания ими Аккада.

Судя по титулу Урдунанны, имелась некая «страна людей Су», которая также подчинялась царям III династии Ура. Впоследствии (2003 г. до н. э.) люди су наряду с эламитами приняли непосредственное участие в разгроме III династии Ура [82]. Происхождение и место обитания людей су еще точно не установлено. Название ^{LÚ}Su, $^{LÚ}Su^{ki}$, ^{LÚ}Su-a, ^{LÚ}Su-a^{ki} было известно в Месопотамии с III тыс. до н. э.[83] Этноним су отождествляли с шумерским названием Северной Месопотамии — Субир [84]. В текстах I тыс. до н. э. su — сокращенная передача названия Su-bir, а в документах III династии Ура, шумерских литературных текстах старовавилонской копии и т. д. su является обозначением, как полагают, восточных и северо-восточных этнических групп, обитавших в горах Загроса [85]. В ассирийских надписях второй половины II тыс. до н. э. субареи порой перечисляются рядом с кутиями и луллубеями [86], что позволяет отличать западных субареев от восточных, локализуемых ближе к регионам обитания кутиев и луллубеев. В этой связи привлекают внимание выражения Lu-lu ^{LÚ}Su-a^{ki} «Лулу страны Су/а/» и Lu-lu Šubur [87] «Лулу страны субареев». Лулу — либо имя собственное, либо показатель этнической принадлежности. Это, по нашему мнению, указывает на смешанный этноязыковый характер населения страны Су, где обитали и носители этнонима луллу или луллуби. Отличаясь по своему этноязыковому составу, племя су включало в себя и восточную группу субареев, среди которых были также луллубеи. Название страны Аратта порой передается шумерограммой SU.KUR.RA [88], что может означать «страна Су». По-видимому, Аратта, Луллубум и Су были разными названиями соответствующей страны в бассейне Урмийского озера. Это же озеро подразумевают хеттские тексты, в которых страна луллубеев помещается на берегу моря [89].

По всей вероятности, жителями Приурмийской зоны были также турукки. Имя племени turukki/turuki упоминается поздними ассирийскими источниками при описании протяженности государства Саргона Аккадского [90]. Этноним турукки твердо засвидетельствован в надписях с начала

---

[80] *Thureau-Dangin.* Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften, S. 148, *Barton.* Op. cit., p. 268 f.

[81] И. М. Дьяконов (История Мидии, с. 118) допускает, что вся территория по Тигру и за Тигром подчинялась этому наместнику Лагаша.

[82] *Gelb.* Op. cit., p. 39; *Edzard D. O.* Die «Zweite Zwischenzeit» Babyloniens. Wiesbaden, 1957, S. 48—51; Fischer Weltgeschichte, S. 161.

[83] *Gelb.*. Op. cit., p. 24—26.

[84] См. различные мнения: *Gelb.* Op. cit., p. 1 f., 15 f., 24 f. И. М. Дьяконов (Языки древней Передней Азии, с. 113; АВИИУ, № 10, прим. 27) переводил Субир как «степь Су». Название Субир/Субар отождествляли с позднейшими этнонимами: сасцейр, сапир, сабир, савир/сувар (*Dhorme P.* Soubartou-Mitani.— RA, 1911, 8, p. 98 f.).

[85] *Gelb.* Op. cit., p. 24—26; *Дьяконов.* История Мидии, с. 118; *он же.* Шумер, с. 270, прим. 74; Fischer Weltgeschichte, S. 151, 161; *Edzard D. O., Kammenhuber A.* Hurriter, Hurritisch.— RLA, 1971—1975, IV, S. 508.

[86] *Luckenbill.* Op. cit., I, § 73, 125, 138, 142, 155, 170, 190; *Gelb.* Op. cit., p. 46.

[87] *Gelb.* Op. cit., p. 26, 32, 103.

[88] *Edzard.* Op. cit.

[89] Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes. VI. Wiesbaden, 1978, S. 13, not. 49.

[90] *Klengel H.* Das Gebirgsvolk der Turukkū in den Keilschrifttexten altbabylonischer Zeit.— Klio. Beiträge zur alten Geschichte, 1962, Bd. 40, S. 6.

II тыс. до н. э. при правлении Шамши-Адада I (1813—1781), Хаммурапи (1792—1750) и позже при Ададнерари I (1307—1275). Как и луллубеи, турукки проникали в регионы Месопотамии через Загросские горы севернее Сулеймании, вторгались на равнину Раниа и даже оккупировали ее [91]. Турукки поддерживали контакты с хурритами через равнину Раниа, расположенную на правом берегу Нижнего Заба северо-западнее Сулеймании, где они засвидетельствованы в начале XVIII в. до н. э. Население бассейна Урмийского озера в начале II тыс. до н. э. поддерживало торговые сношения с хурритским Хабуром в Северной Месопотамии [92]. Существование торгово-экономических контактов привело к взаимовлиянию хурритов и населения Приурмийской зоны. Мысль о хурритском происхождении ряда туруккских имен [93], в частности Зазия и Зилия, вряд ли может быть принята. Почти аналогичные имена, а именно Зизи и Залая, носили предводители поселений Гизилбунды, расположенной на границе Манны с Мидией [94]. Вероятно, турукки занимали пространство от Урмийского озера до юго-восточной маннейской области Гизилбунды. Очевидно, алтайские слова *аратта* «гора» и Алатейе — «горная страна», а также другие топонимы (к которым автор вернется в другой статье) возникли на почве языка турукков и других племен, обитавших на территории Азербайджана. Исходя из сказанного, можно полагать, что племена, известные под названием су, турукки и луллубеи, были разноназванными жителями страны Аратта и, вероятно, принадлежали к алтайской языковой общности [95]. Среди населения древнего Азербайджана были также иноязычные этнические группы. Во времена III династии Ура племя су занимало также территорию в горах Загроса, где оно обитало вместе с кутиями и луллубеями из юго-западных и южных регионов Урмии. В более поздних источниках можно найти подтверждение этому. Так, в надписях Саргона II упоминается ^{mât}Su-u-bi, т. е. страна Сувби/Суби. Надпись гласит: a-na ^{mât}Su-ú-bi na-gi-i šá nīš$ē^{meš}$ ^{mât}Ur-ar-ṭi ^{mât}Man-na-a-a i-qab-bu-šú-ni — «...область Суби, жителей которой люди Урарту маннеями называют» [96]. Судя по надписи Саргона II, население западной и юго-западной части Урмийского озера называлось Su-ú-bi [97], хотя официальные урартские и ассирийские надписи эту страну в целом обозначают как Мана/Манна. Это позволяет нам заключить, что западные и юго-западные зоны Урмийского озера были населены этническими груп-

---

[91] *Lassoe J.* The Shemshāra Tablets. København, 1959, p. 20, 31, 45.

[92] *Hamlin C.* The Early Second Millenium Ceramic Assemblage of Dinkha Tepe.— Iran, 1974, XII, p. 126—132.

[93] *Klengel.* Das Gebirgsvolk..., S. 17—18.

[94] *Thureau-Dangin.* Une relation.., p. 12.

[95] Имя Лулу встречается в Египте и Эламе (см. прим. 114). При правлении гуннского царя Моде усиливается династия Лули (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I, с. 48—49). Ср. также сюннийский (гуннский) титул правителя лули-ван, т. е. «правитель лули», но значение гуннского слова неизвестно (см. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984, с. 33 сл.).

[96] *Thureau-Dangin.* Une relation..., p. 28; *Luckenbill.* Op. cit., II, § 142, p. 74. И. М. Дьяконов (АВИИУ, 49, 167, с. 326) дает такой перевод: «Область Суби, которую люди Урарту называют страной манеев». Однако в тексте речь может идти об этническом обозначении населения этой области Манны.

[97] Страну Суби помещали в северо-восточном углу Урмийского озера (ср. *Дьяконов.* АВИИУ, 49, прим. 43; *Меликишвили.* Наири-Урарту, с. 46, 107 сл.; *АрутюнянН.В.* Биайнили. Ереван, 1970, с. 285, прим. 409; с. 302, прим. 515; прим. 94), что не соответствует обстоятельствам похода Саргона: границы Суби примыкали к Урарту с запада и юго-запада Урмийского озера.

нами, называемыми *суби*. В названии Su-ú-bi ясно выделяется этнический компонент su-ú/suw. К этнониму su-ú/suw, вероятно, восходят названия горы ^{šad}Su-ú-ia и страны ^{mât}Su-um-bi. Судя по надписи Саргона II, область Сумби была расположена в луллубейской (^{mât}Lu-lu-me-e) стране Замуа, а гора Суя — поблизости от маннейской области Сурикаш, куда входили земли южнее Урмийского озера, включая Аратту [98]. Таким образом, этноним su-ú/suw/sum, оформленный различными суффиксами, в частности -bi — формантом множественного числа [99], засвидетельствован на западе, юго-западе, на юге Урмийского озера. В двух случаях этноним относится к населению периферийной территории Манны. Однако не исключено, что b/w в названиях Sub-ir, Suw-bi является окаменевшим суффиксом принадлежности, а m в названии Sum-bi — диалектным вариантом w. В таком случае можно предположить следующую закономерность образования этнонима: I. $Su \xrightarrow{b,\ \varnothing,\ a} w/m$; II. $Sub/w \rightarrow -bi$, $\rightarrow -ir$. Вероятно, определенная часть населения Западной и Южной Манны носила название *су*, которое можно отождествить с именем народа *су* шумеро-аккадского времени. Древний этнос су/сув в своем северном передвижении, вероятно, дошел до Закавказья [100]. Вероятно, в III тыс. до н. э. су входили в состав сначала Араттского, затем кутийского и луллубейского государственных образований.

К сожалению, предположения относительно языка кутиев и луллубеев все еще являются гипотетичными. Один из первых исследователей эламского языка Г. Хюзинг высказал мнение о принадлежности кутийского и луллубейского языков к эламскому, а последний причислил их к кавказской семье языков. Появившиеся после этого суждения о языке кутиев и луллубеев в различных вариациях восходят в конечном итоге к его мнению [101].

[98] *Thureau-Dangin*. Une relation..., I, S. 4—8; *Дьяконов*. АВИИУ, 49, 6, с. 321—322. В начале похода на Зикирту и Андиа Саргон II называет в числе Семи гор также гору Суя, перевалив через которую, он переходит реку Араттскую и вступает в Манну. Сумби также примыкала к Суби и может быть локализована южнее Урмийского озера.

[99] *Юсифов*. О языках..., с. 68.

[100] Вероятно, с этнонимом *су/суб/сув* можно отождествить название раннесредневекового племени цовде, происхождение которого остается загадочным. Племя цовде относилось к роду Арана, первого легендарного царя Албании (Северный Азербайджан). Моисей Хоренский (История Армении, кн. II, 8) передает этноним в форме şowde, а Егише (История, гл. I, II) отмечает формы şawde, şote. Почти аналогичное название носило племя sodi (*Плиний*, VI, 10, 29), обитавшее в Южном Дагестане или на западе Азербайджана. Формант -de в некоторых дагестанских языках появляется показателем множественного числа (см. *Бокарев А. А.* Очерк грамматики чамалинского языка. М., 1949, с. 26, 28; *Дирр А. М.* Материалы для изучения языков и наречий андийско-дидонской группы. Тифлис, 1909, с. IV, 1, 12, 22, 33, 52, 56, 79; *Шаумян Р. М.* Яфетические языки «шахдагской подгруппы».— Язык и мышление, 1940, X, с. 183). Этноним су-суб-сув можно связать, видимо, с названием нахского племени şowa, которое отождествляли со страной Цупани урартских источников и страной Цопк армянских авторов (см. *Меликишвили*. Наири—Урарту, с. 88—89; *он же*. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 120, 168), и названием Sav, данным сванам карачаево-балкарцами. (см. *Мусаев К. М.* Лексикология тюркских языков. М., 1984, с. 156).

[101] *Hüsing G.* Der Zagros und seine Völker.— Der alte Orient, 1908, IX, 3/4, S. 19 f. Г. Камерон (op. cit., p. 35) впоследствии также причислял кутийский и луллубейский к эламскому языку. На основании ряда топонимических терминов и суффиксов соответствующего региона А. Шпайзер (op. cit., p. 88) объединял кутийский, луллубейский и эламский в загрскую группу языков. Г. А. Меликишвили (Наири-Урарту, с. 120) принимал эламский, касситский, кутийский и луллубейский за родственные между собой языки и относил их к загро-эламской группе, подчеркивая близость ее к кавказским языкам. Е. Херцфельд (Archaeological History of Iran. L., 1935, p. 2) полагал, что эламиты, касситы, луллубеи, кутии и другие принадлежали к одной и той же этнолингвистической группе. И. М. Дьяконов (История Мидии, с. 101, 110) относил ку-

Однако конкретные данные, на основе которых выводилось родство между названными языками, отсутствуют. О словарном составе кутийского языка почти не сохранилось никаких сведений. В позднеассирийских словарях кутийская лексика повреждена [102]. Кутийский языковой материал представлен лишь именами собственными [103], часть которых имеет аккадское происхождение, часть — не имеет аналогий в ономастике соседних народов. Засвидетельствованная кутийская ономастика весьма отлична не только от эламской, но и от шумерской, луллубейской, хурритской и касситской. В некоторых кутийских именах выделяется слово lag/lak. Текст из Адаба называет Ашшарлака (Aš-šar-la-ak), которого отождествляют с кутийским царем Сарлагом [104]. Вероятно, форма Ашшарлак более близка к подлинному кутийскому имени, которое в клинописной передаче могло иметь и форму Assarlag/Sarlag. Если допустить, что кутийские имена были теофорными, то компонент Ашшар/Ассар (Aššar/Assar) можно принять за имя кутийского божества. Однако подлинные имена кутийских божеств нам неизвестны. Судя по надписи кутийского царя Лаерабума, кутийский пантеон, вероятно, возглавляла богиня Иштар [105], кутийское соответствие которой неизвестно. Вторым перечислено имя аккадского бога Сина. Спустя тысячу лет среди почитаемых в Ассирии божеств фигурирует имя бога Ассара [106]. Возможно, что Ассара является привнесенным в Ассирию древним божеством, следы которого ведут к кутийскому имени собственному.

Этническое название кутиев отражено в источниках в формах Qu-tu^{ki} (эламо-аккадская передача), Qu-ti-um^{ki}, Qu-tu-um^{ki}, Qu-ti-im^{ki}, Qu-te-bu-um^{ki} (шумеро-аккадская передача с окончанием именительного паде-

---

тийский и луллубейский к эламскому, указав на вероятность родства кутийского языка с языком кавказских албанов, о характере которого какие-либо сведения отсутствуют. Однако кавказоязычность албанов не доказана; более того, подобная трактовка этнолингвистической принадлежности албанов нуждается на наш взгляд в пересмотре. Впоследствии в своих работах (Языки древней Передней Азии, с. 87—88; Языки Азии и Африки. III. М., 1979, с. 38) Дьяконов отрицал существование луллубейского этноса, а кутиев по языку относил к северо-восточнокавказской группе языков. И. Алиев (История Мидии, с. 65, 67, 80—81, 83) также придерживается гипотезы, сближающей кутийский с кавказской семьей языков, а луллубейский — с касситским и эламским языками. А. Камменхубер (op. cit., S. 159, 161, 236) отрицала принадлежность луллубейского языка к эламскому или хурритскому языковому ареалу.

[102] *Frank C.* Fremdsprachliche Glossen in assyrischen Listen und Vokabularen.— Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft, 1928—1929, IV, S. 41.

[103] *Poebel.* Op. cit., p. 93, 134 f.; Fischer Weltgeschichte, S. 96; *Jacobsen.* Op. cit., p. 118 f.; *Дьяконов.* История Мидии, с. 107.

[104] *Kammenhuber.* Op. cit., S. 241.

[105] ilānī^{meš} Gu-ti-um^{ki} ^{il}Ištar ù Sîn (*Barton.* Op. cit., p. 170 f.): «Боги Кутиума]— Иштар и Син».

[106] А. Унгнад (Ahura-Mazdah und Mithra in assyrischen Texten? — OLZ, 1943, Jg 46, № 5/6, S. 193—197) опровергает отождествление Ассара и Мазаш с иранским божеством Ахурамаздой (см. также *Дьяконов И. М.* Восточный Иран до Кира. История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 147, прим. 24). Делались попытки представить его как хурритское божество (*Duchesne-Guillemin J.* Zoroastre. Étude critique avec une traduction commentée des Gathas. P., 1948, p. 108). М. А. Дандамаев и В. Г. Луконин (Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 306) допускают возможность отождествления Ассара с иранским Ahura и при этом ссылаются на новую датировку соответствующего текста VIII—VII вв., а не XIII в. до н. э., как прежде (*Frankena R.* Tākultu. Leiden, 1954, S. 1). Однако если допустить, что переход индоарийского s в иранское h (*Mironov N. D.* Aryan Vestiges in the Near East of the Second Millenary B. C.— AO, 1933, XI, Pt I, II, p. 201 f.) произошел в начале I тыс. до н. э., то имя божества должно было отразить это характерное для иранских языков фонетическое изменение. Ассара является одним из древних, в данном случае, вероятно, кутийских божеств, которое сохранилось в пантеоне ассирийцев.

жа) [107]. В последнем названии имеется формант -b, который отсутствует в других передачах. Такой же формант имеется в этническом названии луллубеев. Наши представления о луллубейском языке также ничтожны. Известно несколько имен собственных и одно луллубейское слово ki-ú-ru-um, соответствующее аккадскому ilu «бог» [108]. Луллубейское слово оформлено аккадским именительным падежом. Луллубейское kiur обнаруживает внешнее и семантическое сходство с эламским kiri «божество, владыка» и кассистским kuri «владыка, господин» [109]. Однако в эламском значение «бог, божество» передает и слово nap, а в касситском — mašhu. Вероятно, эламское kiri и касситское kuri являются заимствованными из луллубейского языка [110]. Тогда истоки распространения этого слова надо искать в регионе обитания луллубейских племен. Оно попало в другие языки в результате контактов.

Ономастический материал также не дает основания для установления родства луллубейского языка с древними языками Передней Азии. Ранняя луллубейская ономастика состоит из имен Иммашкун(и), Сатуни и Анубанини. Значение имен на луллубейской языковой почве неизвестно. Из этих имен можно выделить окончания -ni, n(i). Неаккадское окончание имени Анубанини наводит на мысль, что оно является луллубейским. Поскольку текст, в котором встречается имя, составлен по-аккадски, то и имя, вероятно, имело аккадизированную форму [111]. Судя по содержанию надписи Анубанини, луллубеи поклонялись мужскому началу. В перечислении богов Анум (шумерский бог неба) стоит на первом, а богиня Иштар — на шестом месте [112]. Из сведений источников вытекает, что в III тыс. до н. э. луллубейский пантеон возглавляло мужское божество, а в кутийском пантеоне пережиточно сохранялась главенствующая роль женского. Понятно, однако, что характер пантеонов не дает основания

---

[107] *Barton.* Op. cit., p. 268; *Thureau-Dangin.* Die sumerischen und akkadischen Königinschriften, S. 225—226; *Ungnad.* Datenlisten, S. 133 c.

[108] *Frank.* Fremdsprachliche Glossen..., S. 42.

[109] Ibid., S. 39. Ср. также имя эламского божества Kiri-riša «Великая богиня». Ср. касситское имя Kuri-galzu «Пастырь касситов» (*Balkan K.* Kassitenstudien. New Haven, 1954, S. 66—67).

[110] В грузинском языке сохранилось слово merti «бог», которое возводят к луллубейскому kiur (*Меликишвили.* Наири-Урарту, с. 127, прим. 2). Оно, видимо, попало в картвельские языки в результате древних контактов.

[111] Имя Анубанини связывали с именем эламского божества Humban (*Hüsing.* Op. cit., S. 18; *Speiser.* Op. cit., p. 89), но это отождествление маловероятно с филологической точки зрения. Ряд ученых отдает предпочтение аккадскому происхождению этого имени (см. *Меликишвили.* Наири-Урарту, с. 129; *Дьяконов.* История Мидии, с. 102). Было предложение читать начало имени как An^{nu} и принять его за имя бога Анум, при этом учитывая, что в аккадских надписях этого периода не всегда отражается «мимация» (*Дьяконов.* История Мидии, с. 102, прим. 1), однако в надписи Анубанини имя шумерского божества, перечисленного первым, заимствовано в форме An-nu-um «(бог) Аннум». В легенде «Царь Куты» упоминается имя DINGIR-ba-ni-ni (*Hirsch.* Op. cit., S. 32 со ссылкой на литературу). В соответствии с этим в первой части имени Анубанини, по-видимому, надо признать слово со значением «бог». Возможно, что An-nu является искаженной или приспособленной к аккадскому языку формой субарейского слова ene «бог» (см. *Oppenheim L.* Studien zu den nichtsemitischen Nuzi-Namen.— AfO, 1937, 12, S. 32, где приведены нузийские имена, содержащие слово «ene»).

[112] Анубанини в своей надписи сообщает, что он поместил на горе изображения свое и Иштар. На этом основании полагали, что богиня, соответствующая семитской Иштар, в луллубейском пантеоне стояла на первом месте (*Меликишвили.* Наири-Урарту, с. 129). Однако, как мы говорили, порядок перечисления божеств свидетельствует против этого. По-видимому, семитской Иштар в луллубейском пантеоне соответствовала богиня победы, а Ануму — верховный бог неба луллубеев.

выявить черты языкового родства луллубеев и кутиев с соседними народами, в том числе с эламитами [113].

Судя по поздним передачам, этноним «луллубеи» мог содержать форманты -b/-be, -me, -hhi [114]. Последний формант — хурритский суффикс принадлежности. Форманты -b/-be, -me можно принять за диалектные разновидности, выступающие в качестве (если формант не имеет семантического значения вроде «племени») показателей множественного числа. Таким образом, -be, по-видимому, является суффиксом в названиях Луллубум и Кутебум. Принадлежал ли этот формант луллубейскому или кутийскому языку? Поскольку этот формант не всегда присоединялся к названным этнонимам, то надо полагать, что формант -be принадлежал языку-передатчику этих этнонимов, т. е. каких-то соседей кутиев и луллубеев. Хетты и хурриты не могли быть посредниками в передаче этих этнонимов, так как в их языке отсутствует подобный формант с аналогичной функцией. Из древних языков лишь в эламском имеется формант -be как показатель множественного числа. Это послужило причиной для предположения, что кутийский и луллубейский являются родственными эламскому языку [115]. Но эламо-аккадская надпись второй половины III тыс. до н. э. передает название страны Кутиум без форманта -b [116]. Лишь в поздних источниках встречаются этнотопонимы с аналогичным формантом [117], локализуемые в зоне Урмийского озера. Можно полагать, что соответствующие этнонимы попали в шумеро-аккадские источники через посредство носителей языка, в котором -be был формантом множественного числа, причем носители этого языка должны были обитать в северо-восточных и восточных подступах к Месопотамии. Возможно, что носители языка эламского типа контактировали в близких регионах Урмийского озера с кутиями, луллубеями и другими автохтонными племенами, о которых сведения для III тыс. почти отсутствуют. Следы форманта -be на юге ведут вдоль Загроса до Элама, а на севере вплоть до Восточного Закавказья и Дагестана. В раннем средневековье в Азербайджане засвидетельствованы этнонимы с формантом -b [118]. Некоторые современные языки Дагестана сохранили формант -bi как показатель множественного числа [119]. Можно высказать предположение, что носители нахско-дагестанских языков, вероятно, уже в III тыс.

---

[113] Эламский пантеон первоначально возглавляла богиня Кириша, а затем бог Хумбан.

[114] *Barton.* Op. cit., p. 142, 150; *King L. W.* Babylonian Boundary-Stones and Memorial Tablets in the British Museum. I. L., 1912, 9, p. 31; *Thureau-Dangin.* Une relation..., p. 4; *Grössman P. F.* Das Era-Epos. Würzburg, 1955, S. 33; *Budge E. A. W., King L. W.* Annals Kings of Assyria. I. L., 1902, p. 4—5, 20, 112 f., 141, 179 f.; *Klengel.* Lullubum, S. 358 f.; *Меликишвили.* Наири-Урарту, с. 130—136. Этноним «луллубей» порой отмечается без каких-либо формантов (*Budge, King.* Op. cit., S. 306; *Lassoe.* Op. cit., p. 19, not. 24, p. 81—82), а также как имя собственное или этноним в Египте (*Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und. 2. Jahrtausend V. Chr. Wiesbaden, 1962, S. 371, 374, 473) и в Эламе первой половины VI в. до н. э. (*Юсифов Ю. Б.* Эламские хозяйственные документы из Суз.— ВДИ, 1963, с. 214, № 110; с. 216, № 128).

[115] *Hüsing.* Op. cit., S. 19 f.; *Speiser.* Op. cit., p. 88, 100.

[116] *Barton.* Op. cit., p. 158.

[117] *Юсифов.* О некоторых компонентах..., с. 117.

[118] Ср. раннесредневековые этнонимы šič-b, čil-b (*Фавст Бузанд.* История Армении, кн. III, VII). Последний этноним в передаче Плиния (VI, 29) имеет форму sil-v, а Агафангела — sil-b-an (*Langlois V.* Collection des Historiens anciens et modernes de l'Arménie. T. I. P., 1967, p. 116). Этноним jik-b сохранился в названии этнографической группы крызов — жителей Азербайджана.

[119] *Дирр.* Ук. соч., с. IV.

до н. э. обитали в близких и дальних зонах Урмийского озера и контактировали с соседними народами [120].

Таким образом, предположение о родстве кутийского и луллубейского языков с эламским, а последнего с хурритским, касситским и другими языками древней Передней Азии мы считаем необоснованным [121]. Языки луллубеев, кутиев, туруккиев и народа су/сув были представлены в обширном регионе, охватывавшем также территорию древнего Азербайджана. Они были, по нашему мнению, наиболее древними языками Азербайджана (и соседних областей), носители которых уже в III тыс. до н. э. находились в контактах с населением Месопотамии. Для отождествления кутийского и луллубейского языков через посредство эламского с кавказскими языками отсутствуют какие-либо достоверные историко-филологические данные. Нынешнее состояние письменных источников с учетом вышеприведенных данных позволяет нам выдвинуть следующее предположение. На основании выражения «Лулу страны Су/а/» и урартско-ассирийского названия (сув-би сум-би) населения западных, южных и юго-восточных регионов Урмийского озера можно сказать, что порой этноним су применялся также для обозначения кутиев и луллубеев, в том числе населения Аратты/Алатейе. К этому же добавим, что одна из семи гор зоны Аратты носила название Су(в)а (ср. также название горы Савалан — «гора Сав»). Создается впечатление, что превратившееся в этническое название слово су/сувби/сум-би имело значение что-то вроде «горцы» [122]. В таком случае этнический состав народа су, вероятно, был разноязычным. Носители разных вариантов этнонима су были представлены как на территории Манны (Иранский Азербайджан), так и Албании (Северный Азербайджан) и

[120] Имеются в виду передатчики форманта -b. Отождествление названия kuti с этнонимом uti Кавказской Албании (см. *Дьяконов.* История Мидии, с. 110; *Алиев.* История Мидии, с. 65) и предположение об их родстве с современными дагестанцами (см. История древнего мира. Ранняя древность. М., 1982, с. 71) являются гипотезой. О языке утиев нет никаких сведений. Как правило, язык утиев отождествляют с языком удинов, которые ныне живут в двух селениях АзССР и ГССР (последние — выходцы из Азербайджана). Удинский язык относится к нахско-дагестанской группе кавказских языков. Античные и древнеармянские письменные источники упоминают об утиях на территории Азербайджана. Плиний же (II в. н. э.) сообщает о племени удинов, живущем по соседству с албанами (VI, 38). Так что удины и утии жили в одно и то же время. Поскольку в письменных источниках утии и удины представлены как отдельные племена, то отождествление их нуждается в убедительной аргументации.

[121] Детальный анализ древних языков Нагорного Загра является темой отдельной статьи. Предварительно можно отметить, что Г. Хюзинг и Ф. Борк внесли определенный вклад в изучение грамматического строя и языка эламских текстов, но не сумели доказать родство эламского как с древними, так и с современными языками. Согласно Г. Хюзингу, эламский был родствен касситскому, а последний он называл просто каспийским и принимал за северный диалект эламского языка (*Hüsing G.* Die elamische Sprachforschung.— Memnon, 1910, Bd. IV, S. 22—30; *idem.* Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams. Lpz, 1916, S. 4). Эламо-хурритский сравнительный материал, приводимый Ф. Борком, не обнаруживает закономерных фонетических соответствий и основывался на невыясненных грамматических формах (*Bork F.* Die Mitannisprache.— MVAG, 1908, Bd. 14, H. 1—2, S. 68—82). То же самое можно сказать о кассито-эламских фонетических и грамматических параллелях Г. Хюзинга, основывавшихся на сомнительных и недоказанных примерах. В дальнейшем на основании недоказанного родства эламского с названными языками делались далеко идущие исторические построения. В свете сказанного объединение древних языков Нагорного Загра в одну родственную группу нам представляется неправомерным.

[122] Ср. слово со значением «гора» в нахско-дагестанских языках: агулский — су, цахурский — сува, табасаранский — сив, которые отсутствуют в других языках этой группы. Ср.: страна Со — легендарное название прародины тюрков (см. *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.— Л., 1953, с. 160; *Чеснов Я. В.* Этноним зо/су/сак у тибето-бирманских и других народов.— В сб.: Ономастика Востока. М., 1980, с. 215).

Кавказа. Среди них могли быть носители алтайско-пратюркских (по названию страны Аратта-Алатейе) и кавказских (по форманту -бе) языков. То же самое можно сказать о луллубеях и турукках, которые в этнолингвистическом отношении, вероятно, были преемниками населения Аратты и сохраняли свои лингвистические особенности в маннейский период, поскольку этот регион порой назывался Алатейе (ср. также «река страны Аратта»). Судя по ономастике, кутийский язык имел отличную от известных древних языков лингвистическую природу и отождествление его с кавказскими языками не имеет реальной научной аргументации. Наряду с носителями упомянутых языков на территории древнего Азербайджана III тыс. до н. э., вероятно, обитали и другие этнические группы, о названиях и лингвистической природе которых конкретные сведения отсутствуют.

Предварительное изучение письменных источников показывает, что в III тыс. до н. э. в Приурмийской зоне происходили контакты между носителями разных языков, которые входили в араттско-луллубейское и кутийское политические объединения. Этноязыковая неоднородность и политическая нестабильность приводили к внутренним распрям и внешним военным неудачам, прямым результатом чего явился распад древнейших государств на отдельные владычества, которым приходилось обороняться от сильных юго-западных соседей — Старовавилонского и Ассирийского государств.

Названные племена древнего Азербайджана и близлежащих регионов в первой половине III тыс. до н. э., вероятно, были подвержены процессу разложения первобытнообщинных отношений и классообразования. В то же время создавались государственные образования типа Аратта. С этого раннего времени они поддерживали те или иные связи с жителями Месопотамии, особенно с шумерами. Во второй половине III тыс. до н. э. у кутиев и луллубеев и, вероятно, у турукков и народа су оформляется царская власть. Возможно, что турукки и народ су первоначально выступали в составе кутийского и араттско-луллубейского политических объединений. Постепенно каждое из этих племен или объединений племен подчинялось единому властелину. В начале II тыс. до н. э. кутии и турукки имели своих предводителей, а луллубеи — «многочисленных царей» [123]. Упоминается LÚ^{meš}Tu-ru-ki-i^{ki} «люди страны Туруки» в связи с событиями в местности Шикшамбим, где жили и кутии [124]. В случае необходимости они, видимо, объединялись. В это время кутии, луллубеи и турукки представляли на северо-востоке от Месопотамии значительную политическую силу, порой противостояли Ассирии.

В III тыс. до н. э. Аратта, луллубеи и кутии (возможно, и народ су и позже турукки) были втянуты в сферу влияния месопотамской культуры. Были сделаны первые попытки использовать шумеро-аккадский пантеон, язык и письменность, перенять аккадские титулы власти. Осуществлялись политические и экономические контакты, которые продолжались и в последующие века. Однако трудно сказать, как далеко на северо-восток, в зону Урмийского озера проникла шумеро-аккадская культура. Во всяком случае, во времена Саргона II и Ашшурбанипала в Приурмийской зоне

---

[123] *Lassoe*. Op. cit., p. 31, 35, 42, 46, 82.

[124] Точное местонахождение Шикшамбима (вар. Si-ik-ša-am-bi-im^{ki}, Si-ik-ša-ab-bu-um^{ki}, Si-ik-ša-am-bi^{ki}), который был в сфере влияния Ассирии и кутиев, неизвестно (*Lassoe*. Op. cit., p. 35). Эта местность, видимо, находилась где-то севернее или северо-восточнее Сулеймании.

существовала также политическая ориентация на Ассирийское государство. По-видимому, месопотамская культура позже, с ассирийцами, продолжала проникать в Приурмийскую зону, но начало этому было положено в III тыс. до н. э., если не раньше.

LES CONTACTS ENTRE LA MÉSOPOTAMIE ET LES PAYS DU NORD-EST (ZONE DU LAC OURMIA) AU IIIe MILLÉNAIRE AV. N. E.

Ju. B. Jusifov

Un des pays antiques avec qui les Sumériens entretenaient des relations commerciales et économiques était l'Aratta, mentionné dans les épopées sumériennes à propos d'événements de la première moitié du IIIe millénaire av. n. è. Sa localisation suscite des controverses. Mais les inscriptions de Sargon II mentionnent «la rivière Arattaya» et celles d'Argišti Ier «Alateye, le pays montagneux», localisé sur le territoire du Manna, Etat situé dans le bassin du lac Ourmia. Des textes permettent de localiser l'Aratta au sud et au sud-ouest du lac Ourmia, en amont du Diala et du lac Zeribor au sud et jusqu'au cours d'eau Zendjan-roud au sud-est. *Aratta/Alateye* sont des variantes dialectales du mot *aratta/arattu/aratu* qui est attesté dans les sillabaires scolaires sumérо-akkadiens comme signifiant 'montagne'. Qu'un mot signifiant 'montagne' ait servi à désigner le pays Aratta/Alateye permet de la rapprocher de la nomenclature géographique altaïenne. Sur le territoire linguistique altaïo—turc, le mot *ara/ala* (cf. mongol *ola* 'montagne', turc. *ala-* 'haut, grand') combiné au mot 'montagne' (*tau*, *ta*, *tu*, *too*, *taj*, *taw—tawa*, *da*, *tag—dag*) désigne des montagnes boisées et pie. L'Aratta/Alateye était située en Azerbaïdjan où, selon les témoignages d'auteurs du Moyen Age, on extrayait divers métaux, des minéraux, de la pierre et du lapis lazuli.

Les régions à l'ouest du lac Ourmia étaient habitées par des Kutii, et la zone de l'Aratta, par des Lullubei, des Turukkii et des Su (^{LÚ}Su, $^{LÚ}Su^{ki}$, $^{LÚ}Su—a$, $^{LÚ}Su—a^{ki}$), dont le nom s'est reflété dans les appellations des régions mannaïques $^{mât}Su—ú—bi$ ($Su—w—bi$) et $^{mât}Su—um—bi$ (Suwbi < Sumbi). Cf. également les expressions $Lu—lu$ $^{LÚ}S—a^{ki}$ 'Lulu (Lullube) du pays Su(a)' et l'idéogramme du nom de l'Aratta: SU. KUR. RA 'pays Su'. Les Lullubei, les Turukkii et les Su étaient sans doute des habitants de l'Aratta appartenant à des tribus différentes qui faisaient partie, la plupart, de la communauté linguistique altaïo-préturque. Au sud — ouest, la région habitée par toutes ces tribus atteignait la zone de Souleïmaniya-Zohab.

La nomenclature géographique différente reflétée par les inscriptions sumérо — akkadiennes, par exemple «le Pays supérieur», «les Monts des métaux précieux», désignait aussi, sans doute, les pays du Nord-Est, c'est-à-dire les régions du bassin du lac Ourmia. Les habitants de ces zones — les Kutii, peut-être aussi les Lullubei — entretenaient des rapports traditionnellement pacifiques avec les Sumériens, mais étaient hostiles à l'Akkad. La parenté linguistique du kutien et du lullubéien avec l'élamite et celle de ce dernier avec les langues caucasiques ne se confirme pas. En même temps, l'appartenance de la langue des Albaniens à la famille des langues caucasiques doit être révisée.

Les tribus énumérées de l'Azerbaïdjan antique ont dû connaître, dans la première moitié du IIIe millénaire av. n. è., une désagrégation des rapports clanaux primitifs et l'apparition de classes. En même temps se constituaient des Etats du type de l'Aratta. Dans la seconde moitié du IIIe millénaire av. n. è. apparaissent les Etats du Kutium et du Lullubum, ce dernier en tant qu'héritier de l'Aratta. Il est possible que les Turukkii et le peuple Su aient originellement fait partie des unions politiques aratto — lullubeïenne et kutienne. Au début du IIe millénaire av. n. è., ces Etats se sont démembrés en séneuries séparées s'opposant aux puissants Etats vieux-babylonien et assyrien. Au IIIe millénaire av. n. è., l'Aratta, le Lullubum et le Kutium se trouvaient dans la sphère d'influence de la culture mésopotamienne. Alors furent faites les premières tentatives d'assimiler le panthéon, la langue et l'écriture sumérо-akkadiens, d'emprunter les titres de la hiérarchie akkad enne. Des contacts politiques et économiques avaient lieu.

Л. С. Ильинская

ФИНИКИЙЦЫ В СИЦИЛИИ

Финикийское присутствие в Сицилии относится к числу проблем, в решении которых прослеживается весь диапазон мнений — от признания финикийцев первым народом, принесшим местному населению достижения более развитой культуры, до полного отрицания их пребывания на острове.

Основу для рассмотрения этой проблемы составляет античная традиция, сведения которой характеризуются исключительной лаконичностью. Согласно Фукидиду (VI, 2, 6), «финикийцы обитали по побережью всей Сицилии, захватив мысы и прилегающие островки для торговли с сикулами». Фукидид, таким образом, ничего не говорит о времени появления финикийцев на острове, но его указание на торговлю с сикулами, а не с сиканами позволяет отнести начальную дату финикийской колонизации к промежутку между вторжением сикулов на остров (по Фукидиду — ок. 1050 г. до н. э.) и временем появления первых греческих колонистов. Фукидид не называет типа финикийских поселений, и поэтому нет оснований говорить о финикийских факториях [1].

Продолжая рассказ о финикийцах в Сицилии, Фукидид сообщает: «Когда же эллины стали в большом количестве приплывать по морю, они (финикийцы.— *Л. И.*), оставив большую часть острова, обосновались, объединившись, в Мотии, Солунте и Панорме, близ элимов, уповая на союз с ними» (VI, 2, 6). Отсюда следует, что Фукидид представлял себе перемещение финикийцев из мест первоначального заселения как совершившееся не сразу после появления греков на острове, но лишь тогда, когда оно начало приобретать массовый характер. Что касается характера взаимоотношений финикийцев и греков, то можно согласиться с мнением В. Тузы, который полагает, что глагол ἐκλείπω выражает добровольное оставление финикийцами Восточной Сицилии и не дает оснований говорить о вооруженном их оттеснении греками [2]. Ясно также, что в представлении Фукидида финикийцы до переселения их в Мотию, Солунт и Панорм не составляли компактной массы: иначе было бы неоправданным употребление причастия ξυνοικίσαντες, предполагающего, что до этого они были рассеяны. И наконец, информация о том, что они положились на союз с элимами (а не заключили его), предполагает наличие союза с элимами до отхода финикийцев в Западную Сицилию.

Если Фукидид в соответствии с задачами своего экскурса в историю Сицилии, предшествующую афинской экспедиции, лишь касается пребы-

[1] Предложенный Г. А. Стратановским (в кн.: *Фукидид*. История. Л., 1981, с. 263) перевод ᾤκουν как «основали фактории» — это уже современная интерпретация текста.

[2] *Tusa V.* La presenza fenicio-punica in Sicilia.— In: Phoenizier im Westen. Mainz am Rhein, 1982 (далее — PhW), S. 96.

вания финикийцев на острове, то Диодор рассматривает их присутствие на острове в связи с распространением по всему Западному Средиземноморью. Сообщая о богатстве Иберии серебром и непонимании иберами ценности этого металла, Диодор (V, 35, 3—5) рассказывает о проникновении туда финикийцев и приобретении ими такого количества серебра, что, не имея возможности уместить его на корабле, финикийские торговцы вколачивали часть драгоценного металла в грузила якорей [3]. И именно с этой постоянно извлекаемой выгодой, которую получали финикийцы от перепродажи иберийского серебра в Элладе, Азии и среди других народов, связывает Диодор поток западной финикийской колонизации: «И вследствие того, что в течение многих лет благодаря торговле такого рода финикийцы получали большой доход, они вывели колонии, одни в Сицилию и на прилегающие к ней острова, другие — в Ливию, Сардинию и Иберию» (V, 35, 5).

Обращает на себя внимание то, что Диодор выделяет колонизацию Сицилии и прилегающих к ней островков в особую часть финикийской колонизации — отдельный поток, связанный с колонизацией Ливии, Сардинии и Иберии лишь общей причиной. Сообщение Диодора о колонизации финикийцами прилегающих к Сицилии островов согласуется с рассказом Фукидида о финикийцах, заселивших вокруг всей Сицилии мысы и прилегающие островки. При этом Диодор имеет в виду такие острова, как Ортигия или остров, занятый Мотией, которые Фукидид определяет более точно как *νησίδια*. О финикийской колонизации островов, лежащих между Сицилией и Ливией (Пентеллерии, Мальты, Гаудо), Диодор говорит особо (V, 12).

У Диодора нет указаний на время финикийской колонизации (даже косвенных, как у Фукидида), и здесь можно исходить лишь из датировки других авторов — не упоминавших финикийцев в связи с Сицилией, но относящих начало финикийской колонизации ко времени после Троянской войны, что, таким образом, совпадает с хронологией Фукидида. Античные авторы с полной определенностью датируют основание финикийских колоний на Западе протомикенской эпохой — временем гибели Трои или вскоре после того. Полемизируя с Эратосфеном, утверждавшим, что в древности никто не отваживался плавать вдоль берегов Ливии, Страбон напоминает о господстве Миноса на морях и о плаваниях финикийцев, «которые и проплыли за Столпы Геракла и основали города и там, и вдоль средней части побережья Ливии вскоре после Троянской войны» (I, 3, 2).

По свидетельству Помпония Мелы (III, 46), гадитанские жрецы датировали основание своего города временем гибели Трои. Согласно Веллею Патеркулу, дающему наиболее точные указания в отношении времени доклассических колонизаций, Гадес был основан моряками Тира через 80 лет после падения Трои (I, 2, 5), а некоторое время спустя после основания Гадеса возникла Утика (I, 2, 1). По Псевдо-Аристотелю, ссылающемуся на письменные финикийские источники, Утика была основана в Ливии, между мысами Гермеем и Конским, на 287 лет раньше Карфагена (Mirab. 134).

Кроме Диодора, имевшего, как мы видим, весьма расплывчатые сведения о финикийцах в Сицилии, ни один из греческих историков, писавших

[3] Эта деталь приводится также и Псевдо-Аристотелем (Mirab. 135). Г. Фласхар предположительно считает источником 135 главы «Мирабилий» историю Тимея (In: Aristoteles. Werke, Bd. 18, Teil II, p. 139). По-видимому, это справедливо в отношении всего отрывка. Тогда речь идет о понимании финикийской колонизации Тимеем, использующим и более ранние сицилийские источники.

после Фукидида, не сообщает о пребывании этого народа на острове [4]. Подобная лакуна, однако, легко объяснима ожесточенной борьбой между греками и карфагенянами в период расцвета сицилийской историографии. Сицилийские историки Филист и Тимей, можно думать, умышленно опускали сведения о более древней, чем греческая, финикийской колонизации острова, даже финикийские реликты интерпретируя в плане раннего греческого проникновения на остров. В этой связи особенно интересно содержащееся в Псевдо-Аристотелевых «Мирабилиях» замечание по поводу названия острова Финикусса, входящего в архипелаг примыкающих к Сицилии Эолийских островов. Автор, оспаривая мнение Каллисфена о связи названия острова с финикийцами, приплывшими с берегов Сирии, утверждает, что остров был назван по росшим там финиковым пальмам (Mirab. 132). Если согласиться с Г. Фласхаром, что 132-я глава «Мирабилий» восходит к Тимею [5], становится понятным, что речь идет о сознательной борьбе сицилийского историка против мнения о финикийском присутствии близ Сицилии [6].

Вплоть до конца XIX в. не только не возникало сомнения в справедливости сведений Фукидида о финикийцах как предшественниках греков в Сицилии, но считалось бесспорным широкое распространение финикийцев по всему Средиземноморью. В финикийцах видели предприимчивых торговцев, изобретателей алфавита, учителей греков в астрономии, математике, географии и других науках [7]. Эти взгляды довел до логического завершения А. Моверс в монументальной работе «Финикийцы» [8]. Он рассматривал Сицилию как «одно из древнейших колониальных владений финикийцев» и стремился обосновать этот тезис не только ссылками на античных авторов, но и с помощью сицилийской топонимики, которую он истолковывал на семитической основе, и анализа преданий о господстве на острове Кроноса и пребывании там Геракла и Иолая.

Уже Ф. Ф. Соколов подверг резкой критике попытку А. Моверса рассматривать догреческое прошлое с помощью одного «финикийского ключа» и указал на непригодность «мистико-символического метода» Моверса, превратившего сикано-сикуло-элимскую Сицилию в Сицилию финикийскую с вкраплениями сиканов, сикулов и элимов [9]. Ф. Ф. Соколов утверждал, что ни один из внутренних городов Сицилии не может быть признан финикийским поселением, а из прибрежных городов следует говорить лишь о пяти финикийских центрах.

Автор самой фундаментальной работы по истории Сицилии Ад. Гольм, напротив, в оценке финикийской колонизации Сицилии пошел за Моверсом, признав, что Сицилия была покрыта финикийскими колониями, предшествующими греческим. Так же как и Моверс, он приписал большей части сицилийских топонимов финикийское происхождение, хотя несколько

---

[4] Исключение составляет сообщение Зенобия, греческого софиста и филолога времени Адриана, о торговых сношениях пунийцев с греками Гелы в VII в. до н. э. (*Zenob.*, I, 54). Он мог располагать источником, не зависимым от Филиста и Тимея.

[5] *Flashar.* Op. cit., S. 137.

[6] Только связью с этой полемикой можно объяснить, почему и Страбон, вспоминая о финикийских плаваниях на Запад, утверждает, что известно о них по слухам (I, 3,2).

[7] *Rochette R.* Histoire critique de l'établissement des colonies grecques. P., 1815, p. 132 suiv.

[8] *Movers F.* Phönizier. V. II. B., 1850, S. 319 ff.

[9] *Соколов Ф. Ф.* Критические исследования, относящиеся к древнейшей Сицилии. СПб., 1865, с. 100 сл.

ограничил их число [10]. Вслед за Ад. Гольмом преувеличивал размах финикийской колонизации и Эд. Фримэн [11].

В период распространения западноевропейского гиперкритицизма в качестве реакции на тенденцию преувеличивать роль финикийцев возникает противоположная крайность: Ю. Белох отнес финикийцев к числу мифических народов, не имевших постоянной территории (наряду с эфиопами, ликийцами, данайцами, минийцами), отверг греческую традицию о финикийцах как предшественниках греков, не найдя в ее пользу ни одного научного аргумента. Сведения о ранних плаваниях финикийцев на Западе он счел мифом, допуская, что финикийцы-карфагеняне появились на острове впервые в VI в. до н. э. [12] Также и ученик Ю. Белоха Л. Пареti полностью исключил финикийцев из числа древнейших обитателей Сицилии. Мотию, Панорм, Солунт, по его мнению, основали не финикийцы, а пунийцы в ходе экспансии VII в. до н. э., одновременно с основанием колоний на Мальте [13].

Позиция столь авторитетных ученых не могла не оказать влияния на оценки археологического материала, даваемые первооткрывателем П. Орси. Первоначально он выделял предметы финикийского происхождения в прибрежных сикульских поселениях и даже явно микенскую керамику считал ввезенной финикийскими торговцами [14], впоследствии же полностью отказался от этого мнения и абсолютно все импортные изделия стал приписывать критянам [15].

Суждение П. Орси об отсутствии в Сицилии каких-либо археологических следов пребывания финикийцев в свою очередь определило взгляды тех историков, которые были склонны всецело полагаться на археологию. Так, Э. Чачери подчеркивает, что принимает мнение тех, кто в противовес античной традиции считает появление финикийцев на острове более поздним, чем греков [16].

Такую же позицию, однако применительно к Западному Средиземноморью в целом, занял Р. Карпентер. Первыми колонизаторами Запада он считал греков с острова Самоса, которым приписывал приоритет в эксплуатации рудных богатств Испании, сдвинув деятельность там финикийцев на VII в. до н. э. Что же касается сведений Фукидида о финикийской колонизации Сицилии, то они, по мнению Р. Карпентера, были чисто умозрительным выводом, основанным на контаминации сообщений Гомера о широкой финикийской торговле в Эгеиде с данными позднегреческой традиции о финикийцах в западной части Сицилии [17].

Такого рода эллиноцентризм, игнорирующий влияние культуры Востока и ее распространителей — финикийцев и закрывающий возможность понимания взаимодействия и взаимообогащения эллинской и финикийской культур, у Р. Карпентера в отличие от Ю. Белоха и его школы не был связан со стремлением принизить значение финикийцев вообще — Р. Карпентер исходил из того фактического материала, который находился в рас-

---

[10] *Holm A.* Geschichte Siciliens in Altertum. V. 1. Lpz, 1870, S. 79 ff.

[11] *Freeman E.* History of Sicily. L., 1891.

[12] *Beloch K. J.* Die Phöniker im Aegeischen Meer.— RhM, 1894, XXXIV, S. 111 ff.; *idem.* Griechische Geschichte. B. II, 2. Lpz, 1926, S. 65 ff.

[13] *Pareti L.* Studi siciliani e italioti. Firenze, 1920, p. 220.

[14] *Orsi P.* Contributi all'archeologia preelenica sicula.— BPI, 1889, XV, p. 197 sgg.; *idem.* Thapsos. Necropoli sicula.— MA, 1895, VI, p. 99 sgg.

[15] *Idem.* Nuovi documenti della civiltà premicenea e micenea in Italia.- Ausonia, 1906, I, p. 19 sgg.; *idem.* Le scoperte micenei in Floridia.— NS, 1909, p. 374 sgg.

[16] *Ciaceri E.* Culti e miti nella storia dell'antica Sicilia. Catania, 1911, p. VII.

[17] *Carpenter R.* The Phoenicians in the West.— AJA, 1958, № 1, p. 35 ff.

поряжении науки его времени, когда еще не было бесспорных археологических данных о финикийцах на Западе до середины VIII в. до н. э. Таких археологических данных не было и для Эгеиды. Более того, раскопки, осуществленные в конце 30-х годов в Аль-Мине (побережье Сирии) [18], свидетельствовали о том, что до появления финикийцев в Эгеиде эгейцы проникали в Финикию и даже основали там свой эмпорий [19].

Благодаря материалам Аль-Мины мнение о том, что инициатива восстановления контактов с Восточным Средиземноморьем в «темные века» принадлежала грекам, стало едва ли не всеобщим. Даже в начале 60-х годов один из наиболее крупных знатоков «темных веков» К. Старр утверждал, что греки стремились к возобновлению контактов с Востоком, тогда как Восток в этих связях заинтересован не был [20]. За Старром в этом вопросе следует и Г. Ф. Полякова, также опускающая вопрос о финикийской торговле в «темные века» [21].

Изменение отношения к проблемам финикийской колонизации в западном направлении, в том числе и в Сицилии, связано с рядом открытий 60-х годов. В 1963 г. в Испании, у Алмунесара (провинция Гренада) был открыт первый архаический финикийский некрополь VIII—VII вв. до н. э., известный теперь находками египетских алебастровых урн [22]. Годом позднее на том же средиземноморском побережье Испании близ устья Рио Велец, на холме Тосканос было раскопано финикийское поселение того же времени [23]. Между 1961 и 1965 гг. на островке Сан-Пантелео, где в древности находилась Мотия, возобновились раскопки, расширившие представление о финикийском городе если и не самом древнем в Центральном Средиземноморье, то лучше всего сохранившемся [24]. В 1962 г. после случайного открытия нескольких пунических стел в Монте-Сираи (Сардиния) была обнаружена финикийская крепость VII в. до н. э., со святилищем, тофетом, жилыми кварталами, некрополем [25]. Из единичных, но очень важных открытий должна быть отмечена находка на дне моря близ южного

---

[18] Публикация материалов раскопок Аль-Мины см. *Woolley C. L.* The Excavations at Al Mina. Suedia II.— JHS, 1938, LVIII, p. 133 ff.; *Robertson M.* The Excavations at Al Mina. Suedia IV. The Early Greek Vases.— JHS, 1940, LX, p. 2 ff.

[19] Оценку Аль-Мины в свете новейших данных о финикийцах в Эгеиде см. *Coldstream J. N.* Greeks and Phoenicians in the Aegean.— PhW, S. 262; *Согомонов А. Ю.* Греческая колонизация Леванта: этнические и социокультурные контакты эпохи архаики.— ВДИ, 1985, № 1, с. 12 сл.

[20] *Starr C. G.* The Origin of Greek Civilisation. N. Y., 1961, p. 214. На тех же позициях историк остается и в более поздней работе (*idem*. The Economic and Social Growth of Early Greece. N. Y., 1977, p. 26).

[21] *Полякова Г. Ф.* От микенских дворцов к полису.— В кн.: Античная Греция. Т. I. М., 1983, с. 122.

[22] *Pellicer Catalan M.* Ein altpunisches Gräberfeld bei Almunecar (Granada).—MM, 1963, IV, S. 9 ff.

[23] *Pellicar Catalan M., Niemeyer H., Schubart H.* Eine altpunische Kolonie an der Mündung des Rio Velez.— Archäologische Anzeiger, 1964, S. 476—493. В последней обобщающей публикации тот же памятник назван уже «финикийским поселением» (*Niemeyer H.* Die phönizische Niederlassung Toscanos: eine Zwischenbilanz.— PhW, S. 185—206).

[24] Раскопки в Мотии осуществлялись двумя экспедициями: итальянской (*Tusa V.* Relazioni preliminari.— In: Mozia, I—VI, Roma, 1964—1970) и английской (*Isserlin B. J.* The Oxford University archaeological trials Excavations at the Phoenician site of Motia.— Atti del VII Congr. intern. di Archaeologia classica, Roma, II, 1961, p. 41—43).

[25] *Barreca F. e collaboratori.* Monte Sirai. Rapporto preliminare della Missione archeologica dell'università di Roma e della Soprintendenza alle Antichità di Cagliari. I—III. Roma, 1964—1966.

побережья Сицилии бронзовой статуэтки финикийско-сирийского бога XIII в. до н. э. [26].

Все эти открытия коренным образом изменили ситуацию в области изучения финикийской колонизации. К разрозненным сообщениям античных авторов прибавились археологические данные, причем не из одного, а из ряда регионов Западного Средиземноморья. Анахронизмом стали сомнения в реальности ранней финикийской колонизации на Западе. История финикийской колонизации и роль финикийцев как посредников в распространении знаний и опыта высокоразвитых культур древнего Востока стала объектом изучения римского «Центра изысканий финикийской и пунической цивилизаций» и его печатного органа «Rivista di studi fenici». Эта же тема находилась в центре внимания многих международных симпозиумов, проходивших в период 1967—1982 годов [27]. Ей посвящено много обобщающих и частных исследований [28].

Все это оказало влияние на разработку проблемы финикийской колонизации Сицилии. В защиту реальности этой колонизации еще в 50-х гг. выступил Л. Бернабо Бреа, доказавший общность репертуара бронзовых изделий сицилийской культуры Кассибиле (1000—850 гг. до н. э.) с синхронными ей культурами Средиземноморья, что предполагает посредничество финикийцев, действовавших в Западном Средиземноморье до основания Карфагена [29]. Среди этих аналогий на первое место Л. Бернабо Бреа ставит фибулу с изгибом в виде колена и с прямоугольным щиньком, которая в Сицилии кроме Кассибиле встречается в Дессуери, Калашибетте, Мулино делля Бадия, Модике и Тре Канале, а на Липаре — в слое Авзония II и имеет аналогии в Финикии, на Кипре, Крите, в Южной Испании и вплоть до атлантического побережья Галлии. Опираясь на находки железных украшений и оружия в архаическом некрополе Кассибиле X—IX вв. до н. э., исследователь приходит к выводу, что начало использования железа в Сицилии и на Апеннинском полуострове следует приписать финикийцам [30].

Однако решающее значение в понимании финикийской колонизации в Сицилии имели новые раскопки Мотии, давшие уже не косвенные, а прямые свидетельства финикийского присутствия на острове. Уже раскопки

---

[26] *Chiappisi S.* Il Melqart di Sciacca e la questione fenicia in Sicilia. Roma, 1961. Позднее в финикийской принадлежности статуэтки из Шиакки, идентифицированной С. Кьяппизи с Мелькартом, усомнился Т. Данбэбин, скептически отнесшийся и к другому археологическому материалу, приводимому в подтверждение ранней финикийской колонизации острова. По его мнению, Фукидидову описанию финикийских поселений соответствовали эгейские фактории и Фукидид спутал финикийцев с эгейцами (*Dunbabin T.* The Greeks and Their Eastern neighbours. Westport, 1979, p. 96). Также и А. Бизи, рассматривая статуэтку из Шиакки как Решефа сирийского типа, приписала ее микенскому проникновению на Запад: *Bisi A. M.* Fenici o micenei in Sicilia nella seconda metà del II millennio a. C.— AMCM, 1968, v. III, p. 1161 sgg.

[27] Материалы этих симпозиумов опубликованы в следующих изданиях: The Role of Phoenicians in the Interaction of Mediterranean Civilisations. Ed. Ward W. A. Beirut, 1968; Tartessos y sus problemas. Ed. Maluquer de Motes J. Jerez de la Frontiera, 1969; Ricerche puniche nel Mediterraneo Centrale. Ed. Moscati S. Roma, 1971; Phoenizier im Westen. Hrsg. Niemeyer H. G. Mainz am Rhein, 1982.

[28] *Harden D.* The Phoenicians. Harmondworth, 1971; *Parrot A., Chéhab M., Moscati S.* Les Phéniciens. P., 1975; *Moscati S.* Il Mondo dei Fenici. Milano, 1979; *Tusa V.* Testimonianze fenicio-puniche in Sicilia.— Kokalos, 1964—1965, X—XI, p. 589—602. Библиография работ о финикийцах в «Rivista di studi fenici» собрана Э. Аккуаро, а также в книге С. Москати.

[29] *Bernabo Brea L.* Sicilia prima dei Greci. Milano, 1958, p. 156 sgg.

[30] *Idem.* Leggenda e archeologia nella protostoria siciliana.— Kokalos, 1964—1965, X—XI, p. 23.

Дж. Уайтейкера в 20-х годах нашего столетия выявили следы примитивного поселения, перекрытого финикийским некрополем VIII в. до н. э. [31] Б. Паче, свидетель этих раскопок, пришел к выводу, что колонизация Сицилии финикийцами осуществлялась уже в VIII в. до н. э. Но он не допускал, что она могла идти с сирийского побережья, а полагал, что следует говорить о распространении ее из Ливии, колонизованной теми же финикийцами несколько ранее [32].

Новые раскопки в Мотии выявили на части ее территории город со стенами, воротами, зданиями и храм с обширным тофетом за городской чертой. Возникновение города в собственном смысле, построенного по типично финикийскому плану, датируется VII в. до н. э., но уже в VIII в. на месте будущего города находилась торговая фактория, археологически представленная материалом нескольких типично финикийских захоронений [33]. Исследование городской планировки показало наличие близких аналогий с Китионом, а строения южных ворот Мотии по планировке близки к остаткам здания в финикийском поселении холма Тосканос на средиземноморском побережье Испании. И наконец, планировка храма Мотии имеет прототип в планировке храма Астарты в Китионе [34].

Таким образом, нет никаких оснований говорить о какой-то особой близости Мотии и Карфагена и тем самым о колонизации, идущей из Карфагена. Мотия как город — типичный продукт финикийской колонизации в целом. Появление его на прилегающем к Сицилии с запада островке синхронно появлению первых греческих колоний в Восточной Сицилии и, следовательно, предшествует периоду карфагенского проникновения на остров, которое падает на VI в. до н. э.

Новый свет на пребывание финикийцев в Сицилии проливает изучение аттических амфор для масла с торговыми клеймами σοσ [35]. Эти сосуды находят также на побережье современного Марокко, на побережье Испании в слоях VIII—VII вв. до н. э., когда туда плавали одни финикийцы: ведь первый греческий корабль, отнесенный бурей к Геракловым Столпам, попал в неизвестный до того грекам Тартесс около 660 г. до н. э. (Herod., IV, 152), а первая греческая колония на Западе, Массалия, которая могла бы соперничать с финикийцами, была основана в 600 г. до н. э. (FHG, I, Tim., fr. 40; Sol. II, 52). Поэтому аттические амфоры для масла, датируемые VII в. до н. э. и имеющие клеймо σοσ, также и для Сицилии могут рассматриваться как амфоры, купленные у греков, но доставленные вместе с маслом, в Сицилию финикийскими торговцами, ибо сами афиняне в ту эпоху с Сицилией еще не торговали. Использование греческой тары увеличивало торговый оборот финикийских кораблей, которые, как показывают археологические находки, везли в Эгеиду ценные финикийские сосуды и украшения финикийского или египетского производства. Дальнейший путь на Запад они могли продолжать, подняв на борт амфоры, наполненные маслом, предназначенные в основном для обмена на испанское серебро.

Весьма существенны для понимания финикийского проникновения в Сицилию недавние раскопки на островке Питекусса (Искья) в Неаполитанском заливе, где найдено греческое поселение, известное античной тради-

---

[31] *Whitaker J. I.* Motya a Phoeniciam Colony in Sicily. L., 1921.
[32] *Pace B.* Arte e civilità della Sicilia antica. V. I. Milano, 1935, p. 216.
[33] *Isserlin B. S. J.* Motya: urban features.— PhW, S. 115 ff.
[34] Ibid., S. 124.
[35] *Shefton B. B.* Greeks and Greek Imports in the South of the Iberian Peninsula. The Archaeological Evidens.— PhW, S. 337 ff.

ции как древнейшее (Strabo, V, 4, 4; 9). Полной неожиданностью оказалось то, что среди греческих колонистов в VIII в. до н. э. жили и финикийцы, как стало ясно из типично финикийских захоронений и финикийских надписей, обнаруженных наряду с архаическими греческими [36].

Обитание финикийцев среди греков Питекуссы не является исключением. Н. Колдстрим привел археологические свидетельства пребывания финикийских торговцев в «темные века» в ряде пунктов Эгеиды. Типичные финикийские изделия, иногда с финикийскими надписями, были обнаружены в некрополях Скумбрис, Тумба, Палья, Периволия на о-ве Эвбее, в некрополях Крита к северу от Кносса, в некрополе Серальо на о-ве Кос. Все эти предметы древнее греческого эмпория Аль-Мины на 150—100 лет, и, таким образом, финикийское присутствие в Эгеиде фиксируется раньше, чем эгейцы обосновались на сиро-финикийском побережье. Помимо этого, в греческом археологическом контексте обнаружен ряд предметов финикийского импорта, относящихся к середине IX в. до н. э., т. е. современных Аль-Мине. Среди них наиболее интересны сиро-финикийский бронзовый кувшин из могилы № 42 афинского некрополя Керамика, огромное количество фаянсовых бус из двух богатых женских погребений Ареопага, а также найденные в эвбейских погребениях середины IX в. типичные предметы финикийского импорта — фаянсовые фигурки Исиды, кормящей младенца Гора, Пта-Осириса, стеатитовая печать в форме лежащего льва, фаянсовый скарабей с псевдоиероглифическими знаками [37].

Весьма примечательна сама длительность торговых контактов финикийцев с эвбейцами, которые были наиболее активны в заморской торговле и выводе колонистов: эвбейским было первоначальное ядро греческих поселенцев в Аль-Мине и ряде поселений к югу от нее, выявленных последними археологическими работами [38], эвбейской была древнейшая из западных греческих колоний — Питекусса, где финикийцы жили среди греков, подобно тому как греки Аль-Мины жили в среде сиро-финикийского населения.

Все эти данные позволяют поставить вопрос о характере финикийского присутствия в Сицилии до появления там в VIII в. до н. э. сначала поселения, затем города Мотии. Сообщение Фукидида об обитании финикийцев на побережье Сицилии не дает оснований для вывода о наличии до VIII в. до н. э. финикийских колоний в какой бы то ни было части Сицилии. Очевидно, финикийцы жили в поселениях местного населения в качестве ремесленников и торговцев, подобно тому как они жили среди греческого населения Питекуссы. Лишь появление в Восточной Сицилии множества греческих колоний заставило финикийцев переселиться на запад острова, образовав там компактные поселения, возможно, на тех же местах, где первоначально находились их незначительные группы среди союзного элимского населения.

Таким образом, сведения Фукидида о финикийцах в Сицилии в полной мере подтверждаются как археологическими данными о проживании финикийцев в начале освоения ими острова в нефиникийских поселениях (на примере греческой Питекуссы), так и данными о финикийской колонизации в других районах Средиземноморья. В то же время в проблеме фини-

---

[36] *Buchner G.* Die Beziehungen zwischen der euböischen Kolonie Pithekoussai auf der Insel Ischia und dem nordwestsemitischen Mittelmeerraum in der zweiten Hälfte des 8 Jhs v. Ch.— PhW, S. 290 ff.

[37] *Coldstream.* Greeks and Phoenicians..., p. 262 ff.

[38] *Riis P. J.* Griechen in Phönizien.— PhW, S. 239 ff.

кийской колонизации Запада продолжает оставаться немало спорного и неясного.

Первую фазу финикийской колонизации Запада С. Москати документирует находками в Центральном Средиземноморье, относя начало финикийской экспансии к концу II тыс. до н. э. Опираясь на археологические данные, С. Москати приходит к выводу, что финикийские мореходы плыли в Иберию вдоль побережья Ливии. От этого главного пути в районе Карфагена (будущего) или несколько ближе к Египту отходил отрезок пути, ведущий через острова Пентеллерию и Мальту в Сицилию и имевший продолжение в маршруте через Сардинию и Балеарские острова [39]. В отличие от С. Москати К. Пикар считает, что финикийские корабли из Тира проходили через Кипр вдоль южного побережья Малой Азии через Грецию мимо южного берега Италии и восточного побережья Сицилии в обход Мессинского пролива. В Сицилии путь раздваивался. Один маршрут шел на юг и пролегал вдоль северного побережья Ливии, другой, северный, проходил мимо Сардинии к южному побережью Галлии и далее к Балеарским островам и Иберии [40].

В. Туза в статье, посвященной финикийско-пунийскому присутствию в Сицилии, так же как и С. Москати, четко отделяет финикийскую колонизацию Сицилии как более раннюю от более поздней, карфагенской, считая водоразделом между ними VI в. до н. э. Рассматривая памятники искусства Мотии, он приходит к выводу, что оно по многим своим показателям ближе к искусству собственно Финикии, чем Карфагена, что документирует раннюю финикийскую колонизацию острова [41].

Наряду с литературными и археологическими данными современные исследователи вновь начали использовать в решении проблемы финикийской колонизации сицилийскую топонимику, хотя значение ее как источника было в свое время скомпрометировано трудами Ф. Моверса и его последователей, доводивших поиск финикийских параллелей до абсурда.

У. Шмолль, отказываясь от этимологических натяжек, обращается к тем из сицилийских топонимов, финикийское происхождение которых твердо удостоверено фактом реального обитания финикийцев в соответствии с литературной традицией или археологическими данными, а также финикийской лексикой, даже если финикийские названия переведены — как в случаях Финикуссы (от *I-t-mr — Пальмовый остров) или Кефалеидии — на греческий язык и в этом переводе сохранили свои прежние названия и после вытеснения финикийского населения греческим [42].

После того как за последние два десятилетия в Западной Сицилии и на прилегающем к ней островке Сан-Пантелео и островах, лежащих между Сицилией и Ливией, были обнаружены следы обитания финикийцев с VIII в. до н. э., становится ясно, что в Западной Сицилии финикийская колонизация, не совпадающая с более поздней, пунийской, предшествовала также и греческой. В Восточной Сицилии прямых следов пребывания финикийцев (в виде остатков зданий или некрополей) не обнаружено и можно говорить лишь о косвенных, к тому же далеко не однозначно интерпретируемых данных, извлекаемых из материалов культуры Касси-

---

[39] *Moscati S.* L'Expansione fenicia nel Mediterraneo occidentale.— PhW, S. 51—52.
[40] *Picard C.* Les navigations de Carthage vers l'Ouest.— PhW, S. 167—174.
[41] *Tusa.* La presenza..., p. 95—112.
[42] *Schmoll U.* Die vorgriechischen Sprachen Siziliens. Wiesbaden, 1958, S. 49 ff.

биле [43]. Но подобных памятников финикийской колонизации нет также и в Ливии и Испании, где ни один предмет финикийского происхождения не относится ко времени традиционного основания Карфагена и тем более Гадеса или Утики. И все же любые попытки передвинуть основание этих городов на время более позднее, чем предлагает традиция, не находят поддержки [44], ибо при решении вопроса об историчности финикийской колонизации Запада приходится учитывать всю совокупность фактов, относящихся к истории Финикии. Стоит «сдвинуть» финикийскую колонизацию Запада на одно-два столетия и сделать ее современницей начального этапа Великой греческой колонизации, как появляются трудности в интерпретации античной, библейской, древнеегипетской традиций. Оказываются непонятными сведения Гомера о торговле и пиратстве финикийцев [45], сообщения Библии о таршишских кораблях [46], сведения древнеегипетской традиции о нашествии «народов моря» и о путешествии Унуамона, появляются несообразности в понимании начала греческой колонизации.

Следует учитывать и данные археологии о сходстве материальной культуры регионов, отделенных друг от друга значительными водными пространствами. Поскольку нет сведений о собственном мореходстве у народов этих регионов в столь раннюю эпоху и сообщений о плаваниях греков на дальний Запад до VII в. до н. э., остается допустить, что имелся народ, который взял на себя функции связи между Восточным и Западным Средиземноморьем, и что этим народом были финикийцы.

Недавно появились данные, позволившие уяснить связь между финикийцами и нурагической культурой Сардинии, с одной стороны, а с другой — понять характер контактов финикийских колонистов Сардинии с соседними областями Западного Средиземноморья, Этрурией и Сицилией. Речь идет о новых исследованиях металлических изделий нурагической культуры в вотивных скоплениях и складах Сардинии, выявивших те же типы бронзовых топоров, которые засвидетельствованы в Италии, Испании и на Ближнем Востоке. Ф. Ло Скьяво, датирующая эти топоры концом X — началом IX в. до н. э., видит в них указание на торговлю, соединявшую Сардинию с «оловянной дорогой», которая, начинаясь в Эгеиде, проходила через Сицилию к берегам будущей Этрурии и через Сардинию выводила к Испании и Атлантическому побережью Пиренейского полуострова, чтобы завершиться где-то на Британских островах [47].

---

[43] Так, А. Бизи оспаривает мнение Л. Бернабо Бреа о принадлежности финикийской среде фибул смычкового типа, приписывая им микенское происхождение (*Bisi.* Fenici o micenei..., p. 1161 sgg.).

[44] Э. Форер предложил понимать Quart-hadascht не как «новый город», а как «новую столицу» и, связав необходимость перенесения столицы с разрушением Тира ассирийцами, отнес основание Карфагена к 673—663 гг. до н. э. (*Forrer E. O.* Karthago wird erst 673—663. v. Chr. begründet? — In: Festschrift Dornseif. Lpz, 1953, S. 85 ff.). Против этого мнения выступил Ж. Эргон (*Heurgon J.* Rome et Méditerranée occidental. P., 1969, p. 141 suiv.).

[45] *Hom.*, Il. VI, 289—291; XXIII , 743—744; Od. IV, 83—84; XV, 415. Этноним Φοίνικες у Гомера связана с φοινικόεις — алый, ярко-красный и восходит к названию пурпура. Синонимом Φοίνικες у Гомера являются Σιδόνιοι (сидонцы). У последующих авторов финикийцы и их эпоним Φοῖνιξ ассоциируются с Тиром и тирийцами (см. *Whathelet P.* Les Phéniciens et la tradition homérique.— Studia Phoenicia, 1983, p. 235 suiv.).

[46] Разбор сведений Библии и античной традиции о Таршише см. *Циркин Ю. Б.* Финикийская культура в Испании. М., 1976, с. 9 сл.; *он же.* Высказывание Исайи (XXIII, 10) и возникновение Тартессийской державы.— В кн.: Норция. Воронеж, 1978, с. 30 сл.

[47] *Lo Schiavo F.* Il ripostiglio del nuraghe Flumenelongu. Sassari, 1978.

«Оловянная дорога» была открыта микенцами, но в X—IX вв. до н. э., после падения микенской цивилизации, она была, как и другие — «серебряные», «янтарные» и прочие средиземноморские пути, унаследована финикийцами, об укреплении которых на важнейших отрезках этих путей сообщает античная традиция. К этому следует добавить бесспорно нурагическую керамику, обнаруживаемую на прилегающих к Сицилии Эолийских островах, типично нурагические клювовидные сосуды из гробниц культуры Вилланова в Ветулонии, Популонии, Вульчи, Тарквинии и множество изделий из меди и бронзы сардского типа IX в. до н. э., обнаруженных на Питекуссе [48].

Все это — свидетельства финикийской активности, центром которой была Сардиния, где финикийцы жили бок о бок с носителями нурагической культуры, появившейся на острове около 1500 г. до н. э. Если еще возможно себе представить плавание к Столпам Мелькарта вдоль побережья Ливии, минуя Сицилию, то путь в Сардинию и из нее в Финикию без посещения Сицилии вообразить немыслимо. Это позволяет понять рассказ Диодора о посещении Сицилии Иолаем на пути из Сардинии в Эгеиду (Diod., IV, 30, 1—5), подкрепляемый сведениями о культе Иолая на том отрезке пути, который находился между двумя крупными островами Средиземноморья [49]. В Сардинии, как считали, опираясь на традицию, античные авторы, Иолай приобщил местное население к культуре и там впоследствии возник его культ [50]. Отсюда же единичное сведение Псевдо-Аристотеля об Иолае, сыне Ификла, как строителе нурагов (Ps.-Arist., 100) [51]. Культ Иолая существовал и в Сицилии [52]. Согласно Диодору, местным населением почитались спутники героя, оставшиеся на острове и поселившиеся среди сиканов (VI, 30, 3). Учреждение же почестей самому Иолаю приписывалось Гераклу (Diod., IV, 24, 4). Наиболее детально Диодор рассказывает об организации культа Иолая на своей родине, в Агирии. Помимо ежегодных жертвоприношений и гимнастических игр почести состояли также и в том, что юноши Агирия с детства отпускали волосы, чтобы срезать их в дар этому герою в день совершеннолетия возле ворот, носивших название Геракловых (IV, 24, 4—6).

О том, что Иолай — не только греческий герой, мыслившийся как постоянный спутник Геракла, но и финикийское божество, яснее всего показывает материал Сардинии. Той несомненной значимости Иолая в религиозном мире этого острова, которая вырисовывается из сообщений античных авторов, более всего соответствует место, занимаемое божеством, известным под латинским наименованием Sardus Pater. Осуществленные в 60-х годах раскопки храма в Антасе (внутренняя территория Сардинии) показали тождественность этого божества финикийскому Сиду, поскольку внутри храма, латинская надпись на архитраве которого содержит слова

[48] *Ridgway D.* Archaeology in Sardinia and Etruria.— Archaeological Reports vor 1979—1980, p. 59—61.

[49] О культе Иолая в Этрурии см. *Немировский А. И.* Этруски. От мифа к истории. М., 1983, с. 50—51.

[50] *Diod.*, IV, 29, 5. Согласно Страбону (V, 2, 7), Иолай поселился на острове после тирренов. Иолаю приписывалось основание Ольвии, прибрежного города на северо-востоке Сардинии: *Paus.*, X, 17,5. Ряд авторов считает Сардинию местом смерти Иолая: *Paus.*, IX, 23,1; *Solin.*, p. 19, 1 sqq. M. О культе Иолая — также *Paus.*, X, 17, 5.

[51] Псевдо-Аристотель считает, что Иолай пришел в Сардинию вместе с Феспидами, сыновьями Геракла, в качестве поселенца (*Ps.-Arist.*, 100).

[52] Б. Хид высказал предположение, что на одной из монет Агирия изображена юношеская голова Иолая, а на другой—он в виде охотника, сопровождаемого собакой (*Head B.* Historia nummorum. Oxf., 1911, p. 109). Но собака в Сицилии обычно связывалась с Кринисом или Адраном.

Sardus Pater, обнаружено два десятка вотивных финикийских текстов с посвящениями Сиду [53]. Если видеть вслед за Москати [54] Сида также и в Иолае, фигурирующем наряду с Гераклом среди богов-поручителей договора Филиппа V с Ганнибалом, греческий текст которого приводит Полибий (VII, 9, 2—3), то отождествление финикийского божества с греческим героем имеет достаточно давнюю традицию.

Иолай как финикийско-карфагенское божество отчетливо прослеживается также в мифе о борьбе Геракла с Тифоном (Йамму). Миф этот, излагавшийся Эвдоксом, но дошедший до нас в переложении Афинея (IV, 392e), приписывает Иолаю возвращение к жизни Геракла, тело которого ему помогает разыскать перепел. Перепел был обычной жертвой Мелькарту у финикийцев.

Неизмеримо большие, чем Иолай, следы почитания оставил в Сицилии другой финикийский бог — Мелькарт, отождествлявшийся здесь (как и повсеместно в греческом мире) с Гераклом [55]. Приписываемый Гераклу путь по землям Гесперии, расцвечиваемый теми или иными мифологическими подробностями, охватывает всю Италию и значительную часть Сицилии [56]. Во многих местах Италии и Сицилии еще в I в. до н. э., по свидетельству Дионисия Галикарнасского, показывали священные рощи, теменосы, посвященные Гераклу как божеству, и алтари в его честь не только в городах, но и на дорогах (Dion. Hal., I, 40).

Всеохватывающий маршрут, который древние приписывали Гераклу в странствиях героя по Италии и Сицилии, равно как и существование в историческое время множества теменосов и алтарей в местах, жители которых уверяли, что это реальный след посещения Гераклом их земель, не должны направлять современных исследователей на поиск древнейших следов финикийского или еще более раннего микенского присутствия во всех тех местах, на которые указывает миф. Не говоря уже о необыкновенной популярности Геракла среди греческих колонистов, порождавшей стремление связать с его подвигами территорию каждого их города, образ Геракла — один из самых многослойных мифологических образов древности, вобравший в себя множество мифологических персонажей негреческого происхождения со всеми их аксессуарами. На огромном пространстве по всему Западу, начиная от Италии и Сицилии и вплоть до Испании, включая побережье Галлии и Северной Африки, отыскиваются следы предшественников Геракла, среди которых на территории Сицилии первое место принадлежит финикийскому Мелькарту.

На основании рассказов древних авторов о Геракле, возвращающемся на Балканы с быками Гериона, еще в прошлом столетии Ф. Моверсом был сделан вывод о том, что маршрут Геракла отражает географию почитания Мелькарта на острове [57]. Но Ф. Моверс и его последователи слишком некритически интерпретировали почти все топонимы острова как семитиче-

---

[53] *Moscati.* Il mondo dei Fenici, p. 273.

[54] Ibid., p. 163.

[55] Об отождествлении Мелькарта с Гераклом в Эгеиде см. *Циркин.* Финикийская культура..., с. 68 сл.; *Bonnet-Tzavellas C.* Le Dieu Melqart en Phenicie et dans le bassin méditerranéen.— Studia Phoenicia, 1983, p. 198—201.

[56] О сицилийском «маршруте» Геракла см. *Макушкин М. Н.* Миф о Геракле как источник по истории Северо-Западной Сицилии в догреческую эпоху. В кн.: Норция. Вып. 2. Воронеж, 1978, с. 7 сл.; Открытие финикийско-этрусской билингвы в Пирги подкрепило предположение, что и в Риме предшественником Геракла был Мелькарт: *Rebuffat M.* Les Phéniciens à Rome.— Melanges d'archeologie et d'histoire de l'Ecole française de Rome, 1966, 78, p. 7—48.

[57] *Movers.* Op. cit.

ские. Как финикийское заимствование понимали они и бросание в воду жертвенного животного в Сиракузах, сравнивая его с пунийским ритуалом Гамилькара, также связанным с потоплением животных в море [58], хотя подобный обряд распространен у многих народов и не может быть признан специфически финикийским. Однако в отношении финикийской основы пути Геракла археологические открытия 60-х годов подтвердили правоту Ф. Моверса. Правомерность такого вывода становится очевидной при сопоставлении с более скудной античной традицией о Геракле в Испании. Тщательное исследование этой традиции (Sil. It., III, 32—44), проведенное Ю. Б. Циркиным, привело его к заключению, что за описанием подвигов Геракла, изображенных на воротах гадитанского Гераклейона, стоят подвиги Мелькарта, имеющие параллели в деяниях восточных героев — Гильгамеша, Самсона и др. [59]

Вместе с тем открытие в Сицилии микенских памятников требует по возможности четкого разграничения микенского Геракла и финикийского Мелькарта, отождествленного с Гераклом. Однако пока единственным надежным критерием для подобного разграничения является географический критерий: восточная часть острова, где были обнаружены микенские памятники, может считаться преимущественно областью почитания микенского Геракла, а Западная Сицилия, где таких памятников не найдено и где имеются многочисленные топонимические, а также археологические следы финикийского присутствия,— регионом финикийского Мелькарта, что, однако, не исключает в ряде случаев слияния этих образов: в позднейшей обработке мифов греческими колонистами микенский Геракл и финикийский Мелькарт, почитавшиеся до греков в Сицилии, должны были слиться в единый образ, подобно тому как в Италии то же самое происходит в отношении этрусского Геркле.

Упоминание в рассказах о Геракле в Сицилии сиканов (Diod., IV, 23) не может служить датирующим признаком для финикийского слоя мифа, поскольку сиканы до появления сикулов и элимов заселяли весь остров. Иное дело — топонимика и ономастика элимов, присутствующая в рассказах о Геракле у Диодора (IV, 23) и Аполлодора (II, 10). Появление элимов в Западной Сицилии (согласно античной традиции, после Троянской войны) — terminus ante quem для датировки мифа о финикийском Мелькарте. Именно элимская среда, в которую влились, согласно Фукидиду (VI, 2, 6), финикийцы, восприняла этот миф и придала ему некоторое своеобразие. В этой же среде получил развитие миф о богине, в культе которой играла роль храмовая проституция (Diod., IV, 83, 6). Связь богини Эрика с финикийскими центрами доказывается не только прямыми упоминаниями Астарты в находимых в районе Эрика надписях III—II вв. до н. э. [60], но и тем, что в дни празднества эрицинской богини в Карфаген посылался из Эрика посвященный этой богине голубь, который возвращался затем в Эрицинский храм [61].

Контакты Сицилии с финикийским миром могут быть, таким образом, рассмотрены в рамках мифологических, топонимических и археологических данных. Выходцев из микенского мира, появившихся на берегах Си-

---

[58] Ibid., S. 325 ff.; *Baudissin W.* Studien zur semitischen Religionsgeschichte. Bd. II. Lpz, 1876, S. 156.

[59] *Циркин.* Финикийская культура..., с. 66 сл.

[60] О пунической надписи римского времени и вотивных предметах см. *Moscati.* Il mondo dei Fenici, p. 244 sgg.

[61] Анализ ἀναγωγή и καταγωγή см. в кн.: *Manni E.* Sicilia pagana. Palermo, 1963, p. 80 sgg.

цилии до финикийцев, остров для выведения колоний не привлекал, поскольку не обладал интересующими их металлами, а к залежам металлов на территории Сардинии и будущей Этрурии вели пути от факторий, основанных в Южной Италии, к залежам же металлов Испании — от факторий Эолийских островов. Для финикийской же торговли, напротив, Сицилия играла роль, совершенно отличную от той, которая принадлежала ей в микенскую эпоху. Финикийцев привлекали сельскохозяйственные продукты, прежде всего оливковое масло, которое они с немалой выгодой сбывали в Испании в обмен на металл. Везти из Сицилии его было ближе и удобнее, чем из Аттики, хотя Аттика поставляла и масло, и тару, используемую также и для сицилийского масла. Аттические амфоры с меткой σσσ, о которых уже упоминалось, находимые в слоях VIII—VII вв. в Сицилии, Испании, на берегах Марокко, представляют наиболее бесспорный след финикийской торговли, промежуточным пунктом которого служила Сицилия.

LES PHÉNICIENS EN SICILE

L. S. Il'jinskaja

Les information fournies par la tradition antique sur le rôle des Phéniciens en tant que prédécesseurs des Grecs dans la colonisation de la Sicile, faute de confirmations archéologiques, ont longtemps été mises en doute, mais sont maintenant confirmées non seulement par la découverte à Motia de monuments du VIIe s. av. n. è. et, dans les couches les plus profondes de la Pithecussa grecque, à côté de sépultures grecques, de sépultures et d'inscriptions phéniciennes, mais aussi par l'identité du répertoire des articles de bronze de la culture sicilienne de Cassibile (1000—850 av. n. è.) avec celui de cultures méditerranéennes de la même époque dont l'origine ou les attaches phéniciennes ne font pas l'ombre d'un doute, ainsi que par l'antiquité profonde en Sicile de cultes d'origine phénicienne (Melkart, Yolay).

La colonisation phénicienne de la Sicile s'inscrit dans le contexte général des interêts commerciaux phéniciens à orientation occidentale. Les Phéniciens remplissaient le vide créé par l'écroulement des royaumes mycéniens et la cessation des navigations mycéniennes vers l'ouest; aussi, encore avant que les Grecs se fussent implantés sur le littoral syrien (al-Mina, Sukas), les Phéniciens se sont-ils installés dans certaines parties de la Grèce balkanique et dans maints centres locaux de la Sicile, laquelle devint la tête de pont de leur progression en Sardaigne et en Espagne.

La Sicile a joué pour le commerce phénicien un rôle absolument différent de celui qui avaient été le sien à l'époque mycénienne. Les Phéniciens étaient attirés par les denrées agricoles, avant tout par l'huile d'olive qu'ils écoulaient en Espagne contre de l'argent (le métal). Les amphores attiques portant le timbre ΣΟΣ et datant des VIIIe—VIIe ss. av. n. è. qu'on trouve en Sicile, en Espagne, sur les côtes du Maroc, bien que les commerçants grecs n'eussent pas encore pénétré dans ces régions, sont des vestiges du commerce phénicien qui transitait par la Sicile.

Ю. Г. Виноградов

ВОТИВНАЯ НАДПИСЬ ДОЧЕРИ ЦАРЯ СКИЛУРА ИЗ ПАНТИКАПЕЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СКИФИИ И БОСПОРА ВО II в. до н. э.

Самым значимым в историческом плане памятником, найденным при раскопках нового святилища на г. Митридат, следует, бесспорно, считать мраморный жертвенный стол — трапедзу с посвятительной надписью, исследование которой и составит предмет данной публикации [1].

Надпись нанесена в две строки на карнизе жертвенника, собирающегося по лицевой грани из пяти фрагментов так, что шрифтовое поле восстанавливается, судя по тексту, практически целиком: повреждена лишь последняя буква первой строки. Однако верхняя строка, к сожалению, в нескольких местах настолько сильно затерта, что нанесенные здесь буквы дошли в виде отдельных жалких штрихов либо исчезли вовсе. Произошло это оттого, что крышка трапедзы была вмонтирована в нишу святилища на уровне половины человеческого роста, и при совершении частых религиозных обрядов верхняя грань подвергалась систематическому вытиранию одеждами молящихся и жрецов. Тем не менее тщательное копирование остатков букв с учетом формульного построения текста позволяет восстановить стк. 1 со степенью достоверности, приближающейся к максимальной.

Надпись была нанесена не слишком опытным резчиком без предварительной разлиновки. Строки не выдержаны по высоте: первая как бы прилеплена к верхнему обрезу камня и заметно уже второй; обе строки не везде выдерживают строгую горизонталь, извиваясь змейкой; одни и те же буквы имеют часто различные очертания и разную плотность: в стк. 1 они вырезаны очень скученно, а в стк. 2 в двух местах и в конце оставлен даже vacat. Средняя высота букв стк. 1 — 0,8—1, стк. 2 — 0,9—1,2; *омикрон* значительно мельче прочих букв — 0,5; расстояние между строками колеблется от 0,2 до 1 см. (рис. 1, 2).

Остатки первых четырех букв надписи дают однозначно вычленяемую, чрезвычайно распространенную в эту эпоху формулу: ὑπὲρ τοῦ δεῖνος, обозначающую, за чье здравие, благополучие, благоденствие и т. п. было сделано посвящение, включающую далее имя дедиканта, соответствующий глагол и имя божества в дат. над.[2] За предлогом после лакуны в две-три буквы по их остаткам надежно дополняется слово βασιλέως, за которым

[1] Об итогах раскопок святилища см. в статье В. П. Толстикова, публикуемой в этом же номере ВДИ; там же приведены основные габариты памятника. Автор выражает искреннюю благодарность начальнику Боспорской археологической экспедиции ГМИИ В. П. Толстикову за любезно предоставленную возможность опубликовать надпись и помощь в работе над нею.

[2] См. КБН 31, 32, 33, 34, 36, 75 (за царей); 6, 9, 11, 14, 17, 19, 23, 27, 318, 1037, 1039, 1074, 1117 (за частных лиц).

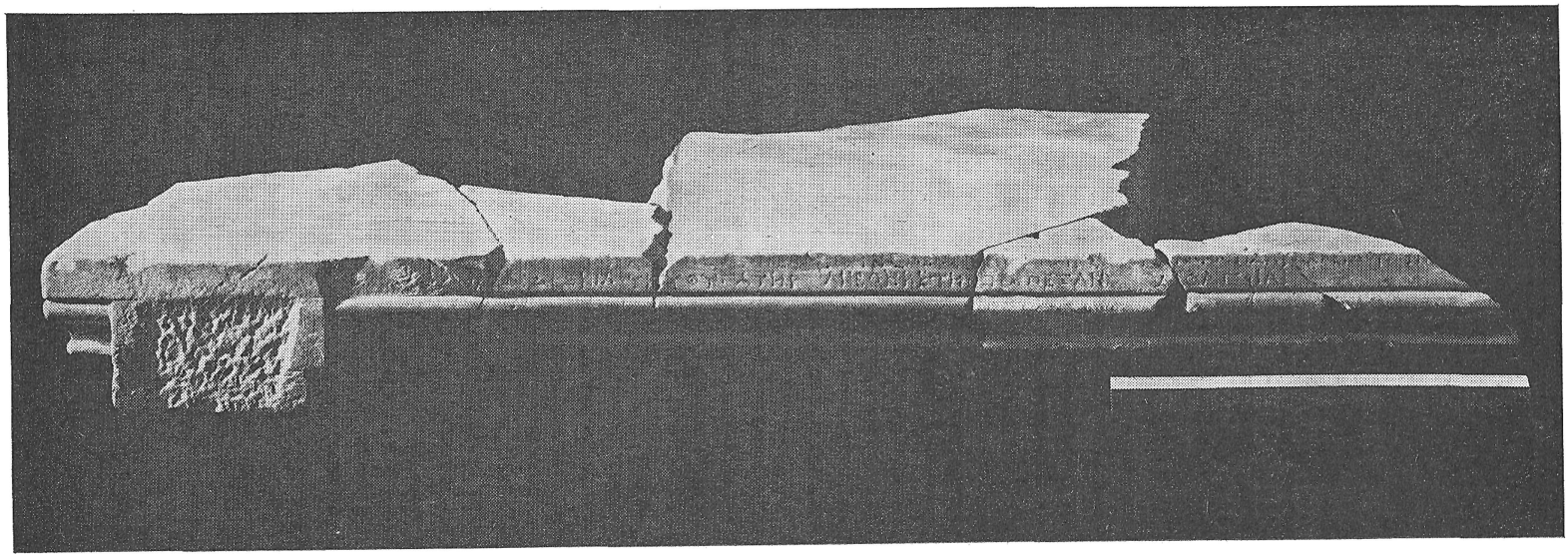


Рис. 1. Надпись дочери царя Скилура из Пантикапея

Рис. 2. Прорисовка надписи

следует еще одна лакуна в две-три буквы, затем явные остатки *сигмы*, за которой с большой степенью надежности дополняется [Πα]ιρισάδου [το]ῦ vel [υἱο]ῦ βασιλέως и после абсолютно стертого пространства в 6—7 букв снова Παιρισάδου. Таким образом, структура этой части надписи ясна, но остается вопрос о заполнении лакун.

После ὑπέρ маловероятно ожидать [υἱοῦ] или [τοῦ ἐκ], поскольку имя лица, за которое ставилось посвящение, всегда занимает в вотивных и почетных надписях место прежде патронимика. Поэтому ничего не остается, как предположить, что здесь стоял член [τοῦ], хотя это также не находит параллелей на Боспоре и не типично для греческих посвящений вообще. Однако допускать здесь незаписанное пространство мешают слабые следы нижних кончиков гаст. После первого βασιλέως следует отказаться от дополнения, например, [νίκη]ς, так как это слово не только не умещается в лакуну, но и не может разрывать царский титул и имя царя (ср. КБН 32, 33, 36). Исходя из этого, я не вижу иной возможности, как восстановить здесь слово [τρί]ς, которое должно в таком случае означать, что чествуемый надписью царь был «трижды» Перисадом, т. е. имел омонимичного отца и деда [3].

Такое необычное для царских имен сокращение омонимичности, видимо, может быть объяснено тем, что резчик боялся не вместить в заранее заданное, ограниченное шрифтовое поле весь текст, а потому предпочел не повторять три раза τοῦ βασιλέως Παιρισάδου, но ограничился кратким τρίς. Этому не противоречит следующее за именем сына [το]ῦ vel [υἱο]ῦ βασιλέως... Παιρισάδου, которое должно было подчеркнуть, что данный царь был не просто дважды Перисадовичем, но принял власть из рук законного боспорского царя Перисада. Поэтому я не нахожу ничего более подходящего, как дополнить в следующей лакуне между титулом и именем топоним [Βοσπόρου?].

Прецедент подобной конкретизации царского титула до сих пор был встречен в боспорской эпиграфике впервые лишь с конца I — начала II в. н. э. у Савромата I (КБН 32, 3), однако в нашем случае ее употребление вызвано, по всей видимости, особыми причинами. Надпись вырезана по велению лица, не только пришлого на Боспоре, но, главное, подчеркивающего (кроме прочего) свое происхождение от правителя другого — Скифского царства, а посему и уточняющего, что Перисад, в чью честь воздвигнут алтарь, происходил из боспорской царской фамилии.

За патронимиком перед трещиной, отделяющей два фрагмента стола, сохранился нижний уголок *сигмы*, а за ней — нижняя гаста *эпсилона*, заканчивающаяся характерным для шрифта всей надписи Zierstrich'ом; в следующей букве по едва заметной диагонали можно распознать *ню*, за которым могла стоять лишь *альфа* со стертой перекладиной. Таким образом, наиболее оптимальное чтение имени дедиканта — Ξενάμωτις [4].

---

[3] См. *Koerner R.* Die Abkürzung der Homonymität in griechischen Inschriften.— Stzb. Berlin, 1961, № 2. Наш пример добавляется к редчайшим случаям постановки числительного перед именем лица, приведенным в работе Р. Кёрнера (S. 60—64), которые даже этому гиперкритически настроенному автору не удалось убедительно элиминировать. Обычай сокращения омонимов появляется в греческих надписях (хотя и редко) как раз во II в. до н. э. (S. 136); на Боспоре он раньше был засвидетельствован с I в. до н. э. (S. 98 f.).

[4] На предварительной стадии изучения надписи было предложено чтение Δημωτις, от которого теперь следует отказаться (*Виноградов Ю. Г.*, *Молев Е. А.*, *Толстиков В. П.* Новые эпиграфические источники по истории Митридатовой эпохи.— В кн.: Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985, с. 590 сл.).

Оставшиеся слова сткк. 1 и 2 читаются четко и однозначно, так что весь текст надписи можно представить в следующем виде:

Ὑπὲρ [τοῦ?] βασιλέως τρὶς [Πα]ιρισάδου [το]ῦ vel [υἱο]ῦ βασιλέως
[Βοσπόρου?] Παιρισάδου Σεναμωτις Ἡρακλείδου γυνή,
βασιλέως δὲ Σκιλούρ[ο]υ θυγάτηρ v ἀνέθηκεν τὴν τράπεζαν vac. Διθαγοιαι.

Перевод: За царя трижды Перисада, сына царя [Боспора] Перисада, Сенамотис, жена Гераклида и дочь Скилура, посвятила этот жертвенный стол Дитагойе.

Таким образом, надпись сообщает новые и, прямо скажем, неожиданные подробности из истории скифо-боспорских взаимоотношений: дочь знаменитого царя скифов Скилура, вышедшая замуж за боспорского грека по имени Гераклид, поставила в святилище на акрополе Пантикапея жертвенник в честь царя Перисада, посвятив его неизвестной нам доселе богине Дитагойе. Чтобы новый эпиграфический документ был, как ему подобает, осмыслен исторически, его следует вписать, по мере возможности, в более точные хронологические рамки. Для их определения у нас имеется несколько путей, прежде всего палеографический анализ.

Письмо нашего документа относится стилистически к так называемой эллинистической Zierschrift в ее развитом варианте. Этот стиль отличается манерностью исполнения букв, нарочитой изогнутостью их линейных элементов, обилием украшений, превратившихся из обыкновенных апексов в своеобразные отростки на концах таких литер, как *альфа*, *дельта*, *эпсилон*, *эта*, *каппа*, *ламбда*, *сигма*, *тау*. Перекладина у альфы прогибается, но не ломается; полукружия у *беты* и *ро* очень маленькие; гамма имеет непропорционально вытянутую по сравнению с вертикальной гастой горизонталь; *дзета* — изгибающийся причудливый завиток, не смыкающийся с горизонталями; усики *каппы* очень коротки; *омикрон* изображается в виде совсем крошечного кружочка; *пи* с разновеликими вертикалями и выступающей за их пределы поперечиной; *омега* иррегулярна — то смыкая усики, то нарочито расставляя их, она меньше габаритов строки. Такие элементы, как: укороченная сверху и снизу правая гаста у *эты*; приподымающаяся вправо горизонталь *дельты*; *ламбда*, задирающая правую ножку; подчеркнуто длинные вертикали у *беты*, *эпсилона*, *йоты*, *каппы*, *ро*, и намеренно укороченные у *гаммы* и *тау*; иррегулярная *сигма*, то с параллельными горизонталями, то отгибающая либо верхнюю, либо нижнюю — следует отнести за счет индивидуальной манеры резчика.

Подобный «претенциозный» стиль письма возник на Боспоре, как прекрасно показано в недавней публикации [5], при Перисаде II, во второй четверти III в. до н. э. Однако трудно согласиться с ее автором в том, что «этот прием, по-видимому, не нашел широкого распространения и в последующий период» [6], поскольку эпиграфист, как и составители очерка боспорской лапидарной палеографии [7] прошли мимо одного интересного памятника, представляющего по шрифту ближайшую аналогию публикуемому [8]. Речь идет о посвящении жреца Каллона из Гермонассы, датированном правлением царя Перисада, сына Перисада; в этом царе изда-

[5] *Белова Н. С.* Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н. э.— ВДИ, 1984, № 2, с. 82—85.

[6] Там же, с. 85, прим. 23.

[7] *Болтунова А. И., Книпович Т. Н.* Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре.— НЭ, 1962, III, с. 16.

[8] *Шкорпил В.*— ИАК, 1915, 58, с. 17 сл., № 1 = КБН 1044.

тель верно усматривал Перисада IV Филометора; в честь него же и его семьи пантикапейским фиасом поставлено посвящение ЮSPE, II, 19 = =КБН 75. Сопоставление палеографии обеих надписей лишний раз убеждает в том, что оба стилистических направления — традиционно-архаизирующее и претенциозно-прогрессирующее — продолжают сосуществовать на Боспоре по крайней мере до середины II в. до н. э.[9]

Сравнение гермонасской надписи КБН 1044 с новонайденной (рис. 1) показывает, однако, что при всем их стилистическом сходстве посвящение Сенамотис представляет собой дальнейшую стадию развития данной манеры письма. В надписи Каллона [10] выделяются такие более ранние элементы, как: отсутствие вариантов одних и тех же букв; меньшая прогнутость косых линий; более крупные *тета*, *омега* и особенно *омикрон* почти укладываются в габариты строки; *сигма* с параллельными горизонталями и др. Еще более близка нашей по шрифту (если это вообще не работа одного мастера или, по крайней мере, одной школы резчиков) надпись КБН 27, которая обращает на себя внимание тем, что и она вырезана на вотивном рельефе, тоже поставленном «по повелению» женщиной, Плусией, за своих дочерей и тоже негреческому, малоазийскому женскому божеству — Кибеле, названной лишь по эпиклезе Ἀγγίσσ⟨ε⟩ι. Проведенный сопоставительный анализ — лишнее подтверждение того, что новонайденный пантикапейский вотив поставлен за сына Перисада IV Филометора, царя Перисада V — последнего представителя династии Спартокидов. Это пока единственный на Боспоре эпиграфический документ, упоминающий этого правителя, что следует признать немаловажным фактом.

Второй путь уточнения датировки нашей надписи — просопографический. Terminus ante quem определяется достаточно просто — датой смерти царя Перисада V, которой следует считать, как будет показано ниже, скорее всего 111 г. до н. э. Сложнее обстоит дело с terminus post quem. Исходя из свидетельств Посейдония и Аполлонида, согласно которым у Скилура было, соответственно, 50 или 80 сыновей (Strabo, VII, 4, 3), разумеется, от разных жен, этот скифский царь жил, видимо, достаточно долго. Если принимать за дату его смерти примерно 113 г. (см. ниже), то ничто не мешает предположить, что он родился в 70-е гг. II в. и около середины столетия мог произвести на свет свою дочь Сенамотис. Тогда достижение ею брачного возраста можно отнести к 30-м гг. II в.

Тот же terminus post quem для нашей надписи может найти подтверждение и с другой стороны. Если следовать тем нумизматам, которые, относя одну серию золотых боспорских статеров с именем Перисада к последнему Спартокиду, читают в помещенных на них буквах А, ΙΔ и К даты его правления [11], то продолжительность его царствования была минимум 20 лет, т. е. он вступил на престол самое позднее в 130 г. Таким образом, хронологические рамки посвящения пантикапейской трапедзы укладываются в промежуток ок. 140—111 гг., дальнейшее их сужение пока не представляется возможным.

---

[9] Поэтому нельзя согласиться с определением письма КБН 75 как Zierschrift (*Болтунова*, *Книпович*. Ук. соч., с. 16).

[10] Попутно замечу, что по требованиям симметрии, неукоснительное соблюдение которой прослеживается в КБН 1044, в сткк. 3—4 следует восстанавливать τόν | [δε τὸν ἀν]δριάντα.

[11] См. из последних: *Голенко К. В.* Новая монета царя Спартока.— В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982, с. 52 сл. (статья издана посмертно); *Карышковский П. О.* К вопросу об обращении статеров лисимаховского типа в Причерноморье.— В кн.: Нумизматический сборник. Тбилиси, 1977, с. 24.

Итак, из публикуемого документа определенно следует, что царевна Сенамотис, супруга Гераклида, посвятила жертвенник богине по имени Διδαγοια. К великому сожалению, длительный поиск этого теонима как в общих справочниках (Pape — Benseler, Roscher, Bruchmann, Gruppe, Nilsson, RE, Der Kleine Pauly и др.), так и в многочисленных эпиграфических изданиях пока не увенчался успехом; не исключено, что эта эпиклеза вообще уникальна. Общий характер святилища и сделанных в нем находок показывает, что оно было посвящено женскому божеству, выступавшему, по всей видимости, в ипостаси Артемиды-Гекаты [12], однако и у этих двух богинь не находится эпитетов, сколько-нибудь напоминающих наш [13]. Негреческий характер теонима очевиден. Решение вопроса о его этимологии и принадлежности к тому или иному языковому ареалу я оставляю лингвистам. Но по моему впечатлению неспециалиста, во всяком случае, ничего типично иранского в нем не улавливается.

Антропоним Σεναμωτις не находит даже отдаленных аналогий ни в иранском, ни во фракийском, ни в малоазийском языковых ареалах, не говоря уже о греческом. Неожиданным образом очень близкие параллельные формы как мужских, так и женских личных имен начиная с эллинистического времени дают египетские папирусы: Σεναμωνις, Σεναμουνις [14]. Детальный лингвистический анализ имени Σεναμωτις — задача египтологов; со своей стороны замечу лишь, что появление египетского имени в скифском царствующем доме не должно казаться таким уж необъяснимым сюрпризом: достаточно вспомнить, какие тесные контакты в различных сферах бытия связывали соседнее и, как я стараюсь показать ниже, союзное Скифскому Боспорское царство начина с III в. до н. э. с Египтом [15].

Имя супруга царевны Сенамотис Ἡρακλείδης на Боспоре хорошо известно. Весьма часто оно в римское время (см. КБН, Indices), но встречается в качестве имени или патронимика уже начиная с IV в. до н. э. (КБН 190; 266; 912, 2.8; 1137 A, 1.12; 1.48; 2.16). Особенно интересно его употребление в среде боспорской знати: так, в третьей четверти III в. до н. э. некий Ἄγλαος Ἡρακλείδου посвящает статую Дионису (КБН 24). Вне всякого сомнения, к верхушке боспорского общества принадлежал и Гераклид нашей надписи, поскольку в высшей степени невероятно, чтобы царевна Сенамотис вступила в брак с каким-то безродным боспорянином. Более того, нет ничего невероятного и в предположении о том, что Гераклид был членом царствующей фамилии Спартокидов. Из боспорской истории нам известны неоднократные случаи, когда наряду с традиционными в династии Спартоками, Сатирами, Левконами, Перисадами сыновья, особенно младшие, нарекались нетрадиционно. Так, Сатир нарек своих сыновей Метродором и Горгиппом (Polyaen., VIII, 55), младший брат Спар-

[12] См.: *Акимова Л. И.* Новый памятник скульптуры из Пантикапея.— ВДИ, 1983, № 3 и статью В. П. Толстикова в данном номере ВДИ.

[13] Отдаленное сходство наблюдается лишь в эпиклезе Артемиды Διγαια, почитавшейся в римское время в Македонии в местечке Благаны, а потому именовавшейся и Βλαγανῖτις (см. SEG, XVII, 277).

[14] См. P. Cairo Zen. 2, 59292. 390; 59172. 8—9, 27; 4, 59745. 80; SB 1463; 5349; 7402. 5; 9870, col. I. II; 9873. I; 10592. 6; 10860, I, col. II.2 et al. Ср. также м. и ж. ЛИ Σενμούθης, -θις/Σεμμούθης, θις см. SB 10337. I; 10422. 5; BGU VI, 1487 etc. Ср. *Preisigke E.* Namenbuch. Heidelberg, 1922, Sp. 369, 370, 373. Египетские имена с основой Σεν- см. Ibid., Sp. 370—379; Pape — Benseler, S. 1368: Σεναπαης, Σεναραβιων, Σεναρμαιος, Σεναρσηρις, Σενεμουρης и др.

[15] *Грач Н. Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее.— ВДИ, 1984, № 1, с. 84—88; *Трейстер М. Ю.* Боспор и Египет в III в. до н. э.— ВДИ, 1985, № 1, с. 126—139.

тока II и Перисада I звался Аполлонием (IG, II², 212), средний сын Перисада I носил имя Притан, а младший — Евмел (Diod., XX, 22). Поэтому вполне вероятно, что один из младших членов фамилии поздних Спартокидов мог получить имя Гераклид.

Такой случай заключения династийного брака одним из членов боспорского царствующего дома был бы небеспрецедентен. Из упоминавшейся выше надписи пантикапейского фиаса IOSPE, II, 19 = КБН 75 следует, что царица Камасария, овдовев после смерти своего мужа Перисада III, вышла вторым браком за некоего Аргота. Интересные этимологии В. Миллера/В. И. Абаева и В. А. Лифшица, представленные в другом месте, не оставляют сомнения в принадлежности имени Αργοτας к ирано-скифскому языковому ареалу, что стало еще более убедительным после прочтения на перстне Скила аналогичного имени, принадлежавшего, по всей видимости, предшественнику этого царя [16].

В связи с этим требует пересмотра и отчество Аргота в надписи пантикапейских фиаситов, которое В. В. Латышев в IOSPE, II, 19 оставил без дополнения, а В. Томашек впервые предложил дополнить в Ἰ[σάν]θου [17]. Основанием для этого ему послужило приводимое Филархом имя фракийского царя племени кробизов Ἰσάνθης [18]. Однако это дополнение не может считаться абсолютно надежным и не столько из-за того, что при скифском имени восстанавливается фракийский патронимик (что само по себе возможно), сколько из-за несоответствия этой конъектуры остаткам букв в лакуне стк. 7 [19]. Итак, если восстановление патронимика Аргота стоит под сомнением, то его происхождение из среды скифской знати, а наиболее вероятно,— просто из правящего дома Скифского царства в Крыму остается бесспорным фактом, ибо трудно поверить, чтобы вдовствующая боспорская царица взяла себе вторично в мужья человека ниже себя рангом. Таким образом, династийные связи Скифского и Боспорского царств во II в. следует признать традиционными.

Надпись пантикапейского фиаса КБН 75, перечисляющая членов боспорской правящей фамилии, вместе с новонайденным посвящением побуждают нас вновь обратиться к давно дискутируемому и сложному вопросу о хронологии царей Боспора II в. до н. э. Поскольку, как известно, боспорская хроника Диодора прерывается с моментом смерти Спартока III (Diod., XX, 100, 7) и воцарением Перисада II в 284/3 г. до н. э., в нашем распоряжении остаются исключительно эпиграфические и нумизматические источники. Царица Камасария фигурирует в списке донаторов Дидимейского храма, который вслед за А. Бёком многие издатели датировали 156—155 гг. до н. э. [20] Однако впоследствии А. Рем убедительно передатировал список 178/7 г. до н. э. [21] В следующем 117/6 г. в то же святилище

[16] См. *Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила.— СА, 1980, № 3, с. 97 и прим. 29—30.

[17] *Tomaschek W.* Die alten Thraker.— Stzb. Wien, 1893—1894, Bd. 131, 1, S. 49; ср. *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913, p. 581, not. 5. Позже Латышев принял эту конъектуру, хотя издатели КБН (с. 85) пальму первенства приписали ему.

[18] *Athen.*, XII, 51, p. 536D = FGrH 81 F 20; ср. *Tomaschek.* Op. cit., S. 9; *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Wien ², 1976, S. 216, 253.

[19] Мною была проведена аутопсия камня в Эрмитаже; фото его см. *Болтунова, Книпович.* Ук. соч., с. 17, рис. 7.

[20] CIG, II, 2855; *Haussoullier B.* Études sur l'histoire de Milet et du Didymeion. P., 1902, p. 202; Michel 836; *Граков Б. Н.*— ВДИ, 1939, № 3, с. 266 сл., № 38.

[21] *Rehm A.* Didyma II. B., 1958, № 463. Ср. *Werner R.* Die Dynastie der Spartokiden.— Historia, 1955, IV, S. 425 f. (с указанием предшествующих работ Рема); *Günther W.* Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit.— Hist. Mitt., Beiheft 4. Tübingen, 1971, S. 95, Anm. 181.

жертвует золотую фиалу царь Перисад [22]. В честь Перисада и царицы Камасарии в Дельфах был издан декрет, датированный Т. Омоллем по палеографии временем немного раньше 160—150 гг. [23]; он сопоставил чествуемых лиц с боспорскими правителями, упомянутыми в дидимских списках, отталкиваясь при этом от старой, ошибочной их датировки.

Какой же Перисад (и один ли и тот же) упомянут в дидимской и дельфийской надписях? Большинство ученых (Омолль, Латышев, Граков, Рем, Диль, Гайдукевич и др.) считали, что речь в них идет об одном и том же Перисаде — по счету третьем, муже Камасарии. Однако передатировка дидимских инвентарей при более поздней дате дельфийского декрета дает, казалось бы, возможность распределить оба свидетельства между Перисадом III — отцом, и Перисадом IV — сыном [24]. Тем не менее не стоит забывать, что Омолль был столь осторожен в своей датировке, поскольку на него явно влияла традиционно устоявшаяся поздняя дата (50-е гг. II в.) дидимских списков, но и при этом палеографические наблюдения толкали его отнести декрет из Дельф ко времени, более раннему, чем 160 г. Вот почему ничто не мешает поместить дельфийскую псефизму ближе к 70-м гг. II в., а не просто утверждать [25], что она датируется временем около 160 г. Иными словами, я не вижу пока оснований для распределения эпиграфических указаний из обоих знаменитых эллинских святилищ между двумя одноименными боспорскими царями.

Другим путем пошел Р. Вернер. Последовательно настаивая на заниженной хронологии последних Спартокидов с целью: *а*) идентифицировать отца Камасарии со Спартоком IV, а не V, *б*) уместить в десятилетие ок. 160—150 гг. сразу трех правителей — Спартока V, Левкона II и Гигиенонта, он связывает как дельфийскую, так и дидимскую надписи не с Перисадом III, а с его сыном Перисадом IV Филометором, постулируя таким способом смерть Камасарии ок. 175 г., а ее сына — вскоре после 160 г. [26] Главный и практически единственный его аргумент состоит в том, что порядок перечисления правителей в IOSPE, II, 19 (=КБН 75) и в дельфийском декрете одинаков, причем Камасария подчеркивает законность своего царского сана указанием на происхожение от царя Спартока [27]. Ошибочность подобного умозаключения доказывается обращением к обеим надписям. Если и там и там, действительно, указано отчество Камасарии (в дельфийском документе даже отмечено, что Спарток был царем), то с Перисадом дело обстоит совсем иначе: в КБН 75 не только подчеркнуто, что он происходит от царя Перисада, но и указано его прозвище «Филометор», в дельфийской же псефизме Перисад вообще остался без отчества. Как видим, налицо не параллелизм, а, напротив, разительный контраст обоих текстов, с которым падает и гипотеза Вернера. Из документов следует, что Камасария была соправительницей при муже и при сыне, а потому их имена и занимали первое место.

Однако титулатура царей в дельфийском декрете позволяет сделать интересные наблюдения и иного порядка. Э. Диль относил патронимик

---

[22] *Haussoulier*. Op. cit., p. 206, № 5. 6—8; p. 212; *Граков* Ук. соч., с. 267, № 39; *Rehm*. Op. cit., № 464.

[23] *Homolle Th.*— BCH, 1899, 23, p. 96. Переиздан: *Латышев В. В.* ПОНТІКА. СПб., 1909, с. 298—302; Syll. [3], 439; FdD, III, 1, 3 (1929), № 453; *Граков*. Ук. соч., с. 250, № 15. Ср. *Bousquet J.*— BCH, 1966, 90, p. 442; SEG, XVII, 234; XXIII, 314.

[24] Так осторожно предполагает Миннз (op. cit., p. 582).

[25] См., например, *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. B., 1971, S. 95; *Карышковский*. Ук. соч., с. 24.

[26] *Werner*. Op. cit., S. 423—426, 428, 430.

[27] Ibid., S. 428. О дидимской надписи с именем Перисада он даже не упоминает.

βασιλέως Σπα[ρτόκου] в Syll ³, 439.5—6 к обоим правителям, высказав на этом основании предположение о том, что Перисад и Камасария состояли в кровнородственном браке [28]. Эта гипотеза малоубедительна не только потому, что подобная практика — в целом довольно распространенная в эллинистическом мире — в боспорском царском доме пока беспрецедентна [29], но и по тем соображениям, что в таком случае во избежание чреватой последствиями путаницы (речь шла о таких ответственных вещах, как царская титулатура и августейшие родственные отношения!) составитель декрета должен был бы употребить нечто вроде οἱ, οἱ ἐκ, παῖδες βασιλέως Σπαρτόκου.

Еще Латышев высказал интересное предположение о том, «что Перисад был, например, *братом* или *племянником* Спартока и, сделавшись царем, быть может, за неимением потомства мужского пола у Спартока, женился на его дочери для укрепления своих прав на престол». При этом он оставил открытым «вопрос, почему в дельфийском декрете при имени Камасарии поставлено имя ее царственного отца, а имя царя Перисада оставлено без отчества» [30]. Я думаю, попытка ответить на этот вопрос позволит не только уточнить интересную догадку Латышева, но и прийти к немаловажным выводам о подробностях наследования Камасарией власти.

Во-первых, Перисад III едва ли мог приходиться братом Спартоку V и не столько в силу того, что тогда бы в надписи было указано его происхождение от их общего царственного отца (если, конечно, сам Спарток был царским сыном [31]), сколько по той причине, что в таком случае он бы *сам*, а не Камасария наследовал брату на царстве. Вопреки расхожему мнению [32], традиционная боспорская практика наследования отцу двумя старшими братьями [33] продолжала соблюдаться и после Евмела [34]. Отсутствие отчества у Перисада в дельфийской надписи может означать, как мне кажется, лишь одно: отец Перисада III *не был царем*, но — как предположил Латышев — лишь братом царя Спартока V, скончавшимся, видимо, раньше него [35]. Очевидно, за неимением сыновей у Спартока власть впервые и единожды за всю историю спартокидовского Боспора

---

[28] *Diehl E.*— RE, XVIII, 1943, Sp. 2427.

[29] Ср. *Werner*. Op. cit., S. 425.

[30] *Латышев*. Ук. соч., с. 302. Вернер (op. cit., S. 425) ошибочно приписывает ему предположение о том, что Перисад и Камасария могли быть братом и сестрой.

[31] Имя отца Спартока нам точно не известно. Из надписей КБН 26 и 822, относимых издателями сборника ко времени правления Спартока V, должно было бы следовать, что его отцом был Перисад. Однако Белова (ук. соч., с. 84 сл.) убедительно передатировала оба памятника временем Перисада II. Поэтому остается лишь одна возможность: отнести к его правлению ныне утерянную надпись КБН 24, которую издатели приписывают Спартоку IV, сыну Перисада II (ср. ниже, прим. 46).

[32] См., например: *Gajdukevič*. Op. cit., S. 92 f., Anm. 80.

[33] См. *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI—IV вв. до н.э.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР, 1984 г. М., 1985, с. 154—157.

[34] Об этом свидетельствует анапский декрет в новой интерпретации (*Виноградов Ю. Г.* Проблема политического статуса полисов в составе Боспорской державы IV в. до н. э.— В кн.: Основные проблемы развития рабовладельческой формации. Тезисы докладов конференции. М., 1978, с. 22—25) и многократное упоминание в неизданных пока граффити из нимфейского святилища неизвестного боспорского царя Сатира III вместе с Перисадом II.

[35] Ср. *Minns*. Op. cit., p. 582; его гипотеза о том, что отцом Перисада III был некий Притан (p. 580, not. 7; p. 582 f.), не убедительна, так как базируется лишь на встречаемости этих двух имен вместе на черепичных клеймах, да и то более ранних, где Притан выступает скорее как чиновник или совладелец, а по предположению Гракова и Гайдукевича даже как сын Перисада I (*Граков Б. Н.*— ИГАИМК, 1934, 104, с. 206; *Гайдукевич В. Ф.*— Там же, с. 270).

наследовала его дочь Камасария, т. е. порядок наследования надо полагать иным, чем у Латышева: не Перисад, а Камасария, ставши единоличной наследницей престола, сразу или спустя некоторое время взяла себе в мужья двоюродного брата, что имело уже прецеденты в боспорской династийной истории [36]. Этим объясняется, почему она, единственная из Спартокидов, соправительствовала мужу и сыну: мы видим, как настойчиво, занимая в документах лишь второе место, подчеркивает она свое происхождение от царя Спартока, позволяя себе от своего только имени совершать пожертвования в Дидимы. Не этим ли ее правом единоличной наследницы царских прерогатив, а не только ее соправительством или даже регентством [37], объясняется и наделение ее сына прозвищем «Матерелюбивый»?

Теперь возникает вопрос о хронологии отдельных правителей. Здесь мы с сожалением должны констатировать, что в нашем распоряжении имеется пока один только точный хронологический репер: в 178—176 гг. Камасария и Перисад III делают посвящения в Дидимы. По-видимому, ко времени не позже, чем около 170 г., должен быть отнесен дельфийский декрет в их честь [38]. Если это так, то ничто не мешает поместить правление Перисада IV (сначала с матерью, потом единоличное? [39]) во вторую четверть II в. Но в таком случае и надпись пантикапейского фиаса КБН 75, вопреки общепринятой датировке Латышева [40], следует отнести ко времени скорее не после, а до 150 г., так как она, по всей видимости, была поставлена по совершенно конкретному поводу династийно-государственной декларации в связи с повторным браком Камасарии [41]. Я не вижу также пока препятствий для того, чтобы принять традиционную точку зрения о том, что Спарток V правил в начале II в.

Из новонайденной надписи Сенамотис следует, что Перисад V был внуком и сыном одноименных царей, т. е. соответственно Перисада III и IV. Однако это не снимает вопроса: непосредственно ли он наследовал своему отцу на царстве. Действительно, в науке уже неоднократно высказывалось мнение о том, что около середины II в. на Боспоре кратковременно правили одно или даже несколько лиц. Дальше всех пошел Вернер, движимый, как уже говорилось, стремлением понизить хронологию поздних Спартокидов. Не зная последних разработок советских нумизматов и опираясь лишь на публикации прошлого века [42], он считает, что примерно к середине II в. относятся не только дидрахмы Спартока, но и медь Левко-

[36] Вернер (op. cit., S. 425) справедливо указывает в этой связи на Перисада I и его супругу Комосарию.

[37] *Minns.* Op. cit., p. 582; *Diehl.* Op. cit., Sp. 2428; *Werner.* Op. cit., S. 428, Anm. 3.

[38] Ж. Буске (op. cit., p. 442), адаптирующий, правда, гипотезу Вернера, критикуя датировку Бурге (ок. 150 г.), склонен все же отнести надпись, «вероятно, к первой четверти II в.».

[39] Об этом можно было бы судить по датировочной формуле КБН 1044, где Перисад IV выступает один, однако на Боспоре пока не было прецедентов датировки надписей по двум соправителям.

[40] *Латышев.* Ук. соч., с. 300; ср. КБН, с. 85.

[41] Высказавший это интересное соображение Диль (op. cit., Sp. 2428) обратил внимание на особый тон надписи, видимо, прежде всего на употребление в ней архаизирующего титула ἄρχων καὶ βασιλεύς. Это лишний раз подчеркивает справедливость высказанной Беловой (ук. соч., с. 81) критики communis opinio о неразборчивости в употреблении боспорскими правителями обоих потестарных терминов начиная с III в. до н. э. и проясняет моменты принятия ими двойного титула: вероятно, такие акты, как повторный брак царицы или вступление нового царя на престол, должны были быть легализованы общиной Пантикапея. Эта проблема заслуживает отдельной разработки.

[42] На это справедливо указал Гайдукевич (op. cit., S. 95, Anm. 90).

на, а также золото и серебро Гигиенонта. Это дает ему основание отнести к указанному периоду известный из схолий к «Ибису» Овидия конфликт в боспорском царском доме, когда «понтийский» царь Левкон погубил своего брата Спартока то ли из-за ревности к своей жене, то ли возжелав его супругу, а потом и сам был убит ею [43]. Убиенному Спартоку Вернер приписывает надпись IOSPE, II, 18 (= КБН 24) и полагает, что вся история лучше укладывается в «смутную пору» II в., чем в середину III в. После Левкона он помещает архонта Гигиенонта, видя в нем зависимого от скифов наместника [44].

Несостоятельность этой конструкции видна prima facie. Во-первых, монеты Левкона II давно уже убедительно передатированы временем вскоре после середины III в. [45] Во-вторых, стоя перед выбором: отнести ли нам конфликт царственных братьев к середине II в., где нумизматическими данными, хотя все же гипотетически, может быть документирован лишь один из них (см. ниже), либо перенести показание Овидиевых схолий в начало второй половины III в., где и Спарток и Левкон надежно засвидетельствованы как эпиграфически [46], так и нумизматически (Левкон), мы безусловно вслед за большинством [47] отдадим предпочтение второму варианту. Кроме того, постулировать какую-то die Zeit der Wirren для середины II в. у нас пока нет решительно никаких оснований. Что же касается времени правления архонта Гигиенонта, то вопрос этот может быть решен лишь после нового тщательного анализа как его монет, так и археологического контекста находок черепичны клейм с его именем.

Однако недавно была предпринята и более серьезная попытка нарушить непрерывное следование трех последних Перисадов одного за другим, поместив за Филометором Спартока, чеканившего серебряные дидрахмы. К. В. Голенко в посмертно опубликованной статье тщательно классифицирует боспорские золотые статеры II в. с именем Перисада, выделяя среди них те, которые должен был, по его мнению, чеканить последний Спартокид [48]. Не имея здесь ни возможности, ни права входить во все тонкости анализа замечательного нумизмата, приведу лишь самый веский его аргумент: на серебре Спартока помещена та же монограмма, что и на самых ранних статерах Перисада V (без года и первого года правления). Если соображения Голенко признать весомыми, то мы получили бы нового бос-

---

[43] *Ovid.*, Ibis, 309 c. schol. = SC, II, 104, 106. Все схолии разноречивы и сходятся лишь в факте убийства одного брата другим. См. также: *Подосинов А. В.* Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР, 1983 г. М., 1984, с. 165 сл.; *он же.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1985, с. 90, 138, 242 сл.

[44] *Werner.* Op. cit., S. 422 f., 426 f., 430.

[45] *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.— Л., 1951, с. 182; *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора. М., 1956, с. 151.

[46] Надпись IOSPE, II, 15 = КБН 25, упоминающая Левкона, сына Перисада, в качестве жреца верховного бога Аполлона Врача, как недавно еще раз основательно показала Белова (ук. соч., с. 85, прим. 22), безусловно, датирована правлением Перисада II. Что касается посвящения IOSPE, II, 18 = КБН 24, ныне утерянного, то даже сравнение его шрифта (по копии Дюбуа де Монпере) с таким характерным памятником, как много раз упомянутая надпись КБН 75, показывает, что первое, датированное правлением Спартока, сына Перисада, никак не может быть отнесено к середине II в.

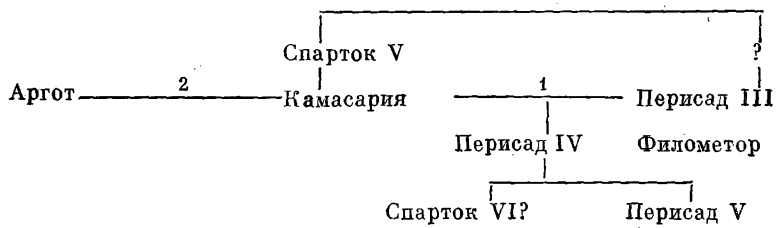
[47] См. *Подосинов.* Овидий..., с. 166.

[48] *Голенко.* Новая монета царя Спартока, с. 50—55. П. О. Карышковский (ук. соч., с. 23—26) распределяет эти статеры между не тремя, а двумя Перисадами, считая Филометора последним Спартокидом, погибшим от руки Савмака, что опровергается теперь нашей надписью.

порского царя Спартока VI, которому наследовал Перисад V. Зная теперь, что последний был сыном Перисада IV Филометора и принимая во внимание продолжавшийся практиковаться на Боспоре и в эту эпоху порядок наследования (см. выше), наиболее логично было бы считать последних двух правителей династии Спартокидов братьями, отведя, видимо, недолгому правлению Спартока VI начало второй половины II в.

Остается только вычертить стемму боспорских правителей II в. и составить хронологическую таблицу их правлений, оговорив при этом expressis verbis, что они в такой же степени гипотетичны, приблизительны и условны, как и все подобное, предложенное за многие десятилетия изучения истории Боспорского царства.

ок. 200—180 Спарток V
ок. 180—160 Камасария (единолично, потом с Перисадом III и IV)
ок. 180—170 Перисад III (с Камасарией)
ок. 170—150 Перисад IV Филаметор (сначала с Камасарией, потом единолично?)
ок. 150—140 Спарток VI?
ок. 140—111 Перисад V



Самый значительный в историческом плане факт, сообщаемый новой надписью, а именно брак дочери Скилура с Гераклидом — представителем боспорской знати или, вероятнее всего, членом царствующей фамилии, равно как и посвящение царевной жертвенного стола, поставленного в святилище цитадели Спартокидов — на акрополе Пантикапея, заставляет пересмотреть проблему взаимоотношений обоих царств — Скифского и Боспорского — во второй половине II в. до н. э. По этом вопросу в историографии царит почти полное единодушие: безоговорочно проецируя агрессивность скифов по отношению к Херсонесу и на Боспор, исследователи постулируют подобную же конфронтацию между царствами Скилура и поздних Спартокидов [49]. Эта opinio communis неизменно опирается на одни и те же источники: свидетельства Страбона и Лукиана об уплате боспорскими царями дани скифам и изложение в декрете в честь Диофанта событий, связанных с деятельностью Митридатова полководца на Боспоре и вспыхнувшим там восстанием Савмака, подаваемые в той или иной интерпретации. Единственной, кто предпринял попытку усомниться в зависимости Боспора от скифов и, следовательно, в реальной угрозе ему со

[49] См. например: *Reinach Th.* Mithridates Eupator, König von Pontos. Lpz, 1895, S. 55 f.; *Minns.* Op. cit., p. 518 f.; *Жебелев С. А.*— СП, с. 91; *Rostovtzeff M.* SEHHW, II, p. 769; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 301; *idem.* Op. cit., S. 303, Anm. 1; *Соломоник Э. И.* О Скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья.— В кн.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, с. 126; *Werner.* Op. cit., S. 427 ff.; *Ломоури Н.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979, с. 78. Ср. более сдержанно: *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, 36, с. 29; *Молев Е. А.* Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре.— В кн.: Античный мир и археология, 2. Саратов, 1974, с. 62 сл.

стороны последних, была Т. В. Блаватская [50]. Данные новой надписи при наличии двух точек зрения — лишний повод для повторного пересмотра имеющихся источников и аргументов обеих сторон.

В широко известном пассаже Страбон (VII, 4, 4) называет следующую причину передачи последним Спартокидом власти Митридату: «Не будучи в состоянии противостоять варварам (ἀντέχειν πρὸς τοὺς βαρβάρους), требующим дани (φόρον) большей, чем прежде, он [Перисад] передал власть Митридату Евпатору». Как видим, варвары здесь анонимны, и узнавать в них скифов Скилура и Палака позволяют сторонникам opinio communis либо данные прочих источников, либо сопоставление с другим свидетельством Страбона (VII, 4, 6) о номадах Крыма, которые «ведут войну из-за дани; поскольку они, предоставив желающим владеть их землей для обработки (γεωργεῖν), довольствуются вместо того взиманием подати, установленной в известном умеренном размере (φόρους...τοὺς συντεταγμένους μετρίους τινάς) не для обогащения, но для удовлетворения повседневных жизненных потребностей; с теми же, кто им не платит, они воюют» (пер. автора). Далее говорится, что не платит дани регулярно тот, кто чувствует свою силу, и как пример (со ссылкой на Гипсикрата) приводится Асандр, воздвигший на перешейке вал. Однако подобное сопоставление двух пассажей [51] может делать лишь *вероятным*, но отнюдь *не обязательным* отождествление анонимных варваров в VII, 4,4 с крымскими Νομάδες: в рамках своей морализирующей концепции Страбон как раз подчеркивает жизненную необходимость и умеренность фороса кочевников, а не непомерное его увеличение, вынуждающее плательщиков постоянно ему противодействовать, сопротивляться [52].

О регулярной уплате Боспором дани скифам прямо говорит Лукиан в своей новелле «Токсарид» (§ 44, 55), однако привлекать его рассказ как историческое свидетельство весьма и весьма рискованно [53]. Степень исторической ценности сведений новеллы Лукиана замечательно вскрыта еще М. И. Ростовцевым, подчеркивавшим ее «квази-историческую оболочку с указанием имен царей и племен»: «Здесь все приблизительно правильно, но именно лишь приблизительно; это не история, а историческая новелла» [54]. «Лукиан при сочинении своего „Токсарида“ имел на руках определенный исторический и этнографический материал, взятый из источников эллинистического времени, который он, однако, полностью переработал в духе новеллы, не стремясь к исторической точности, думая только о том, чтобы создать впечатление, будто его рассказ соответствует тому, что знала или должна была знать широкая публика о скифах и их

---

[50] *Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959, с. 142—154. После выхода ее работы свою точку зрения изменил В. Д. Блаватский (Пантикапей. М., 1964, с. 127).

[51] См., например: *Gajdukevič.* Op. cit., S. 303, Anm. 1. Для этнической атрибуции варваров в VII, 4,4 неправомерно было бы, ссылаясь на другое место Страбона (VII, 4, 3), где говорится о Херсонесе, как о разоряемом варварами (πορθουμένη δὲ ὑπὸ τῶν βαρβάρων), прямо узнавать в последних только скифов: из контекста Диофантова декрета следует, что своими набегами полис тревожили и тавры (см. ниже).

[52] В употребленном Страбоном (VII, 4, 4) глаголе ἀντέχειν чувствуется оттенок явного антагонизма сторон; недаром это слово употребляется им же по отношению, например, к воинам, осажденным в Ктенунте (VII, 4, 7). Ср. *Herod.*, II, 157; V, 115 и др.

[53] Это справедливо подчеркнуто Блаватской (ук. соч., с. 142—146).

[54] *Rostowzew M.* Skythien und der Bosporus. B., 1931, S. 97.

соседях» [55]. Это заключение подкреплено Ростовцевым сопоставлением «Токсарида» с отрывком одного романа на папирусе [56].

Подобная оценка новеллы Лукиана едва ли позволяет считать весомым возражение В. Ф. Гайдукевича [57], указавшего на якобы «удивительную согласованность» сведений Лукиана и Страбона (VII, 4, 4 и 6) о взимании скифами дани с Боспора: у одного в новеллистической сцене играют «конкретно-выдуманные» скифы, у другого в первом случае речь идет об анонимных варварах [58], во втором — Боспор прямо назван только в связи с Асандром, жившим почти на сотню лет позже последнего Перисада. Совершенно не исключено, что факт взимания дани историчен и Лукиан заимствовал его из какого-то источника, может быть, у того же Страбона или одного из его информаторов, но кто может поручиться, что речь в нем шла именно о все возраставшей дани, взимавшейся Скифским царством на исходе II в. до н. э.: если принять во внимание имена Лукиановых царей Левканора и Евбиота, то по многократно уже проведенному сопоставлению с Левконом и Евмелом они уведут нас в глубь боспорской истории IV в. до н. э.; если же счесть решающим выведение им на сцену алан, то мы перенесемся в римскую эпоху.

Повторное рассмотрение перечисленных мест из древних авторов и привело Т. В. Блаватскую к выводу о том, что Боспор во второй половине II в. до н. э. испытывал решительное давление со стороны не скифов, а сарматов, в частности сираков и аорсов [59]. Эта интересная гипотеза встретила возражение Е. А. Молева [60], замечающего, что коль скоро у Страбона в VII, 4 речь идет о городах и варварах Крыма, то Боспор платил дань скифам, а не сарматам, которых в это время в Крыму якобы не было [61]. Ни тот, ни другой довод не убеждают. Увеличивающаяся дань варварам упомянута именно здесь в связи с последним Перисадом и столицей его царства Пантикапеем, расположенным на европейской стороне Боспора; в той же главе (VII, 4, 6) сообщается и об огромной дани боспорян Митридату, отправлявшейся, разумеется, на южный берег Черного моря — в Понт [62]. Что касается второго соображения, то дело вовсе не в наличии или отсутствии *оседлого* сарматского населения на хоре [63] или в городах европейского Боспора [64]: вполне понятно, что дань могла взиматься толь-

---

[55] Ibid., S. 98.

[56] Ibid., S. 98 f. Т. В. Блаватская утверждает (ук. соч., с. 143 слл.), что «этот источник еще не привлекался историками Северного Причерноморья», ссылаясь в прим. 35 по другому поводу как раз на соответствующие страницы немецкого издания «Скифии и Боспора».

[57] *Gajdukevič.* Op. cit., S. 303, Anm. 1. Удивительным образом автор дважды (ср. S. 84 f., Anm. 63) приписал Ростовцеву честь показать значение диалога Лукиана как «Geschichtsquelle» (!) для Северного Причерноморья.

[58] Непонятно, на каком основании Эд. Майер усматривал в них тавров (*Meyer Ed.* Geschichte des Königreichs Pontos. Lpz, 1879, S. 89 f.).

[59] *Блаватская.* Ук. соч., с. 142, 150, 152, 154.

[60] *Молев Е. А.* Митридат Евпатор. Саратов, 1976, с. 42 и прим. 43.

[61] Со ссылкой лишь на тезисы доклада В. Н. Корпусовой. Ср. *Rubinsohn Z. W.* Saumakos.— Historia, 1980, 29, p. 65 f., not. 59.

[62] Сам Молев (Митридат Евпатор, с. 42 и прим. 43) охотно допускает, что Боспор откупался данью от набегов сарматов на его азиатские владения.

[63] Вопреки мнению многих исследователей (в их числе и Молев) о преимущественно скифском населении на территории Европейского Боспора В. Н. Корпусова, отвергая разнообразие характеристики захоронений как этнодифференцирующие признаки, приходит к парадоксальному выводу о том, что ее население составляли исключительно *боспорские греки*! (Некрополь Золотое. Киев, 1983, с. 96).

[64] А. А. Масленников (Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М., 1981, с. 83) подчеркивает усиление здесь сарматского влияния как раз к концу II в. до н. э.

ко политическими объединениями кочевых сарматов, уполномоченные которых лишь на время прибывали в боспорскую метрополию, не оставляя там, как правило, археологических следов [65]. О военном присутствии сарматского племени роксолан в Крыму прямо свидетельствуют Страбон и Диофантов декрет (см. ниже) [66].

Итак, коль скоро прямых свидетельств не остается, разберем косвенные. В качестве таковых используется обычно толкование событий времени кампаний Диофанта в Крыму [67]. Поскольку они имеют самое непосредственное отношение к нашей теме, имеет смысл напомнить кратко их изложение в Диофантовом декрете и у Страбона.

По свидетельству Страбона (VII, 4, 3), Херсонес, разоряемый варварами, был вынужден выбрать своим покровителем (προστάτης) Митридата, который послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами под предводительством их царей — Скилура и его сына Палака, стоявшего во главе остальных сыновей. Однако декрет в честь Диофанта (IOSPE, I², 352) о Скилуре молчит, называя одного Палака, поэтому еще первыми издателями надписи были предложены три варианта объяснения факту такого умолчания: *1*) Скилур умер к началу действий Диофанта, *2*) он передал свою власть старшему сыну Палаку, *3*) он поделил ее с ним как соправитель. Развивая последнюю точку зрения и базируясь на своей интерпретации вышеуказанного пассажа Страбона, Э. И. Соломоник предположила, что войска Диофанта сражались и со Скилуром и с Палаком, но первый руководил обороной царских крепостей, а второй — главный враг Херсонеса — вел активные наступательные действия, а потому и назван неоднократно в декрете [68].

Автор этих строк высказал тогда же свое несогласие с предложенной интерпретацией; вновь проанализировав отрывок Страбона (VII, 4, 3) [69] и сопоставив его с другими источниками, он предложил собственную реконструкцию событий [70], от которой и теперь не видит оснований отказаться. В этой связи обращает на себя внимание несколько обстоятельств. Во-первых, кроме Диофанта Страбон (VII, 3, 17; 4, 7) дважды упоминает сражавшихся в войне против скифов нескольких стратегов Митридата, из которых в других местах по имени назван только Неоптолем (II, 1, 16; VII, 3, 18), разбивший в Керченском проливе неких варваров в двойном сражении: зимой — в конном, летом — в морском. Соломоник ссылается на то, что он вел бои уже после походов Диофанта, однако это никем не доказано, так же как и то, что под названными варварами следует разуметь скифов. Во-вторых, тот же Страбон (VII, 4, 7) подробно рассказывает об осаде скифами Митридатовых воинов (οἱ βασιλικοί) в Ктенун-

---

[65] И это не совсем так. М. Ю. Трейстер любезно сообщил мне, что в некрополе Пантикапея рассматриваемого времени встречаются предметы конской упряжи сарматского облика, свидетельствующие о том, что некоторые кочевники, выполнявшие наряду с прочим и подобные миссии, окончили свои дни в столице Спартокидов.

[66] Имя сарматов рядом со скифами в декрете в честь херсонеситов, взявших Калос Лимен, изданном в один год с Диофантовым (IOSPE, I², 353), был склонен восстанавливать М. И. Ростовцев (К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи.— В кн.: Сборник статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, с. 6). Опускаю здесь сугубо умозрительные контраргументы Молева типа того, что́ меняла уплата дани сарматам при переходе власти к скифу и т. п. (Митридат Евпатор, с. 42 и прим. 43).

[67] *Блаватская.* Ук. соч., с. 146—154 (с указ. лит.).

[68] *Соломоник Э. И.* Сравнительный анализ свидетельства Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях.— ВДИ, 1977, № 3, с. 53—63.

[69] Это лишь убедило в том, что все русские переводчики правильно понимали копулятивное значение ἅμα.

[70] Ее изложение см.: *Соломоник.* Ук. соч., с. 56, прим. 14.

те — событии, явно не находящем себе места после окончательного разгрома Палака во второй кампании Диофанта, но и не упомянутом в декрете в его честь [71], из чего скорее всего следует, что оно имело место до прибытия этого полководца в Херсонес. Наконец, из первых строк декрета явно вытекает, что Диофант прибыл в Крым без войска: «Будучи призван им [Митридатом], *приняв на себя* ведение войны против скифов (τὸν ποτὶ Σκύθας πόλεμον ἀναδεξάμενος) и прибыв в наш город (παραγενόμενος εἰς τὰν πόλιν ἁμῶν), он со всем войском [тогда только! — *Ю. В.*] отважно переправился на ту сторону» (IOSPE, I², 352.5—7). Совсем иными словами сообщается о начале второй экспедиции Диофанта (сткк. 17—18): «... когда царь Митридат Евпатор снова послал Диофанта с войском» (Διόφαντον πάλιν ἐκπέμψαντος μετὰ στρατοπέδου) [72].

Таким образом, изложенные выше аргументы позволяют утверждать, что войны в Крыму начал не Диофант, а другой стратег (или стратеги) Митридата, причем не очень инициативный [73], что позволило Скилуру и Палаку добиться ряда военных успехов (среди прочего осадить укрепление у Ктенунта?). Некоторое время спустя понтийский царь, видя, что положение дел складывается не в его пользу, дает себя убедить [74], смещает бывшее начальство и назначает командующим войсками выдающегося полководца и дипломата Диофанта, который прибывает в Херсонес ок. 113 г. [75] Скилур к тому времени уже скончался, и власть в царстве вместе с командованием войском перешла к Палаку. Первые акции Диофанта четко изложены в изданном в его честь декрете (сткк. 4—9): со всем войском он отважно переправился на другую сторону (Севастопольской бухты) и, когда на него внезапно напал Палак с большими силами, он сумел их победить и обратить в бегство. Затем, дабы обеспечить себе непосредственный тыл для дальнейших операций, он подчинил окрестных тавров, основав в их земле город [76].

Далее составитель декрета становится крайне лаконичным, поскольку следующее предприятие Диофанта не имело прямого отношения к Херсонесу (сткк. 9—10): «Он отбыл в боспорские местности и, совершив там в короткое время много великих деяний (πολλὰς καὶ μεγάλας ἐν ὀλίγωι χρόνωι πράξεις), снова возвратился в наши места». Как мне кажется, в этой скупой и бесцветной информации, которой комментаторами надписи зачастую не придавалось большого значения, и заложен ключ к пониманию подлинного характера и сути скифо-боспорских отношений этого времени. Это сообщение принято толковать на разный манер. Рейнак считал,

---

[71] Соломоник (там же, с. 58) склонна, видимо, объяснить это умолчанием автора декрета.

[72] Соломоник (там же, с. 56, прим. 14) привлекает именно это место для доказательства того, что и в первый раз Диофант прибыл с войском. Однако местоположение πάλιν ставит четкое логическое ударение на «снова *послал*», а не на «снова *с войском*».

[73] Не на это ли намекает Юстин (XXXVIII, 7, 4) сообщая о том, что Митридат с превеликой робостью начинал Понтийские войны, так как был еще неопытным юнцом (multo timidius bella Pontica ingressum cum ipse rudis ac tiro esset)?

[74] См. в начале декрета (сткк. 3—4) о Диофанте: «Подвигает царя на прекраснейшие и славнейшие деяния»: ἐ[πὶ τ]ὰ κάλλιστα καὶ ἐνδοξότατα τὸν [βασι]λέα προτρεπόμενος. Ср. *Reinach*. Op. cit., S. 58.

[75] В историографии нового времени под влиянием авторитета Т. Рейнака принято считать началом первой кампании Диофанта 110 г., хотя есть веские основания (они будут изложены в другом месте), следуя Эд. Майеру и Б. Низе, относить его года на три раньше (предварительно см. *Виноградов Ю. Г.*— В кн.: Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985, с. 643—645).

[76] Здесь и далее опускаю интерпретации отдельных мест надписи, не имеющих непосредственного отношения к нашей теме.

что Диофант предпринял краткий, но мощный поход, в результате которого он укротил скифских подданных Перисада и обеспечил Митридату передачу по наследству царства [77]. Латышев полагал, что уже здесь речь идет о подчинении Боспора Митридату, ошибочно считая — вопреки контексту,— что к моменту второго визита Диофанта в боспорские земли Перисад уже был убит [78]. К. Брандис, не объясняя подробно причины первой поездки Диофанта, предположил, что Перисад попросил тогда помощи у Митридата [79].

Все эти гипотезы отклонил Жебелев [80], справедливо указавший на то, что, судя по контексту, Диофант прибыл на Боспор без войска, следовательно его миссия была сугубо дипломатического свойства, причем поскольку единственно в данном месте Митридат не назван, полководец действовал на свой страх и риск, надеясь получить потом одобрение царя. Конкретно же он предположил, что целью уже первого визита Диофанта были переговоры о передаче Перисадом власти Митридату [81]. Такое толкование можно было бы считать вполне достаточным и удовлетворительным, если абстрагироваться от той конкретной военно-политической ситуации, которая сложилась к данному моменту в Тавриде. Сразу же возникает вопрос: чем была продиктована такая спешность поездки Диофанта на Боспор? Почему, едва одолев в первом сражении Палака и укрепив непосредственный тыл подчинением тавров, он не закрепил свой успех, не двинулся добивать врага, укрывшегося в своих крепостях, но великодушно предоставив Палаку столь необходимую ему и столь невыгодную себе передышку, помчался, пусть *на короткое время*, договариваться (да еще на свой страх и риск!) с Перисадом о передаче власти своему царю, хотя это можно было бы сделать с еще более верным успехом, когда скифский противник будет полностью сломлен? Никто до сих пор не сомневался в выдающихся способностях Диофанта как стратега, а посему подобный демарш был бы ему вдвойне непростителен, если бы его не вынуждали к тому чрезвычайные обстоятельства и особые соображения.

Этот вопрос во всей его полноте поставила Блаватская, максимально приблизившая правильное, на мой взгляд, его решение. Приведя все названные выше недоумения, она предположила, что «Диофанту удалось обеспечить себе дружественный нейтралитет боспорян... Вся эта специальная дипломатическая подготовка была бы совершенно излишней, если бы Боспор находился в какой-то зависимости от скифов. Очевидно, в борьбе Херсонеса и скифов Боспор оставался третьей силой, позиция которой не была сразу ясна Диофанту» [82]. Конкретизируя свою мысль, она выдвинула гипотезу: «Не боялись ли херсониты того, что если Диофант уведет в глубь Скифии „граждан цветущего возраста“ т. е. херсонесское ополчение, Боспор предпримет попытку захватить город с моря» (там же, прим. 44).

---

[77] *Reinach*. Op. cit., S. 59. Ср. *Minns*. Op. cit., p. 582; *Werner*. Op. cit., S. 429 («Диофант... затем восстановил спокойствие в Боспорском царстве»). С. Я. Лурье (Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa.— Meander, 1959, № 2, p. 76) предполагал, что Диофант вел на границах Боспора какие-то военные действия против скифов.

[78] IOSPE, I², p. 305, comm. ad № 352.

[79] *Brandis*, *s. v.* Bosporos.— RE, III, 1899, Sp. 773.

[80] *Жебелев*.— СП, с. 95—98.

[81] Гипотеза Жебелева была принята Гайдукевичем (Еще о восстании Савмака.— ВДИ, 1962, № 1, с. 18), который предполагает, что наряду с этой главной целью осуществлялись какие-то меры по укреплению крымской границы Боспора. Ср. *Rubinsohn*. Op. cit., p. 66.

[82] *Блаватская* Ук. соч., с. 149.

Еще дальше по пути конкретизации исторической реконструкции двинулся Молев, воспринявший основную идею Блаватской о боспорском нейтралитете (в какой-то мере даже сделавший ее соавтором собственных выводов) [83]. Развивая концепцию Гайдукевича об участии в восстании Савмака самых широких слоев эксплуатируемого скифского населения Боспора [84], Молев полагает, что главной задачей первой миссии Диофанта «было любой ценой удержать боспорских скифов от выступления на стороне Палака и обеспечить дружественный нейтралитет Боспора на период наступления в глубь Скифии». Он предполагает, что обращение Палака «к скифской партии при боспорском дворе, по-видимому, имело определенный успех, которому не мог бы помешать Перисад V». Целью поездки Диофанта было «отчасти обещаниями, отчасти угрозами поддержать пошатнувшееся положение последнего Спартокида». То есть, по мысли автора, выходит, что Диофант ездил вести переговоры в первую очередь не с Перисадом, которого не нужно было упрашивать, а с подвластными ему (придворными?) скифами, готовыми выступить на стороне Палака.

Полностью солидаризируясь с основной мыслью Блаватской о стремлении Диофанта добиться боспорского нейтралитета, не могу не высказать своих сомнений по поводу реальности предложенных ею и Молевым конкретных разъяснений. Едва ли «Боспор оставался третьей силой, позиция которой не была сразу ясна Диофанту». Столь поспешное прекращение на время военных действий и незамедлительная поездка на Боспор свидетельствуют скорее всего об обратном: Диофант был прекрасно осведомлен о реальной опасности выступления Боспора на стороне Палака, что и подтверждается теперь интерпретацией С. Я. Лурье и Э. Л. Казакевич стк. 32 Диофанта декрета (см. ниже). Что же касается другого предположения — об опасениях херсонеситов, то, во-первых, незаурядный полководец и дипломат, Диофант руководствовался собственными, а не херсонеситов, тактическими и стратегическими соображениями, а во-вторых, в том шатком, ненадежном положении, в котором оказался Перисад, и которое два года спустя кончилось для него столь трагически, боспорскому царю было вовсе не до развязывания по собственной инициативе агрессивной политики.

Учитывающий это обстоятельство Молев пытается переложить инициативу такой политики с Перисада на его скифских приближенных, что также порождает сомнения. Спрашивается: почему наследник боспорского престола, представитель скифской знати Восточной Таврики [85] Савмак, так пекшийся о судьбе своих соплеменников в Центральном Крыму, должен был подвигнуть Перисада выступить им на помощь немедля после первого решительного поражения Палака, если он не сделал этого год спустя в гораздо более благоприятной ситуации, когда скифский царь вновь поднял голову, собрал новые силы и, заручившись союзом огромного войска роксолан, готовился дать реванш Диофанту за позорное поражение в первой кампании? Не выступили боспорские скифы, как мы знаем, и сразу вслед за вторым поражением Палака.

Взвесив еще раз все pro и contra, проанализировав снова как основной источник, так и все побочные, я решаюсь предложить свою интерпрета-

[83] *Молев.* Митридат Евпатор, с. 39.

[84] См., например: *Гайдукевич В. Ф.* О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 17—22; *Молев.* Митридат Евпатор, с. 40.

[85] *Молев.* Установление власти... с. 66; *он же.* Митридат Евпатор, с. 37.

цию событий, которая и теперь — после обнаружения новых данных,— возможно, покажется многим умозрительной и фантастичной [86]. Боспор не только не находился во враждебных отношениях со Скифским царством, не только не должен был платить ему унизительную дань, но как раз наоборот: оба царства были связаны тесными узами, скрепленными династийными браками, причем — как показывают примеры Аргота, супруга Камасарии, и царевны Сенамотис — достаточно давними, ставшими уже традиционными. Результатом этого союза стал наряду с прочими соглашениями договор, по всей вероятности, о взаимной военной помощи в случае нападения на одну из сторон [87].

Диофант, воспитанный при дворе Перисада V (см. ниже), был бы прекрасно осведомлен о существовании такого договора, текущую же необходимую информацию ему могли сообщить херсонеситы. Если этот договор действительно предусматривал военную подмогу в случае *нападения* на одну из сторон, то до тех пор пока нападавшей на Херсонес стороной оставалось Скифское царство, а предшественник (предшественники) Диофанта на посту командующего понтийской армией вынужден был вести оборонительные бои, договор не обретал силу. Но Диофант отдавал себе полный отчет в том, что как только Палак, потерпевший первое поражение, оказался *подвергшимся нападению*, договор должен будет вступить в действие. Опытный тактик, он осознавал, какой опасности подвергнет свою армию, поведя ее в глубь Крыма для штурма царских крепостей, если в этот момент Перисад, верный союзническому долгу, высадит с кораблей свое войско в Херсонесе, отрежет его от базы, от флота, и он окажется между скифами и боспорянами как между молотом и наковальней.

Поэтому едва обеспечив свой тыл в земле тавров, он срочно едет на Боспор и проводит переговоры с Перисадом. В своей дипломатии он мог использовать разные аргументы, например сослаться на то обстоятельство, что агрессором был не Херсонес и не Митридат, а Скилур и Палак, так что, сохраняя нейтралитет, Перисад формально не поступится договором. Более действенной, однако, могла быть обрисованная Диофантом перспектива скорейшего разгрома скифов и превращения их царства в вассальное, подвластное Понту, что автоматически аннулирует сам договор. Не исключено, как предполагал Жебелев, что одним из пунктов этих переговоров была будущая передача Боспорского царства Митридату, однако это был далеко не единственный и далеко не главный вопрос протокола. Диофантом могли быть введены в действие также другие методы и аргументы, однако далеко не последним среди прочих были дружеское отношение, доверительность и личная привязанность, располагавшие Перисада к Диофанту как к воспитаннику: трудно было подыскать более подходящую кандидатуру для выполнения этой нелегкой дипломатической миссии! Добившись за недолгое время своей цели, т. е. совершив те самые πολλὰς καὶ μεγάλας πράξεις, Диофант возвратился к своему войску в Херсонес, что дает и нам повод после небольшого экскурса вернуться к тексту изданного в его честь декрета.

---

[86] См., например, дискуссию по нашему докладу в кн.: Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985, с. 648, 658.

[87] Документы, собранные в хрестоматии «Staatsverträge des Altertums», показывают, что это была одна из самых распространенных разновидностей соглашений. Классический и наиболее близкий по времени и месту пример — договор Фарнака с Херсонесом 179 г. (IOSPE, I², 402), по букве которого понтийский царь был обязан прийти на помощь херсонеситам, если на тех нападут соседние варвары.

Последующие события хорошо известны, а потому изложу их возможно короче. По возвращении Диофант довершил начатую операцию: укрепив свою армию цветом херсонесского воинства, он двинулся в глубь Скифии и, после того как ему были сданы царские крепости Хабеи и Неаполь, сделал подвластными Митридату почти всех скифов, за каковое деяние и получил заслуженные почести от херсонесского демоса (IOSPE, I², 352. 11—15).

Однако скоро, видимо, не позже чем через год, т. е. ок. 112 г., скифы, как повествует декрет, проявили «врожденное вероломство» и отложились от державы Митридата. Царю пришлось срочно поздней осенью снова послать Диофанта с войском в Таврику; тот опять, укрепив свои ряды наиболее сильными из херсонеситов, двинулся против царских крепостей, но, остановленный зимней непогодой, повернул в приморские местности, отбил у скифов Керкинитиду и целый ряд укреплений (τὰ τείχη), а Калос Лимен подверг осаде, которую довершили сами херсонеситы (IOSPE, I², 353). Тем временем Палак напряг все свои силы и привлек к союзу огромное 50-тысячное войско роксолан во главе с Тасием (ср. Strabo, VII, 3, 17); однако решительное сражение окончилось столь блестящей победой Диофанта, что из Палакова войска почти никто не спасся (стк. 15—23).

Ранней весной следующего (111?) года Диофант опять повел свои вооруженные силы против царских крепостей скифов, которые он, по всей видимости, захватил; однако повреждение первых двух строк столбца II изданного в его честь декрета затрудняет выяснение подробностей этой операции. Тем не менее от правильной реконструкции стк. 30—31 во многом зависят более точное понимание сути понтийско-скифских взаимоотношений на этом и последующих этапах. Вся вторая половина фразы после причастных оборотов (παρείς, παραλαβών, ἐλθών) состоит из двух периодов с инфинитивными сказуемыми [δι]αφυγεῖν [88] и βουλεύσασθαι, зависящими от пропавшей личной формы глагола. Обозначала ли эта форма действия самого Диофанта [89] или там стоял безличный оборот [90], ясно одно: частицей δέ во втором периоде все прочие скифы (τοὺς δὲ λοιποὺς Σκύθας), которые должны были о чем-то совещаться (βουλεύσασθαι), противопоставлены какому-то лицу или группе лиц, которым удалось бежать (διαφυγεῖν). Поскольку перед этим речь шла о взятии царских крепостей, где укрылся главный враг Диофанта — Палак, рискую предложить следующее примерное восстановление стк. 30/31: [e.g. ... τοὺς μὲν περὶ Πάλακόν δι]αφυγεῖν [91], τοὺς δὲ λοιποὺς Σκύθας

[88] Так правильно по остаткам *альфы* дополняет этот глагол Хиллер, в Syll.³, 709; ср. стк. 23 — διέφυγον. В стк. 35 Латышев дополнял διαφ[υγὼν τὸν], однако на эстампаже, снятом в 1878 г. Д. И. Косцюшко-Валюжиничем (см. *Lurje*. Op. cit., rys. 2), после *фи* отчетливо видны остатки *теты*, наводящие на более изящное с точки зрения эллинистической прозы дополнение: διαφθ[άσας τὸν]|κίνδυνον. Этот глагол отсутствует в L—S—J, поскольку он как ἅπαξ стоит в mss. Lr у Plut., Demet. 7, 3 Zieg. Предлагаемая конъектура оправдывает реальность διαφθάνω; для переходного его значения ср., например, *Herod.*, VII, 188; ἔφθησαν τὸν χειμῶνα — «упредили шторм».

[89] Ср. дополнение Фукара ἠνάγκασε с корректировкой Румпфа и Бехтеля ἀνάγκαξε (см. IOSPE, I², p. 303).

[90] Например, συνέβα + inf. в стк. 13 и 26.

[91] Лурье (op. cit., p. 77) так же дополняет здесь [τοὺς μὲν περὶ Πάλακον Σκύθας или под.] φυγεῖν, но в рамках своей гипотезы предполагает, что «может быть, из состава союзного скифского войска одна часть, возглавляемая, вероятно, самим Палаком, была обращена в бегство..., а другая, может быть, состоящая из союзных с ним боспорских скифов и возглавляемая Савмаком, приняла план относительно соседних с

περὶ τῶν καθ' ἑαυτο[ὺς πραγμάτων σὺν αὐ]τῶι (sc. Διοφάντωι) βουλεύσασθαι [92] — «. . . [Палак и иже с ним] бежали, а все прочие скифы *должны были* совещаться с ним (т. е. с Диофантом.— *Ю. В.*) об их [государственном устройстве]». Стандартное выражение τὰ πράγματα, как будет показано в другом месте, постоянно означало в подобных контекстах «политическое положение дел, государственное устройство, интересы государства, государство» [93].

Если предложенная реконструкция верно передает смысл фразы, то мы вправе предположить, что и в данной ситуации Диофант действовал не только с помощью голой военной силы: захватив резиденции скифских царей и принудив Палака и его приближенных бежать из страны, он устроил с прочими скифами (разумеется, их знатью) нечто вроде политического консультативного совещания под своим председательством, где обсуждались вопросы подчинения скифов Понту, назначения нового правителя или правителей и т. п. Я полагаю, что Скифское царство не было полностью инкорпорировано в Понтийскую державу Митридата, но, сохранив какую-то известную долю автономии (например, собственную царскую власть), стало вассально зависимым с обязательством выплаты дани, поставки воинских контингентов и т. п. Подобная форма зависимости обозначена в нимфейском посвящении статуи Митридата и документах его преемников потестарным термином ὑποτάξας [94]. Недаром перед первой Митридатовой войной Римский сенат постановил, чтобы Митридат вернул скифским царям всю полноту исконных прерогатив власти [95].

Дальнейшие события развивались быстро и бурно. Навсегда покончив со скифским своевластием, Диофант снова отправился на Боспор юридически оформлять передачу власти Перисадом Митридату. На сей раз в его арсенале было гораздо больше аргументов, так что соответствующий акт был, видимо, быстро составлен: по выражению сочинителя декрета (сткк. 32—33), Диофант «и тамошние дела (τὰ ἔνθινα) устроил прекрасно и с пользой для царя Митридата Евпатора». Но тут произошло непредвиденное: Савмак с группой лиц скифского происхождения устраивает государственный переворот (τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθῶν νεωτεριξάντων), убивает взрастившего его (т. е. Диофанта) боспорского царя Перисада, а против него самого составляет заговор (τὸν μὲν ἐκθρέφαντα αὐτὸ[ν βα]σιλέα Βοσπόρου Παιρισάδαν ἀνελόντων, αὐτῶι δ' ἐπιβουλευσάντων). Диофанту удается избежать опасности, поскольку херсониты прислали за ним корабль. Прибыв в Херсонес, он призывает граждан (к сопротивлению?), затем отправляется в Понт, куда, по всей видимости, уже отбыла большая часть его войска и, «имея ревностного пособника в лице отправляющего его снова царя Митридата Евпатора», в начале весны следующего (110?) года появляется в Таврике во главе сухопутной армии и флота, куда он включает десант отборных херсонеситов на трех кораблях. Отправившись из Херсонеса на Боспор, Диофанту удается захва-

ними областей, в котором предусматривалось между прочим нападение на Боспор и убийство царя Перисада...; может быть, восстание боспорских скифов было внутренним восстанием, происшедшим по наущению скифского войска».

[92] Менее удачными выглядят другие дополнения: περὶ τῶν καθ'ἑαυτο[ὺς αἰσθόμενος ἐν τού]τωι (Юргевич), καθ'ἑαυτὸ[ν διαφερόντων ἑκάσ]τωι (Ернштедт).

[93] Ср. сткк. 43/44: τὰ δὲ πράγματα ἀνεκτάσατο βασιλεῖ.

[94] См. *Виноградов, Молев, Толстиков.* Ук. соч., с. 595 и прим. 8; КБН 39.3; 40.4; ср. *Vinogradov Ju. G.* Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v. Chr.— Chiron, 1980, 10, S. 85, Anm. 116.

[95] *Memnon.*, FGrH, 434 F 22,4: τὰς πατρώιας ἀρχάς.

тить опорные пункты восставших — Феодосию и Пантикапей, наказать виновников восстания, а самого Савмака — убийцу Перисада — под стражей отправить в Понт, где его судьба должна была быть решена самим царем. Таким образом власть Митридата над Боспорским царством установлена окончательно (IOSPE, I², 352.34—44).

Как известно, характер восстания Савмака вызвал, особенно после выхода в свет работы Жебелева, оживленную дискуссию, частностей которой здесь нет нужды касаться, тем более что ее итоги в целом подведены как в отечественной, так и в западной историографии [96]. Но поскольку это историческое событие еще один (и последний) ключ к решению нашей проблемы — выяснению сути скифо-боспорских отношений, то на основных моментах остановиться необходимо.

Со всей определенностью следует заявить следующее. Сторонники концепции Жебелева пытались упрекнуть своих противников в том, что те подменяют разбор исторической ситуации, сложившейся на Боспоре в конце II в., анализом «филологической» стороны вопроса, что может будто бы привести к такому положению, когда «из-за деревьев не станет видно леса» [97]. Такой подход и полемический прием методически непозволительны: в нашем распоряжении всего один-единственный источник о восстании Савмака, и этот источник текстовой, повествовательный, а потому он и должен быть прежде всего подвергнут текстологическому анализу, и только потом уже результаты могут быть соотнесены с исторической обстановкой того времени, как она рисуется по данным других источников. Разве идя не тем же путем, Жебелев сумел выдвинуть свою концепцию?

А начав с текстологии, мы тут же упремся в интерпретацию выражения стк. 34 τὸν ἐκθρέψαντα αὐτόν: как понимать это причастие от глаг. ἐκτρέφω и кто скрывается под αὐτόν? Не приводя здесь всей системы их аргументации, полностью присоединяюсь к С. Я. Лурье и Э. Л. Казакевич [98]: они предприняли столь ювелирный филологический анализ контекста, доказав, можно сказать (если этот эпитет вообще приложим к такой тонкой живой материи, как греческий язык), с математической точностью, что пресловутое αὐτόν должно относиться только к Диофанту, что после этого шансы любой другой интерпретации текста становятся астрономически малы [99].

Оппонентам двух названных исследователей так и не удалось опровергнуть их главный текстологический довод. Гайдукевич своим контраргументом: «Двукратное применение местоимения αὐτός к разным лицам (αὐτόν — Савмак, αὐτῶι — Диофант) исключало возможность недоразумений благодаря логике контекста и значению частиц μέν—δέ как средства, оттеняющего противоположения, что и является одной из основных

[96] См. *Гайдукевич В. Ф.* К дискуссии о восстании Савмака.— АИКСП, 1968, с. 81—95; *Rubinsohn.* Op. cit.

[97] *Гайдукевич.* К дискуссии..., с. 81 сл.

[98] *Lurje.* Op. cit.; *Казакевич Э. Л.* К полемике о восстании Савмака.— ВДИ, 1963, № 1, с. 57—70.

[99] Вот почему не выдерживает критики толкование А. И. Немировского (Митридат Евпатор, Боспор и восстание скифов.— В кн.: Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978, с. 63—70), успевшее уже найти некоторое сочувствие (*Ломоури.* Ук. соч., с. 70 сл.): αὐτόν не только не может относиться к Митридату Евпатору «по правилам грамматики» (как считает автор толкования), но подобное соотнесение полностью противоречит этим правилам, так как, во-первых, имя Митридата стоит в предыдущем и непосредственно не соединенном синтаксически с нашим предложении, а во-вторых (и это главное) в едином периоде фразы, прочно скрепленном неразлучной парой частиц μέν — δέ, местоимения αὐτόν и αὐτῶι могут означать только одно лицо.

их функций» [100], показал только свое непонимание сути и силы довода. По этому поводу Грейс совершенно четко заметила: «противопоставлены в сткк. 34—35 декрета не два αὐτός, а „воспитавший его" и „он сам" [как объекты разных действий со стороны взбунтовавшихся скифов]; тем самым частицы оттеняют именно идентичность лиц, замененных местоимением αὐτός в одном и другом случае» [101]. Савмак мог бы скрываться под αὐτόν только при одном условии: если бы составитель декрета заменил αὐτῶι на Διοφάντωι.

Окончательное выяснение вопроса, кто такой αὐτόν в стк. 34, собственно говоря, делало бы излишним опровержение главного тезиса Жебелева: выражение τὸν ἐκθρέφαντα αὐτόν означает, по его мнению, что Савмак был вскормленным рабом, θρεπτός Перисада, ведь теперь им становился Диофант, сын Асклепиодора, гражданин Синопы, однако и здесь убедительный лексический анализ причастия ἐκθρέφαντα, проведенный Лурье и Грейс, показал, что без соответствующих разъяснений (как в данном контексте) речь должна идти о лице, взращенном, воспитанном в доме другого человека. Следовательно, приходится признать, что не Савмак, а будущий понтийский полководец в детстве воспитывался при боспорском дворе. Однако возникает еще ряд взаимосвязанных вопросов: о целях и характере восстания, его руководителе, размахе и движущих силах, вопросов, открывших широкое поле для всевозможных гипотез и логических построений. Рассмотрим, насколько последние реально соответствуют данным нашего основного и дополнительных источников.

Как известно, Жебелев главной движущей силой восстания считал скифских рабов на Боспоре, опираясь на якобы рабский статус их предводителя Савмака [102]. Гайдукевич, уточняющий его концепцию, расширил социальную базу выступления, предположив в его рядах присутствие «и городских ремесленников, и зависимых крестьян, и всякого рабочего люда, а также рабов»; особо он подчеркивал, однако, участие в нем сельских жителей [103]. Он полагал, что восстание охватило целиком весь Восточный Крым со всем многочисленным его городским и сельским населением, что в него были втянуты широкие массы. Кроме логических соображений конкретную опору в источниках он находит только одну: карательная экспедиция Диофанта долго и тщательно готовилась, в ней принимали участие крупные сухопутные и морские силы.

Идя в русле этой концепции дальше, Молев нарисовал красочное полотно захвата Диофантом Феодосии, дальнейшей длительной борьбы за Пантикапей, стоившей немалых потерь, штурма столицы после ожесточенного сопротивления и гибели основной массы защитников и т. п. [104] Опорой в источниках ему послужили, во-первых, тот факт, что Диофант начал третью кампанию весной 107 г. (по Молеву), а декрет в его честь

[100] *Гайдукевич.* К дискуссии..., с. 82; *он же.* Еще о восстании..., с. 7.

[101] *Казакевич.* Ук. соч., с. 62 (в скобках вставка со с. 59). То, что Гайдукевич повторил тот же свой контрдовод (К дискуссии..., с. 82), и после разъяснения Казакевич, показывает, что он скорее не захотел понять силы аргумента оппонентов. Зато это прекрасно понимает В. Ц. Рубинзон (op. cit., p. 62 f.), голословно утверждающий тем не менее, что Лурье ошибался в субституции местоимения αὐτόν. Однако конкретных возражений тому, что оба мест. αὐτός в едином периоде должны непременно означать одно лицо, им не приводится.

[102] *Жебелев.*— СП, с. 105—115. Ср. *Diehl E.* Saumakos.— RE, Supplbd. VI, 1935, Sp. 653.

[103] См. *Гайдукевич.* Еще о восстании..., с. 20, 23; *он же.* О скифском восстании..., с. 20—22; *он же.* К дискуссии..., с. 89; *idem.* Op. cit., S. 314. Anm. 17. Ростовцев (SEHHW, p. 770) считал, что Савмак опирался на крепостных крестьян (bondsmen).

[104] *Молев.* Митридат Евпатор, с. 40, 43.

издан 19 *дионисия*, т. е. в феврале, иными словами, поход закончился не ранее января следующего года; во-вторых, он указывает на разрушение пантикапейского пританея, относящееся якобы к этим событиям [105].

Однако участие в восстании широких масс эксплуатируемого скифского населения — голая презумпция: за лаконичными Σκυθᾶν, сплотившимися вокруг Савмака, не проглядывается не только их социального статуса, но даже профессиональной принадлежности. Что касается размаха выступления, то декрет говорит лишь о том, что Диофанту пришлось отвоевывать у восставших два города — Феодосию и Пантикапей, но никак не весь Восточный Крым. Подготовка экспедиции Диофантом могла затянуться по каким угодно причинам: возможно, его переговоры с Перисадом начались не сразу после окончательной победы над Палаком, а осенью; мы не знаем, сколько времени он пробыл в Пантикапее после переворота, пока готовился его побег; за это время его войска, отбывшие в Понт, могли быть уже передислоцированы Митридатом в другое место (например, в Ольвию или Колхиду) и пришлось собирать новые, да и переправляться по штормовому морю зимой в Таврику он счел слишком рискованным. Наконец, вовсе не исключено, что Диофанту предстояло сражаться не с толпой плохо вооруженных и необученных скифских крестьян, а с гораздо более грозным противником (см. ниже), что потребовало и гораздо более серьезного снаряжения экспедиции.

Что касается длительного и упорного сопротивления скифов Савмака, то мы знаем из стк. 38 декрета, что Диофант выступил против них ранней весной (ἄκρου ἔαρος), месяц же *дионисий* херсонесского календаря скорее всего приходится также на весну [106], и если правомерно сопоставление с календарем Византия, то 19-е число этого месяца должно падать уже как минимум на март. Иными словами, если допустить, что декрет был издан тотчас же после пленения Савмака [107], то ничто не мешает предположить, что Диофант провел Blitzkrieg, разгромив мятежников за месяц (февраль-март), а то и менее. Предположение о том, что пантикапейский пританей (и эта атрибуция не бесспорна) погиб во время бурных событий конца II в. до. э., а не, к примеру, в результате землетрясения 63 г. до н. э., археологически трудно доказуемо.

Но кроме негативно-критических есть и другие соображения. Казакевич было подмечено, что оборот οἱ περὶ τὸν δεῖνα начиная особенно с эллинистической эпохи стал настоящим перифразом, обозначающим какого-то известного человека вместе с его непосредственным окружением или даже только его одного [108]. Уже из одного этого могло бы следовать, что в τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθᾶν νεωτεριξάντων едва ли уместно видеть «широкие народные массы скифов». Исследовательница удачно сопоставила в этой связи два места из документа: сначала в стк. 35 говорится

---

[105] Там же, с. 43 и прим. 45.

[106] См. *Hanell K.* Megarische Studien. Lund, 1934, S. 199. Нам не известен точно ни порядок месяцев календаря мегарских колоний, ни первый месяц года (см. *Samuel A. E.* Greek and Roman Chronology. München, 1972, p. 88; ср. *Соломоник Э. И.* Некоторые группы граффити античного Херсонеса.— ВДИ, 1976, № 3, с. 139 сл.).

[107] И это не абсолютный факт, так как после этого события в документе упомянуты посольства херсонеситов, которым содействовал Диофант (стк. 44—46); их он, конечно, мог принимать в Понте и в прежние годы.

[108] *Казакевич.* Ук. соч., с. 62 сл. Ср. *Schwyzer E.* Griechische Grammatik. Bd. II. München, 1950, S. 417. Пример, связанный с боспорской историей, см. у *Strabo*, VII, 3, 8: βασιλέων τῶν περὶ Λεύκωνα, с интерпретацией этого места Л. И. Грацианской (Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976, с. 11 слл.).

о скифах, убивших Перисада (Σκυθᾶν...ἀνεχόντων), а ниже в стк. 42 убийцей (τὸν αὐτόχειρα) назван один Савмак [109]. Идя по намеченному ею пути дальше, кажется интересным обратить внимание на риторический параллелизм и корреляцию указанных пассажей в более полном их объеме. В обоих местах вычленяется *сознательно* употребленная сочинителем декрета (с целью риторического противопоставления обстоятельств возникновения заговора и его конечной судьбы) бинарная структура (в первом пассаже она расширена третьим элементом), включающая не только абсолютно аналогичные действия, но и одинаковых субъектов этих действий, представленных в plur. и sing.:

стк. 34—35: τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθᾶν νεωτεριξάντων καὶ...
Παιρισάδαν ἀνελόντων

стк. 41—43: τοὺς... αἰτίους τᾶς ἐπαναστάσεος τιμωρησάμενος καὶ
Σαύμακον τὸν αὐτόχειρα... Παιρισάδα λαβὼν ὑποχείριον.

Если по три элемента этих структур точно соответствуют друг другу (νεωτεριξάντων = τᾶς ἐπαναστάσεος, ἀνελόντων = τὸν αὐτόχειρα, Σαύμακον = Σαύμακον), то и два оставшихся, поставленных в одном и том же множ. числе, при прочих не противоречащих друг другу характеристиках должны быть идентичны, а они этими характеристиками как раз и обладают: скифы (τῶν Σκυθᾶν) во главе с Савмаком, поднявшие восстание, и есть его виновники (τοὺς αἰτίους τᾶς ἐπαναστάσεος).

Из проведенного стилистического анализа, на мой взгляд, со всей очевидностью следует, что: *1*) Диофант покарал не всех принявших участие в восстании, но только его *зачинщиков* и Савмака; *2*) эти зачинщики и были теми *скифами*, которые сплотились вокруг Савмака; *3*) из источника непосредственно не следует, что в восстании приняли участие какие-то иные скифы, кроме тех, которые сгруппировались вокруг Савмака, хотя в действительности это вовсе не исключено; *4*) вне зависимости от того, насколько многочисленны были ряды участников восстания, заговор был устроен *ограниченной группой* скифов, предводителем которой стал Савмак; *5*) последний пункт лишний раз подтверждается третьим элементом первой структуры: αὐτῶι δ' ἐπιβουλευσάντων — «против него (Диофанта) они составили заговор». Если можно себе еще как-то представить, что воображению составителя декрета рисовались толпы разъяренных повстанцев-скифов, врывающихся во дворец и убивающих Перисада, то он — как и мы — должен был отдавать себе ясный отчет в том, что заговор составляется узким кружком инсургентов, которыми и были — по отнесению к ним сказуемого ἐπιβουλευσάντων — те же самые οἱ περὶ Σαύμακον Σκύθαι.

Из всех выведенных выше пяти положений неоспоримо следует, что наш *единственный источник* не дает никаких оснований вычитывать из него сведения о движении широких скифских масс, охватившем весь Европейский Боспор: он однозначно повествует лишь о заговоре ограниченной группы лиц скифского происхождения во главе с Савмаком, устроивших государственный переворот. Допускать массовость восстания можно лишь на основании косвенных данных и логических умозаключений. Но прежде чем к ним перейти, попытаемся выяснить личность инициатора переворота и цели, им преследуемые.

---

[109] *Казакевич.* Ук. соч., с. 63.

Исходя из варварского (иранского: суф. -ακος) характера имени Савмака и из того факта, что он возглавил скифских повстанцев, абсолютно все исследователи справедливо считали Савмака скифом, но определяли его происхождение по-разному [110]. До выхода работы Жебелева по этому вопросу царило почти полное единодушие, основанное на казавшемся тогда бесспорным факте воспитания Савмака при дворе Перисада: Савмак был наследником боспорского престола. Предполагалось, в частности, что Перисад был бездетным, а потому воспитал или был принужден скифами воспитать себе скифского преемника, согласно гипотезе некоторых ученых, быть может даже одного из сыновей Скилура (Юргевич, Бурачков, Вайль, Брандис, Рейнак, Хольм, Миннз, Ростовцев и др.). В соответствии с этим причину переворота видели, естественно, в том, что Савмак как наследник трона был возмущен передачей власти над Боспорским царством Митридату.

Жебелев, как уже говорилось, увидел в Савмаке дворцового раба. Гайдукевич противоречиво выразил свое отношение к статусу Савмака: из двух посмертных одновременно вышедших работ в одной [111] он будто бы отстаивает точку зрения по этому поводу Жебелева, а во второй [112] — недвусмысленно признается: «Как известно, в тексте херсонесского декрета нет прямых указаний на то, что Савмак был рабом». В качестве причин выступления широких масс скифов он предполагает их опасения, что с установлением режима «твердой руки» Митридата их эксплуатация ужесточится.

Молев снова видит в Савмаке наследника Перисада, но представителя скифской знати Восточной Таврики, опиравшегося в своем выступлении на «скифскую партию» при дворе боспорского царя, однако увлекшего за собой опять же широкие слои боспорских скифов. В соответствии с этим причины и цели восстания он усматривает не только в отстаивании Савмаком законных прав на престол, но также в «росте национального самосознания скифов и их недовольстве многовековой экономической зависимостью от греческих городов Боспора» [113]. Наконец, Рубинзон, не определяя ближе положения Савмака, в виде осторожной гипотезы предлагает считать причиной выступления скифов скорее не борьбу их лидера за трон, а стремление сохранить свой прежний статус перед угрозой перехода под власть понтийского царя [114].

Все перечисленные последними гипотезы уязвимы. Не говоря уже о том, что, как показано выше, декрет не дает никаких прямых оснований считать участниками восстания каких-то иных скифов, кроме кучки заговорщиков во главе с Савмаком, совершенно непонятными остаются опасения скифов, кем бы они ни были: почему с воцарением Митридата их статус должен был измениться к худшему или их эксплуатация стать более суровой? Учитывая все прямые и косвенные данные и на сегодняшний день гораздо более резонной выглядит гипотеза о дворцовом перевороте, имевшем целью сохранить власть за уже объявленным наследником Перисада — Савмаком. В этой связи особенно примечательно то обстоятельство, что боспорские скифы, несмотря на все их возросшее

---

[110] Разноречивые точки зрения перечислены в названных выше работах Жебелева, Гайдукевича и др.

[111] *Гайдукевич.* К дискуссии..., с. 84 сл.: «Его [Жебелева] гипотеза правдоподобнее всех прочих».

[112] *Он же.* О скифском восстании..., с. 20.

[113] *Молев.* Митридат Евпатор, с. 37—40.

[114] *Rubinsohn.* Op. cit., p. 68.

«национальное самосознание», не выступают на помощь своим сородичам в Центральном Крыму ни после первого разгрома Палака, ни после второго, но только тогда, когда Перисад передает свое царство Митридату.

Вернемся, однако, к вопросу о движущих силах, социальной опоре восстания, ибо совершенно очевидно, что без мощной поддержки Савмаку не удалось бы сравнительно долго удержаться на Боспоре. Естественно, абсолютное большинство интерпретаторов видело опору движения в упомянутых в стк. 34 декрета Σκύθαι, причем никто не сомневался, что это широкие массы повстанцев-скифов. Кроме версии Жебелева и его сторонников, все предположения на этот счет развивались mutatis mutandis по трем направлениям. Скифы, на которых опирался Савмак, были: *1*) скифами царства Скилура — Палака либо союзного с ним племени (Низе, Лурье); *2*) скифским племенем, обитавшим в Восточном Крыму или на границах с ним (Юргевич, Брандис), заключившим союз с Перисадом для борьбы с Палаком (Коцевалов, 1937 г.); *3*) просто скифским войском на службе Перисада (Юргевич, Лурье, Коцевалов, 1955 г.). Жебелев (и за ним Струве) главными участниками восстания назвал скифских рабов, Гайдукевич — широкие слои зависимого населения боспорских сел и городов, а Молев присовокупил сюда скифских купцов и «скифскую партию» знати при дворе Перисада.

Предположение Низе справедливо опроверг уже Брандис, гипотеза Жебелева отклоняется текстологическим анализом, допущение о независимом от Боспора скифском племени, имевшем своего вождя и кочевавшем на территории его хоры во II в. до н. э., малоприемлемо в свете археологических данных, а предположение о союзном Перисаду племени, поселившемся в Восточной Таврике, фактически равнозначно гипотезе о скифском войске на службе Перисада. Итак, мы как будто бы оказываемся перед альтернативным выбором: широкие слои скифского населения как опора восстания либо переворот, совершенный скифским войском. Надо сказать, что второе допущение, высказанное уже первоиздателем декрета Юргевичем, а потом дважды повторенное независимо друг от друга Лурье (в 1948 и 1959 гг.) и Коцеваловым (в 1955 г.), никем убедительно опровергнуто не было: Гайдукевич сначала от него попросту отмахнулся [115], а потом привел лишь тот довод, что «... в обстановке, сложившейся к концу II в., содержание скифских вооруженных отрядов было бы равносильно преднамеренному самоубийству, поскольку над Боспорским государством тогда нависла вполне реальная угроза нападения войск крымских скифов Скилура и Палака» [116]. Как я старался показать выше, «в обстановке, сложившейся к концу II в.», в рамках скифо-боспорской унии и предполагаемого оборонительного договора присутствие на Боспоре каких-то воинских контингентов, предоставленных Скилуром, было не только не самоубийством, но вполне допустимой реальностью [117]. Вторая гипотеза даже выигрывает по сравнению с первой, поскольку проще объясняет тщательность подготовки Диофантом последней кампании: он отправлялся сражаться не с мирными γεωργοί [118], а с хорошо обученными и вооруженными профессиональными воинами.

[115] *Гайдукевич.* Еще о восстании..., с. 20: оно «настолько произвольно и лишено опоры в реальных данных, что едва ли можно вообще серьезно это обсуждать».

[116] *Он же.* К дискуссии..., с. 85 сл.

[117] Вспомним в этой связи о 30 000 союзной скифской пехоты и конницы, обеспечивших Сатиру победу в битве при Фате (*Diod.*, XX, 22,4), и другие примеры скифо-боспорской симмахии (см. *Шелов-Коведяев.* Ук. соч., с. 168).

[118] Ср. *Гайдукевич.* К дискуссии..., с. 88.

Должны ли мы после сказанного отдать предпочтение этой стороне альтернативы? Думаю, что нет, да и альтернативы-то как таковой не существует, поскольку на Боспоре оставались, кроме того, различные силы, которые могли либо способствовать, либо помешать успеху восстания. Сам Жебелев в свое время допускал, что, «очевидно, и флот, стоявший в Пантикапее, примкнул к повстанцам» [119]. Не менее ценное соображение высказал Молев: «... в Пантикапее была еще и наемная царская армия: одних ее сил было бы вполне довольно для выступления против недостаточно подготовленного и слабо вооруженного скифского населения Боспора. Быстрый успех сторонников Савмака показывает, что наемники Перисада не оказали серьезного сопротивления. С одной стороны, это подтверждает законность претензий Савмака на власть в их глазах, а с другой,— позволяет думать, что командование наемниками могло находиться в руках приверженцев скифского наследника» [120]. Как видно, до появления новых данных комбинировать и раскладывать силы восставших можно сколько и как угодно.

Мне кажется, что подходить к решению вопроса о характере и сути переворота, происшедшего на Боспоре, надо иначе: с позиций его инициаторов и руководства, поскольку в любом случае, как показано выше, никаких сведений о прочих его участниках из нашего единственного источника извлечь нельзя. Опираясь на тот твердый факт, что совершил переворот узкий кружок заговорщиков во главе с Савмаком, что они предприняли решительные шаги не ранее, чем была юридически оформлена передача власти над Боспором Митридату, и учитывая традиционные династийные связи скифского и боспорского царских домов, я решаюсь присоединиться к тому большинству, которое видело в Савмаке знатного скифа, не исключено даже — брата царевны Сенамотис. Его появление при дворе последнего Спартокида вовсе не обязательно было связано с усыновлением или воспитанием его Перисадом, что, как показали Лурье и Казакевич, прямо не следует из текста декрета: подобно своему предшественнику Арготу, женившемуся на овдовевшей боспорской царице Камасарии, он мог взять в жены одну из дочерей Перисада либо кого-то из представительниц боспорской знати.

Судя по всему, его тесное скифское окружение появилось на Боспоре по тому же или какому-то схожему поводу. Не исключено, что вследствие неизвестных нам причин ему был завещан боспорский престол, но главное даже не в этом — в силу своего положения он, как и его скифские сотоварищи, должен был занимать один из важных в государстве постов, которыми, как мы знаем, так богата была любая эллинистическая монархия. Именно это его и его друзей высокое положение и обеспечило успех заговора — ликвидацию последнего представителя династии Спартокидов и осуществление государственного переворота. Одной из первых акций нового царя должно было стать привлечение на свою сторону армии наемников, если только сам Савмак или кто-то из его сторонников до того ею не командовал. Дальнейший шаг должен был состоять в создании социальной опоры среди самых разных слоев населения, конкретное выяснение которых неизбежно уведет нас снова в область догадок.

Развиваемая на этих страницах гипотеза о личности Савмака и составе его окружения подтверждается, как кажется, еще одним обстоя-

---

[119] *Жебелев.*— СП, с. 107.
[120] *Молев.* Митридат Евпатор, с. 40 сл.

тельством, почему-то обойденным вниманием всеми, исследовавшими Диофантов декрет. Уже в начальной стадии его изучения Фукар по поводу стк. 11 подметил, что события, имевшие мало отношения к Херсонесу, излагаются в декрете очень кратко [121]. Действительно, какими скупыми и бесцветными словами описаны результаты первой и второй пантикапейских встреч Диофанта с Перисадом (стк. 11 и 32/33). И какой поток красноречивой и детализированной информации прорывается вдруг у херсонесского составителя псефизмы тотчас после того, как он доходит до момента савмаковского переворота: здесь и указание на тех, кого сплотил Савмак, и факт воспитания Диофанта Перисадом, и убийство последнего, и заговор против самого стратега. Далее, правда, повествование снова возвращает нас к Херсонесу, зато сколь подробно описаны приготовления последней экспедиции и разгром инсургентов: приведена и точная дата возвращения Диофанта из Понта, и состав его войска, и конкретное указание тех городов, которые были отвоеваны понтийской армией, и наказание зачинщиков, и повторное (!) упоминание Савмака как убийцы Перисада, и сообщение о его отправке в Понт.

Удивительная словоохотливость! Особенно неожиданная, если учесть, что речь идет о сугубо *внутренних боспорских* делах, так лаконично и однотонно названных незадолго в стк. 33 τὰ ἔνδινα. Как бы ни стремился автор псефизмы всячески подчеркнуть доблесть сограждан в разыгравшихся драматических событиях, он смело мог бы опустить ряд подробностей. Так чем же все-таки была обусловлена его словоохотливость? Вероятно, одним: все без исключения события, описанные в стк. 34—44, имели самое прямое отношение к *Херсонесу* и его безопасности [122]; вся эпопея, связанная с подавлением переворота на Боспоре,— не что иное, как *продолжение и завершение борьбы Диофанта за окончательное подчинение* скифов Митридату [123] и тем самым за полное избавление Херсонеса от варварской угрозы. Ведь недаром не кто иной, как херсониты, вызволяют Диофанта из беды (стк. 36), херсонесских граждан призывает он, видимо, на борьбу с *общим* врагом (стк. 37), цвет херсонесского гражданства на трех кораблях принял активное участие в решающих боях за Феодосию [124] и Пантикапей.

Если избранное здесь направление верно, то оно неизбежно должно привести к следующим выводам. Во-первых, херсониты явственно ощущали потенциальную угрозу нападения со стороны новой скифской власти на Боспоре. Во-вторых, улавливается некая преемственность и непосредственная связь между царством Скилура и Палака, с одной стороны, и верхушкой боспорских скифов — Савмаком и иже с ним — с другой, как продолжателями политики конфронтации первых с Херсонесом. И наконец, сделанное наблюдение способно послужить еще одним косвенным подкреплением предложенной выше гипотезе о существовании оборонительного союза между Боспорским и Скифским царствами,

---

[121] *Foucart P.* Décret de la ville de Chersonésos en l'honneur de Diophantos.— BCH, 1881, 5, p. 80. С его наблюдением согласилось большинство.

[122] Припомним в этой связи удачное наблюдение Казакевич (ук. соч., с. 62 сл.) по поводу выражения οἱ περὶ Σαύμακον Σκύθαι: значение оборота указывает на то, что Савмак должен был быть личностью, хорошо знакомой читателю — *херсонесскому* читателю!

[123] Это замечательно и тонко подметил Лурье (op. cit., p. 77 sq.).

[124] В. П. Толстиков обратил мое внимание на неслучайность упоминания в декрете Феодосии — крайнего западного форпоста Боспорского государства, единственного незамерзающего порта, откуда в любое время года удобно было совершить нападение на Херсонес.

а следовательно, и представленному выше объяснению столь поспешной первой поездки Диофанта на Боспор.

Если высказанные соображения признать резонными, то в ином свете предстанет и сам характер переворота. Трудно поверить, чтобы боровшиеся за лучшую долю эксплуатируемые массы боспорских скифов могли бы внушить херсонеситам опасение в том, что они готовы так скоро стать преемниками экспансионистской политики Скилура и Палака, устремившись на завоевание греческих полисов Западного Крыма. И совсем уже немыслимыми казались бы подобные же намерения только что освободившихся рабов, движимых, по мнению некоторых историков [125], подобно Аристонику, идеей построения «солнечного города» — царства братства и справедливости. По-видимому, приходится согласиться с тем, что каким бы ни был социальный состав участников восстания, свою волю в нем, выбор конкретной тактики и политики диктовали не они, а те самые οἱ περὶ Σαύμακον Σκύθαι, которые осуществили coup d'état в своих личных интересах.

Подводя итоги, попробуем в общих чертах воссоздать картину взаимоотношений Скифского и Боспорского царств во второй половине II в. до н. э. Прочно устоявшимся в науке фактом следует считать изменение этнополитической ситуации, происшедшее в III в. до н. э. в южнорусских степях: перешедшие Танаис сарматы постепенно вытесняют скифов из исконных областей их кочевания и в конечном итоге запирают их в Крыму, оставляя им за его пределами узкую прибрежную полосу от Перекопа до Нижнего Поднепровья [126]. Всю эту территорию Страбон (VII, 4, 5) называет Малой Скифией, вкладывая в это понятие не только географический, но и политический смысл. Действительно, уже в III в. скифы, в значительной степени перешедшие к оседлости, создают свое царство с центром в Крыму, в Неаполе [127], достигшее наибольшего расцвета и могущества во II в. при Скилуре. В сложении централизованного Скифского государства, безусловно, сыграли свою роль многочисленные и самые разнообразные факторы, но далеко не последней причиной консолидации скифов, как и в конце VI — начале V в. [128], должна была явиться их постоянная борьба с перманентным натиском внешнего врага — на сей раз не персов, а сарматов.

Окрепшее Скифское царство, будучи ограниченным в своей территории, нуждалось, во-первых, в расширении фонда плодородных земель для развития собственного земледелия и скотоводства, а во-вторых,— рвалось получить выход к морю для стабильного вывоза излишков сельскохозяйственной продукции и получения тем самым дополнительной прибыли. Однако, не имея ни собственного торгового флота, ни навыков в морском деле и соответствующего технического персонала, ни благоустроенных портов и т. п., скифские властители неизбежно должны были обратить свои взоры в сторону соседних эллинских полисов. Исходя из этих побуждений, они мирным образом устанавливают протекторат над Ольвией и предпринимают экспансию против более сильного,

[125] *Гайдукевич.* Боспорское царство, с. 304; *он же.* Еще о восстании..., с. 18.

[126] См. из последних: *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. Недавняя попытка С. В. Полина (Про сарматське завоювання Північного Причерномор'я.— Археологія, 1984, 45, с. 24—34) оспорить общепринятую концепцию страдает не только поверхностным привлечением письменных источников, но и отсутствием опоры в данных естественнонаучных исследований.

[127] См. *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979.

[128] См. *Vinogradov.* Op. cit., S. 71.

а потому не такого уступчивого Херсонесского полиса, захватывая его земли в Северо-Западном Крыму, подвергая там разгрому его укрепления и городские центры — Керкинитиду и Калос Лимен, а также усиливая набеги и на сам город и его округу [129].

Оценивая эту экспансию скифов, не стоит упускать из виду и постоянную угрозу существованию их царства, шедшую с севера и северо-востока со стороны конфедерации сарматских племен [130]. Поддержка вождем роксоланов Тасием скифов во второй кампании Диофанта, о которой шла речь выше, не может служить препятствием для констатации подобной угрозы, поскольку роксоланы были лишь одним из обитавших в степях Приазовья сарматских племен, которые могли проводить свою независимую от других сарматов политику, приведшую их в нужный момент к временному альянсу [131] с Палаком, возможно, в обмен на какие-то уступки со стороны последнего. В такой напряженной ситуации, сколь бы могущественным ни было царство Скилура, он едва ли мог отважиться открыть и третий фронт — против Боспора, тем более что Боспорское царство, в каком бы экономическом упадке в тот момент оно ни находилось [132], все же представляло собой — примеряясь к военному потенциалу скифов — достаточно сильное политическое образование, объединявшее целый ряд городов по обоим берегам пролива и имевшее обширную земледельческую территорию по крайней мере на Керченском полуострове. Поэтому Скилур, безусловно, должен был предпочесть попытке прямо подчинить Спартокидов своей воле и власти, что постулируется, как мы видели, большинством ученых, мирные и даже союзные с ними отношения, тем более что оборонительный союз скифов и боспорян должен был предполагать прежде всего противодействие общему врагу — воинственным, агрессивно настроенным меото-сарматским племенам Приазовья. Предложенная оценка политической ситуации в Причерноморье делает более вероятной гипотезу Блаватской об уплате Боспором все увеличивающейся дани (Strabo, VII, 4, 4) не скифам, а сарматам.

Следствием и цементирующим средством предполагаемой скифо-боспорской унии стали прежде всего династийные браки, заключаемые между представителями обеих царствующих фамилий начиная по крайней мере со второй четверти II в. В один ряд с Арготом и Сенамотис я склонен поставить — как явление одного порядка — Савмака и скифов иже с ним, хотя конкретные обстоятельства появления последних при боспорском дворе и не проясняются пока источниками. Гораздо важнее другое: скифо-боспорский союз не мог не быть обоюдовыгодным и равноправным или относительно равноправным, ибо только при таких условиях поиска дипломатических путей налаживания контактов либо мирного урегули-

---

[129] Подробнее см. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 131—134.

[130] См. *Harmatta J.* Studies in History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970, p. 15—20. Ср. *Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г.* Древние укрепления Северного Крыма.— ВДИ, 1986, № 2, с. 152.

[131] Это прямо подчеркнуто словами декрета (стк. 23): τὸ τῶν Ῥευξιναλῶν ἔθνος συνεπισπασαμένου — досл. «притянувши на свою сторону». Ср. *Strabo*, VII, 3, 17: Παλάκῳ συμμαχήσοντες τῷ Σκιλούρου.

[132] *Жебелев.*— СП, с. 149 сл.; *Gajdukevič.* Op. cit., S. 94—96. Есть все основания полагать, что концепция экономического упадка на Боспоре в рассматриваемое время — не более чем историческая аберрация. Весьма показательно в этой связи, что после более чем столетнего перерыва именно во II в. при последних трех Перисадах возобновляется интенсивная чеканка золота!

рования вспыхнувших конфликтов заключаются династийные браки — в противном случае для гарантии status quo действуют внедипломатическими средствами, к примеру, беря заложников [133].

В результате обоюдовыгодного соглашения Боспор получал военную помощь в случае нападения на него неприятеля, прежде всего сарматского; не исключено при этом, что какие-то скифские контингенты (например гвардия) могли постоянно находиться в боспорской столице под командованием, естественно, скифских знатных военачальников. Со своей стороны, Скилур также обретал гарантию военной поддержки в лице Перисадовых наемников в случае нападения на свое царство, но и не только это. Взятие и разгром достаточно мощно укрепленных Керкинитиды, Калос Лимена и τὰ τείχη показывает, что Скилур захватил их не голыми руками, но при помощи военно-осадных машин [134], применение которых требовало, разумеется, опытных греческих специалистов; все это ему было удобнее всего получать из эллинистического по своей культуре боспорского царства с его вековыми традициями военного искусства. Не исключено и предоставление Боспором скифам военного флота, появившегося у них в это время [135]. Иными словами, заключение подобного гипотетического соглашения не только не было «равносильно преднамеренному самоубийству», но — напротив — весьма желательно для обеих сторон.

В заключение хотелось бы высказать одно пожелание: пусть у читателя не создастся впечатление, будто бы предложенная историческая реконструкция, как и большинство выводов работы, построены на основе только публикуемого эпиграфического документа. Напротив, полученные благодаря его открытию несколько неожиданные сведения послужили лишь стимулом к пересмотру под новым углом зрения уже имевшихся в распоряжении науки источников, и в этом, на мой взгляд, самое выдающееся историческое значение вотивной надписи царевны Сенамотис, дочери Скилура [136].

---

[133] Ростовцев (SEHHW, II, p. 769 f.; III, p. 1512, not. 35) также признает тесные отношения между скифской и боспорской династиями, однако, идя в русле opinio communis о давлении скифов на Боспор, он предполагает, что Савмак воспитывался у Перисада как заложник.

[134] См. *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, с. 27; *Долгоруков В. С.* Северопонтийские античные военные механизмы.— В кн.: Сборник докладов на IX и X ВАСК. М., 1968, с. 55 сл.

[135] См. *Граков Б. Н.* Термин Σκύθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья.— КСИИМК, 1947, XVI, с. 87.

[136] После того как данная статья была сдана в печать, мне стали известны основные положения доклада А. Гаврилова об интерпретации Диофантова декрета (*Gavrilov A.* Das Diophantosdekret IOSPE I² 352.— In: Die Antike und Europa. 17. Internationale EIRENE-Konferenz. Berlin 11. bis 15.8.1986, S. 66 f.). Оправданно принимая предложенную Лурье атрибуцию αὐτόν в стк. 34, автор допускает, однако, возможность предположения о том, что восстание Савмака не могло бы долго продлиться без поддержки угнетенных слоев. Исследователь исходит из того, что до упоминания скифов Савмака декрет восемь раз говорит лишь «vom äußeren Skythentum», а поскольку при этом нет никакого указания на смену темы, то в Савмаке он склонен видеть полководца, занимавшего высокое положение в кругу наследников Скилура, а в сплотившихся вокруг него скифах — остаток уже разгромленных Диофантом скифских войск, возрождая тем самым в главном пункте гипотезу Низе. Не будучи знаком с детальной аргументацией автора, замечу лишь, что его интерпретация вызывает ряд вопросов: каким образом недобитым частям войска Скифского царства удалось укрыться на Боспоре, и почему они были приняты там Перисадом, почему после этого Диофант едет туда один без войска, почему Савмаковы скифы не убивают своего заклятого, многократно разгромившего их врага, как они это сделали с принявшим их боспорским царем, а всего лишь составляют против него заговор и т. п. Свою позицию по этим и некоторым другим вопросам я постарался определить на предыдущих страницах.

L'INSCRIPTION VOTIVE DE LA FILLE DU ROI SCILURE À PANTICAPÉE ET L'HISTOIRE DE LA SCYTHIE ET DU BOSPHORE AU IIe S. AVANT N. È.

Ju. G. Vinogradov

L'article s'ouvre par la publication d'une inscription gravée sur la table de sacrifice en marbre découverte sur l'acropole de Panticapée (cf. l'article de V. P. Tolstikov dans ce même fascicule de *VDI*). L'autel avait été érigé au nom du roi du Bosphore Périsadès V (vers 140—111) par une Sénamotis (nom égyptien), fille du célèbre roi des Scythes Scilure et épouse d'Héraclide, notable grec du Bosphore, en l'honneur apparemment d'Artémis—Hécate Διθαγοια (épiclèse autrement inconnue). Cette découverte de la première mention épigraphique du dernier monarque de la dynastie des Spartocides nous donne l'occasion de réexaminer la chronologie des règnes des rois du Bosphore au IIe s. av. n. è. et d'en réviser les dates et l'ordre de succession, ainsi que les liens de parenté.

Ce fait étonnant, le mariage d'une princesse scythe à un aristocrate bosphoran, membre, probablement, de la famille régnante, nous incite à réexaminer les rapports entre les royaumes de Scythie et du Bosphore au IIe s. av. n. è. En dépit de l'opinion de la majorité écrasante des chercheurs, lesquels ont extrapolé la confrontation entre Scilure et Palacos, d'un côté, et Chersonèse, de l'autre, à leurs rapports avec le royaume du Bosphore, nous estimons que les témoignages de Strabon (VII, 4, 4 et 6) et du dialogue *Toxaris* de Lucien ne permettent pas de conclure à l'inimitié des Scythes et des Bosphorans. Au contraire, une nouvelle analyse du décret en l'honneur de Diophante (*IOSPE* I^{2} 352)), supportée par des documents épigraphiques tels que *IOSPE* II 19 (=*CIRB* 75) et la nouvelle inscription, permet de conclure que les rapports entre les deux royaumes se fondaient sur une alliance et un traité d'aide militaire réciproque scellés par des mariages dynastiques.

L'analyse textologique nouvelle de la partie narrative du décret de Diophante consacrée à l'insurrection du Bosphore nous a amené à la conclusion qu'il s'agissait d'un complot fomenté par un petit groupe de Scythes conduits par Saumacos — un membre de l'entourage de sa victime, Périsadès V, et sans doute un prétendant au trône bosphoran—, mais nullement d'un mouvement de la masse scythe opprimée. La mise en échec du coup d'état par Diophante fut l'acte final de l'assujetissement à Mithridate Eupator des Scythes de Crimée, et si le décret réserve tant de place à cet événement, c'est parce que le coup d'Etat de Saumacos présentait une menace réelle pour la sécurité des Chersonésites, qui prirent pour cette raison une part active à sa neutralisation.

ПУБЛИКАЦИИ

В. П. Толстиков

СВЯТИЛИЩЕ НА АКРОПОЛЕ ПАНТИКАПЕЯ

В 1978—1979 и 1982 годах на верхнем плато горы Митридат (на Новом Верхнем Митридатском раскопе) Боспорской экспедицией ГМИИ им. А. С. Пушкина были открыты и исследованы остатки террас и располагавшихся на них монументальных построек [1]. Местоположение, особенности планировки и конструкции этих сооружений, а также состав и характер обнаруженных находок позволяют видеть здесь культовый комплекс (точнее, по-видимому, часть комплекса). Новый Верхний Митридатский раскоп примыкает с юга непосредственно к Верхнему Митридатскому раскопу В. Д. Блаватского (1949, 1952—1953 гг.), поэтому синхронные строительные остатки и относящиеся к соответствующим слоям находки на обоих раскопах будут рассматриваться как единый комплекс.

Поскольку раскопки еще не завершены, предлагаемая статья подводит итог лишь первому этапу изучения святилища. Естественно, некоторые выводы имеют предварительный характер и, вероятно, в дальнейшем могут подвергнуться корректировке. Тем не менее публикация и введение в научный оборот материалов этих раскопок необходимы, так как впервые, насколько можно судить, нашими раскопками открыты на основной территории акрополя столицы Боспора сохранившиеся в первоначальном положении основания монументального культового сооружения, причем в них сделан ряд находок, имеющих первостепенное значение и для изучения истории Пантикапея, и для истории и культуры Боспора в целом.

Многолетние раскопки на горе Митридат дали обширный и разнообразный материал по истории и материальной культуре Пантикапея. Тем не менее приходится констатировать, что если в изучении системы планировки, застройки центральной части города, ордерной архитектуры Пантикапея достигнуты известные результаты, то наши знания об одном из важнейших районов столицы Боспора — об его акрополе — все еще остаются фрагментарными и неполными.

В начале 70-х годов под руководством И. Д. Марченко, возглавлявшей Боспорскую экспедицию музея, был разработан и начал успешно осуществляться план целенаправленного изучения территории, предположительно входившей в границы акрополя. С этой целью были заложены два новых раскопа: Восточный и Центральный, а в 1975—1978 годах впервые был составлен подробный топографический план района Первого

[1] *Толстиков В. П.* Раскопки Пантикапея в 1979 году.— Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1979 год. М., 1980, с. 34—36.

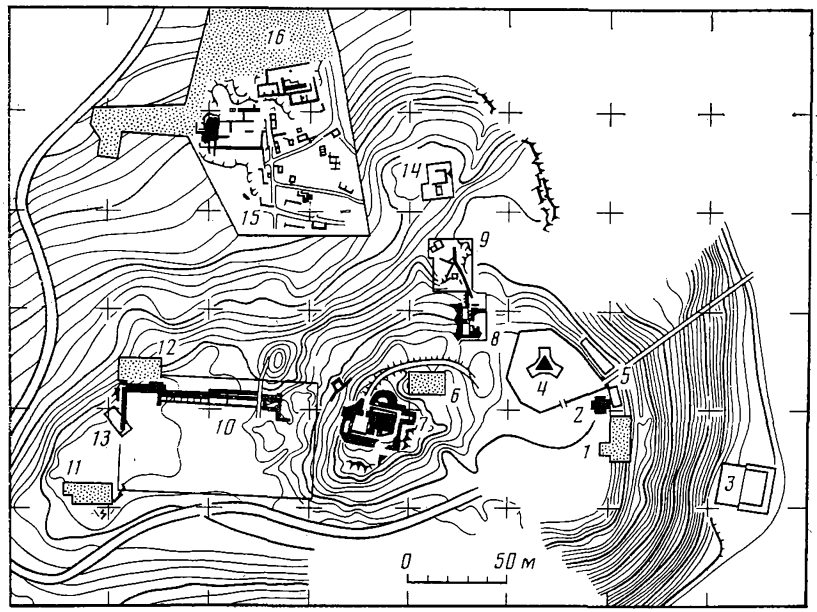


Рис. 1. Район Первого кресла горы Митридат. Схема расположения раскопов: *1* — раскоп А. Е. Люценко 1864 г.; *2* — часовня Стемпковского; *3* — местоположение Старого музея; *4* — обелиск в честь героев, павших в боях за освобождение Крыма; *5* — раскопы В. Д. Блаватского 1945 г.; *6* — раскоп М. Скасси; *7* — остатки цитадели акрополя Пантикапея на скале Первого кресла; *8* — раскоп Новый Верхний Митридатский; *9* — раскоп Верхний Митридатский; *10* — раскоп Центральный; *11—12* — раскопы Ф. И. Гросса 1886 г.; *13* — раскоп Верхний Эспланадный; *14* — раскоп Восточный; *15* — раскоп Новый Эспланадный; *16* — раскопы К. Е. Думберга 1896—1899 гг.

кресла горы Митридат с инструментальной привязкой всех раскопов (включая и котлованы старых раскопов XIX в.) (рис. 1).

Программа изучения акрополя, осуществляемая и в настоящее время, впервые позволила наметить основные этапы его существования, уточнить границы, исследовать остатки оборонительных сооружений акрополя IV—III вв. до н. э., а также укреплений II в. до н. э. — первых веков н. э. Раскопки, проведенные на скалистой вершине Первого кресла горы Митридат, позволили открыть остатки частично высеченного в скале основания цитадели с мощной, прямоугольной в плане центральной башней. Было установлено, что этот оборонительный комплекс усилил фортификационную систему акрополя в 40-х годах I в. до н. э.[2]

Фиксируемое расширение территории акрополя, продолжавшееся в течение длительного периода истории города, а также отчетливо выраженная тенденция к постоянному повышению его обороноспособности указывают на то, что акрополь оставался одним из важнейших элементов в городской структуре, выполняя оборонительные функции и будучи резиденцией боспорских правителей. Но этим функции акрополя не ограничивались. Все исследователи, занимавшиеся изучением Пантикапея, единодушно и с полным основанием отмечают, что акрополь был и глав-

[2] *Толстиков В. П.* О системе обороны акрополя Пантикапея.— Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. Культура и искусство Боспора. Вып. VII. М., 1984, с. 47—52.

ным культовым центром столицы, средоточием храмов, алтарей, государственных святынь[3]. На это указывают как довольно многочисленные фрагменты ордерных архитектурных деталей, так и эпиграфические находки, обнаруженные на вершине горы Митридат, а также на примыкающем к ней участке восточного склона, т. е. на основной территории акрополя.

Посвятительные надписи говорят о том, что на верхнем плато акрополя Пантикапея были расположены храмы и другие культовые сооружения, посвященные Деметре (IOSPE, II, 7 = КБН 8), Аполлону Врачу (IOSPE, II, 10 = КБН 10), Гекате (IOSPE, II, 23 = КБН 22), Артемиде (КБН 28)[4], Афродите Урании (IOSPE, II, 19=КБН 75), Гераклу (IOSPE, II, 24=КБН 16). Здесь же, по-видимому, находилось святилище Кибелы, мраморная статуя которой вместе с архитектурными деталями найдена в ходе раскопок М. Скасси у северного подножия скалы Первого кресла, возле главной улицы, ведущей в цитадель[5].

И тем не менее приходится констатировать, что верхнее плато горы Митридат — основная территория акрополя — остается малоисследованным участком городища. Примечательно в этой связи, что уже П. Дюбрюкс, один из первых исследователей Пантикапея, человек весьма наблюдательный, характеризуя состояние остатков древних построек на вершине горы Митридат, отмечал, что «вся площадь крепости (акрополя.— *В. Т.*) покрыта остатками жилищ, но нигде нет следов больших зданий»[6]. Ничуть не прояснили картину и раскопки, проводившиеся здесь довольно интенсивно в XIX в. Из весьма суммарных сообщений и рапортов А. Е. Люценко, К. Р. Бегичева и других раскопщиков, которые к тому же не сопровождаются какими-либо чертежами или рисунками, можно заключить, что никаких сохранившихся в первоначальном положении остатков монументальных построек, в том числе и культового характера, открыто не было[7].

В ходе работ 1945 г. на раскопах около развалин часовни Стемпковского и близ восточной стороны обрамления Монумента героям, павшим в боях за освобождение Крыма, а также над старым зданием музея были

---

[3] *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964, с. 72—74; *Пичикян И. Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984, с. 156—178.

[4] Здесь следует упомянуть также фрагмент ножки треножника (?) с посвящением Артемиде Эфесской, найденный в 1949 г. на Верхнем Митридатском раскопе, т. е. в непосредственной близости от исследуемого нами участка (*Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея. КСИИМК, 1951, вып. XXXVII, с. 224; *Розанова Н. П.* Посвятительная надпись Артемиде Эфесской, найденная в Пантикапее в 1949 г.— ВДИ, 1960, № 3, с. 130—132; *Виноградов Ю. Г.* Прохус Миниады из Пантикапея.— ВДИ, 1974, № 4, с. 59—62).

[5] *Dubois de Montpereux Fr.* Voyage autour du Caucase. V. V. P., 1839—1843, p. 123. Скульптура изображает богиню Кибелу, сидящую на троне, с правой стороны стоит лев. Хранится в настоящее время в Государственном Эрмитаже (инв. № 18656). О. Вальдгауер и, вероятно, вслед за ним М. М. Кобылина ошибочно называют годом находки этой статуи 1855 год (*Waldhauer O.* Die antiken Skulpturen der Ermitage. Tl. III.— Lpz, 1936, S. 30, № 248, Taf. XIV—XV; *Кобылина М. М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1978, с. 34). Между тем рисунок этой скульптуры был помещен в книге А. Б. Ашика «Боспорское царство», вышедшей еще в 1849 г.

[6] *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море.— ЗООИД, 1858, т. IV, с. 22.

[7] *Блаватский В. Д* Материалы по истории Пантикапея.— МИА, 1950, № 19, с. 26 сл.

открыты лишь остатки стен террас [8]. Особую ценность имеют найденные на первых двух участках фрагменты архитектурных деталей: элементы баз колонн и часть блока архитрава. На основании этой находки В. Д. Блаватским была высказана гипотеза о существовании на акрополе Пантикапея монументального периптера ионийского ордера [9]. Позднее датировка этого храма была уточнена И. П. Пичикяном, разработавшим и более детальный вариант графической реконструкции этого ордерного сооружения [10]. Привлеченные им дополнительные материалы позволили убедительно подтвердить предположение В. Д. Блаватского о том, что этот храм был посвящен Аполлону [11].

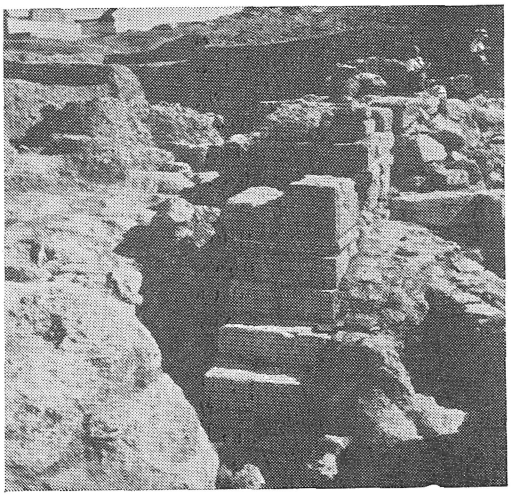


Рис. 2. Подпорные стены на Верхнем Митридатском раскопе. Снимок 1949 г.

В 1949, 1952—1953 годах в процессе интенсивных работ на Верхнем Митридатском раскопе (на северо-восточной границе территории акрополя)

Рис. 3. Остатки святилища, открытые в 1978, 1979, 1982 годах. Общий вид с севера

[8] *Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг.— МИА, 1962, № 103, с. 40 сл.

[9] *Он же.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг.— МИА, 1957, № 56, с. 29—33.

[10] *Пичикян И. Р.* Ордерная архитектура Северного Причерноморья.— ВДИ, 1975, № 1, с. 120 сл.; *он же.* К методике реконструкций античных ордерных фасадов по архитектурным деталям.— КСИА, 1978, вып. 152, с. 74—76.

[11] *Он же.* Малая Азия — Северное Причерноморье, с. 156—170.

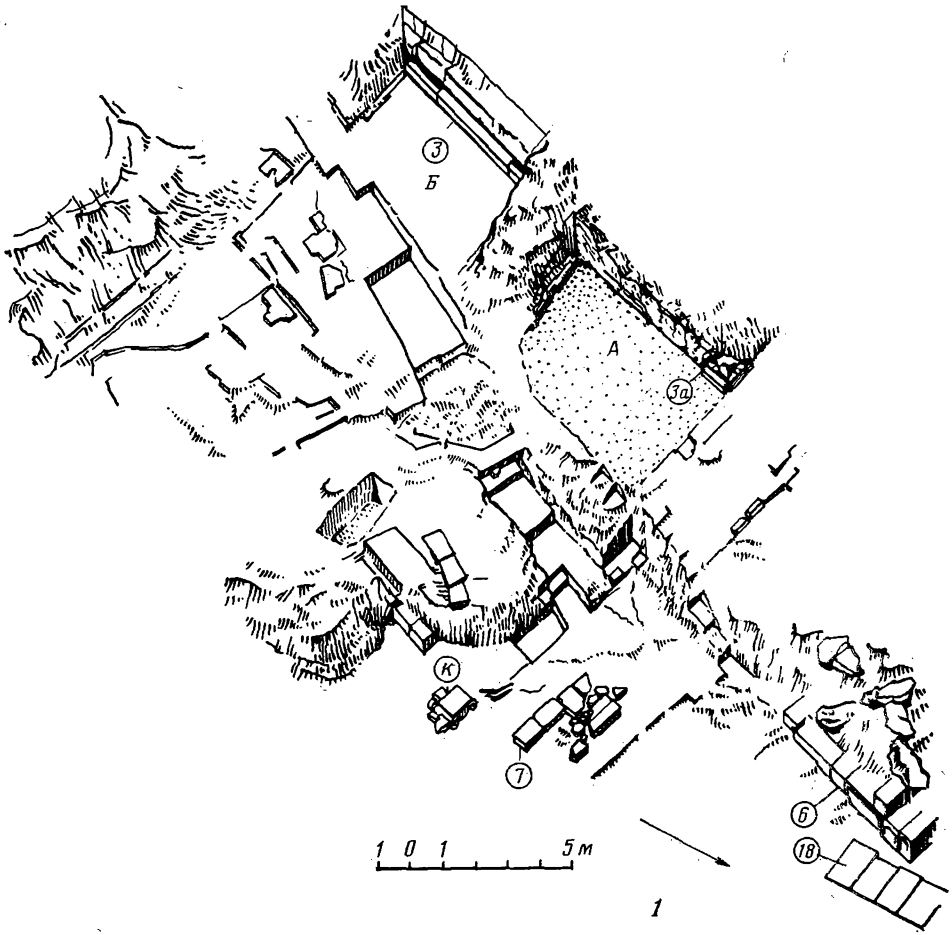
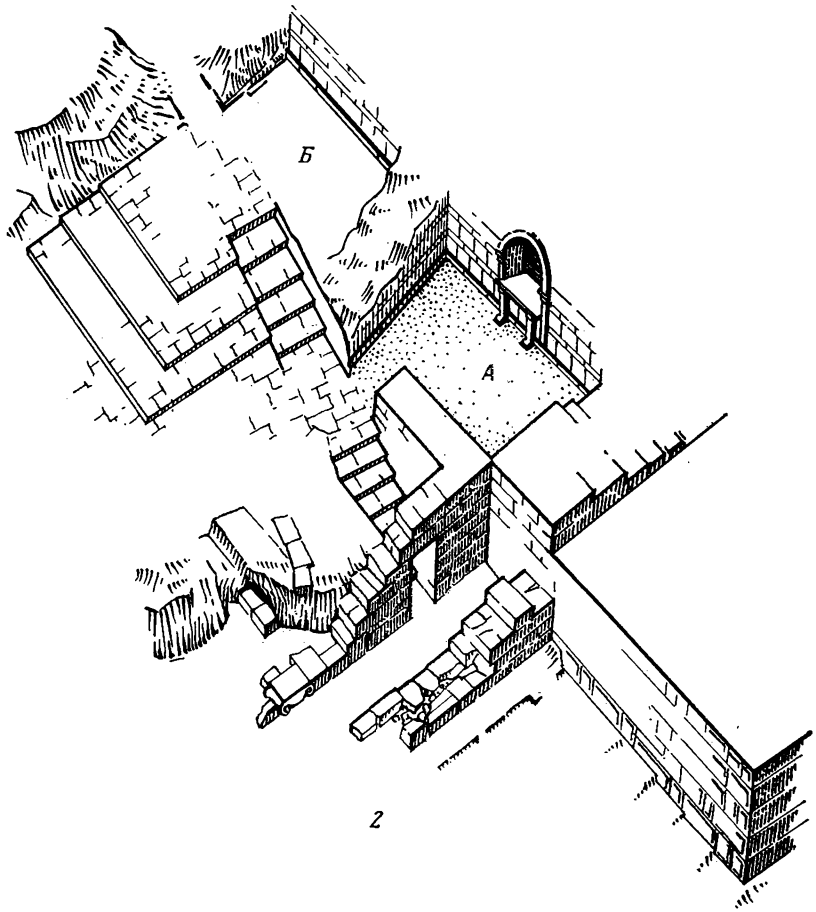


Рис. 4. Святилище Артемиды — Гекаты на акрополе Пантикапея: *1* — план-аксонометрия строительных остатков. Вид с северо-востока; *2* — вариант частичной реконструкции (рис. В. П. Толстикова)

были открыты основания подпорных стен и мощные насыпи террас различных периодов, перекрывавшие постройки VI—V вв. до н.э. Но и здесь так же как на названных выше участках, не было обнаружено никаких сохранившихся в первоначальном положении фундаментов или остатков, относящихся к сооружениям культового характера (рис. 2).

В свете вышесказанного итоги раскопок Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина последних лет на Новом Верхнем Митридатовском раскопе приобретают особое значение для изучения акрополя Пантикапея. Остатки святилища расположены на северном крае верхнего плато акрополя, на расстоянии около 40 м от Монумента героям, павшим в боях за освобождение Крыма, и примерно в 60 м от центральной части скалы Первого кресла горы Митридат; высота над уровнем моря составляет приблизительно 80 м (рис. 3).

Поскольку, как уже говорилось, раскопки еще не завершены, следует еще раз подчеркнуть, что речь пойдет лишь о части комплекса святилища, точнее — о двух смежных помещениях, остатках высеченной в скале монументальной лестницы и участках террас, на которых располагался



2

комплекс. Характерной его особенностью является то, что оба относящиеся к нему помещения частично вырублены в массиве материковой скалы, поэтому их полы и отчасти стены образованы горизонтальными и вертикальными подтесами (рис. 4).

Северное, меньшее по размерам помещение (помещение А) имеет в плане прямоугольные очертания: длина его западной стены составляет 6 м, длина южной стены равна 4 м. Северная и восточная стены не сохранились, но их основания довольно надежно фиксируются по имеющимся регулярным подтесам для квадровой кладки и нескольким оставшимся in situ квадратам и блокам. Насколько можно судить, стены имели значительную толщину: северная — 2,8 м, восточная — около 1,3 м. Южная стена, отделявшая помещение А от смежного, лежавшего южнее помещения Б, имела в своем основании специально подтесанный выступ скалы шириной до 2,2 м. Уровень пола помещения А лежит на 1,0—1,1 м ниже поверхности пола помещения Б. Таким образом, можно считать установленным, что эти два помещения были изолированы одно от другого.

Если о помещении А можно думать, что оно было замкнуто стенами со всех четырех сторон, то этого нельзя сказать о помещении Б: тщательные зачистки скалы и инструментальные измерения позволяют предполагать, что это помещение было ограничено стенами лишь с западной, юж-

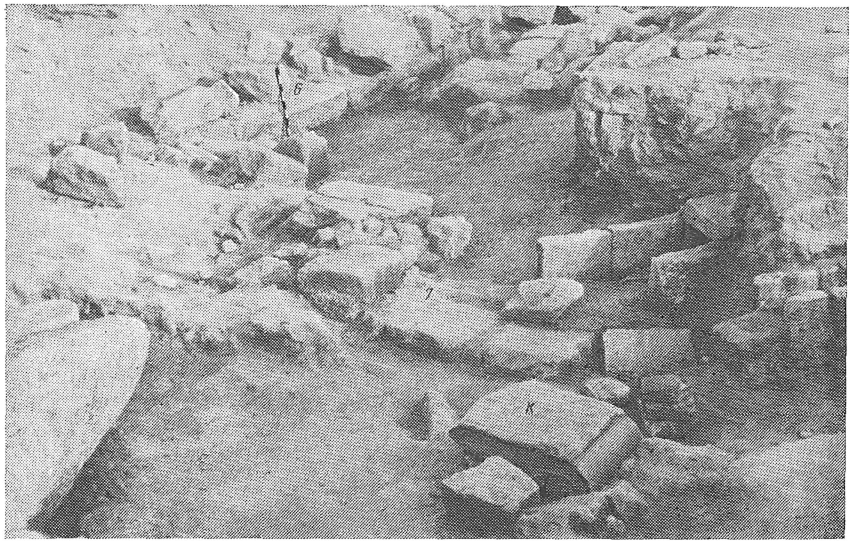


Рис. 5. Остатки подпорных стен террас святилища (кладки № 6, 7)

ной и отчасти с северной стороны, тогда как с восточной стороны стена отсутствовала. Дело в том, что восточная половина этого помещения имела пол, оформленный в виде ступенчатой плитовой вымостки, плавно понижавшейся в восточном направлении. Размеры помещения Б в плане: по западной стороне — 5,5 м, по южной — не менее 8 м. Как было отмечено, полами для обоих помещений служили тщательно обработанные подтеской горизонтальные участки скалы; кроме того, в помещении А поверхность скального пола была снабжена покрытием из плотного слоя розовой цемянки с крупными включениями керамической крошки (толщина слоя цемянки составляла около 5 см).

Важной конструктивной и планировочной особенностью рассматриваемого сооружения, обусловленной прежде всего условиями рельефа местности (комплекс расположен на склоне с крупными выходами материковой скалы), следует считать связь его с системой террас, на которых находятся помещения святилища. К основаниям подпорных стен террас относятся кладки № 6, 7 а также 18, значительная часть которых была открыта еще в 1949, 1952—1953 годах на Верхнем Митридатском раскопе (рис. 5). Подпорные стены возведены из регулярных, тщательно пригнанных насухо блоков известняка, уложенных в вытесанные в скале постели. Сохранившийся на высоту дух рядов участок кладки № 6 показывает, что лицевые плоскости образующих ее блоков были оформлены низким рустом. Выведена она в четкой ложково-тычковой системе, а поддерживаемое ядро террасы образовано заполнением из плотной материковой глины, скальной крошки и крупных наломов скалы. На других участках основанием террасы служит подтесанная скала.

Указанная выше особенность планировки комплекса проявилась и в организации входа (или, скорее, одного из входов) в святилище. Система регулярных подтесов, образовывавших прочное основание подпорной северной стены террасы, указывает на то, что с этой стороны в толще подпорной стены был устроен входной проем шириной 0,9 м, который вел в коридор шириной до 1,5 м. Этот частично вытесанный в скале коридор

снабжен монументальной лестницей, поднимавшейся в южном направлении. Ступени лестницы, сложенные из известняковых плит, покоились на широких ступенчатых подтесах скалы. При расчистке коридора было открыто шесть таких ступенчатых подтесов. Снабженный лестницей коридор проходил вдоль восточной стены помещения А. Можно предположить, что вход в помещение находился близ его юго-восточного угла. Далее коридор шел с некоторым отклонением к юго-западу, пересекая центральную часть помещения Б, и подходил к еще одному входному проему, основание которого отчетливо читается в южной стене помещения Б в виде подтеса шириной 1,6 м.

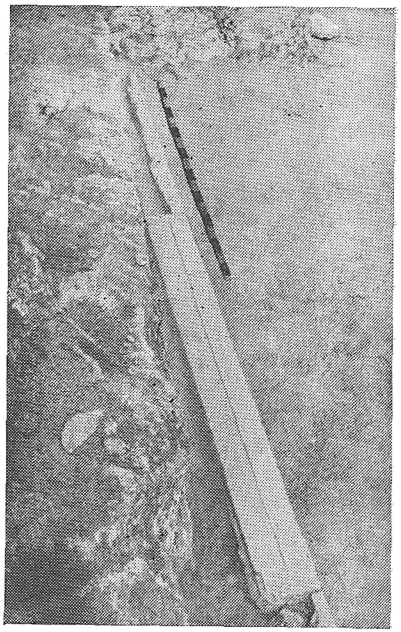


Рис. 6. Цокольный ряд мраморной облицовки, сохранившейся в помещении *Б*. Вид с юга

Несмотря на то что строительные остатки местами сохранились весьма слабо, мы все же имеем возможность сделать ряд выводов о характере оформления интерьера помещений святилища. В процессе раскопок установлено, что скальные подтесы, образующие западные стены помещений А и Б, имели облицовку из мраморных блоков и плит: в северном помещении, близ северо-западного его угла, в первоначальном положении сохранился один из блоков цокольного ряда облицовки. В помещении Б in situ оказались все три блока, образовывавшие цокольный ряд облицовки западной стены (рис. 6). Ширина блоков 0,3 м при высоте 0,2 м. Длина наибольшего из них, среднего составляла 2,3 м. Блоки были тщательно пригнаны один к другому, а также к скальной поверхности пола, причем для большей прочности они были уложены на прослойку цемянкового раствора.

Кроме этих сохранившихся на своих местах блоков в насыпи, перекрывавшей остатки помещений, обнаружено еще 11 блоков и плит, несомненно, относящихся к облицовке стен святилища. Большинство из них найдено использованными вторично в обкладках раннесредневековых могил.

Все плиты и блоки облицовки могут быть разделены на два типа: тип *а* — прямоугольные плиты 0,5 × 0,6 м, толщиной 0,17—0,20 м; тип *б* — прямоугольные в сечении брусья 0,20 × 0,17 м, длиной 0,5—0,7 м. (рис. 7, *1, 2*).

Поверхности блоков и плит облицовки носят следы обработки различными техниками: отески вчерне, тщательной отески, шлифовки. Внимательное рассмотрение поверхностей плит и блоков облицовки позволяет не только определить конфигурацию инструментов, применявшихся при их обработке (например, остроконечные орудия и «траянка»), но и сделать существенный вывод о том, что практически все найденные облицовочные плиты, по-видимому, использовались вторично, причем по своему прямому назначению, т. е. подгонялись заново. Практически все облицовочные плиты и блоки имеют по краям гнезда для пиронов, причем в некоторых из них сохранились остатки железных скреп со свинцовыми заливками.

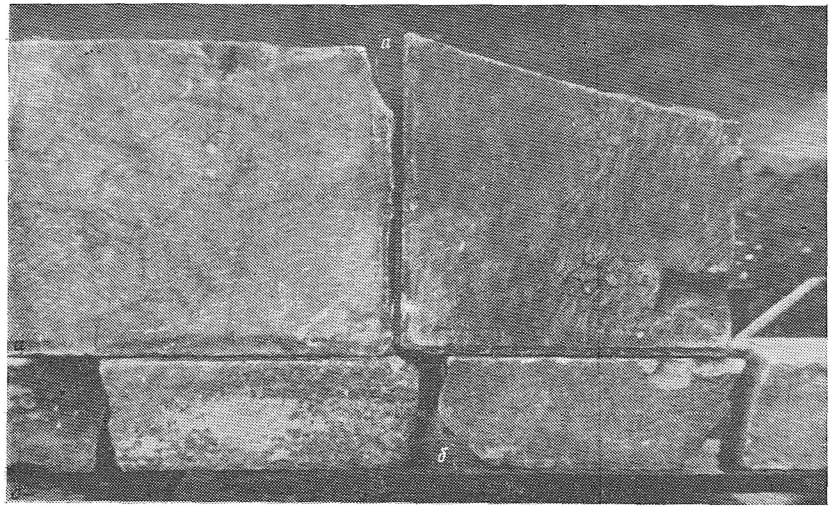


Рис. 7. Образцы облицовочных блоков: *1* — тип *а*; *2* — тип *б*

	Буквы *I*		*Монограммы* *II*		*Знаки* *III*		*Граффито* *IV*
1	Н	1		1		1	
2	Λ						
3	ς			2			
4	Σ						
5	Υ			3			
6	Φ			4			

Рис. 8. Буквы, монограмма, знаки, граффито на облицовочных блоках из святилища

Следует особо подчеркнуть, что на лицевых или боковых сторонах почти всех блоков и плит облицовки обнаружены врезанные знаки в виде букв греческого алфавита, монограмм или символов. Скорее всего их следует рассматривать как метки каменотесов, облегчавшие монтировку элементов облицовки стен святилища. На это указывает, например, тот факт, что на двух мраморных брусьях эти знаки в виде греческой буквы Υ повторяются (рис. 8).

Типы блоков и плит, а также их размеры и способы крепления позволяют в общих чертах реконструировать систему облицовки стен помещений святилища: она имитировала двухрядную орфостатную простую кладку (по классификации С. Д. Крыжицкого) [12]. На это указывает и наблюдение, сделанное при изучении блоков облицовки. Дело в том, что

[12] *Крыжицкий С. Д.* О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 38—40; с. 39, рис. 2, *14*.

К статье Пилипко В. Н., стр. 116

Табл. I. Серебряные монеты: *1* — Фраат III (ГИМ, инв. 2746); *2* — Митридат III (ГИМ, инв. 2929); *3* — Ород II (ГИМ, инв. 2826); *4* — Ород II (ГИМ, инв. 2845); *5* — Фраат IV (ГМИИ, инв. 1242/257); *6* — Фраат IV (Ин-т истории АН ТуркмССР)

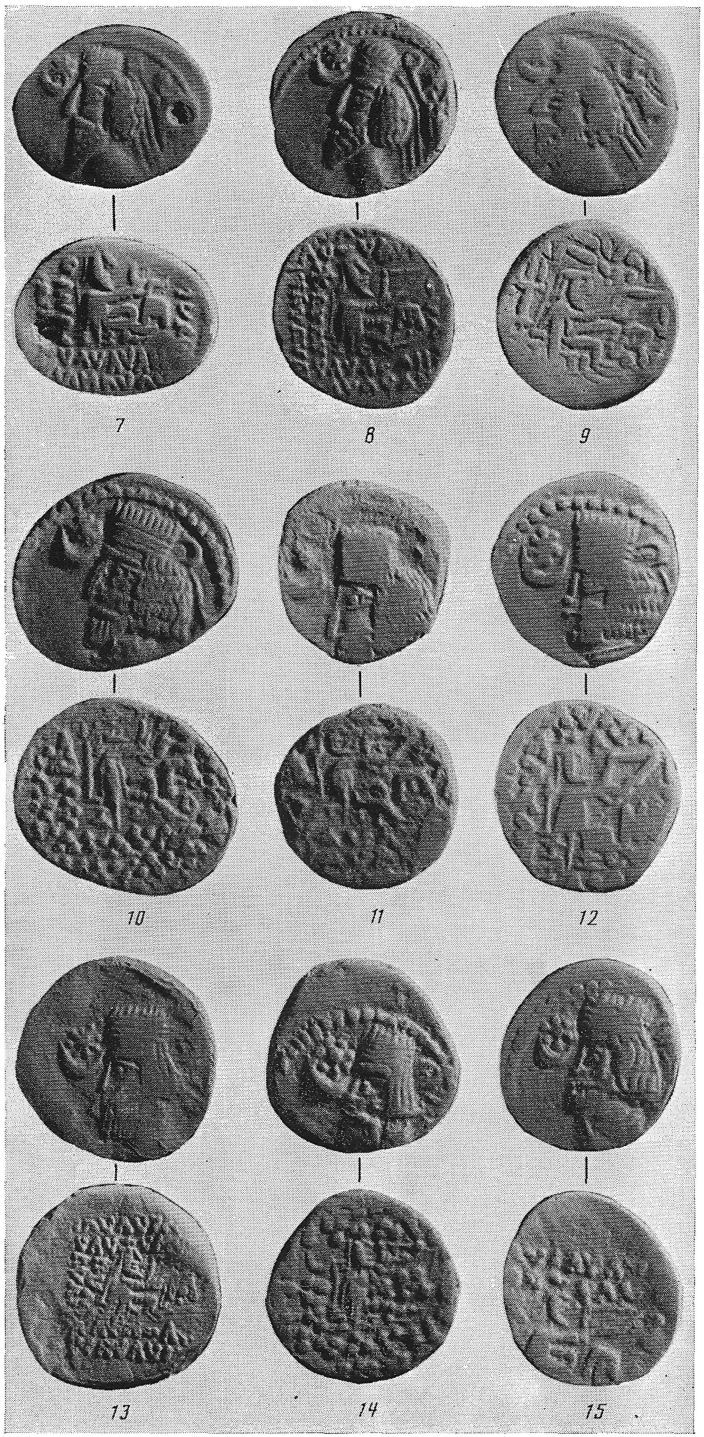


Табл. II. Серебряные монеты: *7* — Фраатак (ГЭ, инв. 21183); *8* — Фраатак (МИНУз, **инв.** 11/15); *9* — Фраатак (ГМИИ, инв. 17265/4153); *10* — неизвестный правитель (ГЭ, **инв.** 21779); *11* — неизвестный правитель (ГМИИ, инв. 28349); 12 — то же «нисийский» **чекан** (ГЭ, инв. 20837); *13* — Артабан II (ГЭ, инв. 21504); *14* — Артабан II или Готарз II (ГИМ, СУС — 3244); *15* — Вардан I (?) (ГЭ, инв. 21780)

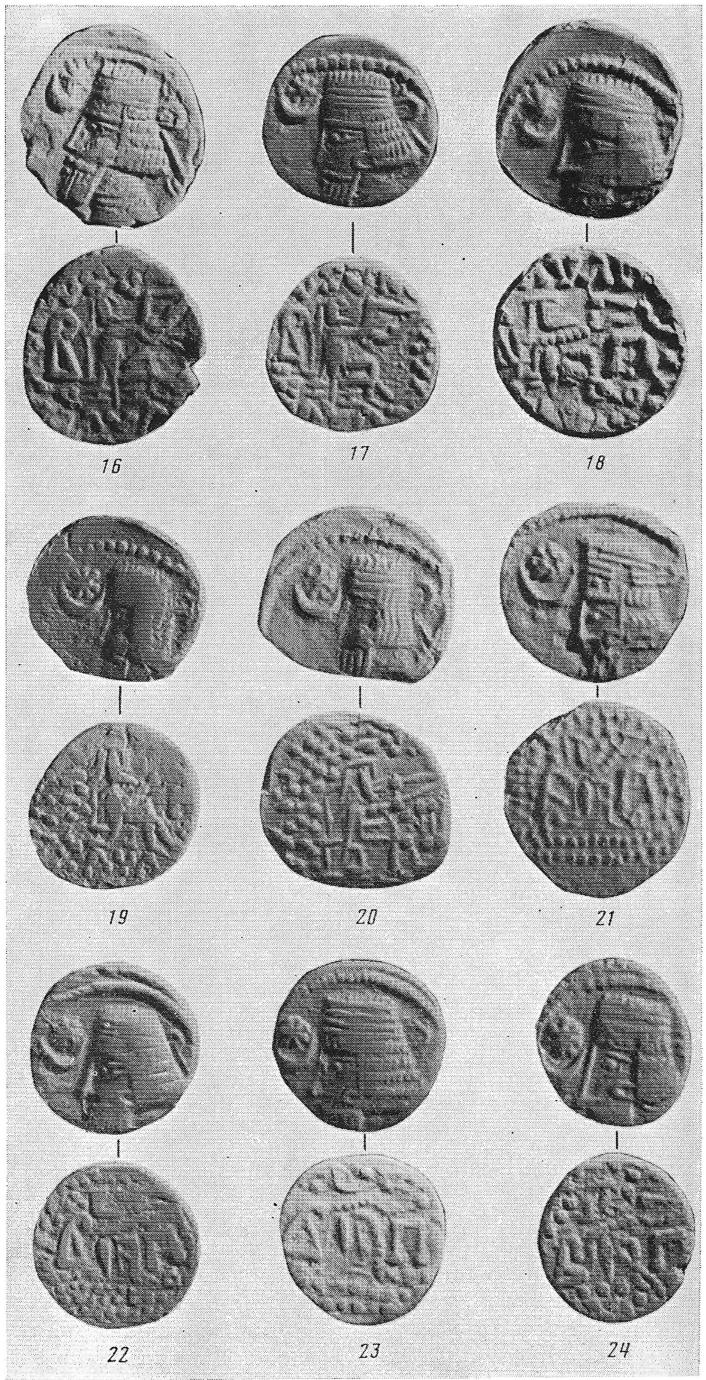


Табл. III. Серебряные монеты: *16* — Вологез I (ГЭ, инв. 21781); *17* — Вологез I (ГЭ, **инв.** 21782); *18* — Вологез I (?) (ГЭ, инв. 21503). Бронзовые монеты: *19* — тип 1 (ГЭ, **инв.** 21509), *20* — монета «нисийского» чекана (ГЭ, инв. 21506); *21* — тип 2 (**частная коллекция**); *22* — тип 3 (ГЭ, инв. 21508); *23* — тип 3 (ГЭ, инв. 21792); *24* — тип 4 (ГЭ, инв. 21793)

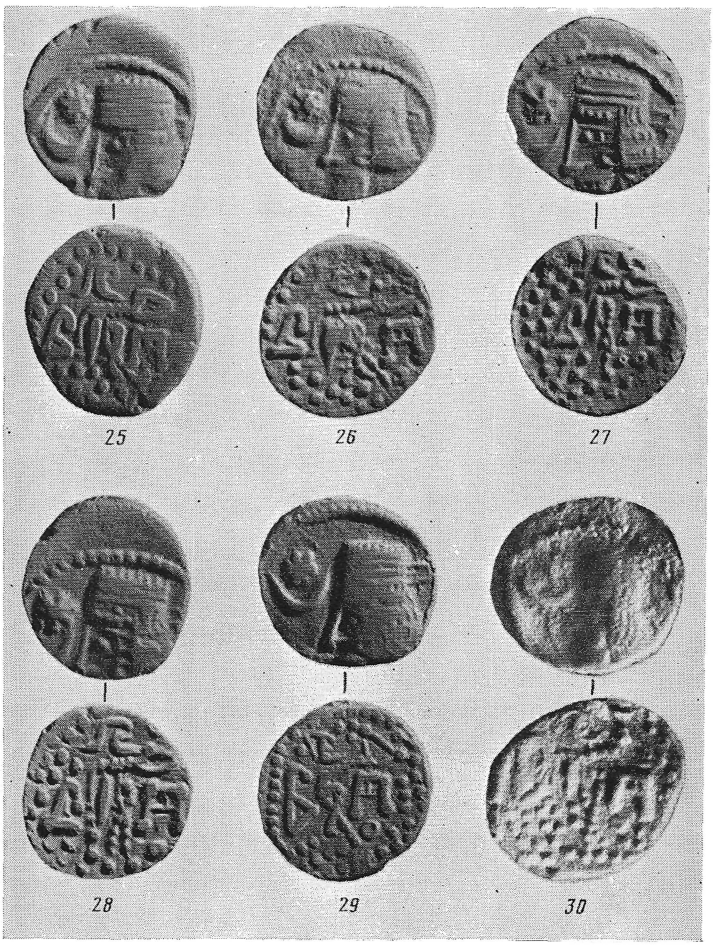


Табл. IV. Бронзовые монеты: *25* — тип 4 (ГЭ, инв. 21788); *26* — тип 4 (ГЭ, инв. 21791); *27* — 5 (частная коллекция); *28* — тип 5 (ГМИИ, инв. 17286); *29* — тип 3 (?) (ГЭ, инв. 21790); *30* — копии монет гипсовых «шаров»

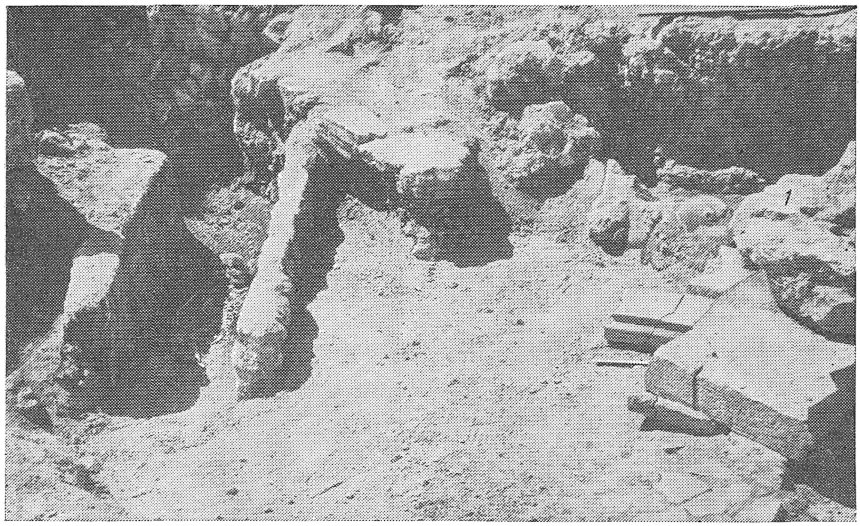


Рис. 9. Фрагменты крышки трапедзы в момент находки. Вид с востока

на лицевой шлифованной поверхности одного из узких блоков (тип *б*) обнаружено графитто, тщательно процарапанное острым, тонким инструментом. Графитто изображает знак (см. рис. 8, IV, *1*), вертикальные гасты которого завершаются закрученными внутрь завитками. Значок выполнен уверенно, точно, несомненно, рукой взрослого человека, причем явно в тот период, когда блок, входивший в систему облицовки, находился на своем месте. Как было отмечено выше, самый нижний, лежавший на полу помещения ряд облицовки был оформлен в виде цоколя-плинта, выступавшего за плоскость плит облицовки на 0,12 м. В таком случае, поскольку мраморные брусья, образовывавшие цоколь, имеют в сечении несколько бо́льшие размеры, чем блоки типа *б*, а кроме того, на одном из последних имеется описанное выше графитто, есть основания предполагать, что ряды орфостатных плит чередовались в системе облицовки с горизонтальными рядами узких блоков, причем такая конструкция могла быть применена как минимум до высоты человеческого роста (рис. 4, *2*).

Мы не располагаем никакими данными о том, на какую высоту была поднята мраморная облицовка, доходила ли она до верха стен помещений и какова была их высота. В этой связи следует упомянуть о находке в помещениях святилища двух обломков, явно относящихся к элементам оформления интерьера: небольшого, тщательно выполненного из мрамора «сухарика» — детали фриза и фрагмента известняковой плиты с частью пилястра в виде ствола дорической колонны небольшого диаметра. Не исключено, что фриз с дентикулами («сухариками») мог относиться к карнизу, завершавшему облицовку стен, а известняковый фрагмент — к располагавшемуся выше, вероятно, раскрашенному (полихромному) другому поясу декорировки, однако все эти соображения — только гипотеза.

Открытым остается и вопрос о том, имели ли помещения с мраморной облицовкой перекрытия и кровлю. Сравнительно небольшие в плане размеры северного, меньшего помещения А, а также основания и следы стен, замыкавших его со всех сторон, позволяют предположить, что оно могло

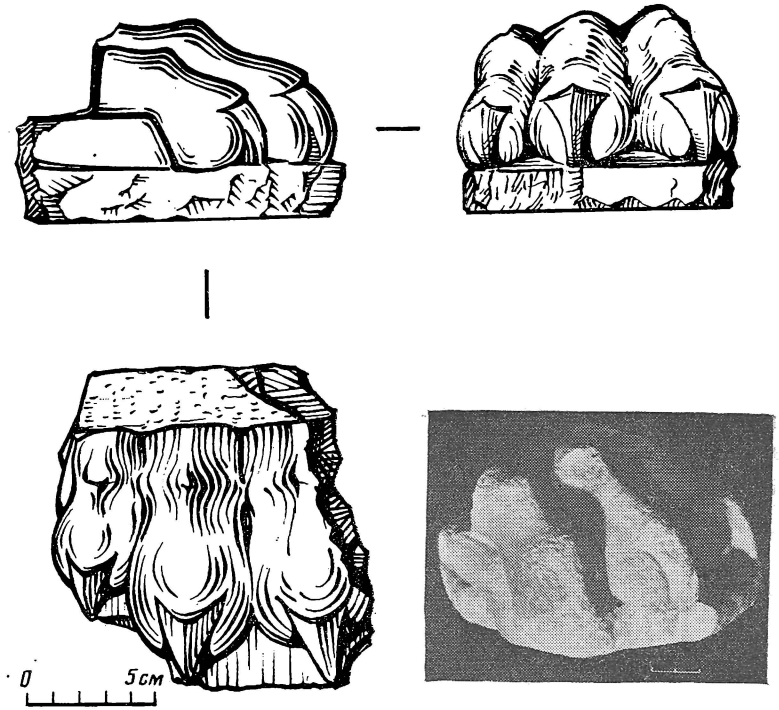


Рис. 10. Скульптурное завершение трапедзофоры в виде лапы льва

быть снабжено кровлей. Что касается помещения Б, то относительно него этот вопрос остается открытым. Если и можно строить какие-либо предположения на этот счет, то речь может идти лишь о какой-либо разновидности односкатной кровли типа навеса, которая могла перекрывать лишь западную часть помещения Б.

Весьма важные выводы об особенностях конструкции и убранстве интерьера помещения А позволяют сделать обнаруженные на его полу в процессе раскопок обломки мраморного жертвенного стола-алтаря. Они располагались на расстоянии 2,7 м от южной и 1,25 м от западной скальной его стены, т. е. примерно в центральной части пола помещения (рис. 9). Крышка, выполненная из высококачественного голубоватого мрамора с серыми прожилками, оказалась разбитой на несколько кусков, сгруппированных в одном месте. Лишь один небольшой фрагмент был найден в 2 м к юго-западу от места находки остальных частей крышки стола. Условия находки этого памятника требуют специального рассмотрения, поскольку их анализ позволяет в известной мере ответить на вопрос о том, был ли стол первоначально установлен в помещении А или его крышка принесена сюда после разрушения комплекса из другого места.

Обломки крышки стола оказались перекрытыми юго-западной стеной позднеантичной или раннесредневековой постройки (кладкой № 1) (рис. 9). Следует отметить, что в момент расчистки они не производили впечатления специально вложенных в фундамент поздней кладки, а были именно перекрыты им. Дело в том, что эта кладка имела четко выраженную двухпанцирную конструкцию и довольно тщательно выведенные фасы. Поэтому трудно предположить, что строители, возводившие эту постройку и явно обладавшие определенными навыками в области планировки

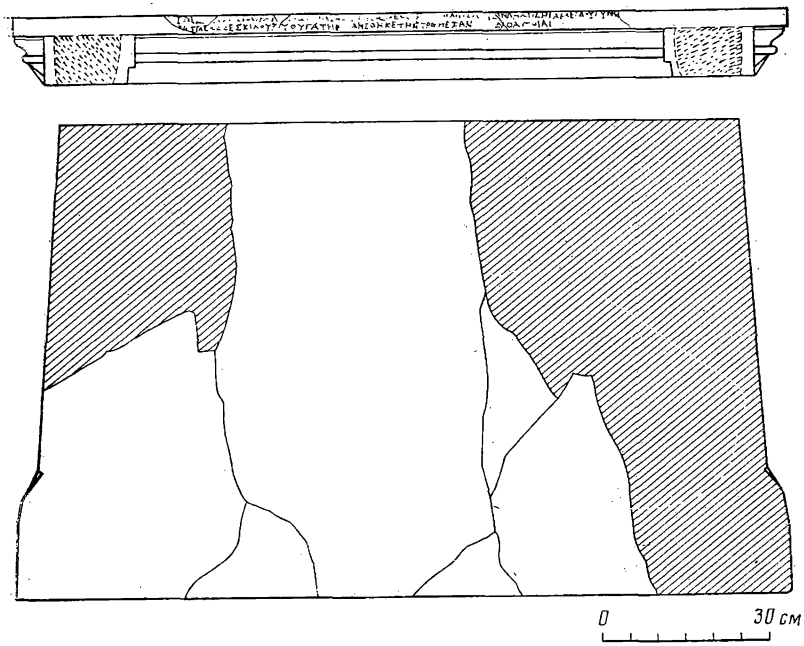


Рис. 11. Крышка трапедзы с посвящением царевны Сенамотис (штриховкой показаны недостающие части)

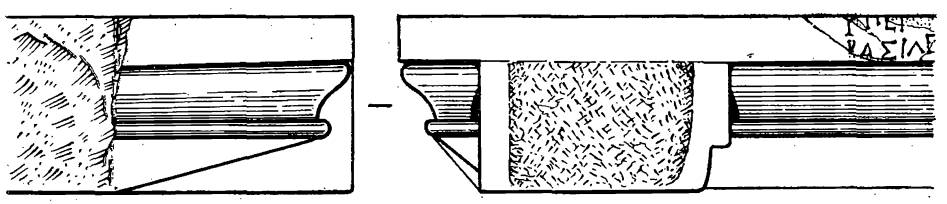


Рис. 12. Детали крышки трапедзы

помещений и кладки стен (постройка имела два прямоугольных в плане смежных помещения), не смогли более тщательно подогнать прекрасно отесанные грани крышки стола в соответствии с направлением кладки и ее габаритами. Между тем обломки крышки мраморного стола лежали без всякой системы, и их изломы сильно выдавались за фасы поздней кладки. Вероятнее другое: к моменту сооружения поздней постройки на месте уже разрушенного и частично перекрытого насыпью помещения святилища крышка жертвенного стола, когда-то стоявшего в интерьере помещения А, уже была разбита на части и лежала на цемянковом полу. При закладке фундамента стены позднего здания строители частично прорезали насыпь, накопившуюся над полом, и, наткнувшись на обломки стола, оставили их на месте, перекрыв фундаментом.

Есть и еще один, на мой взгляд, достаточно веский аргумент, позволяющий считать, что стол первоначально находился именно в том помещении, в котором были обнаружены фрагменты его крышки. Примерно в 2 м к востоку от места находки фрагментов крышки, в насыпи непосредственно над полом, была обнаружена еще одна важная деталь этого стола-алтаря — элемент оформления нижней части ножки стола-трапедзы

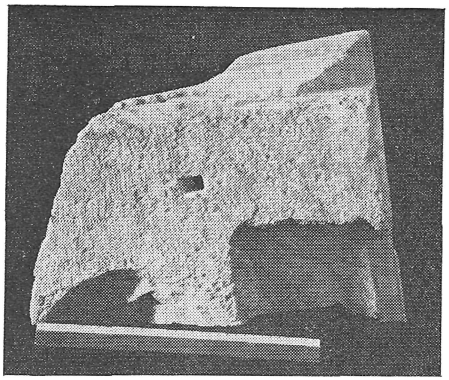


Рис. 13. Угловая часть крышки трапедзы. Вид снизу

в виде скульптурно выполненной лапы льва с выпущенными когтями (рис. 10). Важно отметить, что эта деталь не составляла с основной частью ножки стола единого целого, а была выполнена из другого куска мрамора и крепилась к ней. Трудно предположить, что эта маленькая приставная деталь ножки трапедзы могла быть принесена откуда-то из другого места вместе с демонтированной тяжелой крышкой и брошена рядом в помещении А. Приведенные соображения дают основания предполагать, что жертвенный стол-трапеза был важной составной частью интерьера помещения святилища, скорее всего — именно помещения А.

Обломки крышки стола удалось собрать и сложить (рис. 11). Обнаружилось, что сохранилась большая ее часть (отсутствует лишь правый от зрителя угол), позволяющая составить полное представление о первоначальных размерах крышки, ее профилировке и особенностях конструкции, а также, что особенно важно, о способе монтировки стола в интерьере. Внешняя, обращенная к зрителю плоскость крышки украшена профилировкой, имеющей в сечении довольно сложный архитектурный облом, состоящий из полочки, каблучка и валика. Высота полочки равна 30—31, каблучка — 39 и валика — 11 мм. Таким образом, общая высота внешней профилированной стороны крышки трапедзы составляет 80—81 мм (рис. 12). По сохранившейся части крышки можно судить о том, что профилировка заходила и на боковые стороны, но не на всю их длину: профилем были украшены отрезки боковых сторон длиной 153 мм, непосредственно примыкавшие к углам крышки. Вероятно, крышка имела в плане следующие размеры: длина по внешней стороне — около 140, по тыльной стороне — около 125, ширина по боковым сторонам — 82,5 см.

Вся верхняя плоскость крышки стола, так же как профилированные фасадная и примыкающие к углам отрезки боковых сторон обработаны в высшей степени тщательно и отшлифованы, однако нижняя ее поверхность, тыльная сторона и непрофилированные участки боковых плоскостей подвергнуты лишь простой отеске (рис. 13). Характер и качество обработки этих поверхностей не позволяют сомневаться в том, что они не предназначались для обзора. Эти особенности обработки поверхностей и профилировки крышки, а также тот факт, что она имеет в плане трапециевидные очертания, причем сужение идет к тыльной стороне, не имеющей, как было отмечено, профилировки, приводят к мысли о том, что этот жертвенный стол не мог быть просто приставлен к одной из стен помещения и тем более не мог находиться в удалении от стен. Отсюда следует вывод, имеющий принципиальное значение: стол-алтарь должен был монтироваться в *нише* или в каком-то заглубленном в плоскость стены сооружении типа эдикулы. Вовне, за границу ниши, дожна была выступать примерно на 15 см лишь наружная, профилированная часть крышки стола, тогда как большая часть плоскости крышки примерно на 68 см должна была быть заглублена в нишу. Характер отески боковых плоскостей крышки трапедзы и ее общая конфигурация в плане говорят о том, что наружные грани облицовки ниши или пилястр, обрамлявших ее, были оформлены

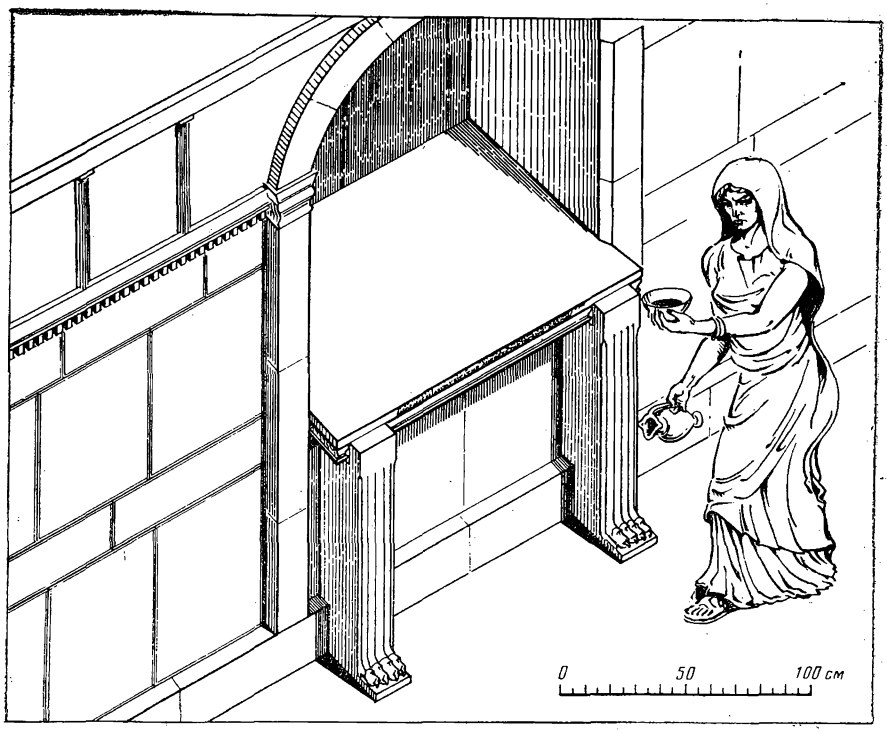


Рис. 14. Вариант размещения жертвенного стола в интерьере помещения *А* (реконструкция В. П. Толстикова)

фаской шириной около 60 мм. Конфигурация крышки стола, несомненно, должна была повторять в плане трапециевидные очертания ниши. Следовательно, боковые стены ниши не могли быть параллельны, а должны были суживаться внутрь, т. е. здесь был применен специальный архитектурный прием, подчеркивавший архитектонику ниши или эдикулы и создававший зрительную иллюзию большей ее глубины (рис. 14).

К сожалению, неполная сохранность объекта не позволяет точно определить, в какой из стен помещения находилась ниша с алтарем-трапедзой. Но в конечном счете не столь важно, с какой стороны она была устроена (скорее всего — в западной стене помещения), принципиальное значение имеет сам факт наличия в интерьере помещения святилища ниши, специально приспособленной для монтировки в ней стола-жертвенника. Это обстоятельство представляет дополнительные и притом весьма важные данные для выяснения вопроса о функциональном назначении исследуемых помещений комплекса.

Но жертвенный стол был не только важным (если не важнейшим) элементом в интерьере, он представляет собой и уникальный эпиграфический памятник: на фасадной, профилированной стороне крышки, на полочке профиля имеется двухстрочная древнегреческая надпись. О значении посвятительной надписи как исторического источника, проливающего свет на один из сложнейших моментов боспорской истории, а также истории скифо-боспорских отношений в период, непосредственно предшествующий включению Боспорского царства в державу Митридата Евпатора, речь идет в публикуемой в этом же номере ВДИ статье

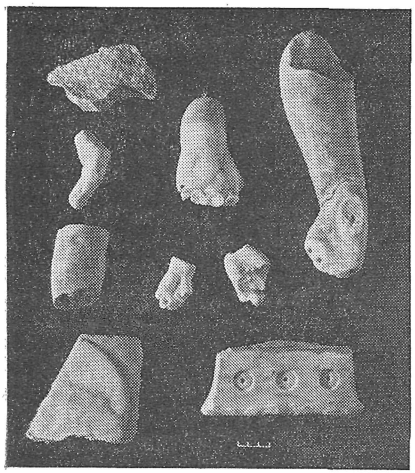


Рис. 15. Скульптурные и архитектурные фрагменты из святилища

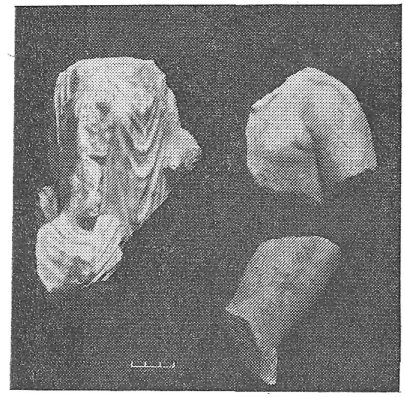


Рис. 16. *1* — фрагмент гекатейона; *2* — фрагмент скульптуры Приапа (?) или Пана (?)

Ю. Г. Виноградова, датирующего надпись 30—10-ми гг. II в. до н. э. (см. рис. 1 его статьи). В контексте же данного исследования принципиальное значение имеет содержащаяся в надписи информация относительно цели и характера посвящения (за царя Перисада), о том, кому и кем сделано это посвящение (женскому божеству по имени Дитагойя — скифской царевной Сенамотис, дочерью царя Скилура, женой Гераклида); наконец, в высшей степени показателен и важен сам объект посвящения — жертвенный стол (трапедза,) выполненный с соблюдением всех норм греческой (боспорской) сакральной и архитектурной традиций и снабженный соответствующей надписью.

Помимо этой находки в помещениях святилища обнаружено значительное количество обломков скульптуры из высококачественного мрамора, а также фрагмент мраморного лутерия (рис. 15). Из этих фрагментов наибольший интерес представляют следующие: часть гекатейона, обломок (часть торса) небольшой скульптуры Силена или Приапа, кисть руки и часть ступни в сандалии от скульптуры, изображавшей женскую фигуру больше натуральной величины. Анализ этих фрагментов дает материал, позволяющий приблизиться к решению вопроса о том, какому кругу божеств было посвящено исследуемое святилище, а следовательно, и какое божество стоит за неизвестным именем Дитагойя.

Первый и наиболее выразительный из перечисленных фрагментов представляет собой часть небольшого гекатейона, выполненного в виде трехгранной призматической гермы, образующей композиционный центр скульптуры, на гранях которой помещены фигурки танцовщиц или Харит [13] (рис. 16, *1*). По мнению Л. И. Акимовой, специально исследовавшей данный фрагмент, он принадлежит к кругу гекатейонов с танцовщицами редкого типа и не имеет пока полных аналогий в античном искусстве. Ряд характерных композиционных особенностей, стилистические приемы и техника изготовления дают основание видеть в пантикапейском

[13] *Акимова Л. И.* Новый памятник скульптуры из Пантикапея (К проблеме гекатейонов).— ВДИ, 1983, № 3, с. 66—87.

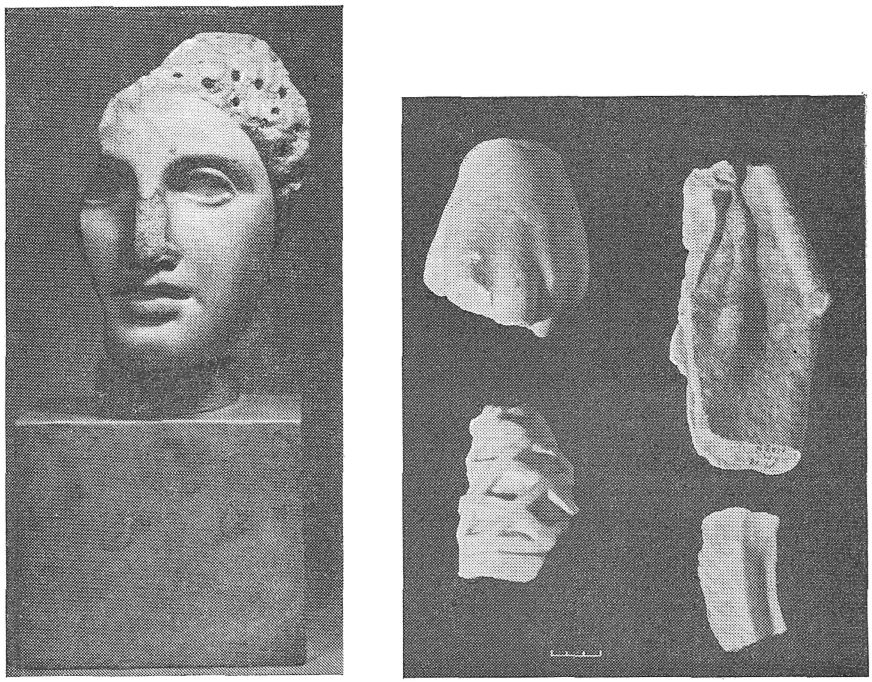


Рис. 17. Фрагменты статуи Артемиды — Гекаты (?), найденные в святилище в 1978—1979 гг. (слева); фрагментированная голова статуи Артемиды — Гекаты (?), найденная в 1949 г. (справа)

памятнике образец скульптуры неоаттического стиля, датируемый I в. н. э.[14]

Еще два скульптурных фрагмента из помещения А — часть левого плеча и торса, а также обломок левого бедра — принадлежат мужской фигуре, которая в первоначальном виде, надо полагать, не превышала в высоту 60 см (ГМИИ М-78, НВМ п.о № 310; 333) (рис. 16, *2*). Скульптура изображала мужчину с бородой, ниспадающей на верхнюю часть груди и полностью закрывающей спереди шею. При этом фигура изображенного персонажа не имела развитой атлетической мускулатуры, напротив, ей были приданы мягкие, округлые очертания, что еще более подчеркивалось характерными складками, поднимавшимися от подмышек вверх по внешним сторонам мягко моделированных грудных мышц и горизонтальными складками на внутренних сторонах бедер. Ноги, насколько можно судить, были изображены с сильно выступающими коленными чашечками и заметно искривленными в голенях. Скорее всего фигура была обнажена, поскольку ни на фрагменте торса, ни на сохранившейся части бедра нет никаких признаков одежды или драпировки. Перечисленные особенности изображения, а именно наличие пышной бороды, округлые, даже несколько женственные, лишенные развитой мускулатуры формы фигуры, отсутствие одежды и, наконец, отчетливо выступающие черты гротеска в изображении этого мужского персонажа, дают основание ви-

[14] Там же, с. 68—72.

деть в этих фрагментах части скульптуры Силена или, что более вероятно, Приапа [15].

Два других обломка — фрагментированная кисть левой руки и пяточная часть обутой в плетеную сандалию ступни — принадлежат статуе, изображавшей женскую фигуру, размеры которой значительно превышали натуральную величину (ГМИИ М-78, НВМ п.о. № 78; М-79, НВМ п.о. № 9) (рис. 17, *2*, *3*). Оба обломка выполнены из высококачественного белого мрамора. Фрагмент, представляющий собой кисть левой руки скульптуры, имеет ширину на уровне четырех верхних фаланг пальцев 11 см, охват запястья составляет 24,1 см. Тыльная и боковые поверхности скульптурного изображения кисти моделированы мягко, без резких выступов, без передачи рисунка сухожилий и вен, характерных, например, для изображения мужской руки. Несмотря на то что все пальцы кисти отбиты под основания, можно с уверенностью заключить, что они были изображены в согнутом положении, явно держащими какой-то предмет округлой в сечении формы. Это подтверждается также и наличием на внутренней стороне ладони, обработанной, кстати, довольно суммарно и с применением сверла, характерной, хорошо заметной продольной ложбинки округлых очертаний, несколько деформирующей ладонь. У основания большого пальца на внутренней стороне ладони сохранился характерный округлый выступ, указывающий на то, что кисть руки скульптуры соприкасалась со складками одежды. Приведенные наблюдения позволяют предположить, что левая рука скульптуры была изображена свободно опущенной вниз, а кисть ее, соприкасавшаяся со складками одежды, сжимала какой-то атрибут круглого сечения, диаметром около 3 см.

Фрагмент, представляющий пяточную часть ступни скульптурного изображения, обутой в плетеную сандалию на толстой подошве, имеет высоту 12,2 см. Поверхность его также тщательно обработана и отшлифована. Судя по сколу, идущему по границе подошвы, эта ступня фигуры (по-видимому, левая) была представлена плотно стоящей на основании-постаменте, т. е. принадлежала опорной ноге статуи.

Рассмотрение двух последних фрагментов заставляет нас обратиться к одной замечательной находке, сделанной в 1949 г. на Верхнем Митридатском раскопе, продолжением которого, как отмечалось, является Новый Верхний Митридатский раскоп. Речь идет о частично фрагментированной голове мраморной статуи, изображавшей женское божество, обнаруженной Н. М. Лосевой в ходе раскопок примерно в 10 м к северу от того участка, где впоследствии были открыты остатки помещений святилища, в той же насыпи, которая перекрывает их и связана с периодом его разрушения и выборки. Великолепная голова богини, служащая украшением экспозиции зала подлинников античного искусства ГМИИ им. А. С. Пушкина, определена Н. М. Лосевой как принадлежащая статуе Афродиты, представлявшей собой греческую копию I в.н.э.[16] (рис. 17, *1*). Ее аргументы в пользу этой датировки возражений не вызывают, но атрибуция представляется несколько субъективной, и «близость типа головы Лаборд к пантикапейской голове» вряд ли может считаться «несомненной»[17]. Массивность и некоторая тяжеловесность пропорций лица

[15] *Roscher W. H.* Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. III, 2. Lpz, 1902—1909, Sp. 2967—2990.

[16] *Лосева Н. М.* Голова Афродиты из раскопок Пантикапея в 1949 г.— ВДИ, 1954, № 1, с. 165—168.

[17] Там же, с. 166.

пантикапейской головы богини в сочетании с фронтально устремленным, пристальным взглядом больших, затененных надбровными дугами карих глаз (на поверхности изображения глазных яблок сохранились отчетливые следы красновато-коричневой краски), четкая, несколько жестковатая моделировка лишенных улыбки губ — все это не позволяет, на мой взгляд, интерпретировать эту голову как изображение Киприды. Ощущение холодного, строгого величия должно было еще более подчеркиваться массивным металлическим головным убором, украшавшим голову пантикапейской богини. Глубокие отверстия с остатками свинцовых стержней — следы крепления этого убора — отчетливо видны на поверхности изображения волос сохранившейся части головы богини.

Весьма интересные наблюдения позволяет сделать пропорциональное сопоставление головы богини находки 1949 г. с описанными выше обломками скульптурных изображений кисти левой руки и ступни, обнаруженными в помещении А святилища в 1978—1979 годах, как между собой, так и с соответствующими частями статуарных изображений женских фигур, хранящихся в коллекции Отдела античного мира ГМИИ им. А. С. Пушкина (раздел античных слепков). Натурное сопоставление показало, что скульптурная женская фигура с головой, имеющей высоту лица от края подбородка до границы волос, равную 21 см (именно такую высоту имеет лицо пантикапейской богини), должна была в силу пропорциональных соотношений элементов иметь кисти рук именно такого размера, как у фрагмента, найденного в 1978 г. в святилище. Аналогичный вывод позволяет сделать и сравнение обломка ступни ноги в сандалии из помещения святилища.

Предположению о том, что голова богини, найденная в 1949 г., и обломки кисти руки и ступни женской скульптуры, обнаруженные в 1978—1979 годах, могут принадлежать одному скульптурному изображению женского божества, не противоречит и визуальное сличение фактуры и цвета мрамора на сколах всех трех фрагментов, а равно и техника обработки поверхностей. Сказанное дает основание предполагать, что в процессе раскопок 1949, 1978—1979 годов на Верхнем Митридатском и Новом Верхнем Митридатском раскопах обнаружены фрагменты одной скульптуры, изображавшей женское божество. Первоначальная высота статуи должна была составлять примерно 2,3—2,4 м (не считая высоты постамента).

Естественно, принципиальное значение имеет вопрос, какое женское божество изображала эта статуя. Несмотря на весьма малое количество обнаруженных пока фрагментов, которые можно с известной степенью вероятности отнести именно к данному статуарному изображению, мы, привлекая сопутствующий материал, а также информацию, полученную из посвятительной надписи царевны Сенамотис и двух других эпиграфических документов, обнаруженных в прежние годы на Верхнем Митридатском раскопе, попытаемся, конечно в виде гипотезы, ответить на этот вопрос.

Прежде всего — о сопутствующих скульптурных материалах. Помимо перечисленных выше фрагментов в помещениях святилища и в насыпи, перекрывавшей их, было обнаружено еще несколько фрагментов скульптуры, преимущественно обломки изображений рук, в размерах меньше натуры или совсем миниатюрных. Все эти части также выполнены в белом мраморе. Примечательно в этой связи то, что все эти фрагменты также принадлежат женским фигурам и, что особенно важно, на всех трех обломках кистей изображений левых рук статуй отчетливо заметны

характерные, специально вытесанные ложбинки, предназначавшиеся для монтировки круглых в сечении атрибутов, выполненных из других материалов. Очевидно, эти фрагменты представляют собой как бы уменьшенные копии кисти руки большой, по-видимому, центральной статуи святилища. Только единственный обломок, представляющий собой кисть правой руки женского статуарного изображения, плавно изогнутой в кистевом сгибе, свидетельствует о том, что в ней не было никаких предметов, ладонь была раскрыта, а пальцы — изящно вытянуты.

Сопоставление всех приведенных выше скульптурных фрагментов позволяет, в очень осторожной форме конечно, предположить, что в исследуемом святилище на акрополе Пантикапея помимо основной, центральной статуи, изображавшей женское божество, которому был посвящен этот культовый комплекс, находились многочисленные скульптурные изображения этого божества, но меньших размеров, однако, вероятно, исполненные по аналогичной или близкой композиционной схеме. Гипотетическая реконструкция внешнего облика исследуемого центрального статуарного изображения богини позволяет наметить следующую композиционную схему: фигура была выполнена стоящей в полный рост, причем одна ее нога, по-видимому левая, всей ступней опиралась на постамент; левая рука, несколько согнутая в локте, опущена вниз, а ее сомкнутые без напряжения пальцы удерживали круглый в сечении предмет, например жезл, копье, рукоять лука (?). Правая рука была изображена довольно сильно согнутой в кистевом суставе, с плавно вытянутыми пальцами, без каких-либо атрибутов. Насколько можно судить, обе руки были обнажены как минимум до локтя. Голова статуи могла быть расположена фронтально или с небольшим поворотом, взгляд карих глаз, выполненных краской по поверхности мрамора, устремлен прямо. Голову украшал массивный головной убор, выполненный из металла (бронзы или серебра). Тело богини прикрывала складчатая одежда (обломки скульптурно моделированных складок одежды также обнаружены в помещении святилища) (рис. 17, *4*), которая, впрочем, оставляла открытыми полностью или частично голени ног, которые были изображены обутыми в сандалии на толстой подошве, с довольно высоким ременным плетением.

Реконструируемый облик скульптуры и ее композиционная схема позволяют искать аналогии, на мой взгляд, прежде всего среди статуарных изображений богини Артемиды, причем, по-видимому, в наиболее распространенной ее ипостаси — в образе Великой Ловчей-Охотницы [18].

Это предположение может быть подкреплено двумя эпиграфическими свидетельствами, обнаруженными на Верхнем Митридатском раскопе в 1949 г. Речь идет о посвятительной надписи Артемиде Эфесской, вырезанной на фрагменте ножки бронзового треножника (?) [19], а также о посвящении царя Фарнака Артемиде-Советнице (КБН 28). Находка двух этих надписей в непосредственной близости от остатков святилища не может считаться случайной. Весьма важно в контексте нашего исследования также и то, что оба посвящения, хотя они относятся к разным периодам истории Пантикапея и хронологически отделены отрезком времени примерно в 350 лет, сделаны одному и тому же божеству — Артемиде — и найдены рядом.

Совокупность всех имеющихся фактов и наблюдений позволяет предположить, что в процессе раскопок 1978, 1979, 1982 годов на Новом Верх-

[18] Ср. *Reinach S.* Répertoire de la statuaire grecque et romaine. T. IV. P., 1910, p. 187, № 2.

[19] *Розанова* Ук. соч., с. 130—132.

нем Митридатском раскопе открыты остатки святилища божества круга Артемиды. Находка в помещении А гекатейона указывает на то, что богиня могла почитаться здесь и как Артемида-Геката, о чем может свидетельствовать обнаруженная здесь же фрагментированная скульптура Приапа — единственное изображение мужского персонажа среди всех скульптурных обломков, найденных в святилище. Приап, как известно, был одним из сопутствующих божеств хтонического круга, подчеркивавших животворящие функции Гекаты, и почитался вместе с нею [20]. Примеры тому мы находим прежде всего в Малой Азии: в Траллах существовало святилище Приапа (Πριάπιον), расположенное рядом со святилищем Гекаты; в Кизике наряду с Гекатой существовал местный культ Приапа; также и на острове Фера Геката с эпиклезами πολυώνυμος, φωσφόρος почиталась наряду с Приапом [21].

Геката принадлежала к числу наиболее чтимых и вместе с тем наиболее грозных хтонических божеств, культ которых распространился по всему античному миру из внутренних областей Карии и прилегавших к ней районов Малой Азии, где издревле существовало почитание великих женских божеств плодородия — Великой Матери, Кибелы, Артемиды, Астарты [22]. Наиболее тесно в религиозных представлениях древних Геката была связана с Артемидой, причем с самой таинственной, хтонической ее ипостасью. Отождествляясь с Артемидой, Геката приобретала и присущие той атрибуты — лук и колчан со стрелами и часто изображалась в виде Охотницы. Будучи божеством подземного мира, колдовства и магии, Геката рассматривалась как повелительница призраков и демонов, вещих кошмарных снов, родоначальница и царица всего рода колдуний. Она считалась, например, матерью волшебницы Кирки, под ее покровительством находилась Медея [23]. При таком понимании сущности этой богини становится объяснимой вера в то, что она обитает в углах волшебного очага-алтаря, а для того чтобы грозная богиня явилась, следует призвать ее семь раз; в иных случаях произносить ее имя было запрещено, поэтому она именовалась также Ἄφραττος — Неназываемая.

Выступая в качестве богини подземного мира, Артемида-Геката отождествлялась с такими богинями этого круга, как Персефона, Эмпуса, Нюкта, Бендида, Ифигения, Ирида. В последней ипостаси Геката выполняла функции Привратницы Аида (Προθυραία), открывавшей вход в нижний мир [24]. Именно функции охранительницы входа, Привратницы и обусловили в конечном счете возникновение образа троичной Гекаты с соответствующими атрибутами: факелом, мечом и ключом. Одним из наиболее ранних художественных воплощений этого образа считается статуя Гекаты Эпипиргидии (Ἑκάτη Ἐπιπυργιδία), созданная аттическим мастером Алкаменом и установленная при входе на афинский Акрополь, на так называемом Пиргосе, где она почиталась, по-видимому, вместе с Харитами (Paus., II, 30, 2; IG, II², 5050).

Почитание Гекаты (хтонической Артемиды) было неразрывно связано со сложнейшим комплексом религиозных представлений человека античной эпохи, и прежде всего замужней женщины, поскольку, согласно верованиям древних, это грозное женское божество, стоявшее на грани

[20] *Roscher*. Op. cit., Bd. III, 2, Sp. 2974.
[21] Ibid., Bd. I, 2, Sp. 1886.
[22] Ibid., Bd. I, 2, Sp. 1886; *Kraus Th.* Hekate. Studien zu Wesen und Bild der Göttin in Kleinasien und Griechenland. Tl. I—III. Heidelberg, 1960.
[23] *Roscher*. Op. cit., Bd. I, 2, Sp. 1894—1897.
[24] Ibid., Sp. 1859.

двух миров, могло отвращать болезни, несчастья в семейной жизни, порчу, охранять брачный союз и детей, а также способствовать благополучному их рождению [25]. Таким образом, культ Гекаты имел ярко выраженную апотропеическую функцию, что нашло свое отражение, в частности, и в пластически оформленных символических изображениях богини — гекатейонах [26]. В сложной, многоплановой символике гекатейона отчетливо выступает одна особенность, которую, по меткому выражению Л. И. Акимовой, можно определить как «исключительную доминанту женского начала» [27]. Действительно, в круге вспомогательных божеств — спутников Гекаты не встречается ни одного мужского персонажа, исключение составляют лишь Пан и Приап — хтонические божества, олицетворяющие животворящие силы природы [28].

Эти специально выделенные в нашем кратком экскурсе специфические аспекты культа Артемиды-Гекаты позволяют под совершенно определенным углом зрения рассматривать характер сделанного дочерью Скилура посвящения, приблизиться к пониманию заложенного в нем эзотерического смысла.

Прежде всего остановимся на вопросе о том, какое место отводилось жертвенным столам в античной сакральной практике, с почитанием каких божеств они были связаны [29]. Жертвенный стол, τράπεζα играл весьма существенную роль в религиозных представлениях и практике древних. Иногда он помещался непосредственно перед алтарем, который в свою очередь располагался в задней части храма, в собственно ναός, перед изображением божества. Зачастую вместо постоянного алтаря вообще имелся только жертвенный стол. Стол и алтарь часто назывались вместе; стол также считался священным, отсюда — ἱερὰ τράπεζα. Эти храмовые столы предназначались для размещения жертвенных сосудов, возложения жертвенных животных и особенно для приношений, которые не сжигались, а только посвящались божеству, например жертвенных хлебов, вина, фруктов, цветов. Таким образом, стол имел функции алтаря [30].

Чрезвычайно интересен и показателен в этой связи комплекс предметов, найденных при раскопках храма Артемиды в Авлиде [31]. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что его состав почти полностью совпадает с составом находок в помещениях святилища на акрополе Пантикапея. В храме, состоявшем из трех помещений — адитона, целлы и простоона и посвященном Артемиде Авлидской (Aulideia), как явствует из надписи, открытой в помещении храма, в юго-западном углу адитона in situ был обнаружен треугольный постамент, предназначав-

[25] *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. Bd. I. München [2], 1955, S. 724; *Акимова.* Ук. соч., с. 77—80.

[26] *Акимова.* Ук. соч., с. 72—77.

[27] Там же, с. 77.

[28] В связи с этой специфической чертой культа Гекаты хочу еще раз обратить внимание на весьма показательный и, конечно, отнюдь не случайный состав скульптурных фрагментов в исследованных помещениях пантикапейского святилища (ср. выше).

[29] О жертвенных столах и столах как элементе архитектурного оформления интерьеров античных зданий см. *Studniczka F.* Das Symposion Ptolemaios II. nach der Beschreibung des Kallixeinos wiederhergestellt. XXX. Bd. der Abhandlungen der philol.-hist. Kl. der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, № 11, Lpz, 1914, S. 162 f.; 130, Abb. 33; *Pernice E.* Hellenistische Tische, Zisternenmündungen, Beckenuntersätze, Altäre und Truhen.— In: Die hellenistische Kunst in Pompeji. Bd. V. B.— Lpz, 1932, S. 1—11; *Bakalakis G.* Ἑλληνικὰ τραπεζοφόρα Salonicco, 1948.

[30] RE, Bd. XV, 1931, Sp. 946 (Mensa).

[31] BCH, 1959, LXXXIII, II, p. 683—687 (Chronique des fouilles en 1958. Première partie. L'activité archéologique en Grèce sauf les travaux de l'École Française d'Athènes. Aulis).

шийся, вероятно, для статуи троичной Гекаты [32]. Помимо него в храме найдены две мраморные трапедзофоры, фасадные стороны которых украшены снизу скульптурными лапами льва, опирающимися на невысокие подставки [33]. Насколько можно судить, ножки трапедзы из пантикапейского святилища имели аналогичное оформление; более того, судя по приведенной фотографии, трапедза из храма Артемиды Авлидской (крышка ее не сохранилась) также должна была быть несколько заглублена в какое-то сооружение типа эдикулы или наиска, выступая из него лишь на одну треть своей глубины. Рядом в ходе раскопок обнаружили также мраморную статую, изображавшую, по мнению Ю. Трепсиадиса, исследовавшего памятник, богиню Гекату. Статуя имела размер несколько больше натуральной величины [34]. Храм, сооруженный в V в. до н. э., продолжал функционировать до конца эллинистической эпохи.

Особое место жертвенный стол занимал в культе героев, героизированных умерших и хтонических божеств. Священные столы служат непременным атрибутом в сценах загробного пира героя. В героонах наряду со статуями героев и алтарями для воскурений обычно помещались и столы для жертвенной пищи (τράπεζα) и ложа (κλίνη) [35]. Такие столы и их фрагменты, главным образом трапедзофоры, были неоднократно обнаружены при раскопках святилищ, героонов, а также погребальных склепов, выполнявших функции героонов. Например, фрагмент нижнего скульптурного оформления трапедзофоры в виде львиной лапы на низком постаменте, близкий пантикапейскому, обнаружен в знаменитом герооне в Триса-Гьёльбаши [36]. Еще более близкую аналогию пантикапейской трапедзе представляет стол, найденный на азиатской стороне Боспора — в первом подкурганном склепе на Васюриной горе, оформленном в виде героона [37].

Устройством жертвенных столов почитались и главные божества хтонического круга, прежде всего такие, как Зевс-Аид (Плутон), Дионис, Асклепий и, конечно, как уже отмечалось, Артемида-Геката [38]. Художественное пластическое выражение этого весьма сложного, синкретического, многопланового комплекса религиозных представлений античности мы находим, например, в обширной группе вотивных рельефов, представляющих значительный интерес и в контексте нашего исследования.

Так, на посвятительном рельефе Диоскурам, происходящем из Ларисссы в Македонии и датируемом II—I вв. до н. э., изображен стоящий перед ложем стол-трапедза с лежащими на нем жертвенными чашами. Ножки его оформлены внизу в виде львиных лап на низких подставках. Крышка изображенного на рельефе стола находится на уровне пояса стоящей справа от него фигуры мужчины, совершающего жертвоприношение над алтарем, расположенным перед столом [39]. Большой интерес для темы нашего исследования представляет вотивный рельеф рубежа V—IV вв. до

---

[32] BCH, 1957, LXXXI, p. 586—588 [Chronique des fouilles et decouvertes archéologiques en Grèce en 1956. Aulis (Vathy)].

[33] BCH, 1959, LXXXIII, II, p. 684, fig. 23.

[34] Ibid., p. 683.

[35] *Roscher.* Op. cit., Bd. I, 2, Sp. 2496.

[36] *Benndorf O.* Das Heroön von Gjölbaschi-Trysa.— Jahrbuch der Kunst-historischen Sammlung d. allerh. Kaiserhauses. Bd. IX. Wien, 1889, S. 39, Fig. 29.

[37] *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914, с. 36 сл., 58 сл., табл. XVI, *1*, *2*.

[38] *Roscher.* Op. cit., Bd. I, 2, Sp. 2496.

[39] Encyclopédie photographique de l'art. T. III. Le Musée du Louvre, p.253.

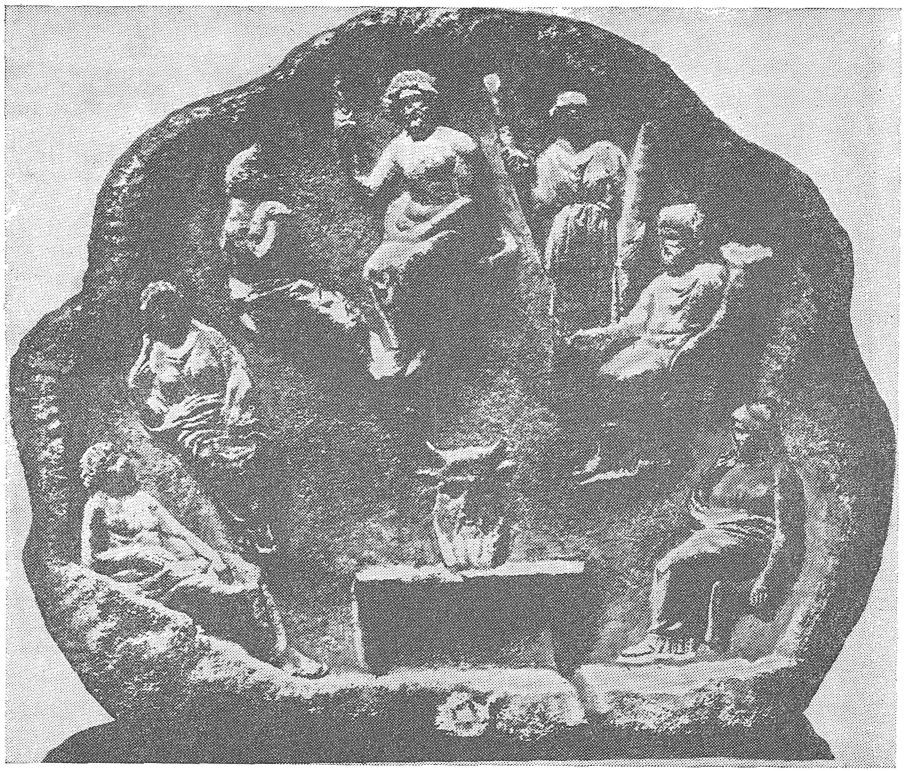


Рис. 18. Вотивный рельеф из Мегар

н. э. из Мегар [40] (рис. 18). Он оформлен в виде грота, в углубленном поле которого изображен жертвенный стол с лежащей на нем маской бородатого и рогатого речного божества Ахелоя. Вокруг стола, образующего композиционный центр изображения, группируется сонм семи богов: в центре — на троне Зевс-Аид, слева от него — молодой Пан, справа — стоящая Кора (Геката-Персефона) с факелами в руках, далее — Добрый демон или Приап (?) с рогом изобилия в левой руке. Кроме того, на рельефе представлены еще три фигуры, вероятно местные герои. Этот рельеф, несомненно, связанный с кругом хтонических представлений, особенно интересен и показателен тем, что в нем отчетливо выступает семантическая связь двух сакральных элементов-символов: алтаря-трапедзы и грота. Более того, трапедза здесь служит одновременно и центром композиции, вокруг которого группируются в определенной последовательности персонажи, и границей между зрителем, обитающим в мире живых, и скульптурно оформленной полостью грота-пещеры, символизирующей потусторонний мир, в котором владычествуют грозные хтонические божества и герои.

Гроты, расселины и пещеры в античных религиозных представлениях рассматривались как проемы в земной тверди, соединяющие мир живых с подземным царством Аида, и обычно посвящались различным хтоническим божествам (Paus., X, 32, 2—7). Так, например, наиболее известной

[40] *Blümel C.* Katalog der Sammlung antiker Skulpturen. Bd. III. B., 1928, S. 58 f., Taf. 71 (K 82).

и чтимой считалась знаменитая пещера с оракулом Аполлона в Дельфийском святилище (Strabo, IX, 3, 5), а также пещерный оракул Аполлона Кларосского близ Колофона (Paus., VII, 3, 1—3; Tac., Ann. II, 54). Пещера была важным элементом и в древнейшем цикле мифологических представлений, связанных с Деметрой, Персефоной, Посейдоном, Паном и Мойрами (Paus., IX, 39, 1—14; 40, 1—2; X, 6, 3). С этими верованиями связана группа вотивных рельефов, оформленных в виде гротов, в центре которых помещены фигуры божеств хтонического круга. В качестве примера назовем посвятительный рельеф аттической работы конца IV в. до н. э., изображающий стоящего в скальном гроте Пана, под опущенной правой рукой которого находится герма [41], а также рельеф Эвклея, сына Лакла, из грота близ Вари, оформленный в виде пещеры со стоящими в ней нимфами [42].

Все изложенное выше не позволяет сомневаться в том, что трапедза, посвященная царевной Сенамотис богине Дитагойе на акрополе Пантикапея, была установлена в нише или наиске [43] не случайно. Сочетание двух этих элементов, представлявших собой отнюдь не только детали оформления интерьера, несомненно, имело глубокий эзотерический сакральный смысл. Ниша, устроенная в скальной, облицованной мрамором стене помещения святилища, должна была служить архитектурно оформленным воплощением идеи входа, проема (грота, пещеры), ведущего в глубь горы, в подземный мир, в царство хтонической Артемиды. Именно в этом проеме был установлен стол-алтарь, воздвигнутый скифской царевной как бы на грани двух миров для жертвоприношений грозному женскому божеству Артемиде-Гекате-Дитагойе на благо царю Боспора Перисаду.

Сам факт посвящения такого рода, несомненно, следует рассматривать как религиозно-политический акт исключительной важности, государственного значения. Не исключено, что он был обусловлен какими-то обстоятельствами, непосредственно связанными с персоной царя Боспора или с ситуацией в царском доме (например, с болезнью Перисада, не имевшего, как предполагают, прямых наследников, и т. п.). В этой связи обращает на себя внимание как характер посвящения (стол-алтарь в нише), так и то обстоятельство, что сделано оно было от лица женщины и при этом предназначалось одному из самых могущественных женских божеств, причем явно в хтонической его ипостаси (кстати, не по этой ли причине общеизвестное имя богини заменено в надписи другим, имеющим, повидимому, какую-то специальную функциональную окраску?). В самой формуле посвятительной надписи отчетливо выступает, если так можно выразиться, «фамильная», «семейная» сторона. Действительно, если первая часть первой строки восстановлена Ю. Г. Виноградовым верно, то в ней содержится весьма редкая формулировка, в которой акцент делается не столько на политическом аспекте власти царя и его титулатуры, сколько на его происхождении: βασιλέως [τρὶ]ς [Πα]ιρισάδου [το]ῦ βασιλέως... ... Παιρισά[δου]. С другой стороны, и сама Сенамотис, хотя и лаконично, но весьма определенно подчеркивает и свое происхождение от царя Скилура, и свое семейное положение — брак с Гераклидом: Ἡρακλείδου γυνή, βασιλέως δὲ Σκιλούρ[ο]υ θυγάτηρ.

---

[41] *Budde L., Nicholls R.* A Catalogue of the Greek and Roman Sculpture in the Fitzwilliam Museum Cambridge. Cambr., 1964, p. 35, Pl. 19, 59.
[42] AJA, 1903, VII, p. 291, 6; 309, VI, Taf. 8.
[43] RE, Bd. XVI, 1935, Sp. 1587.

Как отмечалось выше, хтоническая Артемида — грозная богиня, повелевавшая потусторонними магическими силами, отвращавшая напасти от семьи, детей и домашнего очага,— была одним из главнейших божеств, входивших в круг религиозных представлений замужней женщины античной эпохи. Поэтому, надо полагать, обращение к ней скифской царевны Сенамотис, жены Гераклида, должно было рассматриваться как одно из наиболее д е й с т в е н н ы х. Совершенно определенный смысл получает в таком случае и характер сделанного ею посвящения, поскольку каждое жертвоприношение, совершенное на установленной в святилище трапедзе, должно было постоянно содействовать благополучию царской семьи и самого царя Боспора Перисада.

Подводя итог первому этапу изучения святилища на акрополе Пантикапея, следует остановиться на вопросе его датировки, поскольку она, естественно, имеет принципиальное значение.

Несмотря на сравнительно слабую сохранность строительных остатков и почти полное отсутствие на данном участке регулярных культурных напластований, в ходе раскопок все же были получены данные, позволяющие определить хронологические рамки функционирования святилища. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что все поддающиеся определению фрагменты скульптуры, обнаруженные в помещениях святилища, относятся к I в. н. э., самое раннее — к концу I в. до н. э. Во-вторых, все мраморные блоки и плиты, образовывавшие облицовку стен помещений, носят следы вторичной обработки и подгонки, т. е. имеют признаки вторичного использования в процессе ремонта или перестройки святилища. Кроме того, в помещении Б под сохранившимися в первоначальном положении блоками цокольного ряда облицовки, в подстилавшей их прослойке цемянкового раствора, была сделана важная датирующая находка — медная боспорская монета, имеющая на лицевой стороне изображение головы Аполлона вправо, а на оборотной — треножник с ветвью, монограмму ΒΑΕ и знак стоимости Δ. Эта монета, относящаяся к третьей группе первой серии, по классификации А. Н. Зографа[44], датируется концом I в. до н. э. началом I в. н. э., т. е. временем правления царицы Динамии [45]. Эта монетная находка служит важной точкой опоры при определении даты функционирования святилища, точнее позволяет определить время ремонта и перестройки его помещений.

Но в таком случае возникает вопрос: каким образом трапедза царевны, установленная не позднее последней четверти II в. до н. э., оказалась в помещении А, функционировавшем в I в. н. э.? В настоящее время, поскольку исследования еще не завершены, возможен лишь предварительный ответ на этот вопрос. Он предусматривает два варианта. Согласно первому, жертвенный стол мог быть принесен во вновь сооруженное и облицованное мрамором помещение святилища из другого культового комплекса, уже разрушенного к тому времени, и продолжал использоваться по своему прямому назначению, что могло быть связано со значительными восстановительными работами на акрополе столицы Боспора, осуществлявшимися в последние десятилетия I в. до н. э. На то, что стол использовался по своему прямому назначению в течение очень длительного времени, указывает сильная сглаженность, затертость верхней лицевой грани и сохранившегося угла крышки. Это объясняется тем, что лицевая грань

[44] *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.— Л., 1951, с. 193—195, табл. XIV, *5*.

[45] *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора первых веков н.э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. М., 1985, с. 8 сл.

трапедзы располагалась на уровне пояса стоящего человека и от многократных соприкосновений с одеждой людей, приносивших жертвы, оказалась сильно стертой, из-за чего пострадала и верхняя строка посвятительной надписи.

Но возможен и второй вариант: помещение, в котором была сооружена ниша с жертвенным столом, входило в культовый комплекс, посвященный богине Артемиде. Это помещение могло быть специально устроено для установки жертвенного стола-алтаря скифской царевны в последней четверти II в. до н. э., тогда как само святилище богини, располагавшееся в непосредственной близости от центрального храма столицы и всего Боспора — периптера ионийского ордера, посвященного Аполлону, возникло как минимум еще около середины V в. до н. э., если не раньше. В конце I в. до н. э., после бурных событий Митридатовой эпохи и землетрясения 63 г. до н. э., причинивших столице Боспорского царства серьезные разрушения [46], на акрополе были проведены восстановительные работы [47], в ходе которых реконструкции и обновлению подверглось и святилище Артемиды-Гекаты. Именно в этот период помещения святилища, в том числе и помещение А с установленным в нише столом-алтарем, могли получить прекрасную мраморную облицовку, часть плит которой была использована вторично.

Таковы основные итоги первого этапа изучения святилища на акрополе Пантикапея. Несмотря на ряд серьезных трудностей технического и методического порядка, возникших в процессе раскопок, результаты, полученные Боспорской экспедицией ГМИИ им. А. С. Пушкина за три археологических сезона, показали, что северо-восточный участок верхнего плато акрополя Пантикапея хранит ценнейшие строительные остатки культового назначения. Они позволяют составить представление о планировке, архитектурном оформлении и хронологии этого центрального района древнего города, который до последнего времени по сути дела оставался «белым пятном» на археологическом плане столицы Боспора. Продолжение раскопок на данном участке территории акрополя представляет одну из первоочередных задач в программе исследований, последовательно осуществляемой Боспорской экспедицией музея.

LE SANCTUAIRE DE L'ACROPOLE DE PANTICAPÉE

V. P. Tolstikov

Les fouilles de ces dernières années ont permis à l'Expédition bosphorane du Musée des beaux-arts A. Pouchkine de Moscou d'explorer les vestiges d'un ensemble cultuel situé sur le rebord septentrional du plateau supérieur du mont Mithridate, sur le territoire de l'acropole de Panticapée. Les fouilles ont révélé l'existence d'un revêtement de marbre sur les murs des deux locaux déterrés de l'ensemble, la base d'un escalier monumental taillé

[46] *Блаватский В. Д.* Землетрясение 63 г. до н.э. на Керченском полуострове.— Природа, 1977, № 8, с. 56 сл.

[47] Следы этих работ неоднократно фиксировались в ходе раскопок прежних лет, в том числе и на Верхнем Митридатском раскопе. Они были выявлены и при раскопках 1978—1979 гг. на Новом Верхнем Митридатском раскопе: с ними связано вторичное использование ионийской капители храма Аполлона середины V в. до н.э. в основании северной подпорной стены террасы святилища, возведенной (или восстановленной) в I в. до н.э. (*Толстиков В. П.* Раскопки Пантикапея.— АО 1979 года. М., 1980, с. 346).

dans le roc, allant du nord au sud et reliant ces locaux, la présence de sols en ciment recouverts de dalles de calcaire. Tout cela, plus le caractère spécifique des objets trouvés dans les locaux permet de supposer que nous avons découvert les vestiges d'un sanctuaire dédié au culte d'Artémis-Hécate. Comme les fouilles se poursuivent, nous ne dressons ici que le bilan de la première étape des travaux, mais si nous le faisons, c'est parce qu'elle nous a permis de découvrir des matériels d'une importance primordiale pour l'histoire de Panticapée et de tout le Bosphore: fragments de statues, notamment d'un hermès-hecateion, dessus d'autel avec ex-voto de la princesse scythe Sénamotis, fragments architecturaux etc.

Le matériel révélé par les fouilles permet d'entreprendre des essais de reconstruction graphique de cet ensemble architectural sans pareil et de certains des éléments de ses intérieurs (par exemple, de l'autel situé dans l'édicule) et aussi de déterminer la période de fonctionnement du sanctuaire: du IIe s. av. n. è. au Ier s. de n. è.

В. Н. Пилипко

К ВОПРОСУ О ЧЕКАНЕ МИТРИДАТОКЕРТА

Примерно с 70 г. до н. э. в парфянском чекане утвердилась традиция проставлять на оборотной стороне монет монограммы или отдельные буквы. О назначении этих знаков среди нумизматов нет единогласия, но большинство исследователей склонны видеть в них обозначения монетных дворов. Это считается верным, во всяком случае, для драхм, чеканенных в восточных областях Парфянского государства [1]. В настоящем сообщении рассматриваются монеты с монограммой *I*. Д. Селвуд, один из признанных авторитетов в парфянской нумизматике, выдвинул предположение о связи этой монограммы, состоящей из трех греческих букв М + + θ + Т, с монетным двором в Митридатокерте [2]. Основанием для такого отождествления послужила находка на Старой Нисе документа (№ 1693), в котором сообщается подлинное древнее название этой крепости — Михрдаткирт [3], что в греческой передаче, вероятно, звучало как Митридатокерт.

Попытаемся кратко рассмотреть известные монеты с этой монограммой [4] с тем, чтобы составить представление о деятельности монетного двора, их выпускавшего (для краткости условимся называть его митридатокертским). Если на время оставить в стороне раннеаршакидский чекан, то наиболее ранние известные драхмы с подобной монограммой относятся к чекану Дария (около 70 г. до н. э.) и Фраата III (70—57 гг. до н. э.) [5]. Д. Селвуд, тщательно проанализировав монеты второй четверти I в. до н. э., пришел к выводу, что на монетном дворе Митридатокерта в это время работало несколько резчиков, среди которых наиболее продуктивен был мастер, обозначенный у Д. Селвуда индексом N. Изображения на оборотных сторонах драхм в исполнении этого гравера имеют следующие индивидуальные особенности: голова лучника, сидящего на троне, слишком велика, но черты лица воспроизведены правильно; нащечник башлыка сильно изогнут; рука передана слегка изогнутой и горизонтально расположенной линией; конец рукава сужается и заканчивается широкой горизонтальной полосой много ниже уровня сидения; левое бедро изогнуто, но колено показано четко; левая голень отогнута назад более чем на 45°;

[1] *Sellwood D.* The Drachms of the Parthian. «Dark age».— JRAS, 1976, № 1, p. 11—16.

[2] Ibid., p. 13—14.

[3] *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работы. М., 1960, с. 22—23.

[4] В данной работе помимо опубликованных материалов использованы монетные коллекции Гос. Эрмитажа, Гос. Исторического музея, Гос. Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Музея истории народов Узбекистана.

[5] *Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia. 2-nd ed. L., 1980. Здесь и далее типология монет, имена и годы правления парфянских царей — по этому изданию работы Д. Селвуда.

у сапог преувеличенно большие торчащие шнурки; спинка трона достигает уровня головы; линия сидения очень низкая; на ножках — от одной до трех поперечин («луковиц»); под изображением лучника нет линии основания; легенда быстро ухудшается к нечитаемости, много перевертышей и ошибок в начертании букв [6] (табл. I, *1—2*). Помимо монет с монограммой *1* этот мастер довольно часто резал штемпеля для монет с монограммой *2* и изредка — *3* и *4*. Вероятно, он жил в Митридатокерте и работал там не менее 15 лет. (Табл. I—IVсм. стр. 112).

В период правления Орода II — Фраатака, т. е. во второй половине I в. до н. э., продукция рассматриваемого монетного двора сохраняла ряд отличительных особенностей (табл. I, *3—6*; II, *7—9*). Часть их восходит к стилю гравера N. В частности, по-прежнему очень крупной изображается голова лучника с грубо, но достаточно четко переданными чертами лица; ленты диадемы опущены вниз; асимметричную форму имеет лук; легенда искажена сильнее, чем на других типах синхронных драхм. Другие особенности выработались уже в рассматриваемый период: *л. ст.*: изображение головы вытянуто по вертикали; контур прически ниже диадемы приобретает овальные очертания (на продукции других монетных дворов она изображается трапециевидной); на *об. ст.*: изображение трона распадается на три составные части — высокую спинку и две очень низкие ножки в виде римской цифры один; нащечник башлыка превращается в приостренную торчащую вперед бороду; голова над лбом плоско срезана; первоначально над диадемой помещался очень маленький конический выступ, а при Фраатаке — две сомкнутые выпуклости, т. е. изображение остроконечного головного убора трансформируется в изображение прически, перетянутой диадемой; изображение лука искажено еще в большей степени, чем ранее.

В этот период монетный двор работает интенсивно, выпуская все основные типы драхм. Эпизодически чеканится и бронзовая монета мелкого номинала с различными типами оборотных сторон (слон, олень, конь и т. д.) [7].

Для I в. н. э. продукция монетного двора в Митридатокерте в нумизматической литературе отражена очень слабо. Из последней сводки Д. Селвуда следует, что в настоящее время известны только серебряные и бронзовые эмиссии Артабана II (ок. 10—38 гг. н. э.), Вардана I (ок. 40—45 гг. н. э.) и серебряные — Готарза II (ок. 40—51 гг. н. э.). Однако эти сведения, на мой взгляд, неполны и нуждаются в уточнении. Рассмотрим сначала серебряные монеты, атрибуция которых представляется достаточно надежной. Это драхмы Артабана II и Вологеза I.

Д. Селвуд отмечает интенсивную работу этого монетного двора в период правления Артабана II, как известно, опиравшегося в борьбе за власть на северо-восточные области Парфянского государства. Он указывает, что на монетном дворе Митридатокерта чеканились два из трех типов драхм Артабана II, причем один тип выпускался в двух вариантах: со знаком *5* за спиной лучника и без него (тип 63/10—11). В коллекции Гос. Эрмитажа есть драхма Артабана (II) (№ 21504), оборотная сторона которой по индивидуальным особенностям обнаруживает сходство с драхмой Фраатака IV, хранящейся в Музее истории народов Узбекистана [8]. Сходст-

[6] *Idem.* The Drachms. . ., p. 22.

[7] *Sellwood.* An Introduction. . ., type 62.10, 12, 13, 15, 32.42; type 64.33, 34, 35.

[8] Коллекция парфянских монет, инв. 11/15. Эта монета в свою очередь обнаруживает близкое сходство с драхмой Фраата IV из собрания Британского Музея (*Wroth W.* Catalogue of the Coins of Parthia. L., 1903, pl. XXIII, *1*).

во столь велико (табл. II, *8*, *13*), что есть основание видеть в использованных штемпелях работу одного мастера. Это наблюдение может служить дополнительным подтверждением заключения Д. Селвуда о чеканке ряда драхм «готарзовского» типа Артабаном II [9], так как трудно предполагать продуктивную и неизменную в стилистическом отношении работу одного мастера на протяжении более чем 40 лет.

Наиболее поздним серебряным чеканом Митридатокерта в настоящее время следует считать драхмы Вологеза I (ок. 51—78 гг. н. э.). В сводке Д. Селвуда нет сведений о монетах этого правителя с монограммой *1*. Однако в коллекции парфянских монет Гос. Эрмитажа имеются две драхмы (инв. 21781, 21782), лицевые стороны которых (табл. III, *16—17*) обнаруживают очень близкое сходство с монетами, бесспорно принадлежащими чекану Вологеза I. Совпадает характер изображения прически (пять рядов штрихов), бороды (прямоугольная) и усов (прямая линия); на лбу изображена бородавка; над петлей диадемы имеются знаки в виде типографских кавычек, возможно,— имитация букв парфянской легенды, характерной для некоторых монет этого правителя. На оборотной стороне этих драхм — традиционное изображение лучника в обрамлении знаков, имитирующих легенду, за спиной знак *5*, монограмма под луком стерта. Уверенность в том, что монограмма здесь была именно «митридатокертская», может быть обоснована общей стилистической близостью оборотной стороны этих драхм с другой продукцией монетного двора Митридатокерта и достаточно отчетливым их сходством с еще одной драхмой и двумя бронзовыми монетами Вологеза I из собрания Гос. Эрмитажа, на которых отчетливо вырезана «митридатокертская» монограмма (табл. III, *18*, *22—23*).

Таким образом, представляется, что монетный двор Митридатокерта продолжал интенсивную деятельность в третьей четверти I в. н. э. Естественно предположить, что он не прекращал ее и в период между правлением Фраатака и Вологеза I. Но прежде чем приступить к рассмотрению иных известных типов драхм, попытаемся выявить специфические особенности продукции митридатокертского монетного двора в I в. н. э. Для наглядности дадим характеристику этих особенностей в сопоставлении с продукцией иного монетного двора. Наиболее подходящими для этой цели представляются драхмы с монограммой *6* (табл. V). Большинство нумизматов рассматривает их как продукцию постоянно и активно работавшего монетного двора в Экбатанах.

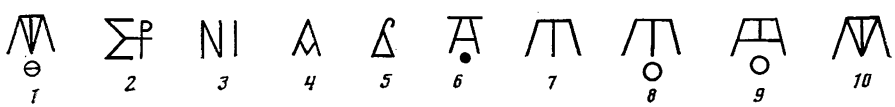


Табл. V. Монограммы и знаки (*1* — *10*)

Лицевая сторона тех и других драхм обнаруживает значительное сходство, которое находит объяснение в необходимости максимально точной передачи «портрета» царя. Тем не менее и здесь заметны некоторые различия в деталях. Для монет Митридатокерта в это время обязательно изображение символов солнца и луны перед лбом правителя [10]. Эти знаки по отдельности, в различном сочетании и в разных позициях появляются с правления Орода II (ок. 57—38 гг. до н. э.). В том виде, как они представ-

[9] *Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia. 1-st ed. L., 1971, p. 185 f.
[10] При описании монет обычно говорится о знаках звезды и полумесяца.

лены на чекане Митридатокерта I в. н. э., они известны с периода правления Фраата IV, причем интересно отметить, что именно в митридатокертском чекане на раннем этапе эти знаки иногда отсутствовали. Но в I в. н. э. такой объединенный знак (звезда над полумесяцем) становится обязательным для всех монет Митридатокерта. Встречается он также в чекане с нисийской монограммой (*№ 3*) и раннем самостоятельном чекане Мерва [11]. Другая отличительная деталь лицевой стороны — форма петли диадемы. На продукции экбатанского двора она всегда удлиненная, трапециевидная, а в исполнении митридатокертских резчиков петля изображается более округлой, полуовальной. Следует также отметить, что в период правления Вологеза I митридатокертские мастера в изображении прически ниже диадемы отошли от старой традиции придавать ей округлые очертания. Характерные особенности оборотной стороны драхм Вологеза I с монограммами *6* и *1* представлены в таблице на с. 124.

Для выявления последовательности стилистических изменений в чекане Митридатокерта I в. н. э. сравним между собой драхмы, чеканенные при разных царях: Фраатаке, Артабане II и Вологезе I. Еще при Фраате IV, как отмечалось выше, перед лицом правителя эпизодически появляется знак солнца и луны, который при Фраатаке и последующих правителях становится обязательным для всех монет Митридатокерта. На драхмах Артабана II по-новому изображается прическа ниже диадемы (длинными, слегка волнистыми линиями) и появляется изображение петельчатого узла диадемы [12]. При Вологезе I прическа ниже диадемы приобретает трапециевидные (как в экбатанских эмиссиях) очертания.

На оборотной стороне отчетливо прослеживается деградация не только «легенды», но и самого изображения лучника. Знаки, еще отдаленно имитирующие буквы на монетах Фраатака, при Артабане II превращаются в однообразные ряды чередующихся угольников. Подобным же образом изображена «легенда» на драхмах Вологеза I, концы и углы знаков обозначены крупными точками [13].

При Фраатаке и Артабане II видно стремление четко передать черты лица лучника. При Вологезе I голова лучника изображается четырьмя небрежными штрихами: горизонтальный штрих — диадема; вертикальный — лента диадемы; развернутая вправо жирная запятая — щека и борода; угольчатый знак — нос; иногда двумя выпуклостями передается прическа выше диадемы. На драхмах Фраатака чувствуется стремление (не всегда удачно реализованное) передать все традиционные элементы изображения лучника вплоть до торчащих концов завязок на сапогах. Но на последующих выпусках фигура лучника распознается уже с большим трудом. На монетах Вологеза I правая нога теряет изображение ступни, ноги перекрещены — изображение левой, дальней от зрителя ноги перекрывает изображение правой, голень левой ноги расположена в позиции, близкой к вертикали.

Начиная с монет Орода II позади трона эпизодически появлялись различные знаки. Эта традиция сохраняется при Фраатаке и Артабане II, при Вологезе I позади трона обязательно помещается знак *5*.

Претерпевает изменение и сама монограмма. Уже с чекана Фраатака

---

[11] *Пилипко В. Н.* Парфянские бронзовые монеты со знаком П под луком.— ВДИ, 1980, № 4, типы II, *2—3*.

[12] Эти новшества характерны для всего аршакидского чекана.

[13] На некоторых драхмах «готарзовского» типа (табл. II, *14*). угольчатые знаки распадаются на триады подобных точек. Однако нет уверенности, что эти изменения образуют прямой эволюционный ряд.

тета иногда заменяется маленькой точкой, косые линии *мю* часто изображаются очень тонкими — на монетах недостаточно хорошей сохранности монограмма имеет вид *7*.

Все сказанное выше демонстрирует неуклонную деградацию тщательно сохранявшейся на протяжении нескольких веков иконографии оборотной стороны аршакидских драхм. В I в. н. э. митридатокертские резчики уже не понимали смысла копируемых ими изображений. Однако на имеющемся материале хронологические закономерности этой деградации выявлены далеко не полностью, что затрудняет точное определение некоторых драхм митридатокертского производства.

На лицевой стороне драхмы из коллекции Гос. Эрмитажа (инв. 28349) (табл. II, *11*) изображена голова правителя с короткой бородкой и пышной прической, представленной ниже диадемы пятью рядами штрихов. На оборотной стороне — плохо сохранившееся, схематичное изображение лучника в обрамлении угольчатых знаков. Монограмма *8*; позади трона, вероятно, знак *5* [14]. Аналогичную монету воспроизвел в своем каталоге А. Петрович, определив ее как принадлежащую чекану Вологеза I [15]. Однако с этим определением трудно согласиться, так как на аналогичной монете «нисийской» чеканки отчетливо видно, что борода у этого правителя короткая, в то время как у Вологеза I она всегда длинная, трапециевидных очертаний [16]. На оборотной стороне монет этого типа знак *5* проставляется не всегда [17] и ноги изображены неперекрещенными, т. е. отсутствуют признаки, характерные для всех митридатокертских монет Вологеза I.

Д. Селвуд монеты этого вида (тип 64.33—34) отнес к чекану Вардана I, однако и это определение вызывает возражение по тем же причинам. В парфянском чекане, несмотря на сильную схематизацию, портреты правителей достаточно четко отличаются друг от друга по манере изображения прически, форме бороды, усов, гривны. На рассматриваемых типах драхм прическа изображена в пять рядов штрихов, а не в три, как на драхмах Вардана I. Судя по «нисийскому» экземпляру, изображение этого правителя отличается и формой бороды: у него она короче, чем у Вардана I. При определении этого типа драхм некоторым ориентиром может служить форма прически. Изображение волос ниже диадемы в пять рядов штрихов для I в. н. э. характерно (среди монет, имеющих надежное определение) только для Вологеза I, но подобное определение рассматриваемых монет выше уже отвергнуто. Изображение прически в пять «волн» в парфянском чекане было популярным также в середине — второй половине I в. до н. э. (от Орода II до Фраатака). С этой ранней группой рассматриваемый тип сближают также округлые контуры прически. На монете, воспроизведенной Д. Селвудом в первом издании его «Введения в парфянскую нумизматику», очень нечетко или совсем не изображена петля диадемы — деталь, появившаяся на драхмах только с Ванона I. Все это делает предпочтительным отнесение этих драхм к первому десятилетию I в. н. э., т. е. ко времени ожесточенной борьбы за трон представителей аршакидской династии [18].

[14] Монета плохой сохранности, поэтому для сравнения и уточнения некоторых деталей на табл. II, *12* воспроизведена драхма с монограммой NI, также бесспорно принадлежащая чекану этого правителя.

[15] *Petrowicz A.* Arsaciden Münzen. Wien, 1904, S. 129, № 14, Taf. XIX, *6*.

[16] На монете из коллекции А. Петровича изображение бороды осталось за пределами монетного кружка.

[17] *Sellwood.* An Introduction. . ., type 64.33.

[18] Был ли это Ород III или другой эфемерный правитель, определить пока трудно.

Возможно, к этому же периоду относится драхма из Гос. Эрмитажа (инв. 21779) (табл. II, *10*), если учитывать некоторую округленность прически на затылке. Но в то же время ряд признаков сближает ее с чеканом Вологеза I: ноги изображены перекрещенными, концы знаков утяжелены «точками», за троном — знак *5*.

Столь же большие трудности возникают при попытке точного определения еще двух «митридатокертских» драхм I в. н. э. Монета из Государственного Исторического музея (СУС 3244; табл. II, *14*) относится к так называемому «готарзовскому» типу. Подобные монеты чеканились тремя правителями: Артабаном II, Готарзом II и Артабаном III. Различают их по ряду несущественных деталей, плохо прослеживаемых на монетах, долгое время находившихся в обращении. Тем не менее отождествление с чеканом Артабана III (80—90-е гг. н. э.) следует исключить, так как изображение на оборотной стороне по степени своего разложения представляется более ранним, чем на монетах Вологеза I. На монете вместо традиционного для времени Вологеза I знака *5* за спинкой трона вырезан полумесяц, на лице лучника еще изображены губы. Передача прядей волос прямыми линиями, как на типе 62 по Селвуду, дает больше оснований считать ее принадлежащей чекану Артабана II.

Драхма (табл. II, *15*) из Гос. Эрмитажа (инв. 21780) скорее всего относится к чекану Вардана I (ок. 40—45 гг. н. э.). В пользу этого свидетельствуют изображение прически ниже диадемы тремя рядами крупных изогнутых штрихов и треугольная форма сравнительно короткой бороды. Однако нельзя полностью исключить принадлежность этой монеты к выпускам Вардана II (ок. 55—58 гг. н. э.), так как разница между «портретами» этих правителей очень незначительна [19].

Монетный двор Митридатокерта кроме драхм выпускал несколько номиналов бронзовых монет. На протяжении почти всего периода функционирования двора чеканились халки, дихалки, тетрахалки (по определению Д. Селвуда). Самые поздние монеты этого вида Д. Селвуд считает возможным отнести к чекану Вардана I (ок. 40—45 гг. н. э.) [20].

Интересную группу продукции митридатокертского двора образуют так называемые «бронзовые драхмы». Они мало отличаются от серебряных по размеру, весу и типу изображений. На лицевой стороне помещалось изображение головы правителя влево, на оборотной — традиционного для парфянских драхм лучника. Изображения на них очень сходны с типами серебряных драхм, не исключено даже, что они резались одними и теми же мастерами, от серебряных их отличает еще бóльшая схематизация изображений, граничащая с полным его разложением.

В известной мне нумизматической литературе опубликованы только две «бронзовые драхмы» с митридатокертской монограммой — у В. Роса, который, определив их как чекан Готарза, воспроизвел на таблице лишь оборотную сторону одной из них [21]. В музейных собраниях СССР, преимущественно в Гос. Эрмитаже, имеется некоторое количество таких «бронзовых драхм», среди которых можно выделить несколько типов [22].

---

[19] Основное различие, по Д. Селвуду,— в количестве концов лент диадемы:— у Вардана I их три, а у Вардана II — пять. Однако на данном экземпляре ленты видны очень плохо.

[20] *Sellwood.* An Introduction. . ., type 64.35.

[21] *Wroth.* Op. cit., p. 167, № 53—54, pl. XXVII, *6*.

[22] Поскольку эти типы отсутствуют в классификации Д. Селвуда, для них предложена самостоятельная нумерация.

Тип 1. На л. ст. представлен царский «портрет» «готарзовского» типа и обычный для митридатокертских монет знак солнца и луны. На об. ст.— сильно схематизированное изображение лучника на троне, в прямоугольном обрамлении угольчатых знаков, утяжеленных крупными точками. Намечается превращение угольников в триады точек (табл. III, *19*).

Тип 2. На л. ст.— голова влево с традиционным изображением звезды и полумесяца перед лбом. Диадема в *четыре* линии, прическа ниже диадемы в три волны и с контурным обводом слева и внизу. На лбу — бородавка. Борода, вероятно, прямоугольной формы. На об. ст. изображение лучника еще более схематизировано. Лук поднят на уровень головы. Изображение торса (три вертикальных штриха) слилось с изображением ножек трона. Ноги перекрещены и неестественно подтянуты вверх — левая нога начинается от плеча. За лучником — знак *5*, перед ним — искаженная «митридатокертская» монограмма *8*. Центральная композиция обрамлена двойным рядом точек, некоторые из них еще соединены тонкими штрихами, что выдает их происхождение от угольчатых знаков, увенчанных точками. Первоначальное квадратное расположение строк легенды уже отчасти нарушено (табл. III, *20*).

Тип 3. На л. ст. хорошо выполненный «портрет» Вологеза I. На реверсе изображение лучника уже потеряло облик человеческой фигуры. Относительно отчетливо изображены еще голова и рука, но изображение ног начинается сразу под рукой, торс передан так же, как у предыдущего типа, но горизонтальные штрихи (рудименты ножек трона) исчезают [23]. За лучником четко вырезан знак *5*, перед *9*. Остатки «легенды» снизу переданы дв умя или тремя рядами точек, на остальной части монетного кружка они полукругом заполняют поле вокруг «лучника» (табл. III, *22—23*).

Тип 4. На л. ст. диадема в три линии. Прическа ниже диадемы изображена в четыре, а иногда, может быть, в три волны. Борода — прямоугольной формы. На об. ст. крупная голова лучника изображена над рукой, переданной цепочкой из сомкнутых точек. Характерная особенность изображения головы — нижняя часть штриха «ленты диадемы» горизонтально отогнута. От трех штрихов, передающих торс лучника, практически сохранились только два — массивный центральный, приостренный книзу и левый дугообразный, соединенный с линией руки. При тщательном рассмотрении можно обнаружить и третий штрих, но он становится более тонким, более коротким и сливается с изображением правой ноги. Ноги перекрещены. Правая показана косой линией. У левой — очень короткое бедро, длинная, вертикально поставленная голень и крупная ступня. Знак за спиной и монограмма — как у предыдущего типа. Легенда заменена беспорядочно расположенными вокруг лучника «точками», их стало меньше, но они крупнее (табл. III, *24*; IV, *25 —26*).

Тип 5. Особенности л. ст.: прическа ниже диадемы — в три волны, со стороны лица она оконтурена тонкой рельефной линией; бровь всегда передана цепочкой из четырех точек, иногда обозначена бородавка. На об. ст. происходит дальнейшая деградация изображения лучника. Рука укорачивается, голова делается шире (ее ширина больше, чем длина вытянутой руки). Если торс и ноги лучника раньше как бы вписывались в квадрат, то теперь они вписываются в вытянутый по вертикали прямоугольник. От торса иногда остается лишь один центральный штрих, смыкающийся с переплетенными линиями «ног». Крупные точки уже не

[23] На одной из двух имеющихся в нашем распоряжении монет еще сохранились две такие поперечные черточки (табл. III, *23*). По стилю изображения лучника эти бронзовые монеты очень сходны с драхмой (табл. III, *18*).

обрамляют изображение лучника, а составляют с ним одно целое (табл. IV, *27—28*).

Эти пять типов бронзовых драхм в том порядке, в каком они перечислены, вероятно, отражают последовательность стилистических изменений, происходивших в чекане митридатокертского монетного двора в последний период его существования. Монеты типа 1 относятся к чекану Артабана II или Готарза II. Монеты типа 3, судя по иконографии лицевой стороны, несомненно, принадлежат чекану Вологеза I. Типы 4—5, возможно, относятся к числу поздних выпусков этого же правителя [24], хотя нельзя полностью исключить их принадлежность чекану последней четверти I в. н. э. Во всяком случае, выпуск известных митридатокертских монет позднее I в. н. э. представляется маловероятным.

Как уже отмечалось выше, дешифровка нисийских документов и кабинетные нумизматические исследования позволяют предполагать, что монетный двор, помещавший на своей продукции монограмму *1*, находился в Старой Нисе. Однако еще трудно считать это предположение строго установленным фактом. Некоторые факты лишь с большими оговорками вписываются в изложенную выше гипотезу. На двух типах так называемых раннеаршакидских драхм (3 и 4 по Д. Селвуду) имеется монограмма *10*. Д. Селвуд относит эти монеты к эмиссиям Аршака I (ок. 238—211 гг. до н. э.). Между тем в современной исторической литературе утвердилось предположение, что Митридатокертом Старая Ниса была названа в честь Митридата I, *правившего примерно в 171—138 гг. до н. э.* Д. Селвуд, пытаясь найти выход из этого явного противоречия, выдвинул предположение, что название Митридатокерт следует связывать не с упомянутым парфянским царем, а с каким-то иным Митридатом, принадлежавшим к ахеменидскому роду [25]. Однако представители ахеменидского рода с именем Митридат нам неизвестны, и на Старой Нисе нет слоев ахеменидского времени. Большего внимания заслуживает мнение Ж. Моргана, Ле Риде и других исследователей, считающих, что чеканка монет Аршакидами началась лишь в правление Митридата I. Однако этот вопрос требует специального рассмотрения и на данном этапе исследований не может считаться окончательно решенным [26].

Второй момент, не находящий достаточно удовлетворительного объяснения,— это параллельная работа двух рядом расположенных монетных дворов, если принимать отождествление Старой Нисы с Митридатокертом, а Новой Нисы с Нисайей, Парфавнисой, монетные выпуски которой снабжались монограммой *3* [27].

Однако, на мой взгляд, все это не опровергает изложенную выше гипотезу, а отражает неполноту наших знаний. Окончательное решение вопроса может быть достигнуто при обнаружении каких-либо бесспорных следов монетного производства на Старой Нисе или путем накопления

---

[24] На бронзовых монетах Вологеза I, чеканенных в Экбатанах, прическа ниже диадемы изображается тремя или четырьмя рядами штрихов.

[25] *Sellwood D.* Parthian Coins. The Cambridge History of Iran. The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. V. 3(1), 1983, p. 280.

[26] Монограмма на ранних драхмах состоит не из трех, а из двух букв (отсутствует *tema*), поэтому нельзя полностью исключить, что она скрывает какое-то иное обозначение.

[27] «Нисийские» монеты обнаруживают большое сходство с «митридатокертскими» (табл. III, *21*; III, *18*). Д. Селвуд предполагает, что один из этих дворов обслуживал местные коммерческие нужды, в частности чеканил денежные знаки для расчета с многочисленными пограничными гарнизонами (*Sellwood.* The Drachms. . ., p. 14).

массового нумизматического материала с территории подгорной полосы Копетдага и выделения наиболее распространенных здесь типов монет.

Некоторые шаги в этом направлении уже сделаны. Очень существенной в этом плане представляется находка гипсовых «шаров» с оттисками монет на Старой Нисе (в здании с круглым залом). В первоначальной публикации высказано предположение, что тут оттиснуты драхмы Фраата IV [28]. Однако новое тщательное их изучение и сопоставление с имеющимся в моем распоряжении нумизматическим материалом привело к иному выводу. Оттиски сделаны монетами «готарзовского» типа (табл. IV, *30*), которые чеканились Артабаном II, Готарзом II и Артабаном III. Дальнейшее уточнение их датировки в пределах I в. н. э. по плохо сохранившимся оттискам затруднительно. Однако важно отметить, что оттиски сделаны (судя по типу) медными монетами и несут на оборотной стороне «митридатокертскую» монограмму [29], т. е. мы имеем бесспорный факт использования на Старой Нисе монет этого типа [30]. Аналогичные гипсовые «шары» с оттисками монет обнаружены Д. Дурдыевым на расположенном неподалеку от Нисы Мансур-депе. Сохранность этих оттисков неудовлетворительная, монограмма на них не прослеживается, тем не менее принадлежность использованных монет чекану Митридатокерта не вызывает больших сомнений. На Чакан-депе, расположенном примерно в 25 км северо-западнее Нисы, также найден гипсовый шар с оттисками подобных монет. При изучении парфянского некрополя на Новой Нисе А. А. Марущенко нашел бронзовую монету Орода II (?), на оборотной стороне которой имеется рассматриваемая нами монограмма [31]. При работах Парфянской экспедиции Института истории АН ТуркмССР на одном из поселений Дашлинского оазиса, расположенного примерно в 100 км восточнее Ашхабада, найдена драхма Фраата IV с «митридатокертской» монограммой (табл. I, *6*). Несколько лет назад при земляных работах на территории Копетдагского водохранилища (примерно в 50 км северо-западнее Нисы) был найден небольшой клад бронзовых монет. Одна из них принадлежит чекану Митридатокерта (табл. IV, *27*). Следует добавить, что находки парфянских монет с иными типами монограмм (за исключением бронзовых монет со знаком П) в подгорной полосе Копетдага документально не зафиксированы.

Заканчивая обзор деятельности монетного двора, выпускавшего продукцию с монограммой *1*, попытаемся сделать несколько выводов и предположений общеисторического характера. Этот монетный двор несомненно располагался в северо-восточной части Парфянского государства, скорее всего в Старой Нисе, называвшейся в древности Михрдаткиртом (Митридатокертом). Он, вероятно, относится к числу древнейших монетных дворов Парфии, однако его продукция бесспорно опознается только с 70-х годов до н. э., когда в аршакидском чекане утвердилась традиция проставлять маркировочные знаки на оборотной стороне драхм. Анализ «митридатокертских» монет подверждает и в какой-то степени дополняет

[28] *Крашенинникова Н. И., Пугаченкова Г. А.* Круглый храм парфянской Нисы.— СА, 1964, № 1, с. 125 сл.

[29] Оттиски сделаны разными монетами и уверенности в их принадлежности к одному типу нет.

[30] Гипсовые шары с запечатанными в них остатками растений, по данным М. Е. Массона, изготовлялись непосредственно на городище Старая Ниса (*Массон М. Е.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ 1953—1954 гг.— Труды ЮТАКЭ, т. 15, Ашхабад, 1974, с. 303).

[31] Фотография нечищенной монеты хранится в личном архиве А. А. Марущенко. Изображение видно плохо, но монограмма просматривается достаточно отчетливо.

Монограмма 6	Монограмма 1
1. Легенда с большим количеством ошибок, но греческие слова-прототипы могут быть прочитаны (угаданы).	Слова греческой легенды заменены рядами угольчатых знаков (...V∧V∧V...), концы которых иногда увенчаны точками.
2. Изображение трона распалось на две части: длинный вертикальный штрих с тремя короткими поперечинами в нижней части (соответствующими спинке и задним ножкам) и крестик, соответствующий передним ножкам.	Изображение трона состоит из трех элементов: спинки в виде вертикального штриха с поперечиной на нижнем конце и двух очень низких ножек, похожих на лежащую на боку букву Н.
3. Торс лучника передан тремя параллельными вертикальными штрихами равной длины.	Торс передан тремя несколько расходящимися книзу штрихами, средний штрих шире и длиннее боковых.
4. Голова лучника изображена относительно пропорциональной.	Голова лучника очень крупная, иногда по высоте равна торсу.
5. Лучник изображен безбородым.	У лучника длинная острая борода.
6. Ленты диадемы изображены торчащими позади затылка и под углом друг к другу.	Одна, реже две ленты диадемы свисают вниз.
7. Изображение ног: от левой ноги показано только горизонтально расположенное бедро, правое бедро также горизонтально, голень — вертикально, ступня не изображена.	Изображены обе голени и всегда стопа левой ноги. Левая голень подогнута, правая — вытянута. Ноги перекрещены, левая как бы закинута на правую.
8. Лук имеет очертания, близкие к букве В, тетива всегда имеет наклон вниз направо.	Лук имеет неправильные дугообразные очертания, тетива расположена горизонтально.
9. Знаки за спинкой трона отсутствуют.	За спинкой трона всегда знак *5*.
10. Общая композиция: изображение лучника заключено в квадрат четких прямых строк легенды, луком разрывается только правая ее строка.	Укороченное изображение лука помещено над монограммой. Неровная строка знаков, имитирующих буквы, расположена правее лука и монограммы. Крупное изображение головы, напротив, часто «вторгается» в нижнюю сторону верхней части «легенды». Лучник держит лук не за его левый конец, а за среднюю часть. Свободное пространство между головой лучника и луком, характерное для монет с монограммой *6*, здесь практически отсутствует.

сведения письменных источников о некоторых событиях политической истории Парфии. Отсутствие в чекане Митридатокерта драхм Тиридата (ок. 29—27 гг. до н. э.) и Ванона I (ок. 8—12 гг. н. э.) показывает, что власть этих римских ставленников не распространялась на северо-восточные области Парфянского государства. В этом плане показательно и отсутствие драхм Фраатака с изображением Музы, выпускавшихся в первые четыре года н. э. Видимо, уже в это время коренные области Парфии превратились в оплот оппозиционных сил, начавших борьбу с Фраатаком и его соправительницей. Из этой среды впоследствии вышли Ород III и Артабан II. Не исключено, что «митридатокертские» монеты представляют нам и других, пока еще анонимных претендентов на парфянский престол.

Однако концентрация в Северной Парфии оппозиционных сил, в конечном счете добившихся победы, не привела к процветанию прикопетдагских областей. Перемещение политического и экономического центра государства в западные области и собственный низкий экономический потенциал привели к превращению их во второстепенный район империи. Это нашло достаточно яркое отражение в продукции монетного двора Митридатокерта. Изображения на монетах здесь деградируют в значительно большей степени, чем на монетных дворах Центральной и Западной Парфии. Драхмы выпускаются из низкопробного серебра и, видимо, в недостаточном количестве. Наряду с ними начинается чеканка бронзовых драхм. В третьей четверти I в. н. э. монетный двор Митридатокерта, как и другие монетные дворы Северо-Восточной Парфии, прекращает свою деятельность. Чеканка парфянских драхм сосредоточивается в Экбатанах.

A PROPOS DES MONNAIES DE MITHRIDATOKERT

V. N. Pilipko

L'article étudie les monnaies parthes d'argent et de bronze au revers desquelles figure le monogramme 1. Outre les pièces publiées, l'auteur fait appel à des exemplaires appartenant à divers musées d'URSS. Avec certaines réserves il accepte l'hypothèse en vertu de laquelle elles auraient été frappées à Mithridatokert (Staraïa Nisa). La question de la date à partir de laquelle cet hôtel des monnaies a commencé à fonctionner demeure ouverte. L'essentiel de l'article est réservé à une description de la production de cet hôtel des monnaies au Ier s. de n. è., sous la règne de Vologèse Ier (56—78 de n. è.). Les «drachmes de bronze» du Ier s. sont divisés en cinq types, mais seuls certains d'entre eux sont définis avec précision. Des renseignements sont fournis sur les trouvailles de monnaies portant le monogramme sus—indiqué dans la plaine qui longe le versant nord des monts du Kopetdag. Enfin, l'auteur examine la façon dont certains événements de l'histoire politique de la Parthie se sont répercutés sur les activités de l'hôtel des monnaies de «Mithridatokert».

Б. С. Кобахия, Л. Г. Хрушкова, С. М. Шамба

НОВАЯ РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ГОРОДИЩЕ ГЮЭНОС

(Абхазия)

Гюэнос (совр. г. Очамчира Абхазской АССР) относится к числу древнейших городов Причерноморья, связанных с процессом греческой колонизации края. Как «эллинский город» его упоминает Псевдо-Скилак (§ 81). В начале нашего столетия Д. И. Гулиа предположил, что Гюэнос (Γύηνός) античных авторов является грецизированным названием местного пункта Дюан (по-абхазски «сухая поляна»), который расположен близ морского берега между г. Очамчирой и р. Моква.

В 1936—1937 гг. во время строительства морского порта археологи Л. Н. Соловьев, М. М. Иващенко, Б. А. Куфтин выявили античное поселение, идентифицированное с Гюэносом. В 1980 г. экспедиция Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГрузССР под руководством С. М. Шамба возобновила археологическое исследование Гюэноса. За несколько лет получены многочисленные материалы. Они свидетельствуют о том, что городище было основано не позже середины VI в. до н. э. Жизнь на городище продолжалась и в позднеантичное время. В течение сезона 1981, 1983 и 1985 годов была раскопана раннехристианская церковь. Публикации этого памятника и посвящена настоящая статья [1].

Городище находится на трех холмах, расположенных вдоль береговой линии. Предполагается, что доминирующее положение занимал средний (более детально исследованный) холм, в центре которого и обнаружена церковь.

План церкви. Церковь построена на культурном слое мощностью до 4,5 м, ранний горизонт которого датируется VI в. до н. э. Сооружение дошло до нас в плохом состоянии. От апсиды и значительной части здания остались лишь фундаменты, но его план восстанавливается полностью (рис. 1—3). Это однонефная церковь с полуциркульной снаружи и изнутри апсидой. Основной объем (наос) осложнен пристройками. К его восточной части примыкают два небольших помещения, расположенные симметрично. Притвор (нартекс) примыкает к наосу с запада, при этом охватывает и его южную часть.

[1] Предварительные сообщения: *Шамба С. М., Шамба Г. К.* Раскопки древнего Гюэноса.— АО в Абхазии 1981—1982 гг. Тбилиси, 1985, с. 19—22; *Кобахия Б. С., Шамба С. М.* Раскопки раннехристианской церкви на городище Гюэнос.— АО 1983 г. М., 1984, с. 470; *Хрушкова Л. Г.* О религиозных верованиях апсилов.— ИАИЯЛИ, 1983, XII, с. 85; *она же.* Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. Сухуми, 1985, с. 70—71; *Кобахия Б. С., Хрушкова Л. Г., Шамба С. М.* Результаты исследований раннехристианской церкви на городище Гюэнос.— АО в Абхазии в 1983 г. Тбилиси: Мецниереба (в печати).

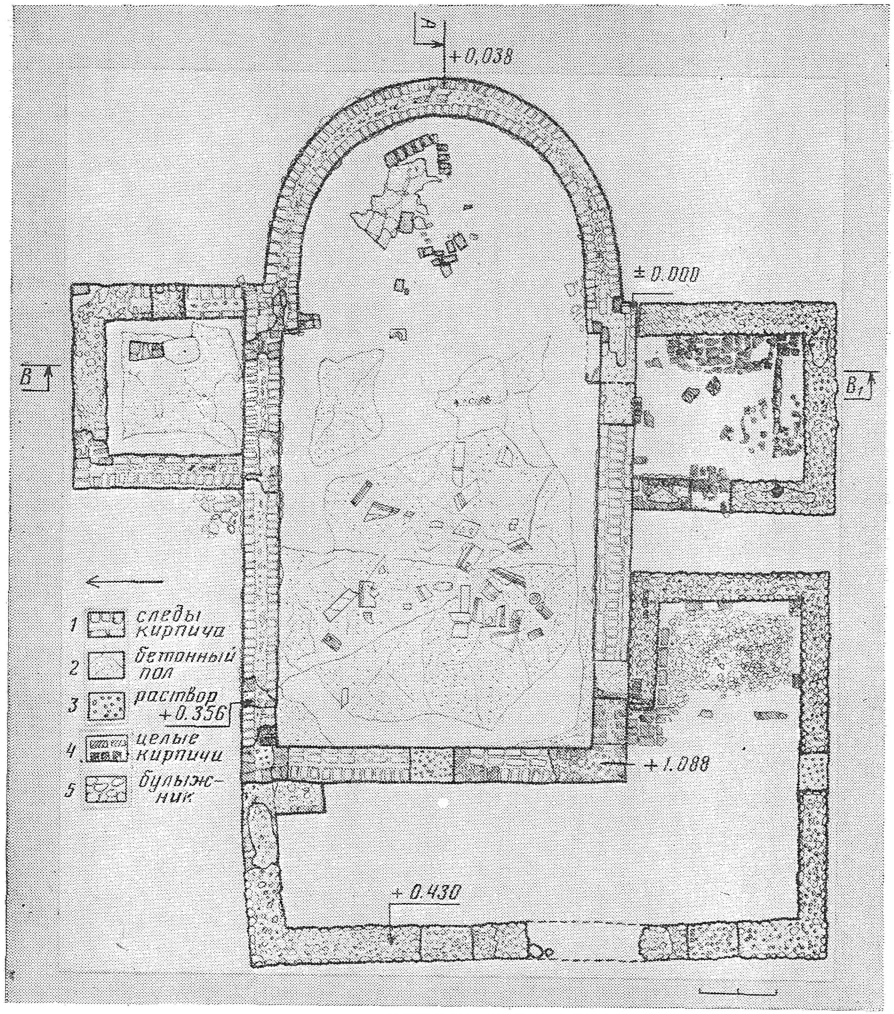


Рис. 1. Церковь на городище Гэюнос (Абхазия). План

Общие наружные размеры церкви 23 × 19,5 м. Соотношение ширины наоса и его длины (приблизительно 4 : 5) характеризует наос как сильно укороченный. Западная пристройка сообщалась с наосом проемом шириной 0,96 м, расположенным по продольной оси. С наружным пространством она была связана тремя проемами. Два из них расположены в западной стене, один — в южной. Южное боковое помещение одной дверью соединяется с наосом, другая расположена в западной стене помещения. В северном помещении решение было иным: здесь дверь в восточной стене вела в сторону апсиды. И это помещение, вероятно, также сообщалось с наосом, но следы проема не сохранились. Расположение дверных проемов — свидетельство того, что более активно использовалось пространство, примыкающее к церкви с юга, со стороны моря, и запада. Близ церкви, с северной и западной сторон, видны остатки помещений того же времени, что и церковь. Сооружения эти пока не исследованы.

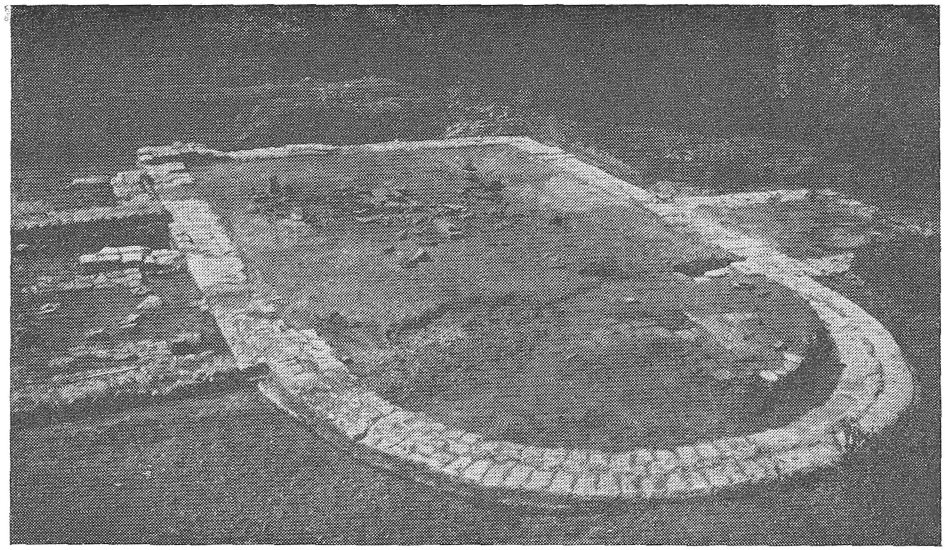


Рис. 2. Церковь на городище Гюэнос. Вид с востока

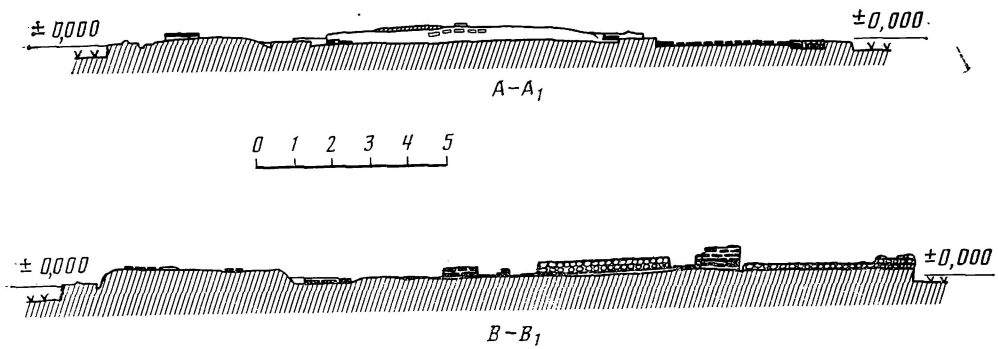


Рис. 3. Церковь на городище Гюэнос. Разрез

Наличие нескольких дополнительных помещений и разнообразное положение дверных проемов в них — свидетельства разнообразия ритуальных функций церкви. Бесспорно определяется назначение южного помещения (рис. 4), в котором обнаружена гробница (погребение 7). То обстоятельство, что только эта гробница возвышалась над уровнем пола, и ее золотой инвентарь указывают на особый характер этого захоронения. У западной стены этого помещения раскопан пифос in situ. Его венчик и крышка были разрушены. Пифос в своей верхней части несколько возвышался над полом. Возможно, в нем хранили воду для мемориального культа. В северном помещении сохранились остатки кирпичной кладки по-видимому, скамьи (рис. 5). Это помещение с дверным проемом, выходящим к апсиде, вероятно, предназначалось для клира.

Гробница обнаружена и в северной части нартекса. Юго-восточная часть нартекса с самостоятельным (южным) входом предназначалась для каких-то особых групп верующих: женщин, катехуменов и т. п. (рис. 6). Гробницы и грунтовые захоронения были и в наосе.

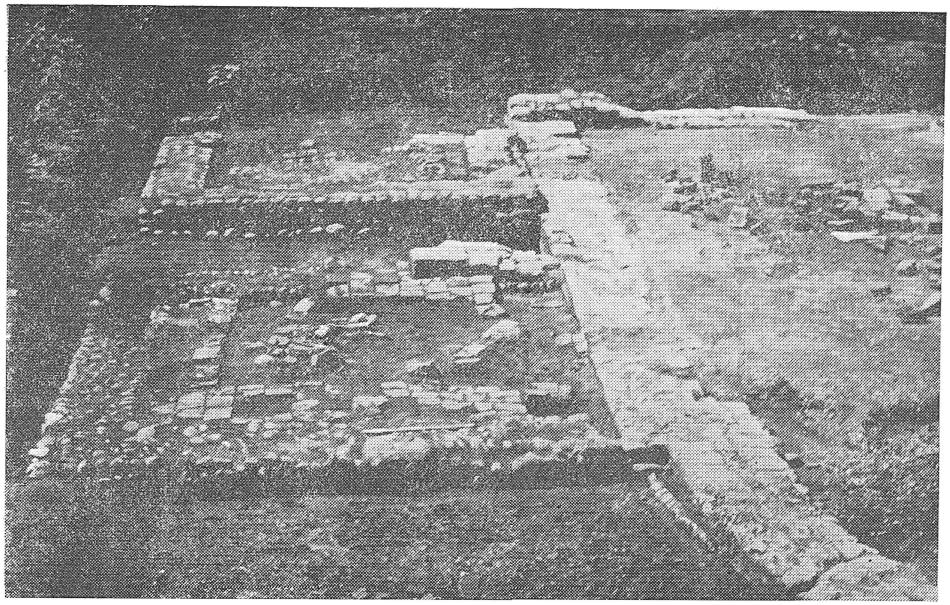


Рис. 4. Южное помещение. Вид с востока

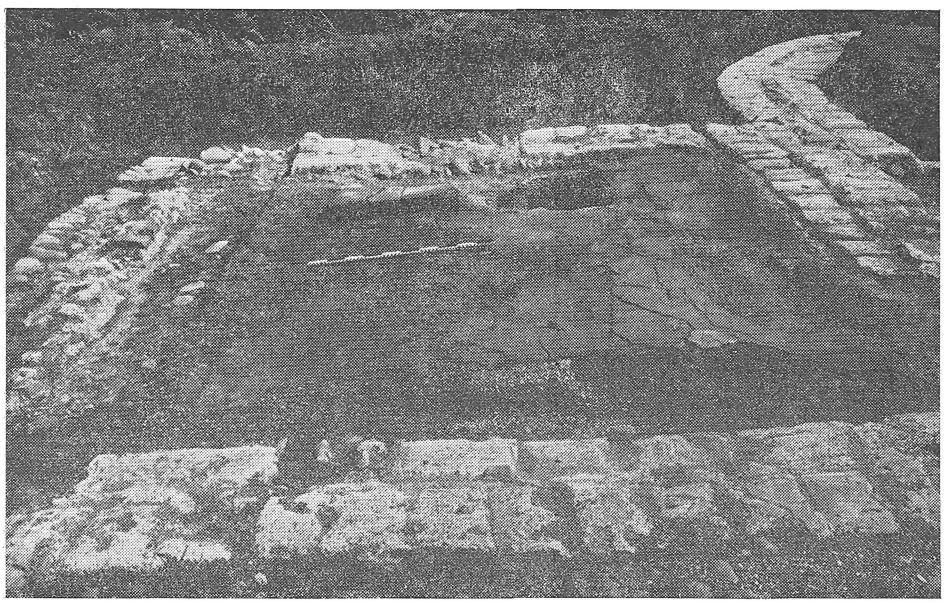


Рис. 5. Северное помещение. Вид с востока

Объемно-пространственное решение. Ширина стен в апсиде 0,95 м, в наосе — 0,9 м, в дополнительных помещениях 0,75—0,78 м. Основной зал перекрывался стропилами, судя по значительной ширине и умеренной толщине стен, лишенных пилястр. Алтарное пространство было перекрыто, как обычно, конхой, а пристройки — деревом на один скат. Вспомо-

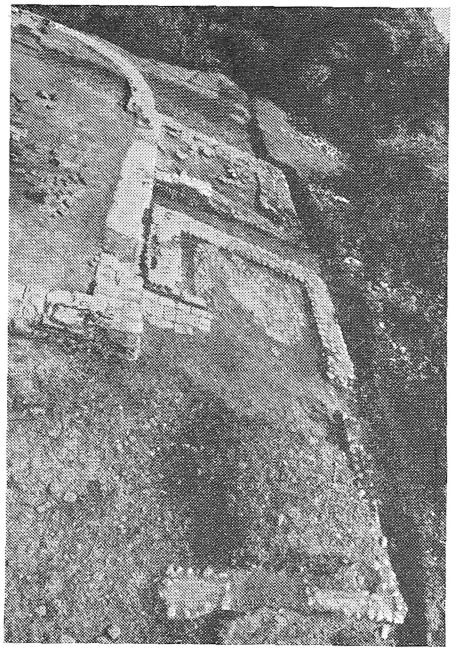


Рис. 6. Юго-восточная часть нартекса. Вид с запада

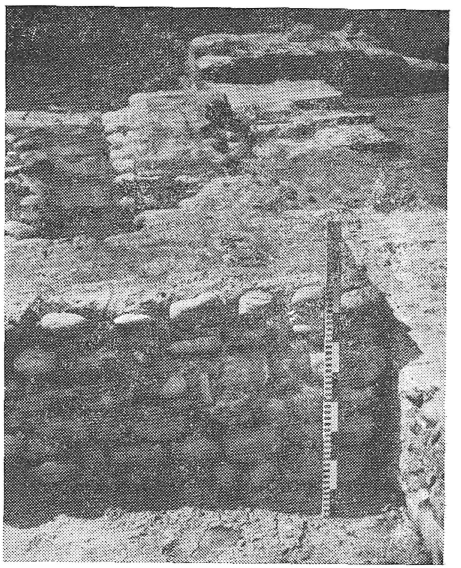


Рис. 7. Фундамент восточной стены нартекса

гательные помещения должны были быть пониженными — у них меньшая толщина стен и глубина заложения фундаментов. Объемно-пространственное решение церкви можно представить следующим образом. Высокий основной объем под двускатной крышей на востоке завершался плавно выступающей широкой и высокой апсидой. С трех сторон, исключая восточную, к нему примыкали более низкие дополнительные помещения. В апсиде и верхних частях наоса, вероятно, размещались окна, как обычно в базиликах с легким деревянным перекрытием.

Строительная техника. Фундаменты церкви шире стен на 10—15 см. Они сложены из некрупного булыжника с соблюдением рядов на прочном известковом растворе с добавлением цемянки. Церковь, кроме нартекса, выложена из кирпича, который местами сохранился на высоту четырех рядов (рис. 7—8). Кирпичная техника — важная особенность памятника, расположенного в регионе, где в это время строили преимущественно из камня, или — реже — из камня в сочетании с кирпичом. Кладка стен отличается очень тонким слоем забутовки (0,2 м в кладке стены апсиды и северной стены наоса), а часто и ее отсутствием. Размеры кирпича: длина 35, 37, 38 см, ширина 23, 24, 25, реже — 20, 22 см, толщина 4; 4,5; 5 см. Единичны квадратные кирпичи 30 × 30 × 4 см, 27 × 27 × 4 см. На кирпичах часты полосы в виде косых крестов или овалов, проведенных пальцами до обжига, попадаются следы животных. В юго-западном углу наоса, где сохранилось четыре ряда кладки, толщина слоев раствора между ними от 4 до 5 см, реже — 5,5 см, т. е. раствор нигде не превышает толщину кирпича. В кладке западной стены южного помещения толщина слоев раствора между рядами кирпича от 2 до 4,5 см, толщина кирпича 4, иногда 5 см.

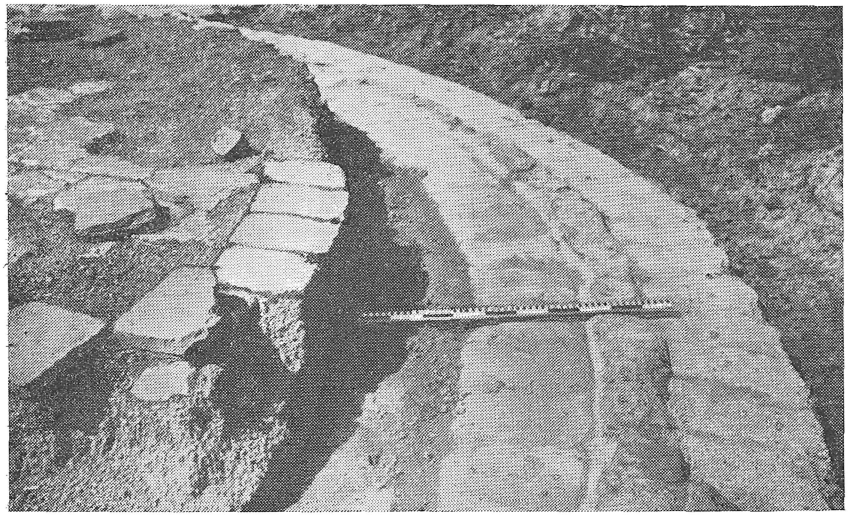


Рис. 8. Фундамент центральной части апсиды. Вид с юга

Нартекс частично сложен в технике opus mixtum. Лучше сохранился его северо-восточный угол. Северная стена на высоту 0,3 м сложена из булыжника, выше идут два ряда кирпичей. Их толщина 4 см, как и толщина слоя раствора между ними. Ряды кирпичей сменяются кладкой из булыжника, сохранившейся на высоту 0,33 м. Аналогичная техника прослеживается в восточной стене южной части нартекса. Фрагмент восточной стены его, примыкающей к наосу, сложен только из кирпича. Размеры кирпичей в кладке нартекса: 32 × 24 × 4, 33 × 17 × 4,5; 36 × 22 × ×3,5 см и близкие к ним. На некоторых кирпичах нанесены знаки +, Z. Возможно, что строительство нартекса не входило в первоначальный замысел. Об этом можно судить по наличию первоначального проема 0,96 м в восточной части южной стены наоса. Его закрыла примыкающая стена нартекса, проем превратили в нишу, сохранившую цемяночное покрытие раннего порога. Однако между строительством церкви и нартекса не было хронологического разрыва, поскольку наблюдается единство приемов строительной техники (кладка фундаментов, тип раствора, характер пола), а также сходный формат кирпича — в южном помещении, частично в наосе, хуже всего в нартексе. В большинстве помещений бетонное покрытие пола состояло из двух слоев: нижний — известковый раствор, лежащий на слое гальки, верхний — раствор с примесью толченой керамики (цемянки). В апсиде полом служила кирпичная вымостка, покрытая цемяночной обмазкой. Южное помещение вымощено кирпичом, юго-восточная часть нартекса — булыжником. Пол в апсиде и в дополнительных помещениях несколько повышен по сравнению с наосом.

Церковь изнутри была оштукатурена и расписана. Собранные фрагменты тонкой штукатурки сохранили следы красноватой, розоватой, желтой и зеленой раскраски.

Литургическая обстановка. В восточной части церкви выявлены остатки литургической обстановки. От алтарной преграды, которая шла по линии хорды апсиды, сохранились основания ее южного и северного концов (рис. 9). Поэтому молящиеся переходили в восточную часть наоса, а не в алтарное пространство. У восточного конца южной стены наоса

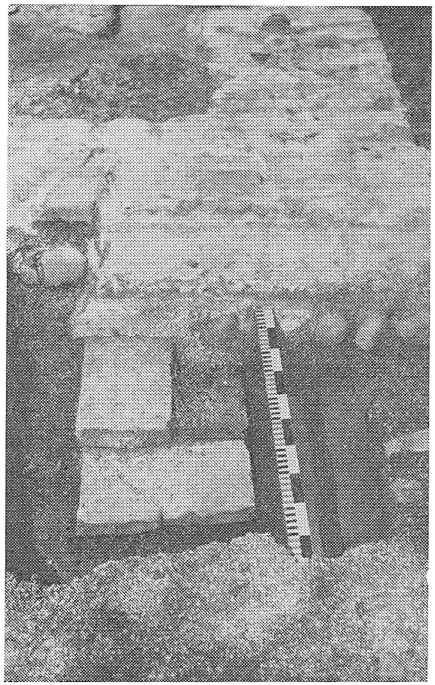


Рис. 9. Северный конец основания алтарной преграды

прослеживаются остатки скамьи шириной 0,45 м, сохранившейся частично. Престол расположен в апсиде, близ стены. Первоначальные размеры его 0,6 × 0,6 м. Лишь несколько кирпичей осталось и от скамьи-синтрона.

В центральной части наоса, на полу, обнаружены фрагменты алтарной преграды из местного темного песчаника. Ее простой и скромный декор подражает мраморным проконнисским изделиям: столбики алтарной преграды с профилировкой, плита, украшенная рельефным крестом с трапециевидно расширяющимися концами (рис. 10—12). Резьба очень плоская, преобладает врезная линия без моделировки. Некоторые характерные византийские мотивы переосмыслены. Так, на проконнисских столбиках алтарных преград профилировка на концах завершается полукружиями. На столбике из церкви в Гюэносе вместо этого видим двойной круг с вписанным в него крестиком. Грубая сферическая капитель лишена орнаментации. Вероятно, алтарная преграда представляла собою низкий парапет из столбиков и плит между ними, столбики были увенчаны капителями, несущими архитрав. Наряду с местными элементами декорации, которые преобладают, найдено и два мраморных фрагмента проконнисского происхождения: мелкий обломок плиты и база тонкой колонки, видимо, от киворий (рис. 13).

Предметы литургической обстановки бесспорно указывают на то, что это сооружение — «церковь нормального культа», предназначенная для отправления основного ритуала — литургии евхаристии. Но, как часто было и в других раннехристианских церквах Абхазии, в одном сооружении совмещались различные функции [2]. Захоронение чтимого лица в южном помещении служило объектом мемориального культа. Это обстоятельство делало церковь предпочитаемым местом погребения и для других людей, чьи захоронения размещались ниже уровня пола. Аналогичное положение было распространено во всем раннехристианском мире [3].

Погребения. Во всех частях церкви, исключая апсиду, обнаружено 14 захоронений (рис. 14). Кроме того, за апсидой церкви раскопано восемь погребений. Четыре захоронения — в гробницах, в двух из них обнаружен инвентарь. Большинство погребений ориентировано на запад, положение костяка соответствует христианскому обряду. Описание погребений начинаем с запада.

---

[2] *Хрушкова.* Цандрипш, с. 79.

[3] *Grabar A.* Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique. V. 1. P., 1946, p. 43—44, 443, 487; *Lassus J.* Questions sur l'architecture chrétienne de l'Afrique du Nord.— Actas del VIII Congreso internacional de arqueologia cristiana. Barcelona, 5—11 octubre 1969. Texto. Barcelona — Città del Vaticano, 1972, p. 123.

Рис. 10. Столбик алтарной преграды

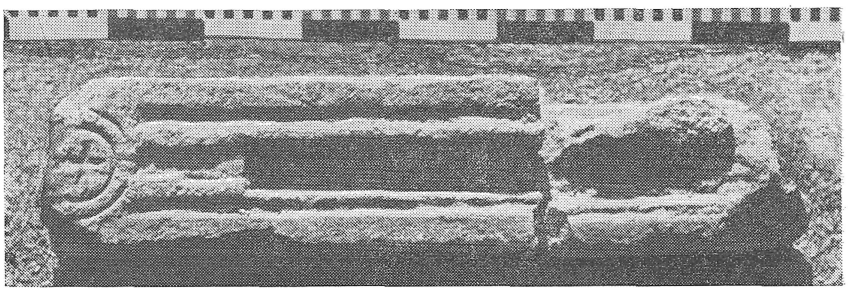


Рис. 11. Столбик алтарной преграды

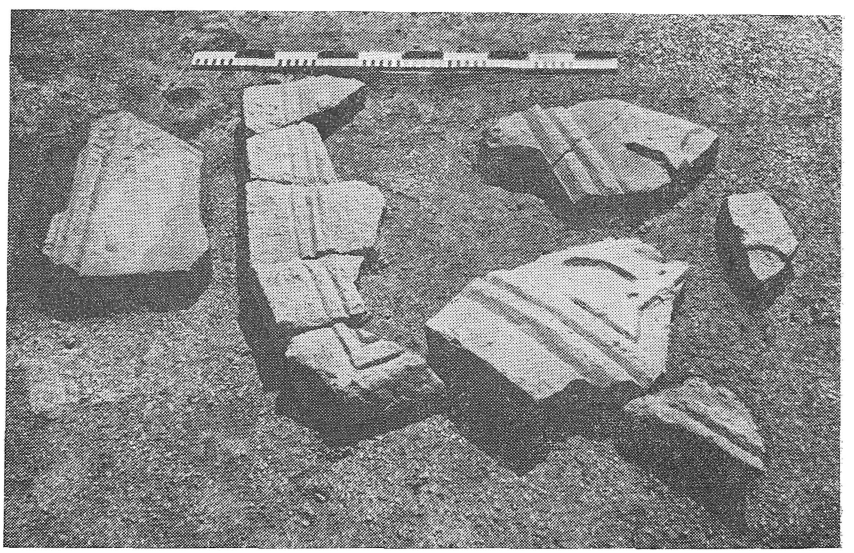


Рис. 12. Плита алтарной преграды

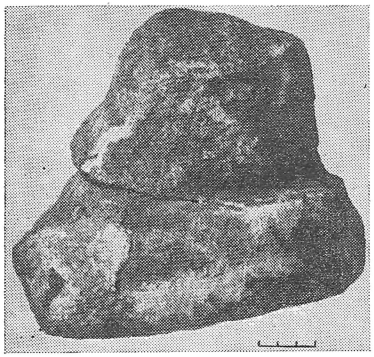
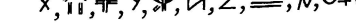


Рис. 13. База колонки

Погребение № 1 расположено в северной части нартекса на глубине 0,93 м ниже уровня пола (рис. 15). Это гробница из кирпичей, поставленных торцом. Дно также выложено кирпичом без раствора. Длина гробницы 2,3 м, ширина в западной части 0,6 м, в области ног она сужается. Крышка отсутствовала. Руки погребенного сложены на груди. Размеры кирпичей: 34,5 × 18 × 4,5; 33,5 × 17,5 × 4; 35 × 18 × 5 см. На большинстве кирпичей врезные знаки, нанесенные до обжига:



Погребение № 12 расположено в северо-западном углу наоса на глубине 0,6 м ниже уровня пола. Это гробница, стенки которой образованы стоящими на ребре кирпичами, дно выложено кирпичом. Длина гробницы 2,3 м, ширина 0,7 м у изголовья и 0,6 м в области ног. Она была закрыта тремя рядами кирпича, скрепленными раствором. У погребенного левая рука на груди, правая вытянута. Размеры кирпича: 34 × 17 × 4,5; 36 × 18 × 5; 35,5 × 19 × 4; 34 × 18 × 5; 36 × 23 × 5; 38 × 23 × 4; 35 × 24 × 4; 29 × 20 × 5,9; 34,5 × 22 × 5,5 см и др., близкие к названным. На многих кирпичах знаки такие же, как на гробнице № 1. Они нанесены острым предметом или пальцем до обжига (рис. 16—17).

Безынвентарные погребения № 8, 11, 13 раскопаны в западной части наоса на глубине 0,6 м ниже уровня пола. В восточной части наоса, у северного заплечика, обнаружены остатки погребения № 9. Оно расположено на глубине 0,57 м ниже уровня пола. Сохранились две черепицы от дна гробницы, лежащие вплотную у стены церкви. На черепице лежали трубчатые кости от трех ног и две золотые проволочные серьги, одна — с подвеской. Плохо сохранившиеся безынвентарные погребения № 2 — 6, 14 располагались в южном помещении на глубине 0,6 м ниже пола. Вдоль некоторых костяков были видны следы древесного тлена — остатки гробов.

Наиболее интересно погребение № 7 (рис. 18), которое перекрывало погребение № 14. Это гробница из камня и кирпича на растворе. Ее северная стена сложена из трех рядов кирпича, торцовые стены из мелкого камня, она примыкает к южной стене помещения. Гробница возвышалась над полом. Длина гробницы 2,57 м, ширина 0,86 м в западной части, к ногам она сужается. Изнутри гробница была выложена галькой. Крышкой служил ряд кирпичей на растворе. Размеры кирпичей: 34 × 25 × 3,5; 33 × 25 × 3; 32× 25 × 3,5; 32× 25 × 4 см. Толщина раствора между рядами кирпича в кладке северной стенки гробницы 2,5—3 см. В гробнице была похоронена женщина в золототканой одежде, украшенной 50 полыми полусферическими золотыми бляшками. В области живота обнаружено золотое круглопроволочное кольцо со штампованным изображением четырехлепестковой розетки на щитке, золотые серьги с проволочными подвесками. Серьги состоят из трех ярусов: кольцо с застежкой, треугольный щиток и три проволочные подвески. Щиток, обрамленный рядом перлов, разделен на две части: в центре — три кружка, вписанных в треугольник, по краю идет волнистая линия. Все мотивы выполнены тонкой золотой

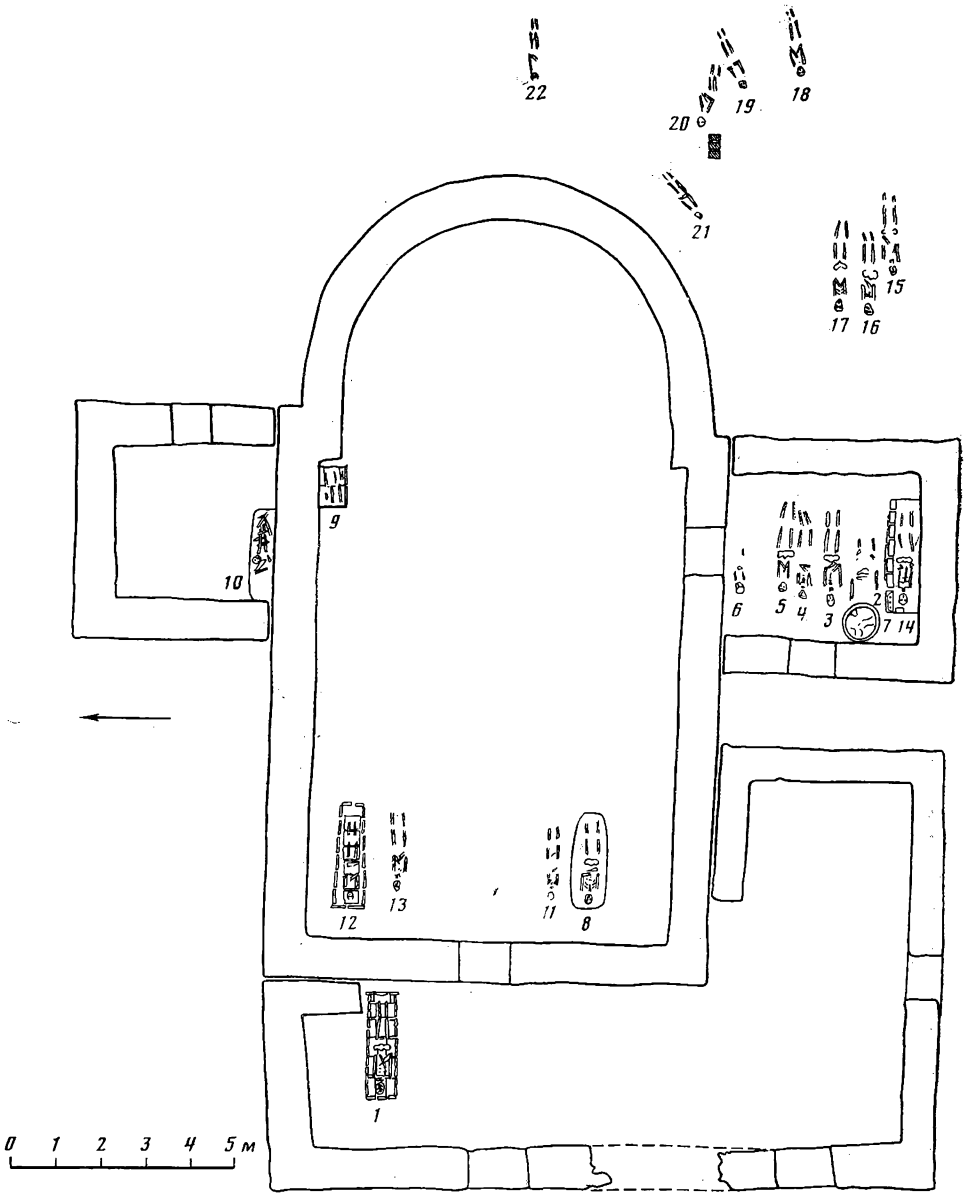


Рис. 14. План расположения погребений

проволокой в ажурной технике. По нижнему краю треугольного щитка напаяна зернь. На проволочных подвесках, завершающихся петельками,— по три «калачика» из тонкой витой проволоки. У ног покойной лежали зубы и клыки небольшого кабана, кольцо, крученая золотая ленточка и петелька из серебряной проволоки. Кольцо выполнено из золотой ленты, в изгибах которой — кружочки с точкой в центре (рис. 19).

Погребение № 10 в юго-западном углу северного помещения представляло собой беспорядочное скопление костей, включающее остатки двух черепов. Грунтовые погребения № 15—22, обнаруженные за апсидой,

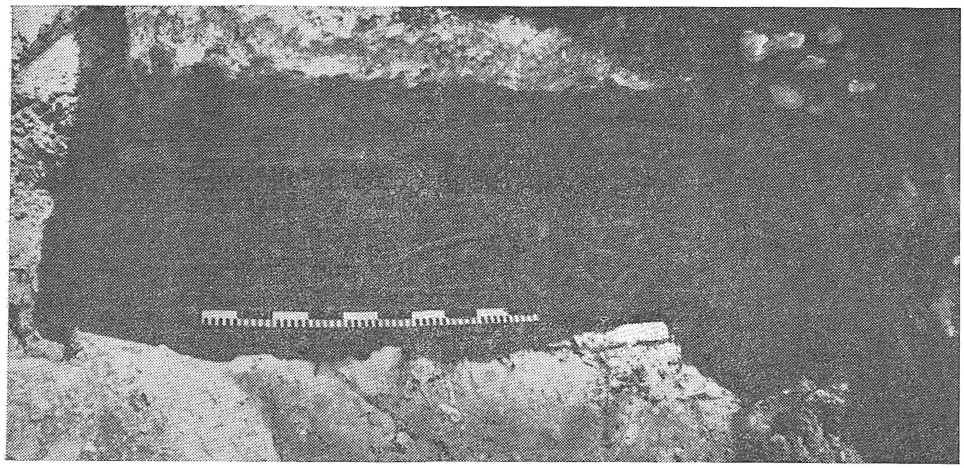


Рис. 15. Погребение № 1. Вид с востока

расположены в одном горизонте, на 0,2 м ниже, чем безынвентарные захоронения в интерьере церкви.

Представляется несомненным, что все погребения в церкви связаны с этим зданием. Нигде фундаменты не перекрывают и не разрушают гробниц. Захоронения согласованы с архитектурой: в южном помещении костя-

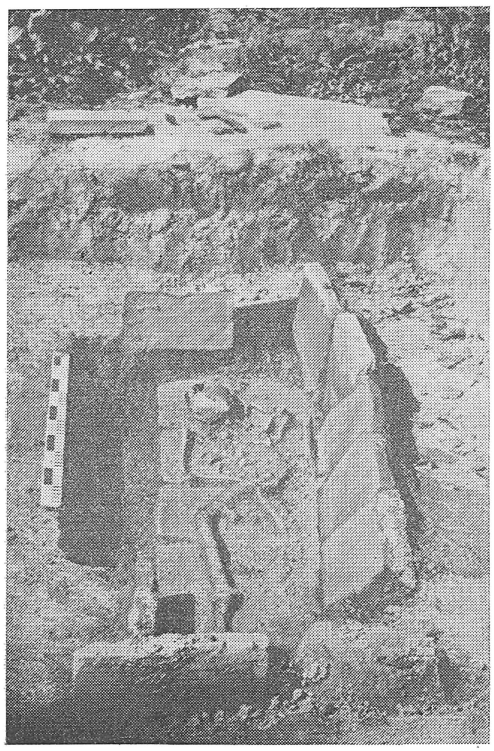


Рис. 16

Рис. 16. Погребение № 12. Вид с востока

Рис. 17. Погребение № 12. Планы и разрезы

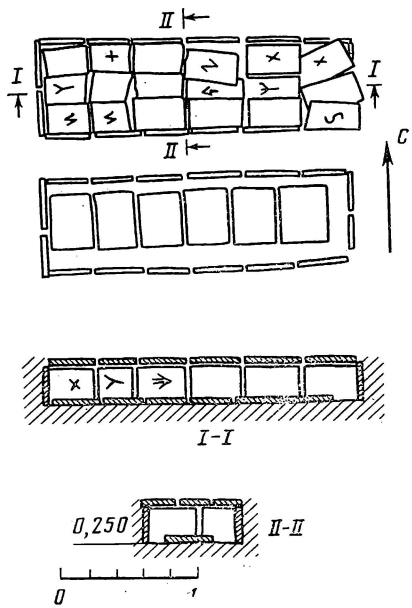


Рис. 17

ки уложены плотно от одной стены до другой, гробницы № 7, 9 примыкают к стенам церкви. Захоронения были совершены тогда, когда церковь уже была построена, но, вероятно, до того, как сделали пол — бетонную заливку. Так, в южном помещении видно, как цемяночное покрытие пола переходит на северную продольную стенку гробницы № 7. Формат кирпича в кладке стен церкви и в кладке гробниц одинаков, как и знаки на кирпичах. Все это свидетельствует о том, что церковь и гробницы относятся к одному периоду, хотя не все захоронения выполнены одновременно (например, гробница № 7 и грунтовое захоронение № 14).

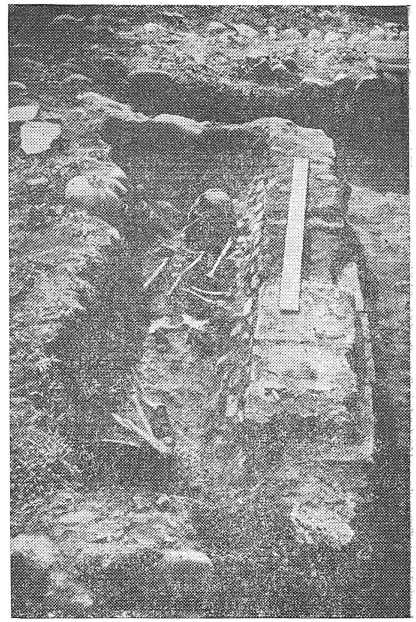


Рис. 18. Погребение № 7

Хронология. Вопрос о времени строительства церкви сложен. Как известно, датировка раннехристианских церквей всегда составляет проблему. Особенно трудно дифференцировать памятники V и VI вв. Сопоставим все известные нам данные. Некоторые сведения для датировки церкви Гюэноса дают особенности ее плана. Прежде всего, принцип плановой схемы — однонефное сооружение с полуциркульной апсидой и пристройками, нередко с усложненной западной частью и неразвитой восточной — нашел широкое применение в позднеантичное и раннехристианское время. Таков ряд церквей в Болгарии [4], Югославии [5], Греции [6]. В Абхазии к этому типу относится церковь № 3 в крепости Цибил [7]. Близкую аналогию и плану, и конструкции церкви в Гюэносе представляет позднеантичная церковь Скелани-I в Боснии [8].

Симметричные боковые помещения церкви в Гюэносе создают характерный крестовидный план. Хотя здесь только имитация внешнего контура, а не купольная структура, можно говорить о влиянии распространенного в раннехристианское время типа «croix libre». Подобные памятники хорошо известны в Северном Причерноморье [9], Малой Азии [10], Гру-

[4] *Дремсизова-Нелчинова Ц.* Вилата край с. Мадара, Шуменский окръг.— Разкопки и проучвания, кн. XI. София, 1984, с. 105—107, 116.

[5] *Sonje A.* Altchristliche Basiliken in Novalja auf der Insel Pag (Jugoslavien).— Akten des VII Internationalen Kongresses für Christliche Archäologie. Trier, 5—11 September 1965, Città del Vaticano — Berlin, 1969, Abb. 17, 18, S. 105; *Mijović P.* Ranohrišćanski spomenici Praevalisa.— Arheološki Vestnik, Ljubljana, 1978, XXIX, s. 673.

[6] Ἀρχαιολογικὸν Δελτίον (далее — ΑΔ), т. 28, 1973, χρονικα Αθηναι, 1977, II, 1, σ. 238 — 240, πίν. 2.

[7] *Хрушкова Л. Г.* Три церкви в горной Абхазии (раскопки 1977—1979 гг.).— ВВ, 1982, т. 43, рис. 4.

[8] *Basler G.* Arhitektura kasnoantičkog doba u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1972, рус. 119.

[9] *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес.— МИА, М.— Л., 1959, с. 161, 165, 166, 171, 198—204.

[10] *Restle M.* Studien zur frühbyzantinische Architektur Kappadokiens.— Wien, 1979, II, Plane 27, 30, 32, 34, 39, 42; *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983, с. 61—62.

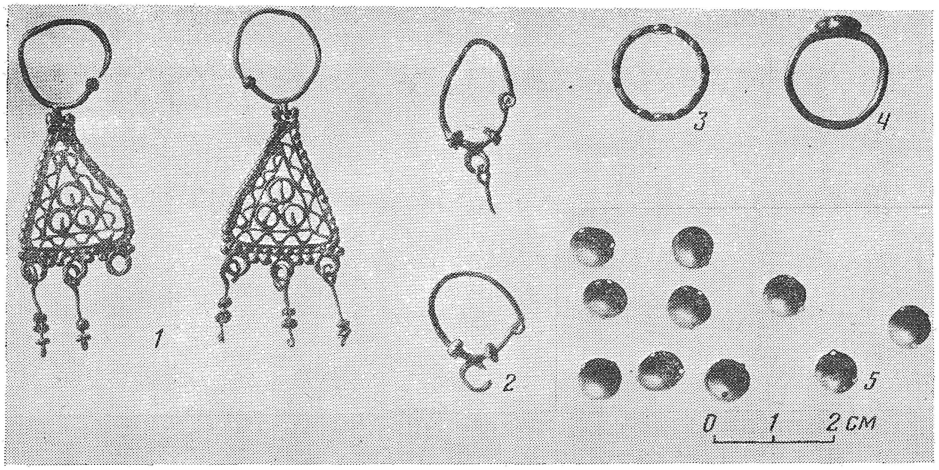


Рис. 19. Золотые украшения из погребения № 7

зии [11], Армении [12] и других районах [13]. В распространении крестовидной композиции важная роль принадлежит Константинополю [14].

Существенная черта планировки церкви в Гюэносе — полуциркульная апсида. Эта форма апсиды предшествовала граненой, что прослежено на материале Болгарии [15], Малой Азии [16], Сирии [17]. Популярность этой формы на раннем этапе христианского строительства объясняют связью с архитектурой языческой античности [18]. Аналогичные факты отмечены

[11] *Чубинашвили Г. Н.* Архитектура Кахети. Тбилиси, 1959, с. 261—264; *Беридзе В. В.* Грузинская архитектура «раннехристианского времени». Тбилиси, 1974, с. 16—18.

[12] *Григорян В.* Малые центричные памятники Армении раннего средневековья.— Второй Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 12—18 сентября 1978. Сборник докладов, т. II. Ереван, 1981, табл. 16, 17; *Cipeo P.* Le basiliche paleocristiane Armene.— Corsi di cultura sull'arte Ravennata e bizantina. Ravenna, 11—24 Marzo 1973. Ravenna, 1973, tabl. 1B, 14, 15, 23, 25.

[13] *Testini P.* Archeologia cristiana. Roma — Parigi — New York [1958], p. 665—671.

[14] *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Arcthitecture. Harmond sworth, Middlesex, 1975, p. 73.

[15] *Чанева-Дечевска Н.* Връзките между раннохристиянските базилики от IV—VI в. в България с тези в съседните Балкански страни.— Известия на секцията за теория и история на градоустройството и архитектурата, 1973, XXIV, с. 202; *Чанева Н.* Старохристиянската и ранновизантийската базилика от IV—VI в. в България.— Археология, 1968, X, 2, с. 25; *Овчаров Д.* Базилика № 1 при крепостта «Крумово Кале» край Търговище.— Археология, 1970, XII, 3, с. 20; *Антонова В.* Две раннохристиянски църкви във външното укрепление на аула на хан Омуртаг при гара Цар Крум (Шуменско).— Археология, 1968, X, 4, с. 65 (в последнем случае полукруглая апсида отмечена как признак доюстиниановского времени).

[16] Несколько церквей в Бинбиркилиссе, которые И. Стржиговский датировал временем «между Константином и Юстинианом» (*Strzygowski J.* Kleinasien. Ein Neuland der Kunstgeschichte. Lpz, 1903, Abb. 46, 48, 50, 53, 158—160). По мнению А. Л. Якобсона (Закономерности. . ., с. 61), группа Бинбиркилиссе построена не позже V в.

[17] *Tchalenko G.* Villages antiqes de la Syrie Nord. P., 1953, v. II, tabl. X, *2*; XIII, *6*, *7*, *9*; v. I, p. 339, not. 3; p. 337—338; *Eyice S.* Deux anciennes églises byzantines de la citadelle d'Amasra (Paphlagonie).— CAr, 1954, VII, p. 104.

[18] *Delvoye Ch.* L'art paléochrétien de Chypre.— XV Congrés International d'études byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976, p. 27; *idem.* Les caractéristiques de l'architecture paléobyzantine.— XIV Corso di cultura sull'arte ravennate e bizantina. 5—17 Marso 1967. Ravenna, 1967, p. 99.

в Грузии [19] и Армении [20]. Показательны случаи, когда при перестройке церквей IV или V в. полуциркульная апсида заменялась граненой. Таковы церкви Софии в Софии [21], Лусакерт в Армении [22], церкви Археополиса (Нокалакеви) [23], церкви Питиунта внутри крепостных стен и там же недавно раскопанные церкви вне стен [24]. Одно из древнейших христианских сооружений Абхазии — баптистерий в Зиганисе (Гудава) также имеет полукруглую апсиду [25]. Большинство памятников региона, датированных серединой или второй половиной VI в., снабжены граненой апсидой. Это однонефная базилика в Питиунте, базилика в Алахадзы, двухапсидная церковь за пределами городища Питиунт, Цандрипшская базилика [26], базилики Петры [27], Вашнари [28], Сепиети [29] и одна из церквей Археополиса (Нокалакеви) [30].

Некоторые сведения о времени сооружения церкви в Гюэносе дают особенности ее строительной техники. Со времен О. Шуази исследователи обращали внимание на особенности византийской техники кладки из кирпича и смешанной кладки из камня и кирпича. Идея о том, что особенности техники такой кладки могут быть использованы для датировки памятников, высказана А. М. Шнайдером в 30-х годах [31]. Речь идет о количестве рядов кирпича в кирпичных поясах в кладке opus mixtum и о соотношении толщины кирпича и слоев раствора между рядами кирпича в кладке и кирпичной, и смешанной. Судя по хорошо датированным памятникам Константинополя, в памятниках юстинианового и послеюстинианового времени толщина раствора между рядами кирпича обычно наполовину больше, чем толщина кирпича; в V в. толщина слоя раствора и толщина кирпича приблизительно равны [32]. Аналогичные данные опубликованы для юстинианових построек Царицына Града в Югославии [33]. Скрупулезно исследованные П. Лемерлем базилики *А* и *Б* в Филиппах

---

[19] *Чубинашвили.* Архитектура Кахети, с. 487; *Джапаридзе В. В.* Раннесредневековые археологические памятники из Квемо Картли. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.), с. 71—76, 97—98 (русск. рез.), табл. VI, *1*.

[20] *Асратян М. М.* Однонефные церкви с выступающей апсидой в раннесредневековой Армении.— II республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Ереван, 5—8 мая 1976. Тезисы докладов. Ереван, 1976, с. 110—112.

[21] *Миятев К.* Архитектурата в средневековна България. София, 1965, рис. 13.

[22] *Асратян.* Однонефные церкви. . ., с. 110.

[23] *Закарая П.* Базилики Западной Грузии. Доклад на IV Международном симпозиуме по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983, с. 2.

[24] *Хрушкова.* Цандрипш, табл. XII, XIII, XIV, *3*.

[25] Там же, табл. XV, *4*.

[26] Там же, табл. XII; *4*; XIII, *1*, *3*, *4*.

[27] *Лекванадзе В. А.* О постройках Юстиниана в Западной Грузии.— ВВ, 1973, т. 34, с. 174.

[28] *Он же.* Материалы по монументальному строительству в Лазике.— ВГМГ, 1961, XXII-В, с. 154; *Закарая.* Базилики. . ., с. 4.

[29] *Лекванадзе В. А.* Гантиадская базилика, с. 166—168; *Закарая.* Базилики. . ., с. 6.

[30] *Лекванадзе В. А.* Базилика Археополиса.— ВГМГ, 1974, XXX-В, с. 111—124; *Закарая.* Базилики. . ., с. 6.

[31] *Schneider A. M.* Byzanz.— IF, 1936, 8, S. 13—14.

[32] Ibid; *Eyice S.* La ruine Byzantine dite «Ucayak» (Utch-aiak) près de Kirşehir en Anatolie centrale. Un monument architectural de la fin X ou du XI siècle.— CAr, 1968, XVIII, p. 146—147; *Firatli N.* Découverte de trois églises byzantines à Istanbul. —CAr, 1951, V, p. 168.

[33] *Petković W.* Les fouilles de Tsaritchin Grad.— CAr, 1948, III, p. 41.

подтверждают правильность наблюдений А. М. Шнайдера о количестве рядов кирпича в кирпичных поясах смешанной кладки в V—VI вв. [34]

Попытка С. Бобчева распространить представление о закономерностях, выявленных для собственно византийских сооружений, на обширный круг памятников, связанных с византийской традицией [35], не вполне удачна, как показал И. Венедиков [36], применительно к Восточному Причерноморью. Некоторые авторы принимают выводы С. Бобчева [37], другие выражают сомнение в их достоверности [38]. Церковь в Гюэносе с ее двухрядным кирпичным поясом в кладке opus mixtum северной стены нартекса и толщиной раствора, не превышающей толщину кирпича, соответствует стандартам доюстиниановской эпохи, что подтверждается и другими данными.

Среди декоративных деталей церкви Гюэноса столбики алтарной преграды находят многочисленные аналогии в изделиях того же назначения из проконнисских мастерских, преимущественно V в. Примеры многочисленны [39]. Не случайно Т. Мэтьюз назвал этот мотив «распространенным и очень прозаичным для V в.» [40]. Крест такой же формы, как на плите из Гюэноса,— также не редкость в ранневизантийской декорации, например на плите из Суводола в Югославии [41]. Таким образом, и декорация церкви находит соответствия в памятниках V — начала VI в.

Тип гробниц, раскопанных в церкви Гюэноса, характерен для периода перехода от поздней античности к раннему средневековью. Первый вариант — гробницы из кирпичей, поставленных на ребро, к которому относятся гробницы № 1 и 12 в Гюэносе. Они находят множество аналогий в разных странах Средиземноморья, в позднеантичных некрополях, так же как и внутри раннехристианских церквей и рядом с ними. Назовем

---

[34] *Lemerle P.* Philippes et la Macedoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. P., 1945, p. 346, 395, not.

[35] *Бобчев С. Н.* Смесената зидария в римските и ранновизантийските строежи. София, 1952.

[36] *Venedikov Iv.* La datation des remparts romano-byzantins de Nessèbre.— In: Nessebre, v. 1. Sofia, 1969, p. 125—154.

[37] *Леквинадзе В. А.* О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Нокалакеви.— СА, 1959, № 3, с. 157; *он же.* Материалы. . ., с. 138—151; *он же.* Оборонительные сооружения Археополиса.— СА, 1966, № 1, с. 205—206.

[38] *Джапаридзе В.* Важнейшие моменты археологического изучения Вардцихе.— Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, с. 321; *он же.* Археологическое изучение городища Вардцихе.— АПФГ, 1974, II, табл. IV; *Лордкипанидзе Г. А.* Археологические исследования Питиунта.— ПАИ 1976 г. Тбилиси, 1979, с. 180—181.

[39] В нескольких церквах Константинополя (*Grabar A.* Sculptures byzantines de Constantinopole (IV—X s.). P., 1963, fig. XVIII, *2*; *Mathews T. S.* The Early Churches of Constantinople. Architecture and Liturgy. The Pennsylvania State University, 1971, tabl. 14, 15, 39; *idem.* The Byzantine Churches of Istanbul. A Photographic Survey. The Pennsylvania State University, 1976, tabl. 27), в базиликах Югославии (*Aleksova B., Mango C.* Bargala: a preliminary report.— DOP, 1971, 25, p. 271—272, tabl. 39; *Mesesnel F.* Die Ausgrabungen einer altchristlichen Basilika in Suvodol bei Bitolj.— Actes dy IV Congrès International des études Byzantines. Sofia, sept. 1934. Sofia, 1935, fig. 129, p. 188), в церквах Греции (ΑΔ, т. 29, 1973—1974, II, 2, χρονικα, Αθηναι, 1979, πίν. 265; II, 3, χρονικα, Αθηναι 1980, πίν. 619, BCH, 1960, 84, II, fig. 4), Палестины (Gerasa. City of the Decapolis. Ed. by C. H. Kraeling. New Haven, 1938, tabl. LI, p. 255). Такие же столбики, вывезенные из Зихии (современный район Адлера — Сочи), украшают церковь в Хоби, в Западной Грузии: *Хрушкова Л. Г.* Скульптура раннесредневековой Абхазии V—X вв. Тбилиси, 1980, табл. VII, *1—3*, с. 15.

[40] *Mathews.* The Early Churches. . ., p. 32.

[41] *Mesesnel.* Die Ausgrabungen. . ., Abb. 131.

примеры позднеримских кладбищ в Интерцизе [42] и Токаде [43] (Венгрия) и большого раннехристианского некрополя в Тимгаде (Северная Африка) [44]. В Грузии большое количество кирпичных и черепичных гробниц открыто в Мцхета и ее окрестностях, где они датируются в пределах II—VI вв., часть из них оставлена христианским населением [45]. В Абхазии, в Цандрипшской базилике второй половины VI в., обнаружена гробница, у которой одна стенка и дно сложены из черепиц [46].

Второй вариант кирпичных гробниц — те, у которых стенки сложены из кирпича на растворе, дно также выложено кирпичом или черепицей. К нему относится гробница № 7 в Гюэносе. Они столь же типичны для позднеантичного и раннехристианского времени, зачастую сосуществуя с первым вариантом кирпично-черепичных гробниц в пределах одного некрополя, как, например, в Токоде [47]. Примеры многочисленны в Болгарии [48], Югославии [49], Греции [50]. В Абхазии похожие гробницы открыты в Цандрипшской базилике второй четверти VI в.[51] и в церкви VI в. вне стен Питиунта [52].

Подобно типу гробниц, украшения, обнаруженные в некоторых из них, характерны для позднеримского и ранневизантийского ювелирного искусства. Ажурная техника, при которой узор изделия создается посредством спаянных витых проволочек, как на серьгах из погребения № 7 в церкви Гюэноса, применена в византийских золотых ожерельях V—VI вв. из коллекций США [53] и Эрмитажа [54], на ожерельях из клада в Вишнице

---

[42] *Vágó E. B., Bóna I.* Die Gräberfelder von Intercisa. I. Der Spätrömische Südostfriedhof. Budapest, 1976, Taf. I, *5*; II, *3—5*; IV, *2*, *3*; VIII, *2*, *4—6*; IX, *2*; X, *6*; XI, *1* u.a.

[43] *Lányi V.* Das spätrömische Gräberfeld.— In: Die spätrömische Festung und das Gräberfeld von Tokod. Budapest, 1981, Abb. 17 (№ 13), 18 (№ 59, 81), 19, S. 180.

[44] *Testini.* Archeologia cristiana, fig. 8, p. 85, 286.

[45] *Апакидзе А., Николаишвили В. и др.* Большая Мцхета 1979.— В кн.: Мцхета VI. Результаты археологических исследований. Тбилиси, 1983 (на груз. яз., русск. рез.), с. 213; *Бибилури Т. И.* Плинфовые погребения на территории Грузии позднеантичной эпохи: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Тбилиси, 1983; *Манджгаладзе Г. Н.* Погребальные комплексы позднеантичного периода из Самтаврского могильника.— В кн.: Мцхета. Итоги археологических исследований, т. VII. Тбилиси, 1985, рис. 196, 198—206, с. 43—107 (на груз. яз.), 108 (русск. рез.).

[46] *Хрушкова.* Цандрипш, с. 37.

[47] *Lányi.* Das spätrömische Gräberfeld, Abb. 16 (№ 107).

[48] *Дремсизова-Нелчинова Цв., Балкански Ив.* Надгробна могила край с. Гледка, Кърджалийски окръг.— Археология, 1973, 3, с. 58—69.

[49] *Zotović Lj., Petrović N.* Kasnoantička necropola.— Arheološki Pregled, 1960, гус. XXV, *1*; *Sarić M.* Rimski grob u Topuskom. — Vjesnik Arheološkog Muzeja u Zagrebu. 3 serija, XII—XIII, 1979—1980, гус. 1—5; *Raunig B.* Dva kasnoantička groba iz okolice D'akova.— Ibid., s. 159.

[50] ΑΔ, т. 29, 1973—1974, II, 2, χρονικα, Αθηναι, 1979, σ. 362, πιν. 222a; *Daux G.* Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1961.— BCH, 1962, 86, II, fig. 15, p. 700.

[51] *Хрушкова Л. Г.* Цандрипшская базилика в селе Гантиада близ г. Гагра.— АО 1980 г. в Абхазии. Тбилиси, 1982, табл. XXII, *1*; *она же.* Цандрипш, табл. V, *2*; VI, *1*, с. 37—41.

[52] *Лордкипанидзе Г. А.* Исследования в Пицунде.— АО 1980 г. М., 1981, с. 402—403; *Лордкипанидзе Г. А., Агрба З. В.* Раскопки на территории комплекса Пицундского храма.— АО 1980 г. в Абхазии, Тбилиси, 1982, с. 28; *Агрба З. В.* О некоторых археологических памятниках на территории Пицундского храма.— ИАИЯЛИ, 1985, XIII, с. 105.

[53] Early Chistian and Byzantine Art: an exhibition held at the Baltimore Muzeum of Art. Baltimore, 1947, tabl. LVIII, *427*; LX, *434*, p. 93, 94.

[54] *Bank A.* L'art byzantin dans les musées de l'Union Soviétique. Leningrad, 1977, tabl. 99.

в окрестностях Белграда конца VI — начала VII в.[55] В перечисленных изделиях края ажурных медальонов обработаны рядом перлов, как на серьгах из погребения № 7 в церкви Гюэноса.

Кольцевидные серьги с одной и с тремя проволочными подвесками из погребений № 7 и № 9 обнаруживают близкое структурное сходство с византийскими серьгами V—VI вв. из Детройтского института искусств. Серьги из Гюэноса похожи на них и в технических деталях: способ застежки, зернь, напаянная около колечка, к которому прикреплены удлиненные подвески [56]. Золотые серьги с подвесками в виде проволочек, как в Гюэносе, обнаружены в могильниках римского времени около селения Чаталка в Болгарии и в Самтавро во Мцхета [57].

Мотив четырехлистной розетки на щитке кольца из погребения № 7 в Гюэносе служит знаком креста. Кольцо с изображением креста на щитке обнаружено также в позднеантичном погребении во Мцхета [58]. Мотив четырехлистника встречается в ранневизантийском архитектурном орнаменте [59], в декорации церквей Абхазии, Грузии, Сирии [60], Болгарии [61] V—VI вв. Декор другого кольца из погребения № 7 в Гюэносе — золотая ленточка, в изгибах которой помещены кружки с точкой в центре,— находит близкую аналогию в украшении костяной пластинки из помещения X второй половины IV в. в Токоде [62]. Хронология украшений из гробниц в церкви Гюэноса и их принадлежность к римско-византийскому кругу изделий соответствует характеру гробниц, декорации и особенностям архитектуры самой церкви.

Археологические материалы, относящиеся к церкви, немногочисленны. Со временем строительства связаны фрагменты плоской черепицы и кирпича. На одном из них знак ⊙, по-видимому, греческое обозначение цифры 9. Другие находки характеризуют время функционирования церкви. Это фрагменты остродонных амфор с легким сужением в центральной части корпуса, очень распространенных в V—VII вв. в Крыму и Средиземноморье [63], как и в Восточном Причерноморье [64] (рис. 20).

Петлевидные ручки лампадок встречаются при раскопках раннесредневековых памятников Восточного Причерноморья, например на могиль-

---

[55] *Татић-Бурић М.* Златни налаз из Вишнице.— Зборник Народног Музеја, 1964, IV, табл. I, *1*.

[56] Early Christian and Byzantine Art, tabl. LXVIII, *479*, p. 101.

[57] *Николов Д.* Тракийската вила при Чаталка, Старозагорско.— Разкопки и проучвания, кн. XI. София, 1984, рис. 63; *Манджгаладзе.* Погребальные комплексы. . ., рис. 347, 348.

[58] *Апакидзе, Николаишвили и др.* Большая Мцхета 1979, рис. 1524.

[59] *Mendel G.* Catalogue des monuments grecs, romains, byzantins du musée impérial ottoman de Broussa.— BCH, 1909, v. 33, fig. 53.

[60] *Хрушкова.* Скульптура раннесредневековой Абхазии, табл. XXII, *1*.

[61] *Дремсизова-Нелчинова.* Вилата край с. Мадара, с. 105.

[62] *Kelemen M. H.* Funde und Grabungen in Tokod.— In: Die spätrömische Festung und das Gräberfeld von Tokod, Abb. 16 m(*16*), S. 19.

[63] *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1977, рис. 3, *1*, с. 12; *Романчук А. И.* Город и деревня Юго-Западного Крыма в VIII—IX вв.— XVI Internationaler Byszantinistenkongress. Wien, 4—9 Oktober 1981. Akten II/3.— JÖB, 32/3, 1982, Abb. 1(*2*, *3*, *5*, *7*); *Scorpan S.* Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantines (IV—VII S.) dans l'espace Istro-Pontique.— Dacia, n.s., Bucarest, 1977, XXI, fig. 12 (*4—6*), p. 281.

[64] *Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л.* Византийский храм в селе Дранда и найденные в нем раннесредневековые амфоры.— ВВ, 1984, т. 45, с. 196—197, там же библиография; *Воронов Ю., Гунба М., Бгажба О., Хрушкова Л.* Итоги работ Цебельдинской археологической экспедиции.— ПАИ в 1977 г. Тбилиси, 1981, табл. CII, *1*; *Леквинадзе В. А., Хверелидзе Л. И.* Массовые археологические находки из раскопок Археополиса.— В кн.: Археополис. Археологические раскопки 1973—1974.

нике Пичвнари [65], в Цандрипшской базилике [66]. Один тип лампадок из Гюэноса можно отнести к IV—V вв., иногда они встречаются и в слоях позднее V в.[67] Другие фрагменты стеклянных сосудов датируются более поздним временем [68]. Химический анализ стекла показал, что оно изготовлено в соответствии с рецептурой, использовавшейся в средиземноморских центрах стеклоделия [69] (рис. 21).

Еще одна находка в культурном слое, связанном с церковью,— крест с расширяющимися концами из золотой пластины, служивший накладкой на какой-то предмет (рис. 22). Он относится к 70-м годам VI или VII в., как и близкий к нему по форме крест из собрания в Дамбартон-Оксе [70]. Еще один золотой крест, близкий к найденному в Гюэносе по форме, технике изготовления и назначению, входит в состав комплекса конца VI — начала VII в. из Британского музея [71]. Металлические четырехконечные кресты с расширяющимися ветвями найдены при раскопках Пиржоайя (Добруджа) в Румынии. Они датированы юстинианов-ской эпохой [72]. В Абхазии крест сходной формы, изготовленный из серебряной пластинки, был найден близ крепости Хашупса за гор. Гагра и датирован VI в. [73]

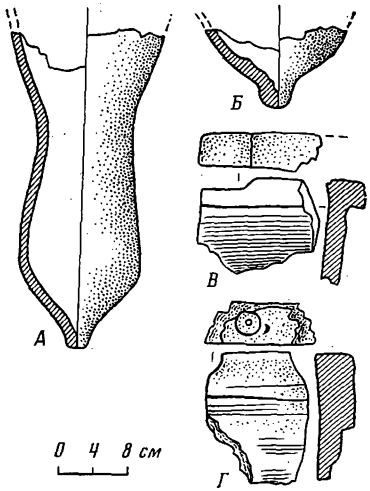


Рис. 20. Фрагменты амфор (*а*, *б*), черепицы (*в*), кирпича (*г*)

Сопоставляя все приведенные данные, мы датируем церковь Гюэноса концом V — началом VI в., т. е. доюстинианов-ской эпохой [74]. Функционировала она и в VII в. Более поздних материалов здесь не обнаружено. Между этапом интенсивной жизни городища, который представлен мощными культурными слоями VI—IV вв. до н. э., и временем строительства церкви археологических материалов почти нет. Жизнь здесь возродилась

Тбилиси, 1981, табл. XLII, *1*; XLIII, *1*; XLIV, *2*; *Гунба М. М.* Раскопки башни № 2 и помещения № 1.— В кн.: Археологические исследования в Цебельде. Тбилиси, 1983, рис. 43, *1*; *Хрушкова.* Цандрипш, табл. VIII, *1*; *Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х.* Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси, 1985, рис. 29(*1*, *2*), 30(*1*); раскопками Себастополиса последних лет в слоях V—VI вв. обнаружено значительное количество подобных амфор (неопубликованные материалы экспедиции под руководством М. М. Гунба, в 1985 г.— при участии Л. Г. Хрушковой и Б. С. Кобахия).

[65] *Чхаидзе Л. В.* Раннефеодальные археологические материалы из Пичвнари.— ПЮЗГ, 1980, IX (на груз. яз., русск. рез.), рис. 5 (*5*, *6*), с. 54.

[66] Неопубликованные материалы из раскопок Л. Г. Хрушковой 1980 г.

[67] *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тьмутаракани. М., 1963, с. 148.

[68] Там же, рис. 3, 4.

[69] Анализ любезно выполнен в лаборатории ЛОИА АН СССР В. А. Галибиным.

[70] *Ross M. G.* Catalogue of Byzantine and Early Medieval Antiquites in the Dumbarton Oaks Collection. II. Washington, 1965, tabl. VIII, *3a*, p. 6.

[71] *Харден Д. Б.* Неколико примерака ландгобардског стакла из VI и VII века (рез.).— Средньовековно стакло на Балкану (V—XV). Београд, 1975, с. 30, табл. II, *1*.

[72] *Culică V.* Croix romano-byzantines, découvertes à Pîrjoaja (district d'Adamclissi, région de Dobrogea.— Dacia, 1965, IX, fig. 2 (*18*, *19*).

[73] *Хрушкова Л. Г.* Материалы по мелкой пластике средневековой Абхазии.— МАА, Тбилиси, 1979, табл. 42, с. 64.

[74] В начале раскопок высказывалось предположение о датировке церкви юстинианов-ской эпохой: *Шамба Г. К., Шамба С. М.* Раскопки древнего Гюэноса, с. 22.

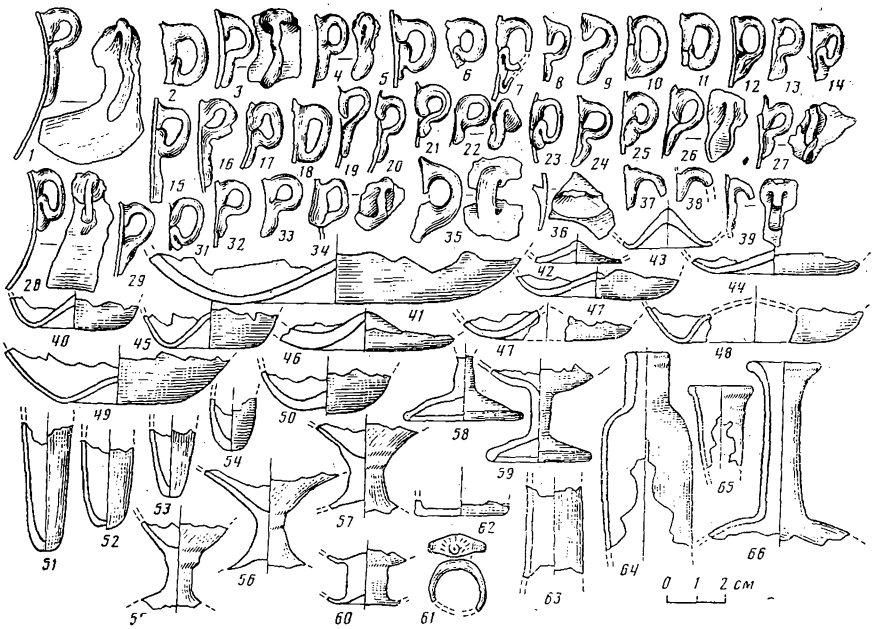


Рис. 21. Фрагменты стеклянных сосудов

только в позднеантичный период. Судя по остаткам пока не исследованных стен, которые видны близ церкви, они принадлежали постройке крепостной, а не кладбищенской. На это указывают малое количество погребений за пределами церкви (всего 7 погребений на площади около 200 кв. м) и особенности планировки. Сооружение, где доминирующее положение занимают наос и святилище, имело главной целью отправление «нормального» культа; мемориальный культ был вспомогательным. Типология этого культового здания (однонефная церковь с дополнительными помещениями) характерна для церквей внутри крепостей.

Не находя среди памятников Абхазии этого времени точных аналогий, церковь Гюэноса органически включается в группу раннехристианских однонефных церквей региона, которые в IV—VI вв. представляли здесь преобладающий тип [75]. В большинстве случаев план церкви осложнен различными пристройками. Так, в церкви № 3 в крепости Цибил вспомогательные помещения расположены с южной стороны, что обусловлено рельефом местности [76]. Можно отметить также близость церкви Гюэноса с церковью V—VI вв. в Гагре, где к основному объему с двух сторон примыкают асимметричные помещения [77], а также с церковью VI в. вне стен

[75] *Хрушкова.* Цандрипш, с. 74.

[76] *Она же.* Три церкви в горной Абхазии, с. 161—176, рис. 4. У этой церкви апсида, раскопанная в 1978—1979 гг., имеет полуциркульную форму, как и в церкви Гюэноса (*Воронов Ю., Гунба М., Бгажба О., Хрушкова Л. и др.* Работы Цебельдинской экспедиции.— АО 1978 г. М., 1979, с. 498). Появившиеся позже сообщения о том, что апсида у церкви граненая (*Воронов Ю., Бгажба О. и др.* Исследования в Цебельде.— АО 1980 г. в Абхазии. Тбилиси, 1982, с. 24), не соответствуют действительности. Как показало неоднократное обследование памятника на натуре, апсида церкви граней не имела. Ю. Вороновым и О. Бгажба опубликован не обмерный план церкви, а схема-реконструкция, не дающая представления о сохранившихся натурных остатках (*Воронов, Бгажба.* Материалы по археологии Цебельды, рис. 101).

[77] *Хрушкова.* Цандрипш, табл. XIV, *1*.

Питиунта, у которой симметричные боковые помещения снабжены апсидами [78]. В сравнении с этим последним сооружением, обладающим развитой трехапсидной восточной частью, церковь Гюэноса выглядит архаичной.

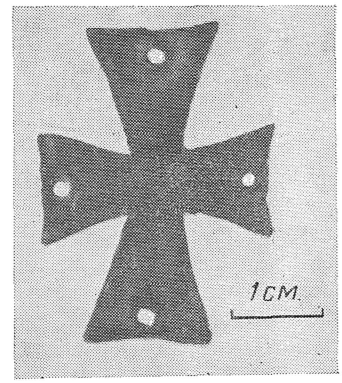


Рис. 22. Золотой крест

В широком контексте церковь Гюэноса находит свое место в кругу памятников Восточного Средиземноморья. Более конкретное направление архитектурных связей выявляется с Константинополем, что отразилось в применении кирпичной техники и характере декорации. Церковь Гюэноса — еще один выразительный памятник интенсивных и многообразных контактов Абхазии с Византией [79]. В истории их взаимоотношений и «союзническое» сотрудничество, и восстание абхазских племен против Византии с последующими репрессиями против восставших, и строительство Юстинианом храма Богородицы для абазгов, и обучение абазгских мальчиков в константинопольской школе, и многое другое. Эти события широко отражены в письменных источниках и памятниках археологии и архитектуры: церквах, их декорации, культовых предметах, посуде, украшениях.

Церковь на городище Гюэноса — еще одно христианское сооружение в краю, населенном апсилами. Исследования последних лет показали, что христианизация этого региона к V—VI вв. достигла значительных масштабов, причем не только в прибрежной зоне, но и в горах. Свидетельство этого — монументальные сооружения, архитектурные детали с христианскими символами, мелкие предметы культа [80].

Исследованная церковь обладает серией черт, связывающих ее с античностью. В сфере планировки это полуциркульная апсида и развитая западная часть, как у античных общественных зданий базиличного типа. В области конструкций — применение плоского деревянного перекрытия и кирпича довольно крупного формата. Кирпично-черепичные гробницы — массовый вид погребальных сооружений римской эпохи начиная со II—III вв. Наличие инвентаря в некоторых захоронениях — явственное сохранение языческих ритуалов в христианском заупокойном обряде. Поэтому вполне естественно, что к раннехристианским сооружениям многие европейские специалисты применяют термин «позднеантичные церкви». Формы и типы предметов материальной культуры, обнаруженных в церкви Гюэноса, также связаны с античностью. И украшения, и керамическая и стеклянная посуда в ранневизантийское время продолжали изготовляться в соответствии с ремесленными традициями предшествующей эпохи. Эти особенности — специфическое явление раннехристианской культуры, сохранившей множество живых связей с античностью.

---

[78] Там же, табл. XIV, 3.

[79] *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии (VI — XVII вв.). Сухуми, 1959, с. 17—27, 44—56.

[80] *Хрушкова Л. Г.* О религиозных верованиях апсилов (IV—VII вв.).— ИАИЯЛИ, 1983, XII, с. 76—87, там же библиография. О новых находках остатков церквей: *Бгажба О. Х.* Работы в Цебельдинской долине.— АО 1982 г., М., 1984, с. 421; *он же.* Исследование в крепости Шапкы.— АО 1983 г., М., 1985, с. 463—464.

UNE ÉGLISE CHRÉTIENNE D'AVANT JUSTINIEN A HYÉNOS (ABKHAZIE)

B. S. Kobakhija, L. G. Khruškova, S. M. Šamba

Cette église chrétienne a été découverte lors des fouilles de 1981 et 1983 dans l'antique agglomération d'Hyénos, sur le litoral Est de la mer Noire. L'église fut construite sur une strate culturelle ayant jusqu'à 4,5 m d'épaisseur où les vestiges les plus anciens datent du VIe s. av. n. è. Il n'en subsiste pratiquement que les fondations. C'était un édifice à une nef avec abside semicirculaire et locaux auxiliaires des côtés nord, sud et ouest. Dimensions extérieures totales: 23×19,5 m. L'annexe nord abritait des sépultures, le local occidental (le narthex) une tombe de briques. L'église était construite de briques, excepté le narthex où la maçonnerie utiliséé était *l'opus mixtum*. Les sols étaient en béton, par endroits en brique. L'église avait un toit chevronné, excepté le choeur recouvert par une conche. Les annexes avaient un sol en contrebas.

On a découvert les restes de la barrière d'autel et de la table d'autel. L'ornementation des détails, taillés dans de la pierre locale, imite les articles du Proconnèse.

L'église peut être datée d'avant le règne de Justinien. Elle n'a dû exister guère plus de 100 ans. Le matériel archéologique — amphores, ustensiles de verre, croix en or etc.— caractérisent l'époque de fonctionnement de l'église.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

РОЛЬ МУЦАЦИРСКОГО ХРАМА В ЭКОНОМИКЕ УРАРТУ И АССИРИИ В VIII в. до н. э.

Исследуя городскую жизнь в странах древнего мира, необходимо учитывать прежде всего типологическое своеобразие того или иного города. В частности, особый интерес представляют те городские центры, благосостояние которых в большей или меньшей степени зависело от прославленных храмов, привлекающих толпы богомольцев и богатеющих от их щедрых даров. Некоторые из этих храмовых городов сочетали использование знаменитых святынь с мероприятиями по развитию ремесла и торговли, а также с борьбой за политическое преобладание (например Иерусалимский храм). Другие храмовые города (Ниппур в Двуречье, Дельфы в Греции и др.) прямо не стремились к расширению своей территории, но довольствовались утверждением идеологического влияния на соседние и более отдаленные местности, приносившие им значительные выгоды. Особый интерес представляет в этом отношении урартский храмовый город Муцацир, характерные черты которого исследуются в настоящей статье.

Муцацир (по-ассирийски «Нора змеи», по-урартски он назывался Ардини — «город бога Арди») [1] был расположен к северу от ассирийской провинции «Дворцового глашатая» [2], в глухих, труднодоступных горах. Точное местоположение этого священного центра остается до сих пор неизвестным. Можно только сказать, что он находился в бассейне Забана (Большого Заба, по-урартски — Еламунии), несколько на восток от верховьев этой реки и, безусловно, на север от ассирийской границы, но на каком расстоянии от нее, остается невыясненным. По мнению Ф. Тюро-Данжена, город, о котором идет речь, был расположен в ста с лишним километрах к северу от совр. Ревандуза, недалеко от впадения в Большой Заб его притока Нигзиль-чай [3]. К. Ф. Леман-Хаупт, напротив, передвигает Муцацир на юг и помещает в районе совр. Келяшина и Сидикана, на берегу небольшой речки Топузавы [4]. К топографическому определению К. Леман-Хаупта примыкают Э. Форрер [5] и Д. Д. Люкенбилл [6]. Очень осторожно высказывается по этому вопросу акад. Б. Б. Пиотровский: «Находящийся в нашем распоряжении материал,— пишет он,— не дает

[1] *Меликишвили Г. А.* Урартские клинописные надписи. М., 1960, с. 125—127.

[2] Подлинное название этой области неизвестно, но мы знаем, что она была подчинена вельможе, носившему титул «Нагир-Экалли» (Глашатай дворца); см. *Forrer E.* Die Prowinzerteilung des assyrischen Reiches. Lpz, 1921, S. 39.

[3] Подробнее об этом см. *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959, с. 107 слл.

[4] *Lehman-Haupt C. F.* Armenien einst und jetzt. II. B., 1931, S. 299 f.

[5] *Forrer.* Op. cit., S. 39.

[6] ARAB, II, p. 474 (index of names).

возможности определенно принять одну из них (т. е. точек зрения.— *Д. Р.*), но все же вполне вероятно, что старое мнение Тюро-Данжена обосновано» [7]. Со времени, когда были написаны эти строки, прошло 25 лет, но решение вопроса о точном местоположении Муцацира пока еще не сдвинулось с мертвой точки. В коллективном трехтомном труде «История древнего мира» на приложенной карте, иллюстрирующей лекцию III второй книги («Урарту, Фригия и Лидия», автор И. М. Дьяконов), город Муцацир помечен крестиком, т. е. условным знаком, который означает «предположительное место древнего города» [8].

Таким образом, пока мы должны удовольствоваться тем, что Муцацир находился на западе или юго-западе от озера Урмия, вблизи от верхнего течения Большого Заба. В зависимости от главного города находилось около 50 поселений, по всей вероятности, небольших, ибо ассирийский летописец Салманасара III не сообщает их названий, кроме одной крепости Сапарии [9]. Область его владений простиралась сравнительно узкой полосой вдоль линии современной границы Турции с Ираном.

Область Муцацира со столицей, носившей то же имя, входила в состав Урартской державы в качестве зависимого государства, управлявшегося местными правителями, для контроля за которыми урартские цари посылали своих наместников. Так, например, при царе Русе I (730—714 гг. до н. э.), о котором будет идти речь далее, правителем Муцацира был Урзана, а при нем находился для наблюдения наместник центрального правительства Аналукуну [10].

Город Муцацир был одним из важнейших центров, а возможно, древнейшим и основным центром (как предполагает Г. А. Меликишвили) культа верховного бога урартов Халди [11]. Во всяком случае, урартские цари проявляли исключительное внимание к находившемуся там храму. С другой стороны, Муцацир, расположенный среди глухих, почти непроходимых гор, имел для Урарту большое стратегическое значение. Он был важен для защиты от расположенной на юг от него Ассирии, а при случае — для ответного удара по этой державе [12].

Экономическое значение Муцацира, напротив, как я попытаюсь показать, было незначительным. В этом отношении он гораздо больше получал от царей Урарту и их подданных, чем давал им. Это своеобразное направление экономики Муцацира заслуживает детального изучения.

Поскольку археологические памятники Муцацира еще не обнаружены, единственными источниками для изучения его экономики являются клинописные документы, в особенности ассирийские. Важнейшим из них следует признать знаменитую табличку, случайно попавшую в Луврский музей и опубликованную в 1912 г. Ф. Тюро-Данженом. Текст, начертанный на этой глиняной табличке (далее — ЛТ), носит условное название «Письмо (или, как иногда говорят, реляция — *Д. Р.*) царя Саргона (721—705 гг. до н. э.) богу Ашшуру)» [13]. Этому царю удалось в 714 г. до н. э., в самом конце успешного похода против Урарту, внезапно напасть на Муцацир, разгромить его и разграбить великолепный храм, являвшийся, судя по рельефам, сохранившимся в Хорсабадском дворце, одним из за-

[7] *Пиотровский.* Ук. соч., с. 108.
[8] История древнего мира. Кн. II. Под ред. Дьяконова И. М., Нероновой В. Д., Свенцицкой И. С. М., 1982 (далее — ИДМ), с. 562.
[9] *Пиотровский.* Ук. соч., с. 57—58.
[10] Там же, с. 86.
[11] Там же, с. 60.
[12] Там же, с. 8, ср. с. 92.
[13] Там же, с. 93—94.

мечательных произведений древневосточной архитектуры. В упомянутом тексте сохранились подробные описания добычи, доставшейся победителю.

Прежде всего, разумеется, возникает вопрос о достоверности этих сведений. Этим вопросом специально занимался Б. Б. Пиотровский, который решительно выступил против гиперкритики в оценке ассирийской статистики: «У нас нет оснований сомневаться,— пишет историк,— в правильности сведений, сообщаемых в тексте Луврской таблички, автор которого Табшар-Ашшур нам известен как агент, информировавший царя о событиях в соседних странах» [14].

Б. Б. Пиотровский обстоятельно и убедительно обосновывает этот вывод. Я хотел бы в дополнение к его аргументам привести сравнение выкладок Табшар-Ашшура с цифрами, сообщаемыми некоторыми другими первоисточниками по истории древнего Востока, которые действительно производят впечатление вымышленных. Прежде всего это касается данных Геродота, относящихся к финансовой политике Дария I. «Отец истории» утверждает, что XX сатрапия державы Ахеменидов (Индия), единственная, вносившая подать золотом, уплачивала ежегодно 360 талантов золотого песка [15]. Цифра эта совершенно невероятна, особенно если сравнить ее с размером подати, уплачиваемой Вавилоном и Ассирией, исчисляемой Геродотом в 1000 талантов серебра, которое ценилось в то время в 13 раз меньше, чем золото. Кстати говоря, ассирийские летописцы гораздо скромнее и осторожнее оперируют цифрами при подсчете поступления золота из покоренных стран. Так, наибольшее количество этого драгоценного металла, поступившее в ассирийскую казну при Тиглатпаласаре III, достигало всего 150 талантов (около 4,5 тонн) и было уплачено богатейшим городом Тиром [16]. Все остальные уплаты золотом, о которых говорят ассирийские источники, оказываются значительно скромнее. Еще большее злоупотребление крупными цифрами, которыми определяются взносы золотом, мы находим в библейской I Книге Хроник (Паралипоменон), наименее надежной из всех библейских книг. Это произведение, так же как «История» Геродота, относится к эпохе Ахеменидов. В ней сказано, что Соломон собрал на построение Иерусалимского храма 5000 талантов золота (I. Chron. XXIX, 7). По сравнению с такой явно вымышленной цифрой (кстати, примеров подобных можно привести много) ассирийские источники, как правило, являются идеальными и неточности в них встречаются необычайно редко.

Нужно признать, однако, что цифры, обозначающие количество золота и серебра, захваченного Саргоном II во дворце и храме Муцацира, хотя и не астрономически велики, все-таки весьма впечатляющи. Во дворце Урзаны было взято 34 таланта 18 мин золота и 167 талантов 2,5 мин серебра, а в храме Халди, кроме, по всей вероятности, значительного количества золота (точная цифра не сохранилась), 162 таланта серебра. Все это составляет около 2 тонн золота и около 10 тонн серебра [17].

Как мы увидим далее, такое богатство скромной и зависимой от Урартского царства области отнюдь не является результатом ее экономического развития. Наш источник все время подчеркивает щедрость урартских царей в отношении наиболее почитаемого религиозного центра Муцацира, который, по-видимому, играл роль запасного казнохранилища.

---

[14] Там же, с. 184.
[15] *Herod.*, III, 94.
[16] ARAB, I, 803.
[17] По исчислению Б. Б. Пиотровского (ук. соч., с. 161).

Б. Б. Пиотровский делает очень интересное предположение: «Очень возможно,— пишет он,— что Руса, ожидая вторжения Саргона в центральную часть своего государства, перевез царскую казну в страну Мусасир (так прежде произносили название Муцацир.— *Д. Р.*), правитель которого был союзником ванского царя. Может быть, именно это обстоятельство и толкнуло Саргона на чрезвычайно трудный поход через лесистые горы» [18].

Захваченные ассирийскими завоевателями запасы золота и серебра были не только в виде слитков, но и изделий из этих ценных металлов, представляющих, таким образом, не только собственно материальную, но и значительную художественную ценность. Особенно замечательны, судя по описанию изучаемого текста, были шесть золотых щитов, украшенных головами оскаленных собак (ЛТ, с. 370 сл.), и 12 серебряных щитов с изображениями голов дракона, льва и тура (с. 379). Далее описываются изделия из драгоценных камней, слоновой кости, самшита и клена (хотя не так подробно). Однако особенно интересны обстоятельные сведения о меди и бронзе в слитках и вещах.

При перечислении военной добычи Саргона II, захваченной во дворце и храме Муцацира, особенно бросается в глаза огромное количество (свыше ста тонн) меди в слитках, а также множество разнообразных предметов из меди и бронзы [19]. Особенно удивляет необычайное множество бронзового оружия: 25 212 бронзовых щитов, больших и малых, 1514 копий из бронзы и, наконец, 305 412 мечей и кинжалов, не говоря уже о других предметах вооружения.

На первый взгляд кажется, что Муцацирский храм имел арсенал на случай войны. Однако такое впечатление обманчиво. Не надо забывать, что бронзовое оружие в VIII в. до н. э. являлось уже устаревшим. На это обратил внимание И. М. Дьяконов: «К концу VIII в. до н. э., например, в царстве Урарту скопились огромные склады уже более неиспользуемых бронзовых мечей, кинжалов, секир» [20]. Безусловно, одним из таких складов была сокровищница Муцацирского храма, представлявшая собой своего рода музей.

Наряду с бронзовым оружием ассирийцами было захвачено множество бронзовых сосудов — малых и больших. Особенно выделялись своими размерами три больших бронзовых котла с крышками, вмещавших 50 мер жидкости, грандиозный бронзовый бак вместимостью в 80 мер, наполненный вином, использовавшимся урартскими царями для возлияния богу Халди [21]. Что касается более мелких бронзовых сосудов Муцацирского храма, то они исчислялись сотнями.

Многие произведения из бронзы, попавшие в Муцацирский храм в качестве пожертвований урартских царей, являлись, безусловно, наряду с упомянутыми выше изделиями из золота и серебра выдающимися произведениями искусства, например, статуя царевича Сардури, сына Ишпу-

---

[18] Там же, с. 109.

[19] Не всегда возможно точно установить, изготовлены ли упомянутые в тексте изделия из чистой меди или из бронзы, или частично из того и другого материала. Затруднение заключается в том, что аккадское слово erū (возможно, заимствованное из шумерского языка) может означать альтернативно руду, медь или бронзу (*Липин Л. А.* Аккадский (вавилоно-ассирийский) язык. Вып. II. Словарь. Л., 1957, с. 41). Изучение археологических памятников дает возможность более точного определения. Например, в развалинах Тейшебаини обнаружен медный котел с бронзовым бортом (*Пиотровский.* Ук. соч., с. 170).

[20] ИДМ, кн. II, с. 50.

[21] ЛТ, с. 396—398.

ини (IX в. до н. э.) или статуя Урсы (Русы I) с двумя конями и возничим, снабженная клинописной надписью [22].

Конечно, это собрание исторических и художественных ценностей по своему объему не может идти в сравнение с грандиозными собраниями Дельфийского храма, из которого Нерон вывез 500 медных изображений [23], но оба храма выполняли аналогичную функцию хранения ценнейших памятников старины и искусства. Только судьба сокровищ Муцацирского храма была печальнее судьбы дельфийских произведений искусства. На одном из рельефов дворца Саргона II в Дур-Шаррукине изображены ассирийские воины, разбивающие статую, захваченную в Муцацирском храме [24].

Если количество бронзовых (или медных) предметов, захваченных Саргоном II в Муцацирском храме и Муцацирском дворце, следует признать рекордным, то ярким контрастом этому является крайне незначительное число железных изделий, доставшихся в Муцацире ассирийцам.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что ни одной мины железа ни в слитках, ни в обработанном виде в подробной описи добычи, захваченной Саргоном II в Муцацирском храме, не значится. А между тем прекрасно известно, что ассирийцы в IX—VII вв. до н. э. необычайно дорожили железом и спрос на него был весьма велик [25]. Мы знаем, например, что из Малой Азии и Сирии они вывозили сотни [26], а иногда и тысячи [27] талантов этого столь необходимого им металла. Во дворце Саргона в Дур-Шаррукине археологи обнаружили кладовую, в которой хранилось около 160 тонн железа [28]. Следовательно, приходится признать, что железные предметы в Муцацирском храме просто отсутствовали.

Объяснить это странное на первый взгляд обстоятельство можно, по моему мнению, путем сравнения обстановки Муцацирского храма с инвентарем знаменитого храма Соломона в Иерусалиме. Судьба обоих храмов была в основном одинаковой. Примерно 130 лет спустя после разгрома Муцацирского храма Саргоном II Иерусалимский храм был разрушен Навуходоносором (Набукудуруцуром) II (587 г. до н. э.) и сокровища его были увезены в Вавилон. Иудейский летописец, так же как ассирийский, подчеркивает исключительное обилие бронзы (или меди), доставшейся победителям, но так как он в отличие от ассирийского автора не имел в своем распоряжении точных данных, то ограничился замечанием: «...бронзы во всех этих вещах не было весу» (II Reg. XXV, 16). Показательно, что при этом в Иерусалимском храме, так же как в Муцацирском, не было обнаружено ни одной железной вещи. Между тем железо в X в. до н. э., когда строился храм Соломона, уже вошло в Израильско-Иудейском царстве (под влиянием филистимлян, а возможно, и ханаанеев) в широкое употребление. Правда, сообщение I книги Хроник (Паралипоменон) (I Chron. XXIX, 7) о ста тысячах талантов железа, собранных якобы царем Соломоном в качестве фонда для постройки храма, является явно недостоверным, как и другие цифровые данные этой наиболее поздней библейской летописи, но имеется гораздо более надежный библейский источник по интересующему нас вопросу. Я имею в виду вторую книгу Самуила,

---

[22] ЛТ, сткк. 400—404.
[23] *Paus.*, X, 7, 1.
[24] *Botta P. E. et Flomdén E.* Monument de Niniwe. V. II. P., 1849, tabl. 140.
[25] *Пиотровский.* Ук. соч., с. 164.
[26] ARAB, I, 476—477.
[27] Ibid., 740.
[28] *Пиотровский.* Ук. соч., с. 184.

окончательно оформленную в правление Амель-Мардука в Вавилоне (561—559 гг. до н. э.). Здесь упоминаются «железные молотилки и железные топоры», употреблявшиеся во времена царя Давида (II Sam. XII, 31). Таким образом, отсутствие железных предметов в Иерусалимском храме в период, когда в стране уже широко применялись орудия труда из этого металла, обращает на себя внимание. Дело объясняется весьма просто. У израильтян и иудеев существовал религиозный запрет, препятствующий использованию железных предметов в священном месте. В первой книге Царей мы читаем: «Когда строился храм (имеется в виду храм Соломона.— *Д. Р.*), на строение употребляемы были обтесанные камни; ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его» (I Reg. VI, 7). Итак, практическая необходимость заставляла искать обход непреложного табу. Каменные плиты обтесывались железными орудиями за пределами священной территории и в готовом виде доставлялись на место, но в самом храме железо полностью отсутствовало. Еще строже соблюдалась табуация железа в культовом предписании так называемой Книги Союза (IX в. до н. э.), вошедшей позднее в состав II книги Пятикнижия (книги Исхода). Здесь содержится требование складывать жертвенник из необработанных камней, чтобы соприкосновение с запретным металлом не осквернило его. Это предписание гласило: «Если же будешь строить мне (богу Яхве.— *Д. Р.*) жертвенник из камней, то не сооружай его из тесаных. Ибо, как скоро наложишь на них тесло свое, то осквернишь их» (Exod. XX, 25). Еще определеннее (с прямым указанием на железо) повторен этот запрет во Второзаконии (VII в. до н. э.): «И устрой там жертвенник Яхве, богу твоему, жертвенник из камней, не подымая на них железа» (Deuter. XXVII, 5).

Не мешает отметить, что на этот момент впервые обратил внимание еще в начале XX в. выдающийся австрийский историк первобытной культуры М. Гернес, который отметил, что хотя в Израильско-Иудейском царстве железо имелось в изобилии, «...однако по религиозным причинам при многих работах его избегали: его нельзя было, например, употреблять при сооружении алтарей» [29].

С исключительной непреклонностью применялось это табу при обряде обрезания, при котором разрешалось пользоваться лишь каменными ножами (Exod. IV, 25). Очевидно, данный обряд возник еще в каменном веке (подобно тому как это зафиксировано у аборигенов Австралии), и религия законсервировала его в неизменной форме на значительно более поздней стадии экономического развития. Особенно показательно то, что в данном случае табу имело силу даже за пределами священной территории. Что же касается меди (или бронзы), то ни в одной библейской книге нет даже намека на ее запрет. Во всех видах культа, описанных в Библии (так же как в письменных источниках других древних народов), медь применяется самым широким образом. В мифической Скинии (воображаемом прообразе храма Соломона) и в реальном храме Соломона находилось самое разнообразное собрание священных предметов из бронзы. В их число в дореформенный период входили даже изображения божества (позднее строго запрещенные). К ним относятся, например, бронзовые статуи 12 волов, поддерживающих громадную, тоже бронзовую чашу (так называемое «бронзовое море», символизирующее небесные воды). Только при царе Ахазе (735—719 до н. э.) эти статуи были удалены (II Reg. XVI, 17).

[29] *Гернес М.* Культура доисторического прошлого. Ч. III. Железный век. М., 1914, с. 94.

Сын и преемник Ахаза, благочестивый царь Иезекия (Хизкия), уничтожил знаменитого «медного змея», «которому кадили сыны Израилевы», не посчитавшись даже с популярной легендой о том, что в этого медного змея будто бы превратился жезл самого Моисея (II Reg. XVI, 39; cf. Num. XVI, 39).

Однако даже после устранения идолов, отлитых из меди (или бронзы), этот металл продолжал считаться угодным богу Яхве. Например, в легенде о гибели бунтовщика Корея и его сообщников кадила этих грешников были переплавлены и использованы для покрытия жертвенника Яхве (Num. XVI, 39: данное место относится к поздней составной части пятикнижия, так называемому жреческому кодексу). Таким образом, непосредственное соприкосновение жертвенника с медью считалось вполне допустимым.

Что касается железа, то не надо думать, что его запрещалось вносить только в Иерусалимский храм. Табу на него, по-видимому, было в израильско-иудейском обществе всеобщим. Имеются намеки на то, что и в более древнем храме в Номве (городе жрецов) (I Sam. XVII, 22, 19) тоже отсутствовали предметы из железа. Этот библейский эпизод связан с традицией о знаменитом богатыре-филистимлянине Голиафе. Его гибель описана библейскими летописцами в двух вариантах, резко противоречащих друг другу. Первая, весьма подробная версия получила самую широкую известность благодаря замечательным памятникам искусства, посвященным этому сюжету. Однако историческая ценность ее равна нулю. Все повествование относится к сфере фольклора. Победителем Голиафа оказывается юный пастух Давид (будущий царь Иудеи и Израиля), который, собираясь вступить в единоборство с Голиафом, заявляет, что он не раз разрывал голыми руками пасть у льва и медведя. Как известно, Давид поражает после этого своего противника камнем, брошенным из пращи (I Sam. XVII, 1—54). Наряду с этой яркой, но совершенно фантастической сценой редактор первой книги Самуила, как уже давно было отмечено библейской критикой, включил в свое компилятивное произведение другой вариант этого сюжета, очень короткий и весьма прозаичный. Приведем его целиком: «Было другое сражение в Гобе: тогда убил Елханан, сын Ягаре-Оргима Бетлехемского, Голиафа Гатиняна, у которого древко копья было как навой у ткачей» (II Sam. XXI, 19). Здесь нет никаких преувеличений. Все повествование сдержанно, сухо, но зато вполне реально. В исторической достоверности его нет причин сомневаться. Вполне понятно, что придворный летописец приписал подвиг одного из соратников Давида самому царю и искусственно перенес этот подвиг в те времена, когда будущий царь был простым пастухом. Эту версию, резко противоположную общепринятой, редакторы, оформлявшие I и II книги Самуила, к счастью, забыли вычеркнуть. Впрочем, и в фольклорном варианте, при всей его фантастичности, содержатся некоторые реальные черты относительно вооружения Голиафа. Оборонительное оружие филистимского бойца (шлем, броня, наколенники, щит) было сплошь бронзовым, а наконечник его копья — железным. Вес этого наконечника, конечно, преувеличен (600 шекелей, т. е. около 5 кг). (По библейским данным, самый тяжелый наконечник копья мог весить 300 шекелей, т. е. около 2,5 кг — см. II Sam. XXI, 16.) Что касается меча Голиафа, то не сказано (может быть, по небрежности переписчика) из какого металла он был изготовлен (об этом мече говорится дважды — в I Sam. XVII, 45, 51). В другом месте первой книги Самуила сообщается, что этот меч убитого Голиафа попал в качестве трофея в храм в Номве (I Sam. XXI, 8—9). Подробно описывается, как Да-

вид, спасаясь от преследований Саула, прибыл в этот храм и попросил у главного жреца Ахимелеха какое-либо оружие (копье или меч). У жреца оказался в наличии только один трофейный меч, захваченный якобы у убитого Голиафа и положенный позади эфода (священного изображения). Думается, что он хранился там именно потому, что был бронзовым, а не железным (как копье Голиафа, которое в храм не попало). Так или иначе, ни одного хотя бы косвенного намека на хранение железных предметов в священных местах в Библии нет. Это не значит, однако, что храмы отказывались приобретать железо, которое в быту было необходимо, но они держали, очевидно, запретный металл в сокровищницах, расположенных вне храма (Jes. Nav. VI, 23; Chron. XXIX, 7). Так, как мы увидим, было и в Муцацирском храме, где железные вещи отсутствовали в священном месте, но имелись в соседнем дворце.

Надо полагать, что табуация железа как у израильтян и иудеев, так и у урартов утвердилась под влиянием ассиро-вавилонской культуры, которая оказывала значительное воздействие на тех и других. Г. Винклер высказал в свое время мнение, что до установления в Вавилонии Эры Овна (VIII в. до н. э.), в правление Набонасара (747—793 гг. до н. э.) железо считалось запретным материалом и это табу было снято только по окончании Эры Тельца (XXVII—VIII вв. до н. э.) [30].

Конечно, будучи последовательным идеалистом, Г. Винклер преувеличивал роль религии, не учитывая того, что религиозные запреты под влиянием практических потребностей могли нарушаться или обходиться. Но в основном, по-видимому, он был прав. Таким образом, надо полагать, что в обширной географической зоне, охватывающей Месопотамию, Урарту и Палестину, табу на железо имело место. За пределами этой зоны никакого намека на запрет этого металла не замечается. В Хеттском царстве железо высоко ценилось. В списках хеттского храмового инвентаря, опубликованного Л. Якоб-Рост, отмечаются в его составе наряду с золотыми, серебряными, оловянными и глиняными статуэтками также и священные изображения, изготовленные из железа. Не надо забывать, что в надписи древнейшего хеттского царя Анитты упоминается железный трон и железный скипетр, имеющие безусловно сакральное значение [31].

В древнем Египте священные предметы, изготовленные из железа, были также распространены. Еще в додинастический период здесь изготовлялись амулеты из гематита [32]. Во времена IV династии в храме Менкаура хранился кусок окиси железа, входивший в набор магических предметов [33]. То же самое наблюдается в эпоху Нового Царства. В известной гробнице Тутанхамона был обнаружен железный амулет в виде глаза, вправленного в золотой браслет [34]. Количество подобных примеров при желании можно умножить.

Особенно бросается в глаза отношение к железу в античном мире. В древней Греции охотно помещали железные изделия, часто высокохудожественные, в храмы. В Дельфийским храме с почетом хранились железная подставка от чаши, пожертвованная лидийском царем Алиаттом (VI в.

---

[30] *Винклер Г.* Вавилонская культура и ее отношение к культурному развитию человечества. 1913, с. 48.

[31] Подробнее об этом см. *Менабде Э. А.* Хеттское общество. Тбилиси, 1965, с. 63.

[32] *Лукас А.* Материалы и ремесленные произведения древнего Египта. М., 1958, с. 365.

[33] *Duraham D., Young W. Y.* An occurence of Iron in the Fourth Dynasty.— JEA, 1928, 28, p. 58—58.

[34] *Carter H.* The Tomb of Tut-ankh-Amen. V. II. p. 135.

до н. э.) [35], изготовленная из железа скульптурная группа, изображавшая бой Геракла с гидрой, о которой сообщает Павсаний [36]. Но особенно ярким примером является памятник, следующим образом охарактеризованный Павсанием в его «Описании Эллады»: «Недалеко от жертвенника стоит седалище (трон) Пиндара; оно сделано из железа и, говорят, на нем восседал Пиндар, когда он приходил в Дельфы и пел те самые гимны, которые написаны им в честь Аполлона» [37].

Таким образом, в одних религиозных культах древнего мира железо считалось священным, а в других — запретным. К числу последних, как мне кажется, относились и догматы урартской религии.

Если в храме Халди в Муцацире железные предметы отсутствовали ввиду религиозного запрета, то на дворец муцацирских правителей это табу не распространялось. Некоторое количество изделий из железа было там захвачено Саргоном II. Однако бросается в глаза, что это была скромная, ничем не примечательная утварь: железные печи («атуни»), какие-то сосуды («арутхи» и «нисипи»), лампы («бит-буцини») и подсвечники («насри») [38].

В общем и целом это был ассортимент весьма скудный. В то время как некоторые бронзовые предметы описывались, как мы видели, подробно, с указанием размеров, а порой отмечалась и их художественная ценность, в отношении железных предметов это не делается. Никакой характеристики им не дается, они упомянуты мимоходом. К сожалению, из-за досадной лакуны в ЛТ мы не знаем количества этих безусловно мелких предметов, но надо полагать, число их не было особенно большим. Показательно, что о железном оружии, не говоря уже об орудиях труда, ассирийский летописец не говорит ни слова. Ни одно произведение искусства из железа в списке не фигурирует. Наконец, отсутствует упоминание о необработанном железе. Все это весьма примечательно, поскольку, как мы говорили, интерес в Ассирии к железу был необычайно высок и если бы в Муцацире имелось большое количество этого металла, то ассирийские завоеватели, конечно, воспользовались бы. Поэтому я не могу согласиться с предложением, выдвинутым выдающимся русским востоковедом Б. А. Тураевым, о том, что «множество найденного во дворце Саргона железа, частью необработанного, было получено из Урарту как военная добыча. Описание этой добычи, взятой во дворце и храме Мусасира в 714 г. до н. э. Саргоном, занимает в недавно изданном Тюро-Данженом тексте 56 строк» [39]. Конечно, предположение Б. А. Тураева может быть верно в отношении других районов Урарту, но не Муцацира. Железным изделиям Муцацирского дворца в тексте Саргона II посвящена лишь одна строчка из указанных Тураевым 56 строк. Весь остальной текст посвящен другим металлам.

Таким образом, получается любопытная картина. На большей части территории Урарту в VIII в. до н. э. уже полностью восторжествовал железный век. Чтобы не быть голословным, я сошлюсь на точные сведения, приведенные Б. Б. Пиотровским: «При раскопках на Топрах-Кале и на Кармир-Блуре железных орудий и оружия было обнаружено значительно больше, чем бронзовых предметов. На Топрах-Кале были найдены железные лемехи плугов и наконечники мотыг, серпы, вилы, топоры и молоты,

---

[35] *Paus.*, X, 16, 1.
[36] *Paus.*, X, 18, 5.
[37] *Paus.*, X, 24, 5.
[38] *Липин.* Ук. соч., с. 44, 48, 55, 138.
[39] *Тураев Б. А.* История древнего Востока. Т. II. Л., 1935, с. 37.

крючья, петли для запоров и различные мелкие предметы. Аналогичные железные предметы, такие, как мотыги, серпы, вилы, топоры, крючья, петли для запоров, пилы и оружие, в большом количестве обнаружены и на Кармир-Блуре, откуда происходят также железные мечи и пластинчатые панцири» [40]. Каким контрастом звучит это описание по сравнению со скудным перечнем мелких железных предметов, захваченных ассирийским завоевателем в Муцацирском дворце! Мне кажется, что это обстоятельство заставляет еще раз обратиться к проблеме неравномерности экономического развития различных районов древнего Востока. Район Муцацира был, по-видимому, наиболее отсталым по сравнению с центральной и северной областями, не говоря уже о западных окраинах страны, откуда шел знаменитый «железный путь» (удачный термин, предложенный И. М. Дьяконовым), одно из ответвлений которого направлялось на северо-запад, в долину Аракса, т. е. проходило насквозь через Урарту [41].

Хочется отметить, что разные темпы развития при переходе от бронзы к железу наблюдаются и в других странах, примыкающих к Урарту. Так, А. А. Мартиросян делает очень интересное наблюдение: «Процесс широкого освоения железа протекает на территории Закавказья и Северного Кавказа не совсем равномерно и одновременно. Некоторое отставание наблюдается уже в районах южных склонов Кавказского хребта и довольно значительное в области Центрального Кавказа» [42]. В качестве особенно яркого примера применения бронзовых изделий в железный век приводится Тлийский могильник VII—VI вв. до н. э. [43]

Мне кажется, что аналогичные явления можно проследить и в Иране первых веков I тыс. до н. э. Так, Р. Гиршман подметил, что в Тепе-Сиалке (в Центральном Иране близ совр. Кашана) был обнаружен во время раскопок только один железный меч, а в западном районе Ирана (Луристане) железные мечи были найдены в большом количестве [44]. Таким образом, бронза уступала первенство железу не без борьбы.

В описи добычи, захваченной Саргоном II в Муцацире и его области, необычайно поражает и полное отсутствие сведений о продуктах земледелия и довольно скромные цифры, характеризующие количество захваченного скота. В то время как в описании восточных и северных районов, подвластных урартскому царю или союзных с ним (особенно территории, примыкающей к озеру Урмия), ассирийцы опустошают поля и сады и захватывают большое количество зерна, в походе на Муцацир они мало интересуются полями, садами и скотом. Судя по данным ЛТ, Саргон II захватил лишь 12 мулов, 380 ослов, 525 быков и 1235 баранов [45]. Надо признать эти цифры, мягко говоря, довольно скромными. Правда, другой ассирийский источник, а именно «Анналы Саргона», дают несколько иные, явно завышенные цифры (примерно вдвое), а для мелкого рогатого скота — даже весьма завышенное количество (100 225 голов) [46].

Н. В. Арутюнян в специальном труде, посвященном сельскому хозяйству Урарту, бездоказательно отдает предпочтение завышенным цифрам второго первоисточника и, не предлагая какого-либо обоснования этому,

[40] *Пиотровский.* Ук. соч., с. 163.
[41] ИДМ, кн. II, с. 51.
[42] *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 292.
[43] *Техов Б. В.* Раскопки Тлийского могильника в 1960 г.— СА, 1963, № 1, с. 162 сл.
[44] *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk près de Kashan. V. II. P., 1939, p. 75.
[45] ЛТ, сткк. 253, 262—264.
[46] ARAB, II, 22.

делает решительный вывод: «Мусасирский храм благодаря систематическим царским пожертвованиям несомненно должен был стать одним из самых богатых скотоводческих центров Урарту» [47].

Хотя, действительно, урартские цари щедро снабжали для жертвоприношений Муцацирский храм (Н. В. Арутюнян приводит убедительные цифры, свидетельствующие об этом), но это не значит, что сами правители и жрецы Муцацира усиленно занимались организацией сельскохозяйственного производства. Приток дарового скота отнюдь не мог стимулировать местного скотоводческого хозяйства. Наоборот, возможность использовать безвозмездно доставляемый из центра Урарту скот скорее подавлял хозяйственную инициативу. Конечно, не весь подаренный храму скот для жертвоприношений шел на жертвы. Часть его удерживалась для местного хозяйства — в этом Н. В. Арутюнян прав, но все-таки цифры, приводимые ассирийским чиновником, подсчитывающим добычу (даже во втором варианте), следует признать довольно скромными. Исключением является громадная цифра, характеризующая в «Анналах Саргона» стада овец, но она весьма подозрительна, ибо выпадает из общего плана. Впрочем, если бы даже она подтвердилась, то можно было бы говорить лишь об усердном разведении в районе Муцацира мелкого рогатого скота, что для горной области было вполне возможно.

Особенно поражает полное отсутствие в списках добычи Саргона II лошадей. Конечно, они в Муцацире имелись [48], но их было мало и ассирийцам, вероятно, не удалось захватить даже незначительное их количество (может быть, в результате быстрого отступления муцацирских колесниц). Если бы был захвачен хотя бы десяток-другой коней, то об этом было бы сказано (ведь упоминается в ЛТ захват 12 мулов!). По всей вероятности, в глухих, поросшим лесом горах вокруг Муцацира не было хороших пастбищ для коней, что напоминает сходные условия на острове Итаке. Как известно, Телемах говорил: «Горные пастбища наши для коз, не для коней пригодны» (Одиссея, Песнь IV, 605). Хозяйство Муцацирского храма, по всем данным, носило в значительной мере потребительский характер. Производство в сфере сельского хозяйства вряд ли могло обеспечить накопление огромных богатств в храме и связанном с ним дворце. Вероятно, местное ремесло давало известные доходы, но, судя по описаниям произведений скульптуры и художественной промышленности, в этой сфере преобладали изделия, доставлявшиеся из центральной части Урарту, а также из чужеземных стран (Ассирии, Хабхи, Табала).

Все это напоминает уже приводившийся мною для сравнения Дельфийский храм. По свидетельству Лукиана из Самосаты, один из жрецов этого храма откровенно заявлял: «Мы живем в гористых местах, обрабатываем скалы и нам незачем ждать, чтобы Гомер выяснил нам это, мы должны сами видеть. Что касается земли, то мы всегда терпели бы глубокий голод. Но святилище, сам пифиец, его оракул и жертвователи, благочестивые, и молитвенники благочестивые — вот дельфийская плодородная равнина, вот доходы; отсюда проистекает наше благосостояние, отсюда — кормимся; надо сказать правду самим себе: и, по слову поэта, земля „без пахания и сева“ все дает нам трудами пахаря-бога, который приносит нам не только блага, производимые Элладой, но и все, что есть у фригийцев,

---

[47] *Арутюнян Н. В.* Земледелие и скотоводство Урарту. Ереван, 1964, с. 154.

[48] Об этом свидетельствует надпись Русы I — см. *Меликишвили.* Ук. соч., № 264 (с. 323 сл.), стк. 15 в обоих параллельных текстах (урартском и ассирийском).

лидийцев, персов, ассириян, финикиян, италиотов, наконец, у самих гипербореев,— все стекается в Дельфы» [49].

Было бы весьма интересно проследить, в какой мере другие храмовые города древнего мира использовали для обогащения свои популярные святыни, дававшие реальную возможность правителям, жречеству и обслуживающему персоналу обогащаться даже при сравнительно низком уровне производства.

Д. Г. Редер

---

[49] *Лукиан.* «Фаларид», Слово II, 8 (пер. Б. Л. Богаевского — см. *Лукиан.* Собр. соч., т. I. М.— Л., 1935).

LE RÔLE DU TEMPLE DE MOUTSATSIR DANS L'ÉCONOMIE DE L'OURARTOU ET DE L'ASSYRIE AU VIIIe S. AVANT N. È.

D. G. Reder

La ville de Moutsatsir était le centre d'un petit Etat dépendant de l'Ourartou. Le roi d'Assyrie Sargon II, qui mit cette région à sac en 714 av. n. è., ne dit mot de la prise de produits agricoles ou jardiniers. Le nombre des boeufs, ânes et mulets faisant partie du butin était très insignifiant, celui des ovinés un peu plus élevé. L'absence de chevaux dans l'inventaire du butin est particulièrement frappante.

Le gros de celui-ci se composait de métaux: lingots d'or, d'argent et de bronze, et articles fabriqués à partir d'eux. Autre énigme: la petite quantité de fer indiquée dans ces listes. Parmi le butin pris dans le temple de Moutsatsir, il n'y en a pas du tout (peut-être en raison d'un tabou). Dans le palais de Moutsatsir, les vainqueurs n'ont trouvé que de petits objets de fer (ustensiles, lampes, chandeliers et braseros). Les armes de fer ne sont mentionnés nulle part. Sans doute l'âge de fer a-t-il commencé dans cette province de l'Ourartou du Sud-Est un peu plus tard que dans les autres régions du pays.

L'impression se crée que les richesses fabuleuses stockées à Moutsatsir n'étaient nullement le fruit du développement économique de cette région périphérique de l'Ourartou. La prospérité de Moutsatsir dépendait des riches offrandes faites au temple du dieu Haldi à Moutsatsir. Cette circonstance rappelle fort la situation du célèbre temple de Delphes, connu pour ses trésors, bien qu'il se trouvât dans la partie la moins fertile de la Grèce.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАДПИСЕЙ ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА *A*

Две традиции в спиралевидных надписях на линейном письме *A*

На двух глиняных чашах из Кносса, датируемых периодом MM IIIb[1], имеются надписи линейным письмом A, идущие от центра дна к краям, тогда как на диске золотого перстня из некрополя Мавро Спелио в Кноссе, датируемого тем же периодом, имеется подобная надпись, идущая от края к середине [2]. Поскольку содержание надписей не объясняет (как мы увидим) употребления этих двух систем, мы вынуждены искать какие-то внешние причины, обусловившие одновременное сосуществование обоих типов спиралевидных надписей в Кноссе.

1. Начнем с самой простой надписи в одной из кносских чаш [3]. Рядом с двустрочной надписью нанесены три гораздо более крупных силлабических знака, по-видимому, обозначающих имя владельца [4]. Из них только второй легко прочитывается: ?-ti-?

Чтение:

1. a-ka-nu (.) *Wa-du-ra-re-a-za.*

2. (?-) *?-?-?* (—) *ra-ka-ru A-na-da.*

Перевод:

стк. *1*: Чаша: Wa-du-ra-re-a-za; стк. *2*: (Письмо или т. п.): (жрец?) A-na-da.

Формула: a : b = a : b.

Комментарий к надписи:

1.1. a-ka-nu. Номинатив мужского рода ед. ч. от agannu ‘чаша’[5] (ср. семит. a-ga-nu в тексте из Катны); за этим словом — поврежденное место, где, возможно, была вертикальная черта словоразделителя, как за личным именем в конце первой строки.

1.2. Wa-du-ra-re-a-za. За первым знаком личного имени (параллели к которому мы приводим в другой работе) Wa видна точка, которую не следует принимать за словоразделитель (в этой функции писец использовал вертикальную черту); если это не описка, то, скорее всего, соединитель знаков типа того, что мы видим на Лемносской стеле в начале пятой горизонтальной строки над изображением воина, где он соединяет av- с -is [6]. В линейном A и линейном B отмечено много имен анатолийского происхождения, особенно в их ликийском варианте с окончанием на -a[7], подобно обоим именам нашей надписи; компонент Wadu- в первом из них тоже

---

[1] *a*: *Brice W. C.* Inscriptions in the Minoan Linear Script of Class A. Oxf., 1961 (далее — ILA), p. 15, II, 1, II, 2, plates XXIIa/XXII; *b*: *Hooker James T.* Linear A Inscriptions from Knossos.— Kadmos, 1967, VI, p. 110—113.

[2] *a*: *Brice.* ILA, p. 23, V, 14, plates XXXa/XXX; *b*: *Evans A.* The Palace of Minos II L., 1928, p. 557, fig. 352.

[3] *Brice.* ILA, plates XXIIa/XXII.

[4] Вместо *a-re* = *al*: ‘to’, ‘for’ +PN.

[5] *Best J. G. P.* Some Preliminary Remarks on the Decipherment of Linear A. Amsterdam, 1972, p. 19—20, not. 35.

[6] *Best J. G. P.* Bilingual Inscriptions on the Stele from Lemnos.— TALANTA, 1981 — SEM, XIII, p. 58—59.

[7] *Billigmeier J. C.* An Inquiry into the non-Greek Names on the Linear B Tablets from Knossos and their Relationship to Languages of Asia Minor.— Minos, 1969, 10, p. 177—183.

сопоставим с ликийскими формами, ср. Wa-du-ni-mi (HT6b.1, 85b. 4—5) и лик. βadunimi [8]. Следовательно, мы должны иметь в виду, что точка в качестве соединителя знаков как в этрусской надписи из Лемноса, так и в нашей надписи может восходить к традиции лувийского бронзового века [9].

2.1. (?-)?-?-? (—) *ra-ka-ru*. По аналогии с порядком на чаше из Ханиа — «Л (ичное) И(мя): край, ЛИ: письмо» [10] следовало бы ожидать обратного расположения на Кносской чаше, т. е. «чаша: ЛИ, письмо: ЛИ». Имя существительное мужского рода в номинативе ед. ч. или абсолютный инфинитив, которые могли бы иметь значение 'письмо' и т. п., должны были бы оканчиваться на -u, так что -ra-ka-ru могли бы быть тремя последними знаками имени или глагола, состоящего из шести или семи знаков. Но не исключено, что это слово могло состоять из трех или четырех знаков, как po-ni-za на чаше из Ханиа. Дело в том, что ra-ka-ru не отделено словоразделителем от A-na-da и, следовательно, может также рассматриваться как имя существительное в номинативе мужского рода ед. ч., относящееся к личному имени: lagaru 'жрец' [11] хорошо подходит к нашему случаю. Поскольку большинство табличек на линейном А происходят либо из западных флигелей дворцов, которые обычно были связаны с культом, либо из самих храмов (Маллиа, Айа Триада) [12], нас нисколько не должно удивлять наличие жрецов, выполняющих функции писцов.

2.2. A-na-da. Личное имя (параллели см. в другой работе).

2. После замечаний о жрецах-писцах рассмотрим надпись на второй чаше из Кносса [13] (рис. 1). Имя предполагаемого владельца занимает всю среднюю часть дна и состоит из трех очень крупных слоговых знаков: L69-ti-qu [14]. Следовательно, не исключено, что обе эти почти идентичные глиняные чаши из Кносса когда-то составляли пару (они были обнаружены вместе!), причем на каждой было указано имя одного и того же владельца. Однако создатель второй чаши и изобретательный писец, нанесший на нее двухстрочный текст, носили не те имена, что указаны на первой чаше.

Чтение:

1. a-di.Da-ki-ti pa-ku.i-ya Nu-

2. -yu-ku-na pa-ku (.) *a-u-ta-me-i*

Перевод: стк. *1*: Моя рука: *Da-ki-ti* Мудрый и Nu-; стк. *2*: -yu-ku-na Мудрый (:) мои слова.

Формула: a : b = b : a.

Комментарий к надписи:

1.1. a-di. Имя существительное женского рода в номинативе ед. ч. *ad* + *-i*, притяжательное местоимение 1 лица ед. ч.[15] Здесь сама чаша об-

---

[8] *Pope Maurice*. Aegean Writing and Linear A.— SMA, VIII, Lund, 1964, p. 5.

[9] *Best J. G. P.* Zur Herkunft des Diskos von Phaistos.— TALANTA, 1981 — SEM, XIII, p. 49—56.

[10] *Best J. G. P.* The Zakro Pithos Inscription, Again.— TALANTA, 1982—1983, XIV—XV, Appendix 1.

[11] AHW, *s. v. lagallum, lagaru*.

[12] *a*: *de Vries Nanny M. W.* The Central Sanctuaries at Mallia and Megiddo; *b*: *Jong J. W.* The Religious Context of the Linear Script A Texts Found at Hagia Triada near Phaestos in Crete.— In: Interaction and Acculturation in the Mediterranean I, ed. by Jan G. P. Best and Nanny M. W. de Vries. Amsterdam, 1980, p. 125—141.

[13] *Brice*. ILA, plates XXIIa/XXII.

[14] См. выше, прим. 4.

[15] *Best J. G. P.* Yaššaram! — TALANTA, 1981 — SEM, XIII, p. 19, 3.

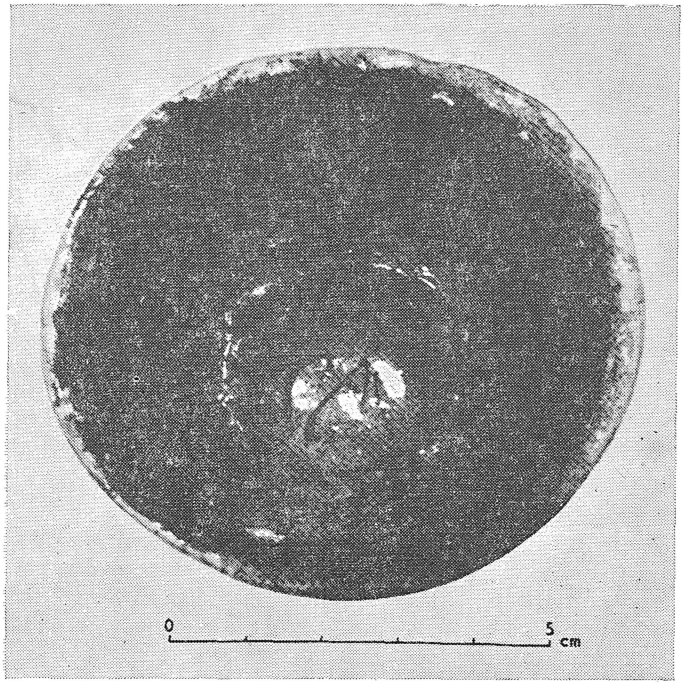


Рис. 1. Глиняная чаша 2 с именем владельца в середине (Brice, ILA)

ращается к нам как живое существо: «моя рука», т. е., по-видимому, «сделавшая меня рука».

1.2. Da-ki-ti. Имя собственное мужского рода (параллели см. ниже).

1.3. pa-ku. Религиозный термин *pakku* 'Мудрый' следует за именами собственными, например *bēl pakku*, где также стоит за именем мужского рода в номинативе [16]. И *Da-ki-ti*, и *Nu-yu-ku-na*, вероятно, были членами какой-то религиозной организации и стояли в ней на одной ступени.

1.4. i-ya. Вариант *u-ya* 'и' [17].

1.5. Nu-. Первый слоговой знак мужского личного имени.

2.1. -yu-ku-na. Сохранившиеся знаки мужского личного имени Nu-yu-ku-na.

2.2. pa-ku-. Ср. *pakku* выше (*1.3*).

2.3. a-u-ṭa-ṃe-i. Предположительно это сильно поврежденное слово стояло за располагавшимся ниже, плохо сохранившимся словоразделителем. Я перевел его «мои слова» по аналогии с «моей рукой», учитывая четкое построение надписи в целом, но с грамматической точки зрения могу хорошо обосновать лишь первые два знака. Остальное — не более чем догадка. Следует, однако, добавить, что во множественном числе это слово должно во всяком случае заканчиваться на -mV и что в угаритском притяжательное местоимение 1 лица ед. числа произносилось бы -i [18]. По-

[16] AHW, *s. v. pakku(m)*.

[17] См. *Best.* Yaššaram!, p. 18 (чередование *u/i*); *Best.* The Zakro..., Приложение 2 (*i-ya = u-ya*).

[18] *Gordon Cyrus H.* Ugaritic Manual I. Roma, 1955, p. 30, 6. 6.

Рис. 2*а*. Золотой диск со спиралевидной надписью (Brice, ILA)

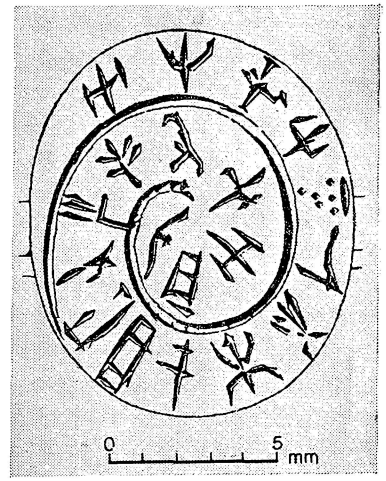


Рис. 2*б*. Прорись золотого диска со спиралевидной надписью

скольку линейное B еще не было изобретено в период MM IIIb и знак для индоевропейского звука *au* (*85) еще не существовал, знаки *a-u-* линейного A должны были изображать два разных слога в тексте нашей чаши. А поскольку линейное A использует в качестве вариантов не только u-ya и wa-ya, но также qe-lya-u и qa-lya-wa ‘жареное зерно’ (ср. HT1a.1 с HT86a.3), мне пришла в голову мысль, что при вариантном написании a-wa вместо a-u первый знак образует начало слова awatum ‘слово’ [19]. Поэтому, пользуясь аналогией первого слова формулы «моя рука», я осмеливаюсь предложить в качестве значения последнего слова форму awatum в номинативе множественного числа: «мои слова».

3. Спиралевидная надпись на маленьком диске, прикрепленном к золотому перстню из Мавро Спелио, имеет несколько любопытных особенностей [20]. Во-первых, все знаки одинакового размера расположены так, что покрывают всю поверхность диска; это техника, напоминающая ту, которая использована в надписи на Фестском диске. Правда, есть одно исключение — знак меньших размеров с вероятным слоговым значением nu, находящийся под двумя круглыми темными пятнами на фотографии диска [21] (рис. 2*а*), которые соответствуют нанесенным ранее отверстиям и указывают на прежнее употребление диска в качестве подвески до его соединения с перстнем. Похоже, что этот значок выгравирован (если это не простое повреждение поверхности диска) (рис. 2 *б*). Но самое удивительное — это употребление вертикального ряда точек вслед за пятым знаком надписи, чтобы отметить конец введения и начало основного текста,— точная параллель двум вертикальным чертам после введения на Фестском диске. В другом месте я толковал Фестский диск как лувийский документ, сравнив его с этрусским диском из Мальяно, на котором также имеются точки, расположенные вертикальными рядами для разделения предложений (ср. ту же практику на лемносской стеле) [22]. Несмотря на то

[19] AHW, *s. v. awatum*.
[20] См. выше, прим. 2, *a*.
[21] См. выше, прим. 2, *b*.
[22] См. выше, прим. 9 и 6.

что текст на золотом диске из Мавро Спелио составлен на одном из северо-западно-семитских языков, этот диск принадлежит к той же лувийской традиции, что и Фестский, и Мальянский и, как и они, читается от края к середине.

Чтение:

a-re Ne-si-di. tī-pi ke-pa- ya-ta-⟨nu?⟩-nu-te Pu-a-a-ya-ku.

Перевод: Для *Ne-si-di*: закругление диска (букв.: верхнего слоя) дала Pu-a-a-ya-ku.

Комментарий к надписи.

1. a-re. Ср. угар. l(al) 'для' [23].

2. Ne-si-di. Имя собственное (параллели см. в другой работе).

3. tī-pi. Род. пад. ед. ч. имени м.р. ṭipu 'верхний слой' (т. е. маленький золотой диск на перстне) [24].

4. ke-pa. Винит. пад. ед. ч. имени м.р. kippu (ср. keppû) 'закругление' [25].

5. ya-ta-⟨nu?⟩-nu-te. Форма глагола yatanu 'давать' + -te — окончание 3 лица ед. ч. ж.р. (угар. -t) [26].

6. Pu-a-a-ya-ku. Это женское имя собственное (ср. окончание женского рода у предыдущего слова!) имеет в двух отношениях некоторую религиозную окраску: pû 'слово', 'приказ (богов)' встречается в имени бога Pu-šu-ke-en [27], в то время как Ia-a-ku- (от ajjaku 'храм', ср. графический вариант a-a-ka-am) — это первый компонент личных имен и встречается в имени бога Bēlat-ia-a-ki [28]. Личное имя *Pu-a-a-ya-ku*, таким образом, вполне подходило бы для жрицы.

Поздние арамейские заклинательные чаши, в центре которых обычно располагалась самая важная часть текста [29], продолжают традицию двух спиралевидных чаш из Кносса, а этрусский диск из Мальяно, главное содержание которого помещено по краю,— традицию дисков из Феста и Мавро Спелио. Все три переведенные выше спиралевидные надписи имеют религиозный характер, точно так же как и более поздние надписи этого типа. Чаши со спиральными надписями имеют как будто северо-западно-семитское происхождение, диски со спиралевидными надписями — лувийское. Установленная аккультурация обеих традиций на диске из Мавро Спелио предполагает присутствие двух популяций на Крите в период MM IIIb — северо-западно-семитской и лувийской, к которым греки присоединяются лишь начиная с периода LM Ia. Сегодня на Крите говорят по-гречески, но бухточки, служащие защитой в непогоду, все еще называются Phoinikè (Finikí)! В древности группы населения, связанные с минойской традицией, назывались этеокритскими. Этеокритяне долго сохраняли свой язык и в историческое время. Первоначальный структурный анализ их текстов убедил меня, что они сопоставимы с текстами на языке ликийцев, которые, как и этеокритяне, были потомками лувийцев: l'histoire de la longue durée! [30].

---

[23] См. *Best.* The Zakro..., 2.3 (a-re).

[24] AHW, *s. v. tipu(m).*

[25] AHW, *s. v. kippu(m).*

[26] См. *Best.* Yaššaram!, p. 19, 4.

[27] AHW, *s. v. pû(m)* I, 7.

[28] AHW, *s. v. ajja(k)ku(m).*

[29] *Rossell W. H.* A Handbook of Aramaic Magical Texts. Shelton College, Ringwood. N. Y., 1953 (texts 9, 14, 30). Первым отметил эту закономерность С. Гордон (Evidence for the Minoan Language. Philadelphia, 1966, p. 27, 119).

[30] Ср. *Houwink ten Cate, Ph. H. J.* The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Period. Leiden, 1961; *Duhoux Yves.* L'Etéocrétois, les textes — la langue. Amsterdam, 1982.

Еще раз о надписи на Закросском пифосе[1]

Чтение:

1. VIN 21. *Di-di-ka-se. a-sa-mu-ne. A-se*

2. a-ṭą-nu-tī de-ka a-re ma-re-na. Ti-ti-ku (рис. 1*а*, 1*б*)

Комментарий к надписи:

1.1. VIN 21. Уильям Брайс читает здесь VIN 32, поскольку он трактует третью, довольно глубокую горизонтальную черту в идеограмме VINUM как обозначение еще одной десятки. По-моему, эта «черта» — повреждение на линии разлома. Нижняя вертикальная черта за обозначением обеих десяток была истолкована Брайсом как вторая единица, хотя она находится явно ниже десяток. Прекрасная и тщательная прорись надписи, сделанная им же, говорит в пользу трактовки этой черты как словоразделителя, стоящего между VIN 21 и следующим словом [2].

1.2. Di-di-ka-se. По аналогии с двумя другими личными именами на пифосе, A-se и Ti-ti-ku, засвидетельствованными уже в корпусе табличек из Айа Триады [3], Di-di-ka-se (ср. его начало в 213а. 1, где читается личное имя Di-di-ko-ra-me) может рассматриваться в контексте надписи (ср. перевод ниже) как третье личное имя.

1.3. a-sa-mu-ne. Из аккадского assammu ‘большой сосуд для питья’; здесь непосредственно обозначает сам пифос [4]. Это название сосуда засвидетельствовано не только в Эпано Закро, но также в семитском тексте из Алалаха [5]; -ne сопоставимо с формантом -n в угаритских текстах, где названы другие сосуды, такие, как krpn и mmskn [6]. В текстах из Айа Триады -e и -i употребляются в качестве «пустых» гласных в конце слова, как, например, во фракийском личном имени Pi-ta-ka-se (Phittakas), графический вариант Pi-ta-ke-si (Phittakès), или в Ti-ti-ku-ni, личном имени предположительно хурритского происхождения, засвидетельствованном в Алалахе как Titiku и Titikun (с формантом -n) [7].

1.4. A-se. Личное имя в Айа Триаде [8].

2.1. a-ṭą-nu-tī. ṭą: вместе с Брайсом считаю загадочную вторую горизонтальную «черту» испорченным местом и реконструирую знак L74 со

---

[1] Литература: *Best Jan G. P.* A linear A Inscription on a Pithos from Epanô Zakro.— TALANTA, 1972, IV, p. 82—84 (далее — *Best.* Zakro a); *Stronk Jan P.* A Pithos from Epanô Zakro.— Ibid., p. 85—87 (далее — *Stronk.* Zakro b); *Best J. G. P.* Inscriptions from Zakros.— In: Festoen (Scripta Archaeologica Groningana 6). Groningen-Bussum, 1974, p. 91—93 (далее — *Best.* Zakro c); *Platon N., Brice W. C.* Inscribed Tablets and Pithos of Linear A System from Zakro. Athens, 1975, p. 82—85 (далее — *Brice.* Zakro d); *Gordon Cyrus H.* Further Notes on the Hagia Triada Tablet № 31. — Kadmos, 1976, XV, p. 28—29 (далее — *Gordon.* Zakro e); *Stieglitz Robert R.* The Minoan Pithos Inscription from Zakro.— Kadmos, 1983, XXII, p. 5—7 (далее — *Stieglitz.* Zakro f).

[2] *Brice.* Zakro d, p. 82—83.

[3] Ср. относительно личного имени *A-se* в Айа Триаде: *Meijer Louk C.* Eine strukturelle Analyse der Hagia Triada-Tafeln. Amsterdam, 1982, p. 114, а относительно имени *Ti-ti-ku* в Эпано Закро и в Айа Триаде: *Best.* Zakro a, p. 84; *Best.* Zakro c, p. 93.

[4] *Best.* Zakro a, p. 83 (a-sa-mu); *Best.* Zakro c, p. 92 (a-sa-mu-ne).

[5] JCS, 1979, 8, p. 21: 265, 19 (ana as-sà-am-mi).

[6] *Best.* Zakro c, p. 92 (где a-sa-mu-ne сравнивается с угаритским krpn и mmskn).

[7] О фракийском происхождении Pi-ta-ka-se/Pi-ta-ke-si см. *Best Jan G. P.* Some Preliminary Remarks on the Decipherment of Linear A. Amsterdam, 1972, p. 34, not. 104; *idem.* Die Süd-Thraker in der Bronzezeit.— PULPUDEVA, I, Sofia, 1976, p. 167, not. 21 (HT 21a.1: pi-ta-ka-se, HT 87.2; pi-ta-ke-si); относительно Titiku и Titikun в Айа Триаде и в Алалахе см. *Pope Maurice.* Aegean Writing and Linear A.— SMA, VIII, Lund, 1964, p. 5. Чередование e/i рассмотрено в работе: *Best.* Some Preliminary Remarks..., p. 9—10, 15—16.

[8] HT 93a. 3; HT 132. 1: *Meijer.* Eine strukturelle Analyse..., Index I, S. 133.

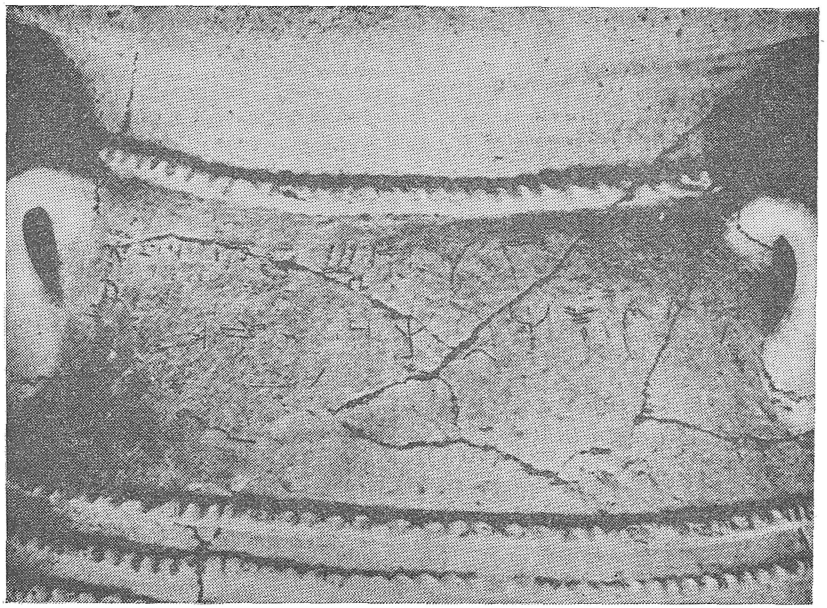


Рис. 1*а*. Надпись на закросском пифосе (Brice, Zakro d)

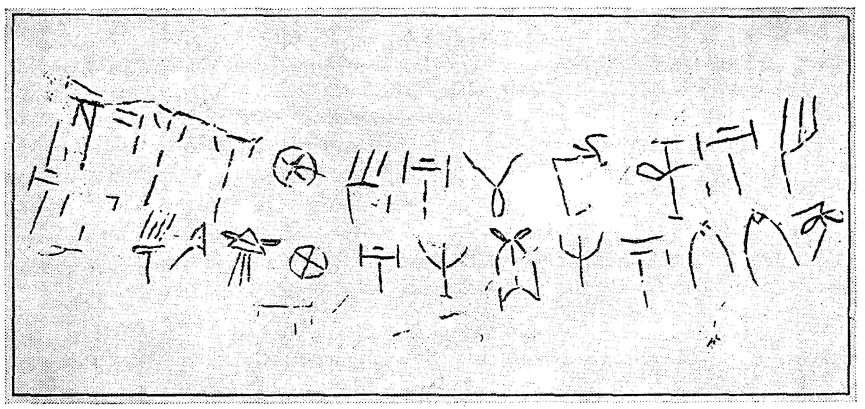


Рис. 1*б*. Прорись надписи на закросском пифосе

слоговым значением ta. Эта форма сопоставима с угаритским глаголом atn ‘давать’, причем -tī — окончание 1 лица ед. ч. перфекта: ‘я дал’ [9].

2.2. de-ka. Роберт Штиглиц убедительно отождествил это слово с библейской формой указательного местоимения мужского рода dēk- — ‘этот’, ‘тот’ [10].

2.3. a-re. Это слово надо читать a-le (см. чередование l/r в текстах!), причем возможно (но не обязательно) с пустой гласной в конце: оно сопо-

---

[9] Об a-ta-no-L88 ‘давать’ см. *Best.* Zakro c, p. 93; об a-ta-nu-tī см. *Best J. G. P.* Yaššaram! — TALANTA, XIII, 1981 — SEM, p. 18.

[10] *Stieglitz.* Zakro f, p. 6.

ставимо с угаритским предлогом l(al) 'для' [11] (= дат. падеж.— *Прим. перев.*).

2.4. ma-re-na. Из угаритского корня mr' ⟨руководить⟩ образовано отглагольное существительное, часто используемое во множественном числе: mrum 'руководители (некоторых гильдий)' [12]. Здесь оно сопровождается местоимением -nā 'наши', сопоставимым с его угаритским коррелятом -n, относительно которого Сайрес Гордон доказал, что его огласовка -nā [13].

2.5. Ti-ti-ku. Личное имя в Айа Триаде [14]. Словоразделитель между ma-re-na и Ti-ti-ku ставит это последнее личное имя в такое же положение, как и Di-di-ka-se и A-se [15].

Перевод: стк. 1: 21 стандартная единица измерения вина [16]: (поставлена) Di-di-ka-se; пифос: (поставлен) A-se; стк. 2: Я, Titiku, даровал это руководителю нашей гильдии.

Этот пифос с надписью из Эпано Закро (по дороге в Като Закро), красиво украшенный веревочным лепным орнаментом вдоль горла и тулова, был найден вместе с семью (возможно восемью) другими пифосами без надписей, но того же размера и с теми же украшениями в кладовой крупного винодельческого центра (с двойным винным прессом in situ!) [17]. Социально-экономическая ситуация вроде бы ясна: Titiku, хозяин или управляющий центра, записывал поступающую к нему продукцию зависимых от него людей (таких, как виноградарь Di-di-ka-se и горшечник A-se) согласно правилам регистрации, бывшим в ходу в храмах Айа Триады и во дворце Като Закро. Он был в состоянии преподнести дар руководителю гильдии, в которую он входил вместе со своими подчиненными. Если учесть, что в восьми одинаковых пифосах его кладовой содержалось в общей сложности около 160 bat вина, то можно заключить, что его положение было примерно таким же, какое занимал предполагаемый землевладелец De-ku-na-se (212a.1), чьи издольники поставили во дворец в Като Закро в целом (ku-lu) 68 bat вина me-ki-di (предположительно довольно обычного, потребляемого с пищей; ср. угарит. mġd) и 17 bat вина ra-ko-me (очищенного экспортируемого вина более высокого качества; ср. AHW, *s. v. laḫātu* III) [18]. В свою очередь Di-di-ka-se был, наверное, достаточно крупным виноградарем [19], занимавшим такое же общественное положение, как и Ge-si.zV-e (Z12a, 2), Tumi-ti-sa-se (Z1a. 3—4) и E—L114 (?) (Z8a.7). Из 11 поддающихся чтению табличек из Като Закро не менее 7 — суть за-

[11] *Gordon.* Zakro e.

[12] *Gordon Cyrus H.* Ugaritic Manual III. Roma, 1955, s. v. *mr'* I (1161).

[13] *Idem.* UM I, p. 31, 6.11.1 c. pl.-*n*.

[14] HT 31.1: *Meijer.* Eine strukturelle Analyse..., Index I, S. 140. Единственное правильное чтение HT 96a. 1, вопреки Штиглицу (*Stieglitz.* Zakro f, p. 7, not. 14: LIOO (,) ti-ti-ku-ni (*Meijer.* Eine strukturelle Analyse..., S. 114).

[15] Относительно всей структуры надписи см. Приложение 1 и 2.

[16] О библейской (возможно, также угаритской) мере bat в качестве стандартной единицы измерения вина на закросском пифосе см. *Stronk.* Zakro b.

[17] BCH, 1965, 89, p. 894—895; BCH, 1966, 90, p. 925—928; о виноградниках в районе Закро и о трех более древних винных прессах в домах вне дворца Като Закро см. *Platon N.* Zakros, The Discovery of a Lost Palace of Ancient Crete. N. Y., 1971, p. 53, 66.

[18] См. сокращенное обозначение me для вина me-ki-di в Z4/5a.1, Z12a.3 и 6; ra — аббревиатура, для вина ra-ko-me в: Z9.1, Z12b.3 (*Brice.* Zakro d, passim) и K 2005 (вино, возможно, экспортированное из Като Закро в Айа Ирини на о-ве Кеос: Kadmos, 1970, IX, p. 110, № 6).

[19] Автор явно упустил из виду, что виноградарь (vine-grower) поставляет в винодельческий центр (production centre of wine) не вино, а виноград. В переводе текста взятое в квадратные скобки вставлено для ясности переводчиком вместо английского by.— *Прим. перев.*

писи о поставках двух вышеназванных марок вина и о виноградарях, которыми руководил некто Qi-ga-ru (Z 1a.1, 10a.1); ср. Ki-ke-ro в надписи на линейном B из Кносса [20].

Итак, производство вина в окрестностях Закро было, по-видимому, крупномасштабным и находилось под контролем представителя дворца Qi-ga-ru «руководителя нашей гильдии» (из Кносса?). Краткие строчки на закросском пифосе, таким образом, дают возможность взглянуть непосредственно на ту социально-экономическую ситуацию, которую Стефан Хиллер так убедительно описал на основании надписей на линейном B из Кносса о критских виноградных плантациях [21].

Приложение

1. Бронзовая чаша из Хании, украшенная каймой и надписью. Литература: SMEA 23, 1982, p. 61—72.

A-ra-ko ku-ga-wa-sa-tu ma-lu Au-ta-de po-ni-za.

Перевод: Arakos: кайма, Autade заполнил письмом.

A-ra-ko: греческое личное имя в кносском линейном B, номинатив = = Arakos.

ku-ga-wa-sa-tu: 'кайма' = guḫaššu или guḫassu (ср. графические варианты gu-ḫa-aš-šu, gu-ḫa-aṣ-ṣi, gu-ḫaṣ-sa-a-te/ti), имя мужского рода в номинативе ед. ч.

ma-lu: 'заполнить' = malû (AHW: '(an)füllen, mit Intarsien einlegen, eingliedern') абсолютный инфинитив, за которым следует подлежащее, в угаритском часто употребляется для выражения прошедшего времени (угарит.ml').

Au-ta-de: личное имя в линейном A (*-A-ta-de*) в номинативе.

po-ni-za имя мужского рода в аккузативе ед. ч. (номинатив ponizi), заимствование из греческого линейного B; ср. po-ni-ki-jo и в позднем греческом phoinikèia 'письменность', poinikastas = 'писец' (Крит), phoinikographos = 'писец' (Митилена).

2. Золотая булавка для одежды с надписью на ручке.

Литература: BCH, 1981, 105, p. 3—25.

Чтение: *a-ma-wa-si. Ka-ni-ya-mi. i-ya. za-ki-se-nu-ti. A-ta-de.*

Перевод: А ну-ка вытолкни, Kaniyami, и высвободи их (предметы одеяния)!: Atade.

a-ma-wa-si: amma, междометие 'а ну-ка' перед повелительным наклонением у лица ед. ч. женского рода на -i в wasi 'вытолкни' (AHW: (w)asû).

Ka-ni-ya-mi: женское личное имя в номинативе (ср. kn'айнm в угаритском), -i может означать 'моя' (-i: притяжательное местоимение 1 лица ед. ч. в угаритском).

i-ya: графический вариант вместо *u-ya* 'и' (ср. *uky* в угаритском).

za-ki-se-nu-ti: zaki, -i — повелительное наклонение 2 лица ед. ч. женского рода от zakû 'освободить', с дополнением -se-nu-ti = -šunuti 'их', 'эти' в аккузативе мужского рода мн. ч., ставящимся после глаголов (ср. AHW, *s. v.* zakû: ú-zar-ki-šu-nu-ti).

A-ta-de: мужское личное имя дарителя (= Au-ta-de, см. выше).

Й. Г. П. Бест

---

[20] *Best.* Vaššarim! p. 13, 40—41.

[21] *Hiller St.* Fruchtbaumkulturen auf Kreta und in Pylos.— In: Res Mycenaeae. Hrsg. von Heubeck A. und Neumann G. Göttingen, 1982, S. 184, 199.

DEUX TRADITIONS DES INSCRIPTIONS EN SPIRALE UTILISANT LE LINÉAIRE A.
ENCORE UNE FOIS L'INSCRIPTION DU PITHOS DE ZAKRO

J. G. P. Best

Version russe de deux articles sur le déchiffrement de textes utilisant l'écriture linéaire A publiés dans *Talanta* XIV et XV (1982, 1983) en anglais.

К ПАПИРУСНОМУ ФРАГМЕНТУ «РАЗРУШЕНИЯ ТРОИ» СТЕСИХОРА

(P. Oxy. 2619, fr. 15 b, 11—12)

Указанный фрагмент поэмы Стесихора «Разрушение Трои» [1] содержит текст, посвященный строителю деревянного коня Эпею [2]. В строках 11—12 папирусного текста содержится лакуна:

— ◡
....]χόρ[.]υ Τρω⟨ῖ⟩ας ἁλωσι[◡ — ◡ ◡ —
— —
....]ν ἔθηκεν.

Первое восполнение этих строк предложил Р. Барретт [3]:

εὑρυ]χόρ[ο]υ Τρω⟨ῖ⟩ας ἁλώσι[μον ἦμαρ ἄτερ
λαῶ]ν ἔθηκεν.

Данная реконструкция неудачна с точки зрения смысла: ἦμαρ ἔθηκεν «назначил день» для Эпея неожиданно, так как в Одиссее такое действие, как правило, приписывается Зевсу (Ζεὺς ἦμαρ ἔθηκεν: Od. V, 262; XII, 399; XV, 477).

В 1974 г. при обсуждении моего доклада, посвященного общей интерпретации данного фрагмента, А. Б. Черняк предложил в качестве восполнения слово ἄστυ. При публикации доклада [4], приняв чтение ἄστυ, я по небрежности не сослался на А. Б. Черняка, за что приношу ему свои извинения.

При дальнейшей работе обнаружилась возможность полностью реконструировать эти строки:

εὑρυ]χόρ[ο]υ Τρω⟨ῖ⟩ας ἁλώσι[μον ἀκρόπολιν
αἰπὰ]ν ἔθηκεν

---

[1] The Oxyrhynchus Papyri. Ed. Lobel E. Part XXXII. L., 1967, № 2619, fr. 15 b. В книге Д. Пейджа (Supplementum lyricis Graecis. Ed. Page D. Oxf., 1974 — далее — S) он фигурирует под номером 89.

[2] По имени Эпей во фрагменте не назван; упоминается муж, которому волею Афины было даровано видеть меру и суть мастерства, но который не славился в битвах. Обе эти характеристики как нельзя лучше подходят к Эпею, но настоящим доказательством явилось наложение на папирусный текст цитируемых Афинеем стихов Стесихора (см. прим. 4). Афиней называет Эпея по имени.

[3] Это чтение принял в свое время М. Уест (*West M.* Stesichorus redivivus.— Zeitschrift für Papyrologie und Epiqraphik, 1969, B. IV, S. 140).

[4] *Казанский Н. Н.* Начало поэмы Стесихора «Разрушение Трои» (P. Oxy. 2803, fr. 1 — verso и P. Oxy. 2619, fr. 15 *a* + fr. 15b + fr. 31 + fr. 30 + PMG 200).— Вестник ЛГУ, 1976, № 2, с. 103.

Слово ἀκρόπολις представлено во фрагментах той же поэмы Стесихора [5] и полностью заполняет конец стиха 11. Частая у Гомера формула πόλιν αἰπήν (Il. XIII, 625; ср. Od. III, 130; XI, 533; XIII, 316) легко могла подвергнуться у Стесихора изменению в ἀκρόπολις αἰπή (такого рода приращения к традиционной формуле для Стесихора засвидетельствованы). Для слушателей πόλιν αἰπήν было устойчивым словосочетанием, формулой, настолько привычной в приложении к Трое, что даже enjambement не заставлял объединить слова αἰπὰν ἔθηκεν. Слово αἰπήν (в доризированной форме αἰπάν) точно укладывается в отмеченное Э. Лобелем число недостающих букв в начале стиха.

Предлагаемое восполнение не только полностью заполняет лакуну, но и дает более точный смысл: заслуга Эпея заключается в том, что благодаря его трудам была взята самая неприступная часть Трои — акрополь. Πόλις αἰπή у Гомера понимается как «город с высокой стеной», а не как «город, расположенный над кручей» [6], что и отражено в моем переводе [7], где ἀκρόπολις переведен как «град», чтобы подчеркнуть преемственность с гомеровской формулой.

Н. Н. Казанский

---

[5] πρὸς ναὸν ἐς ἀκρ[όπο]λ[ι]ν... (P. Oxy. 2619, fr. 1, col. II + fr. 47 = S 88, col. II, 6).

[6] Ср. Lexicon Homericum. Ed. Ebeling H. V. I. Lipsiae, Londini, Parisiis, 1885, p. 53.

[7] *Стесихор.* Фрагменты.— ВДИ, 1985, № 2, с. 239.

A PROPOS D'UN FRAGMENT SUR PAPYRUS DE LA «DESTRUCTION DE TROIE» DE STESICHORE

N. N. Kazanskij

L'auteur propose une nouvelle leçon (εὐρυ]χόρ[ο]υ Τρωίας ἁλώσι[μον ἀκρόπολιν / αἰπὰ]ν ἔθηκεν) du *P. Oxy.* 2619 fr. 15b, 11—12 (= D. Page, *Supplementum lyricis Graecis*, fr. 89, 11—12) qui complète l'interprétation proposée par lui dans *Vestnik Leningradskogo Universiteta* 1976 n° 2 et reproduite dans *ZPE* Bd. 38.

ГОСУДАРСТВО МОЛОССОВ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ АНТИЧНОГО ЭПИРА

В сложном спектре проблем, связанных с изучением истории античной Греции, одной из наименее изученных на сегодняшний день остается история Эпира. Причины этого кроются, в частности, в синхронности возникновения и усиления раннеэпирской и македонской государственности, причем развитие Македонии, как правило, отвлекало новейших историков от исследования сильного Эпирского государства на севере Греции. Ситуация не меняется и в работах, касающихся раннеэллинистического периода; например, для эпохи диадохов на первый план в историографии выступает личность царя Пирра, да и то лишь в связи с развитием общегре-

ческой политики, но не в контексте собственно эпирской истории [1]. Значительно лучше и детальнее освещена эпирская проблематика в трудах, затрагивающих более поздние этапы истории Эпира, а именно — III—II вв. до н. э.; нельзя в этой связи не упомянуть капитальную монографию П. Кабана [2]. Вместе с тем автор, рассматривая достаточно полно проблематику, связанную с очерченным выше периодом, лишь ретроспективно затрагивает ранние этапы истории Эпирского государства. В связи с этим из круга рассматриваемых исследователем проблем практически выпадает интереснейший период непосредственного становления эпирской государственности в его административно-политическом и социально-экономическом аспектах. Чрезвычайно интересная статья Т. В. Блаватской, посвященная некоторым вопросам социально-экономического развития Эпира в IV—II вв. и представляющая обширный и прекрасно аргументированный материал для размышлений, тем не менее в силу своей компактности и локальности затронутых проблем не может рассматриваться в качестве основополагающей работы по истории Эпира [3]. Практически единственным специальным трудом по истории становления Эпирского государства с попыткой решения вопроса об источниках его силы и жизнеспособности является монография К. Клоцша [4]. Однако, весьма интересная и созданная на базе скрупулезного анализа литературных источников, она устарела настолько, что практический интерес представляет лишь в качестве солидной фактологической компиляции. Не располагая эпиграфическими источниками, ставшими доступными лишь во второй половине XX в., Клоцш выдвинул предельно упрощенную схему развития античного Эпира на ранней стадии его государственности. Вызывают критические замечания и общие методологические посылки автора: предельно панегиристическое возвеличение роли молосской династии Эакидов в ущерб анализу реальных социально-экономических предпосылок образования Эпирского государства. Следует упомянуть также обширную работу Н. Дж. Л. Хэммонда [5], посвященную истории Эпира. Однако исследователь, решая в ней глобальную задачу всестороннего изучения эпирской истории, порой недостаточно доказателен в своих выводах; П. Кабан в ходе полемики с Хэммондом указал на некоторые не вполне оправданные его построения [6].

Таким образом, даже наиболее солидные исследования последних лет оставляли вне поля зрения вопросы ранней истории Эпира. Однако проблемы образования рабовладельческого государства всегда были основополагающими для отечественного антиковедения [7]. Эпир же в этом отношении до сих пор представляет собой малоизученный исторический феномен. Поэтому непосредственной темой данной статьи является вопрос о территориальной консолидации эпирских земель вокруг молосского раннегосударственного образования и проблема политической истории раннего Эпира. Вопрос этот при кажущейся локальности отнюдь немаловажен: ведь невозможно рассматривать глубинные социально-экономические и

---

[1] *Nenci G.* Pirro. Torino, 1953.

[2] *Cabanes P.* L'Epire de la mort de Pirrhos à la conquête romaine. 2-ed. P., 1980.

[3] *Блаватская Т. В.* Рабовладельческие отношения в Эпире.— В кн.: *Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И.* Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969, с. 92—110.

[4] *Klotzsch C.* Epirotische Geschichte bis zum Jahre 280. B., 1911.

[5] *Hammond N. J. L.* Epirus. Oxf., 1967.

[6] См., например, *Cabanes.* Op. cit., p. 115.

[7] *Златковская Т. Д.* Образование государства у фракийцев. М., 1971; *Маяк И. Л.* Рим первых царей. М., 1983; *Немировский А. И.* История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962; *Шофман А. С.* История античной Македонии. Т. I. Казань, 1961.

внутриполитические процессы развития государственности, не очертив территориально-политические рамки этого государства.

Приступая к рассмотрению территориальной консолидации античного Эпира, необходимо подчеркнуть, что само понятие Ἤπειρος несет двойную смысловую нагрузку: оно было определением чисто географическим, включающим многие области, населенные племенами, не всегда греческими по происхождению, а тем более далеко не всегда родственными. В таком, географическом смысле оно неоднократно упоминается ранними античными авторами. С другой стороны, определение это подразумевает наличие единого государства, именуемого, как и географический регион в целом, Эпиром; однако понятие это возникает сравнительно поздно, и, упоминая о том или ином эпирском племени в связи с какими-либо событиями, античные авторы практически никогда не именуют эти племена эпиротами, прилагая к ним племенные наименования. Понятие «эпирот» (Ἠπειρώτης) появляется, как мы постараемся показать ниже, в связи с возникновением Эпира как единого государства или по меньшей мере уже в процессе консолидации этого государства. И следовательно, начиная исследование проблемы возникновения этого государства как единого территориального целого, необходимо оговориться, что вплоть до середины IV в. до н. э. это название будет употребляться здесь в качестве понятия *географического*, определяющего районы Северной Греции и Южной Албании от Амвракийского залива на юге до устья Вьосы (Аосса) на севере, от побережья Адриатики на западе до горных массивов Томарос и Мицикели, разделявших античный Эпир и верхнемакедонские области, на востоке.

Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении указанного района,— это редкая даже для окраин античной Эллады раздробленность региона по племенному признаку, что подчеркивается и литературными источниками, упоминающими 11 или даже 14 племен (Strabo, VII, 323—326 C). Положение осложняется еще и тем, что далеко не каждое из этих племен можно убедительно локализовать [8]. Однако бесспорно, что не все эти племена определяли развитие эпирской государственности, а целый ряд их вообще являлся не чем иным, как составными частями тех или иных племенных объединений [9]. И значит, мы получаем возможность, рассматривая вопросы территориальной консолидации Эпира как целостного государственного образования, останавливаться подробно лишь на наиболее крупных племенах региона, обращаясь к мелким племенным группам лишь тогда, когда это будет вызвано необходимостью. Таких наиболее крупных племен Эпира насчитывается, по данным источников, три: феспроты, хаоны и молоссы.

Первым из эпирских племен, попавших в поле зрения и непосредственных интересов греческого мира, были феспроты (Θεσπρωτοί), чья гегемония в Эпирском регионе безусловна даже для первой четверти V в. до н. э. Уже в начале V в., а возможно и ранее феспроты считались собратьями эллинов. Свидетельством этого, на наш взгляд, служит тот факт, что феспроты на правах союзников принимали участие в битве при Платеях, причем Геродот (VIII, 47) не проводит принципиального различия между ними и амбракиотами, безусловными эллинами. Еще более определенно указывает на это обстоятельство Павсаний (V, 23,2), вообще помещающий амбракиотов в Феспротии. Не менее показательным представляется и тот

[8] *Hammond.* Op. cit., p. 279.
[9] *Cabanes.* Op. cit., p. 117—121.

факт, что Феспротия теснейшим образом связана и с греческой мифологической традицией, причем упоминается она в качестве хотя и наиболее отдаленной, но все же неотъемлемой части греческого мира. Именно так, на наш взгляд, можно объяснить сообщение Павсания (IX, 30,6), связывающего Феспротию с местопребыванием Аида, т. е. с крайними пределами греческих земель. Ощущение единства феспротов с греческим миром, насколько можно судить, сложилось в эллинском сознании в достаточно ранние времена,— во всяком случае, эта мысль четко прослеживается в произведениях Гомера (Il. XIII, 389; XVI, 482). Позиция Гомера по отношению к феспротам еще в античное время была прокомментирована Павсанием (IX, 36,3). Показательно, что и Страбон указывает на упоминание Гомером Феспротии в числе греческих областей (I, 28 C; 21 C). Мы склонны предполагать, что именно это рано осознанное (или высказанное) отождествление феспротов с эллинами привело к тому, что в последующее время, когда принадлежность Эпира к Греции стала уже общепризнанной, античные авторы подменяли понятие «эпироты» понятием «феспроты», не сомневаясь, что это будет понятно читательской аудитории (Paus., VI, 14,9). Более того, греческая традиция оказала влияние и на традицию латинскую, в результате чего в Риме возникло мнение о феспротах как о бесспорных эллинах, нашедшее отражение во фрагменте из Веллея Патеркула относительно основания Фессалии феспротом Фессалом (I, 3, 1—3).

Весь комплекс вышеприведенных данных дает основание утверждать, что феспротские племена Эпира очень рано включились в орбиту греческой экономики, политики и культуры. Но каковы же были объективные предпосылки этого процесса? Отвечая на этот вопрос, целесообразно отталкиваться от географического местоположения Феспротии. Непосредственно примыкая к собственно греческим областям, эта страна очень рано (едва ли не в гомеровские времена) стала объектом греческой колонизации. Именно на территории Феспротии были основаны колонии Элиды (Strabo, VII, 324 C; VII, 32) — Пандосия и Элатрия; к феспротским территориям непосредственно примыкали земли Амбракии. Нет сомнений, что выгодное приморское положение способствовало быстрому росту феспротской торговли, а следовательно, активизации общения с греческими колониями. Последние же, находясь в окружении крайне отсталых горных племен Эпира, либо располагаясь в опасной близости от иллирийских владений, либо, наконец, раздираемые внутренними социальными противоречиями, доходящими до открытой «смуты» (στάσις — Thuc., I, 24,5), вынуждены были искать союзников. Такими союзниками, как представляется, стали для них именно феспротские племена. Тесные же экономические и политические связи обусловили признание феспротов эллинами задолго до того, как это было сделано по отношению к македонянам и тем более к остальным эпирским племенам. Элейские же колонии вплоть до середины V в. должны были, безусловно, весьма дорожить таким союзником в силу того, что в это время феспроты были наиболее могущественным из эпирских племен [10].

Нет сомнений, что феспротская гегемония в эпирском регионе продолжалась до середины V в. Вывод этот со всей очевидностью напрашивается в результате анализа территориального состава Феспротии. Еще в конце VI — начале V в. в состав феспротских владений входили обширные территории на западе и юге Эпира, включая верховья р. Ахерон и земли западнее горного массива Томарос [11]; в тот период под властью феспротов на-

[10] Ibid., p. 114.
[11] *Dacaris S. I.* Thesprotia. Athens, 1972, p. 86.

ходилась и Додона, древнейший сакральный центр Эпира, впоследствии ставшая политическим центром Молоссии (Strabo, VII, 328 C). В середине V в. началось постепенное ослабление феспротов. Исследователи не пришли к единому мнению относительно датировки периода, когда под натиском сначала хаонов и молоссов, а затем преимущественно последних феспротские владения начинают сокращаться [12]. Несомненно, однако, что уже к 429 г. феспроты теряют положение и репутацию сильнейшего эпирского племени. Фукидид, описывая военные действия в интересующем нас регионе, на первое место ставит хаонов, «варваров», по его определению, причем ясно указывает, что именно они считались «лучшими воинами в этой стране»; феспроты выступили в поход «вместе с хаонами» (Thuc., II, 80,5; 81,4—5). Здесь феспроты выступают в поддержку амбракиотов, своих традиционных (Herod., VIII, 47) союзников, но из свидетельства Фукидида следует, что главной силой в регионе стали именно хаоны. Наряду с утратой горных районов, концентрирующихся вокруг Додоны, сама Феспротия распадается на две части: от нее отделяется Кассопея, область, непосредственно граничащая с Амбракией [13]. Принадлежность кассопеев к феспротским племенам не вызывает сомнений (Strabo, VII, 321 C), однако уже во второй четверти IV в. они выделяются во вполне независимую политически область. В целом результатом прогрессирующего политического (но отнюдь не обязательно экономического) упадка Феспротии был в конце концов тот факт, что обширное и могущественное племенное объединение феспротов, еще в 480/79 г. включавшее в сферу своего влияния весьма крупную по масштабам региона территорию от островов Керкира и Левкада вплоть до Амбракийского залива (Herod., VIII, 47), начиная с середины V в. быстро слабеет и уже к 429 г., утратив многие области, разделяется на два государственных образования и вынуждено выступать в роли союзника нового претендента на общеэпирскую гегемонию — хаонов (χάονες).

Хаонские племена в отличие от феспротов в глазах греков безусловно были варварскими, причем настолько, что традиция даже отказывала им в балканском происхождении. Любопытно в этой связи сопоставить данные, сообщаемые Страбоном со ссылкой на Гекатея Милетского о хаонах, с одной стороны, и феспротах, а также молоссах — с другой. Если последние в его глазах — безусловно эллины или, во всяком случае, их близкие родственники,— автор подтверждает это экскурсами в область греческой лингвистики и молосско-феспротско-македонского единства (Strabo, VII, 1a, 2), то относительно хаонов Страбон (VI, 253; 264) убежден, что они суть италийские племена, вытесненные через пролив самнитами. Эта гипотеза при всей своей фантастичности хорошо отражает отношение античного автора к хаонам как к племени, очевидно, наименее соприкоснувшемуся с греческим миром. Именно хаоны, слывущие в это время «лучшими воинами» Эпира (Thuc., II, 81,4), начинают в последней трети V в. постепенное продвижение на юг, так что скорее перед нами предстает картина шаткой, но вполне очевидной гегемонии хаонов в Эпирском регионе (Thuc., II, 80, 81; Strabo, VII, 323—326 C). Именно в роли гегемонов выступают они в период боев 429 г. при г. Страте между лаконскими союзниками и контингентами афинян. Особо показательно, что, будучи упомянутыми современником в качестве первостепенных союзников лакедемонян, хаоны объединяют под своим верховным руководством практически все племена регио-

[12] *Cabanes.* Op. cit., p. 113 suiv.
[13] *Dacaris S. I.* Cassopaia and the Elean Colonies. Athens, 1971, p. 13, 71, 113 f.

на — и феспротов и, более того, молоссов. Причем, если в отношении феспротов, старых союзников Амбракии, это не так уж удивительно, то присутствие в рядах антиафинской коалиции молоссов — явление более чем странное. Уже в этот период, да собственно и гораздо раньше Молоссия в своей политике ориентируется на Афинскую Архэ (подробнее об этом будет сказано ниже). И выступление против афинян, противоречащее принципам этой долговременной ориентации, могло иметь место только в результате влияния, которым в этот период пользовались в рамках региона хаоны; впрочем сообщение Фукидида (II, 80,1) дает понять, что территориальные притязания хаонов простирались в тот период даже и за пределы Эпирского региона — вплоть до раздела с Амбракией акарнанских территорий.

После поражения при Страте хаонская гегемония, как можно предположить, ослабевает; хаоны на длительный период времени отказываются от осуществления активной внешней политики, что было вызвано, вполне вероятно, началом экономического кризиса: если верить данным Псевдо-Скилака (29—30), то даже спустя два-три десятилетия на территории Хаонии наблюдались явные следы экономического упадка. Именно с этого времени политическая гегемония в регионе переходит к молоссам. Что же касается Хаонии, то ее роль в интересующей нас территориальной консолидации Эпирского государства оказывается ничтожно малой вплоть до нового периода усиления, начинающегося не ранее последней трети IV в. до н. э., одновременно с объединением Хаонии вокруг Фойники. Впрочем, эта проблема, как и иные, связанные конкретно с Хаонией, подробно рассмотрена в литературе [14]. Значительно важнее то, что в конце V в., после окончательного упадка Феспротии и окончания короткого периода хаонской гегемонии, на первый план в Эпирском регионе выдвигаются молоссы (μολοσσοί) — третье из крупнейших племенных объединений Эпира.

Исконными землями молосских племен в современной литературе единодушно признается долина Янины, ограниченная восточными склонами горных массивов Томарос и Ксеровуни [15]. Непосредственно к молосским землям примыкали горные области, впоследствии вошедшие в состав Македонии, но в V в. современники называли их эпирскими — Тимфея, Паравея, Орестида (Thuc., II, 80). В отличие от феспротов и хаонов, чья социальная структура в своем развитии, согласно данным того же Фукидида (II, 80, 5), уже прошла стадию власти гентильных басилеев и стабилизировалась на уровне аристократического правления магистратов, ежегодно переизбираемых из «правящих родов», молосские племена сохранили институт царской власти, представленной в Молоссии династией Эакидов.

В сферу греческой политики молоссы входят в первой четверти V в., причем уже в этот период характерной чертой молосской политики была афинская ориентация. Царь молоссов Адмет официально обращался за помощью к Афинам (по неизвестному поводу), однако из-за противодействия Фемистокла получил отказ (Thuc., I, 136, 4). Попытка опереться на Афины вполне понятна: усиливавшееся молосское государственное образование помимо прочего не могло не ставить перед собой в качестве одной из основных задач получение выхода к морю. Море же было отрезано от горных молосских районов феспротами, территориями Амбракии и элейских колоний, стоявших на стороне Спарты, и в такой ситуации Афины были для молоссов единственно возможным союзником. Впрочем, в то время для

[14] *Paiakowski W.* Die Hegemonie der Chaoner.— UAM, v. 3, Poznan, 1969.
[15] *Cabanes.* Op. cit., p. 112 suiv.; *Hammond.* Op. cit., p. 78—80.

достигших высочайшего взлета Афин молоссы, как можно заключить по реакции Фемистокла на просьбу Адмета, особого интереса не представляли. Здесь интересно само стремление молоссов уже на этом раннем этапе формирования их государства выйти за пределы узкорегиональной политики, заручиться союзом с наиболее развитым государством Эллады. Сам же факт прибытия посольства Адмета в Афины и общий тон повествования Фукидида позволяют судить о том, что молоссы (во всяком случае, гентильная знать) рассматривались греками наравне с феспротами,— но в отличие от хаонов! — как представители греческого мира, периферийные, слабо организованные, но все же эллины по крови и духу. Показательно, что изгнанный из Афин Фемистокл обращается к Адмету, апеллируя доводами, построенными в духе чисто греческого понимания гуманности, т. е. обращаясь как равный к равному (Thuc., I, 136, 2—4; Plut., Them. 25). Следующий известный нам эпизод с участием молоссов до их выхода на политическую арену Эпира в качестве гегемонов — уже упоминавшаяся битва при Страте, где молосские войска принимали участие на стороне хаонов. Впрочем, уже в это время видны признаки постепенного усиления Молоссии: под командованием молосского правителя сосредоточены отряды иных племен, в частности атинтанов, что определенно указывает на зависимость последних от Молоссии[16]. Спустя некоторое, очевидно, не очень продолжительное время царь молоссов Фарип (сын или, вероятнее, внук Адмета) посещает Аттику (Just., XVII, 3,12). Эта внешнеполитическая акция заставляет думать, что поражение при Страте, как мы и предполагали выше, стало началом конца хаонской гегемонии и молоссы получили возможность не сообразовывать свою политику с устремлениями претендентов на общеэпирскую гегемонию. Содержание сообщения Юстина не оставляет никаких сомнений в том, что этот визит был фактически важнейшим событием, официально закрепившим афино-молосский союз. Более того, вернувшись из Афин, царь Фарип реорганизует управление Молоссией, создав стройную систему органов власти, что стало важнейшим шагом на пути превращения рыхлого племенного объединения в государство. В нашу задачу не входит рассмотрение объективных, социально-экономических предпосылок этого важнейшего факта, однако следует отметить, что к этому времени внутреннее экономическое и социальное развитие эпирских областей, несомненно, соответствовало преобразованиям Фарипа и последние явились, очевидно, лишь законодательным оформлением назревших в самом молосском обществе изменений[17].

Сам по себе вопрос о дате возникновения государства молоссов и его внутренней сущности достаточно спорен; во всяком случае, датировка образования Эпирского государства колеблется от конца V в. — времени «реформ Фарипа»[18] — до конца IV в.[19] Впрочем, обе гипотезы недостаточно аргументированы, и нельзя не согласиться с мнением П. Кабана и П. Леве-

---

[16] Некоторые исследователи делают из этого факта далеко идущие выводы; см. *Hammond.* Op. cit., p. 683.

[17] Т. В. Блаватская (Рабовладельческие отношения...) подробно и скрупулезно рассматривает социально-экономические аспекты развития Эпира в этот период и вполне обоснованно приходит к выводу о поступательно развивающемся в регионе процессе становления полиса и рабовладельческих отношений. Ср. *она же.* Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983, с. 217—220.

[18] *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. III, 2, S. 171; *Klotzsch.* Op. cit., S. 52.

[19] *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde. II. München, 1926, S. 1470—1478.

ка[20], которые, опираясь на выдвинутые еще Г. Нильсеном тезисы, предлагают искать искомую дату примерно в середине этого временно́го интервала. При рассмотрении консолидации эпирских земель вокруг Молосского государства и образования государства Ἤπειρος целесообразным представляется остановиться и на структурных формах, которые принимало это государство по мере своего утверждения.

Первым этапом становления Молосского государства в качестве центра объединения эпирских племен, на наш взгляд, следует признать период, совпадающий с правлением упомянутого выше царя Фарипа, т. е. примерно 430/29 г. — конец V в. до н. э. Освободившись из-под хаонского влияния после битвы при Страте, Молоссия начинает проводить активную самостоятельную политику, как внутреннюю (упомянутые выше «реформы Фарипа»), так и внешнюю. Оценивая итоги внутриполитического развития Молоссии на этом этапе, мы должны признать, анализируя данные Юстина (XVII, 3,12), что царская власть существенно укрепляется — царь уже не только не нуждается в «опекунах», как ранее (Thuc., II, 80,6; Just., XVII, 3, 11), но и располагает возможностью санкционировать проведение в Молоссии важнейших административных преобразований (введение новых магистратур, в первую очередь «сената», как его именует Юстин, т. е. Буле, название которой попадается в эпирской эпиграфике). Такая реорганизация свидетельствует об укреплении царской власти, так как выборный Совет был создан, как мы полагаем, с целью ограничения влияния до того весьма сильных в Молоссии традиционных родо-племенных институтов. Внешняя политика Молосского государства на этом этапе характеризуется началом активной экспансии в направлении соседних территорий: после присоединения феспротских земель в конце V в. молоссы вырываются из горных ущелий восточнее массивов Томарос и Ксеровуни и устанавливают контроль над их западными склонами. Именно в это время под власть молоссов переходит Додона, которая еще во времена «Пиндара и трагиков (т. е. даже в середине V в. — *Л. В.*) была феспротской» (Strabo, VII, 329 C); во всяком случае, с начала IV в. в районе Додоны появляются эпиграфические документы Молосского государства[21]. Молосская экспансия, впрочем, не ограничивалась натиском на Феспротию: если ранее, в 429 г., в некоторой зависимости от молоссов находились атинтаны, то к началу IV в. Атинтания уже стала составной частью Молоссии; следовательно, под контролем молоссов оказывается весь бассейн Дрины, т. е. часть исконно хаонских территорий[22].

Следующий этап территориального расширения Молосского государства связан с борьбой за приобретение выхода к морю, которая проходит в тесной взаимосвязи с общегреческой политикой, выражавшейся в борьбе афино-фиванской коалиции со Спартой и ее союзниками. Судя по данным источников, выхода к морю молоссам удалось добиться уже в первой четверти IV в. В 373 г., откликаясь на просьбу своих традиционных союзников — керкирян, афиняне снаряжают им в помощь отряд пельтастов под командованием Ктесикла; в связи с необходимостью переправы этого контингента на Керкиру афиняне обращаются за содействием к молосскому царю Алкету, чьи владения находятся напротив Керкиры (Xen., Hist. VI, 2,9—10). Естественно, что Алкет мог содействовать переправе, лишь контролируя как минимум часть побережья Адриатики, до тех пор

[20] *Leveque P.* Pyrrhos. P., 1957, p. 98—100, 117—122; *Cabanes.* Op. cit., p. 151—155, 172—185.

[21] *Блаватская.* Рабовладельческие отношения..., с. 94.

[22] *Cabanes.* Op. cit., p. 115 suiv.

принадлежавшего феспротам. Последовательная проафинская политика Молоссии в этот период еще более укрепляется. Отправленная в Эпир для борьбы с лаконскими союзниками, в первую очередь с Амбракией, экспедиция Тимофея сталкивается у берегов Эпира с сильным лаконо-амбракийским флотом (Xen., Hist. V, 4,65—66). В ходе кампании Тимофею, искавшему союзников, удалось «убедить перейти на сторону афинян акарнанские города. Далее он заключил дружественный союз с Алкетом, царем молоссов, и вообще присоединил к себе большую часть находящихся в этих местах городов» (Diod., XV, 36,5). Из сообщения Диодора легко сделать выводы о неравнозначном отношении Тимофея, представлявшего в данном случае Афины, к различным племенам региона. Если акарнанские полисы он «убеждает», а в отношении других употребляет меры, расплывчато названные историком «присоединением к себе», то отношения его с Алкетом Молосским строятся на базе «дружественного союза», иными словами, официально оформленного договора, что ясно подтверждает тезис об укреплении союзнических афино-молосских связей в первой четверти IV в. В это же время упрочиваются связи Молосского государства и с другими государствами Греции: характерно, что фессалийский таг Ясон устанавливает прочные контакты с Алкетом, причем следует отметить, что, по Ксенофонту, в речи, произнесенной фессалийцем Полидамантом в Спарте около 374 г., молосский царь Алкет именуется «правителем Эпира» (Xen., Hist. V, 4,65—66), что конечно, еще не соответствует истине, но определенно подчеркивает степень молосского влияния в Эпирском регионе.

Примерно в это же время, по данным Псевдо-Скилака (32), молоссы приобретают еще один участок побережья, на этот раз — на юге, вдоль берега Амбракийского залива. Подробности присоединения этой, как явствует из текста, небольшой территории нам неизвестны, но и не суть важны: существеннее то, что тем самым Феспротия потеряла непосредственные границы с Хаонией на севере и Амбракией на юге и оказалась полностью окруженной молосскими землями. Районом выхода молоссов к морю на севере, согласно указанию Т. Ливия (VIII, 24), стал бассейн реки Ахерон, ранее отделявшей Феспротию от Хаонии, а с первой четверти IV в. полностью охваченный молосскими территориями.

Анализируя дальнейший процесс территориального расширения Молоссии и консолидации эпирских племен в рамках единого государства, необходимо учесть, что данные литературных источников, освещающих события 70—60-х годов IV в., крайне скудны. В силу этого основным источником становятся эпирские надписи, найденные и опубликованные в последние десятилетия. Опираясь на эту группу источников, можно получить ответы и на вопросы, связанные с внутриполитическим становлением Молосского государства. Наиболее приемлемой начальной точкой отсчета становятся в таком случае данные, содержащиеся в эпидаврском списке теародоков, датируемом примерно 360/359 г. (IGIV^2,94—95). Здесь под общей рубрикой Ἤπειρος, употребляемой в качестве понятия исключительно географического, перечисляются следующие области и города: Пандосия, Кассопея, Феспротия, Керкира, Хаония, Артихия, Молоссия, Амбракия и Аргос Амфилохийский. Уже из этого перечисления видно, что основные племена и области Эпира в этот период сохраняют политическую независимость, причем Кассопея уже существует как отдельное от Феспротии государственное образование. Отсюда следует, что к рубежу 70—60-х годов IV в., несмотря на перечисленные выше успехи, связанные с аннексией феспротских и хаонских территорий, Молоссия в данном документе выступает лишь одним из многих государств региона, упоминающимся даже не на пер-

вом месте. Безусловно, данные эпидаврского списка довольно скудны, и единственная реальная польза для нас заключается здесь в самой возможности определения политической структуры региона. Однако эти скудные данные хорошо дополняются сведениями, содержащимися в документах, обнаруженных в 50—60-х годах нашего века при раскопках Додоны, а именно — в списках эпирских магистратов IV в.

Наиболее ранний из них — список демиургов [23], включающий помимо упоминания царя и высших магистратов (простата и секретаря) перечисление десяти магистратов, представляющих соответственно 10 племен, входящих в это время в Молосское государство: арктаны, триполиты, келайты, пейалы, генайи, этнесты, трифилы, омфалы, амимны, оноперны. Нет необходимости подробно останавливаться на анализе происхождения и местоположения этих племен; следует лишь еще раз подчеркнуть, что все они были или мелкими этническими общностями, составляющими в целом молосское объединение, или во всяком случае, входили в его состав в период не позднее конца V в.,— это особенно ярко видно на примере оноперноп, племени феспротского происхождения [24], но вошедшего в состав Молоссии в результате присоединения последней бассейна Ахерона (Liv., VIII,24). Однако в таком случае следует признать, что это племя, сравнительно недавно присоединенное молоссами, уже к 60-м годам IV в. располагает равным с исконно молосскими племенами правом представительства в общемолосских магистратурах. Можно предположить, что именно в этот период молосская монархия начинает вырабатывать гибкие принципы внутриполитических связей, обеспечивавших всем племенам формальное равноправие в рамках царства Эакидов и, следовательно, значительно ослаблявших их потенциальные центробежные тенденции.

Второй список магистратов, именуемых синархонтами [25], датировать сложнее; впрочем, как будет видно ниже, в нем присутствуют племена, позже отторгнутые от государства молоссов Филиппом II Македонским, а следовательно, список этот нельзя датировать периодом позже 344 г. По сравнению с первым списком этот документ содержит упоминания о пяти новых племенах: опуях, филатах, квестах, орестах, паравеях. Это крайне интересное перечисление проливает свет на появление новой тенденции в территориальном расширении Молосского государства во второй четверти IV в. Особое внимание следует обратить на племена орестов и паравеев, ибо в отличие от первых трех они хорошо известны по данным литературных источников. Несколько позже оресты и паравеи, войдя в состав Македонии, становятся неотъемлемой частью Македонского государства; более того, большинство исследователей признает эти племена македонскими [26]. Однако при рассмотрении этого вопроса нельзя не обратить внимания на тот факт, что в более ранние времена, еще в начале IV в., история этих племен была неразрывно связана отнюдь не с Македонией, но с Эпирским регионом; во всяком случае, в V—IV вв. именно к эпирским племенам относят античные исследователи как орестов, так и паравеев (Thuc., II, 80,6). Представляется, что разнобой в источниках, именующих иногда паравеев пароройми, не должен смущать нас, коль скоро те же источники прямо идентифицируют Паравею с Пароройей (Strabo, VII, 326 C). Таким образом, можно подчеркнуть возникновение на рубеже 70/60-х годов IV в.

[23] Ibid., p. 534 suiv., № 1.
[24] *Hammond.* Op. cit., p. 529 f.
[25] *Cabanes.* Op. cit., p. 536—539, № 2.
[26] См. *Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980, с. 25 сл.

новой тенденции в территориальной экспансии Молосского государства, а именно продвижение его в сторону горных районов, отделявших Эпирский регион от Македонии. И несомненно, это продвижение делает вполне реальной возможность столкновения между двумя быстро усиливающимися государствами: Молоссией и Македонией. Следует также отметить, что наличие в списке синархонтов орестов и паравеев еще раз указывает на предоставление вновь присоединенным племенам равноправного юридического статуса в системе Молосского государства; причем, если мера эта по отношению к онопернам, племени не молосскому, но безусловно эпирскому, не столь удивительна, то вызывает недоумение применение ее в отношении племен, чье эпирское происхождение было достаточно спорным.

На рубеже 60/50-х годов IV в. в обстановке, способствующей возникновению молосско-македонских территориальных противоречий, начинают укрепляться связи между двумя государствами — Молоссией, представленной царем Аррибой (360—344 гг.), и Македонией эпохи начала правления Филиппа II. Начало этого периода характеризуется внешне- и внутриполитическим кризисом Македонского государства (Just., VII, 5,4—7; 6,3—4; Diod., XVI, 2—4); несмотря на определенные успехи (Diod., XVI, 3; Dem., XXIII, 121), Филипп II в такой ситуации не мог идти на открытую конфронтацию с Молосским государством, поддерживавшим крепкие союзные отношения с Афинами (Syll.^{3}, 3,228). В любом случае столкновение с Молосским государством могло иметь гибельные последствия для Филиппа II. В этих условиях последний, стремясь выиграть время для подготовки к осуществлению своей внешнеполитической программы (Just., VII, 6,8), проявил политическую гибкость, предложив молосскому правителю династический союз; выражением такого союза стал заключенный около 357 г. брак Филиппа с Олимпиадой, племянницей Аррибы. Конкретных свидетельств о том, что заключение брака сопровождалось определенными уступками территорий со стороны Македонии, нет, однако Юстин сообщает: «...Арриба рассчитывал, что благодаря свойству с Филиппом он увеличит свое царство» (VII, 6, 12). Это четко указывает на возможность таких уступок; как представляется, наиболее вероятным условием союза мог быть отказ македонского царя от претензий на Орестиду и Паравею в пользу Молоссии. Иные варианты решения вопроса, по нашему мнению, малоубедительны: экспансия в направлении феспротских земель и борьба с хаонами протекали для молоссов успешно и без помощи Македонии, к тому же Филипп и не мог в то время оказать им реальной помощи. Думается, что нейтралитет Молосского государства мог быть обеспечен лишь уступкой вышеуказанных спорных областей, т. е. отказом Филиппа от претензий на них.

Таким образом, к началу 50-х годов на севере Греции одновременно с усилением Македонии усиливается Молосское государство, которое если и не соперничало с Македонией в планах установления панэллинской гегемонии, то, во всяком случае, явственно претендовало на гегемонию региональную, что в свою очередь создавало возможность молосско-македонской конфронтации. В самом деле, не объединив собственно македонские, в том числе и верхнемакедонские, области, для Филиппа было немыслимо вмешиваться в общегреческую политику. Кроме того, учитывая резкое столкновение афино-македонских интересов, нельзя не признать, что Молосское государство, традиционный союзник Афин, представляло реальную опасность для планов македонского царя. Рассчитывать на успех антиафинской кампании, не обезопасив тыл от молосской угрозы, не при-

ходилось даже после заключения династического альянса. Единственным реальным выходом для Филиппа оказалось устранение Аррибы и установление в Молоссии режима, зависящего от македонского царя (Diod., XVI, 72,1). В результате инспирированного Филиппом дворцового переворота молосским царем около 344 г. становится Александр, родной брат Олимпиады (Just., VIII, 6,4—8). Подробности дальнейшего развития событий неизвестны; не вызывает, впрочем, сомнения, что на время опасность со стороны Молоссии была Филиппом ликвидирована и горные области Орестида и Паравея отошли к Македонии, став отныне ее неотъемлемой составной частью (Arr., 18; Curt., X, 7,8). Вместе с тем следует подчеркнуть, что Эпир не стал «вассалом» Македонии. Такая точка зрения высказывалась ранее даже в более категоричной форме [27], однако уже тот факт, что Филипп не применил к Молоссии военных санкций, не включил ее в состав своего государства, и, наконец, все дальнейшее развитие событий, связанных с именем Александра Молосского, позволяют утверждать, что временное ослабление Молоссии отнюдь не означало установление над ней своего рода македонского «суверенитета» [28].

С именем царя Александра Молосского (344—331/330 гг.) неразрывно связан последний этап существования в рамках Эпирского региона собственно Молоссии — этап, предшествующий возникновению на базе Молоссии (κοινόν τῶν μολόσσων) нового государства, именуемого Эпиром, причем термин этот здесь употребляется уже в качестве административно-политической дефиниции. Трансформация Молоссии в Эпир происходит спустя не более полутора десятков лет с момента прихода к власти Александра Молосского. Этапы заключительного периода территориальной консолидации и внутриполитического оформления Эпира целесообразно рассматривать на базе анализа нового, аргосского списка теародоков, датируемого примерно 331/330 г., т. е. самым концом правления Александра Молосского [29]. В этом списке перечислены совершенно новые по сравнению с данными эпидаврского списка независимые области региона: Аргос Амфилохийский, Амбракия, Эпир (Ἤπειρος), Фойника, Керкира, Аполлония. Как видно из простого сравнения, политическая структура региона претерпела серьезные изменения. Сохраняют независимость греческие полисы региона (хотя и не все) и Хаония, которую в списке, вне всякого сомнения, представляет Фойника. Но Феспротия, Кассопея, Пандосия, выступившая в эпидаврском списке от всех элейских колоний, как независимые государства более не упоминаются. Исчезает и Молоссия; вся совокупность этих территорий получает наименование Эпир. Следовательно, под этим наименованием составители списка подразумевают новое, сложившееся в предшествующие годы государственное образование, включившее в себя наряду с Молоссией также Феспротию, Кассопею и элейские колонии (Элатрию, Пандосию и, возможно, Бухетион). Характерно, что от имени Эпира аргосских феоров принимает молосская царица Клеопатра, супруга отсутствовавшего в это время Александра Молосского; отсюда, естественно, напрашивается вывод, что новое государство было образовано под эгидой Молоссии.

Для завершения исследования интересующих нас проблем необходимо проследить этапы трансформации Молоссии в Эпирское государство, про-

[27] *Шофман.* Ук. соч., с. 254.

[28] Позиция А. С. Шофмана, как представляется, в данном случае обусловлена тем, что исследователь упоминает об Эпире (даже не о Молоссии) лишь вскользь, не ставя перед собой задачи разобраться в истинном положении вещей.

[29] *Charneux P.* Liste argiénne de thearodoques.— BCH, 1966, 90, p. 156—239, 710—714.

цесс территориальной консолидации последнего и в той мере, в какой это окажется возможным, общие принципы его внутриполитической организации.

В 342 г. Филипп II, завоевав элейские колонии, передал их своему эпирскому ставленнику и родственнику Александру Молосскому [30]; это были первые территориальные приобретения Александра. Удивительно на первый взгляд, что Филипп, последовательно расширявший свои владения, поступился столь важными как в экономическом, так и в стратегическом плане прибрежными районами. Однако это становится понятным, если учесть, что Александр Молосский, как будет показано ниже, очень скоро обнаружил тенденцию к выходу из-под македонского влияния. Сильное Молосское государство могло представлять реальную опасность, поэтому, на наш взгляд, Филипп II и передал эти города Александру в качестве компенсации за отторгнутые горные области, тем более что их географическое положение затрудняло закрепление в указанных районах македонян. К тому же, передавая элейские колонии Молоссии, Филипп провоцировал разрыв дружественных связей Молосского государства с Афинами; разрыв этот действительно произошел (Dem., VII, 32), что существенно ослабило обоих сильных противников Македонии. Исследователи, рассматривавшие историю элейских колоний, полагают, что после присоединений их к Молосскому государству Кассопея, *тесно связанная экономически с Пандосией и другими элейскими полисами*, не могла долго сохранять самостоятельность и быстро вошла в состав владений Александра Молосского [31].

Правление Александра Молосского было временем резкого усиления Молоссии, роста ее значения в регионе. Во всяком случае, уже к 336 г., повествуя о церемонии бракосочетания дочери Филиппа II, в то время уже гегемона Греции, с Александром, Юстин титулует их одинаково — «великие цари» (IX, 6,1—2). Бракосочетанию этому предшествовали события, рассмотреть которые здесь представляется необходимым, ибо они указывают не только на возникшее на рубеже 40—30-х годов IV в. охлаждение между Филиппом II и Александром Молосским, но и на наличие прямой конфронтации между Молоссией и Македонией, причем кажется несомненным, что конфронтация эта стала результатом нежелания Александра следовать в фарватере македонской политики.

Хорошо известны события, связанные с удалением из Македонии Олимпиады и Александра, сына Филиппа II, и появлением их в Молоссии, при дворе царя (Just., IX, 7,5; Plut., Alex. 9); несомненно, это было бы невозможно, будь Александр Молосский по-прежнему тем послушным орудием Филиппа, каким был он в начале своего правления. Радушный прием, оказанный членам царской фамилии, является, на наш взгляд, достаточно убедительным свидетельством враждебности молосского царя по отношению к Филиппу. Более того, источники ясно указывают на готовность Александра Молосского к войне с Македонией (Just., IX, 7,5). Опасаясь войны, Филипп принял меры для политического решения назревающего конфликта, предложив молосскому царю заключить брак со своей дочерью. Брак этот состоялся и был отпразднован в македонской столице с величайшей пышностью (Just., IX, 6,1), свидетельствовавшей о том значении, которое Филипп придавал совершающемуся бракосочетанию. Во время этих празднеств Филипп был убит, причем именно в тот момент, когда стража отстала и рядом с македонским царем находились только два Александра — сын

[30] *Theopomp.*, fr. 228; *Dem.*, VII, 32; *Strabo*, VII, 324 C.
[31] *Cabanes.* Op. cit., p.131.

и зять, царь молоссов (Just., IX, 6,4). Если верна гипотеза, согласно которой организаторы убийства Филиппа — его жена и сын (Plut., Alex. 10; Just., IX, 7,9), то представляется возможным причислить к ним и эпирского царя: он давно уже тяготился давлением со стороны Филиппа, а бездействие его (как и бездействие Александра, сына Филиппа) в момент покушения, благодаря чему убийца едва не спасся, говорит о его по меньшей мере осведомленности. В любом случае гибель Филиппа вполне соответствовала планам Александра Молосского, ибо с исчезновением македонского царя ничто более не мешало активизации внешней политики Молоссии.

После гибели Филиппа Александр Молосский осуществляет планы обширных завоеваний. Можно предположить, что именно в это время с политической карты Эпирского региона исчезает Феспротия; действительно, событие это не могло произойти позже 334 г., т. е. года, когда Александр Молосский отбыл в Италию, строя планы широких завоеваний на Западе (Just., XII, 2, 1). Мы полагаем, что еще в период пребывания Александра Македонского в Молоссии между ним и молосским царем была достигнута договоренность о разделе сфер влияния и одновременном начале завоевательных походов, что косвенно подтверждается и источниками (Just., XII, 2,2). Мощь Эпира в это время неоспорима: она подтверждается и успешными боевыми действиями Александра Молосского в Италии (Liv., VIII, 3,17,24), и, кроме того, отношением к молосскому царю Александра Македонского, который, строя планы всемирной гегемонии, ставит завоевание Эпира лишь в качестве завершающего пункта своей программы-максимум (Curt., X, 1,17—18; Diod., XVIII, 4, 35). Более того, узнав о гибели молосского царя, Александр откровенно радуется, лишь в силу приличий «притворяясь огорченным» (Just., XII, 3,1).

Таким образом, проследив пути территориальной консолидации областей Эпира вокруг Молосского государства, мы видим, что уже в середине 30-х годов IV в. под властью Александра Молосского объединяется большинство эпирских областей, включая Феспротию и ряд греческих полисов побережья; уже к 330 г. в аргосском списке фигурирует новое государственное образование, возглавляемое молоссами и именуемое Эпиром. Остается только рассмотреть, хотя бы вкратце, на каких внутриполитических организационных принципах строилось это государство. Выше уже упоминались некоторые административные институты Молоссии и подчеркивалось, что доступ в коллегию магистратов был открыт для представителей всех племен, входивших в ее состав. Но вплоть до 360 г. право на представительство имели только племена, издавна входившие в состав Молосского государства; упоминание в списке молосских магистратур орестов и паравеев мало что добавляет в силу кратковременного пребывания их в составе Молосского государства. Только рассмотрение процессов, происходивших в 30-х годах IV в., может дать хотя бы частичный ответ на вопрос о причинах преобразования Молоссии в Эпир, т. е. государства молоссов в государство эпиротов.

Известно, что к концу 30-х годов IV в. и даже несколько ранее под властью Молосского государства оказались одни за другими элейские колонии, Кассопея и, наконец, Феспротия. Но при этом имеется целый ряд бесспорных нумизматических материалов, доказывающих, что именно в это время указанные области продолжали чеканить свою собственную монету [32]. То, что племена, входившие в состав единого государства, располагали столь важной привилегией, нельзя объяснить не чем иным, как

[32] *Franke P. R.* Die antiken Münzen von Epirus. I. Wiesbaden, 1960, S. 47—51.

особым статусом, предоставленным им после присоединения к Молосскому государству. Причина предоставления центральной властью таких привилегий понятна: впервые в состав Молоссии включались территории, стоящие на достаточно высоком уровне экономического развития, в том числе и греческие полисы. Простое подчинение их стало бы фундаментом для роста центробежных тенденций и ослабления Молоссии. Реальной альтернативой явился, на наш взгляд, иной вариант решения задачи, а именно — предоставление этим племенам и территориям полноты прав, принадлежащих молосским племенам: структура институтов Молоссии делала такое решение возможным. В этой связи становится понятным и сохранение за вышеуказанными областями обширных экономических привилегий. Следует согласиться с высказанным ранее мнением, что формально Молосское государство было преобразовано в конце 30-х годов в государство дуалистическое, молосско-феспротское, причем молоссами был даже уступлен феспротам определенный регион, ранее у них аннексированный [33]. Как бы там ни было, реальная верховная власть несомненно принадлежала молосской династии.

Таким образом, следует признать, что созданное молоссами племенное политическое образование в течение первой половины IV в. созрело настолько, что смогло ставить перед собой задачи установления общерегиональной гегемонии. На базе роста рабовладения и общего социально-экономического прогресса [34] развитие Молосского государства вступило в 30-х годах IV в. в новую, качественно более высокую стадию, связанную с включением в его состав областей более развитых, нежели Молоссия, в социально-экономическом и культурном отношениях. Необходимость интегрировать эти области и обеспечить укрепление государства сделало возможным любопытное внутреннее преобразование Молоссии, в результате чего ранее племенное Молосское государство становится своего рода симмахией или даже симполитией, в рамках которой основные племена были свободны в решении своих внутренних дел, задачи же общегосударственные решались на уровне общегосударственных институтов при координирующем влиянии молосской династии; при этом доступ к государственным магистратурам был открыт как для молоссов, так и для представителей прочих племен.

Все вышеизложенное означает, на наш взгляд, что в конце 30-х годов IV в. прекращает существование собственно молосское племенное государство и рождается государство новое, территориальное по сути, именуемое уже не по этническому, но по географическому принципу. И несмотря на то, что Эпир к 330 г. еще не включал в свой состав все области региона (сохраняли независимость Хаония и Амбракия), было положено начало поступательному развитию эпирского территориального государства, последовательно включавшего в свой состав территории племенных политических образований. Отныне население региона источниками именуется прежде всего «эпироты» (Ἠπειρῶται) и только потом, да и то не всегда — по племенной принадлежности.

Л. Р. Вершинин

[33] *Cabanes.* Op. cit., p. 176—178.
[34] *Блаватская.* Рабовладельческие отношения..., с. 96—98.

L'ETAT DES MOLOSSES ET LA CONSOLIDATION TERRITORIALE DE L'ÉPIRE ANTIQUE

L. R. Veršinin

Au début du Ve s. av. n. è., l'Epire, région de la Grèce du Nord-Ouest, était une unité purement géographique habitée par de nombreuses tribus indépendantes et des colons hellènes venus d'Elée et de Corinthe. Les principales tribus de l'Epire ou, plutôt, les principales unions de tribus plus petites, les Molosses, les Thesprôtes et les Chaones, se sont livré les unes aux autres pendant tout le Ve s. une épuisante guerre pour conquérir l'hégémonie. Les Thesprôtes, la tribu la plus puissante liée depuis longtemps aux colonies grecques et à l'Hellade proprement dite, perdirent leur influence au milieu du Ve s. et commencèrent à perdre inexorablement des territoires. L'hégémonie des Chaones ne fut pas non plus de longue durée et se termina vers la fin du Ve s., à la suite, très certainement, de leur participation malheureuse en qualité d'alliés des Laconiens dans la guerre du Péloponnèse. Le IVe s. av. n.è. devient l'époque du renforcement graduel d'un Etat tribal molosse et de son désir toujours plus marqué d'instaurer son hégémonie sur la région. Les principes fondamentaux de la politique extérieure de l'Etat des Molosses de la première moitié du IVe s. furent: la lutte pour acquérir une issue vers la mer, ce qui fut fait encore avant 370, et l'annexion des régions montagneuses séparant l'Epire de la Macédoine. A cette époque se renforce l'alliance, traditionnelle depuis le Ve s., entre l'Etat molosse et Athènes et se créent les conditions d'une confrontation avec la Macédoine. La structure interne de l'Etat molosse octroyait à toutes les tribus qui en faisaient partie des droits politiques égaux sous l'égide de la dynastie molosse des Éacides, ce qui contribuait à renforcer les tendances centripètes. Lorsqu'il perdit, dans son conflit avec la Macédoine, ses régions montagneuses, l'Etat molosse n'en resta pas moins puissant; il poursuivit une politique extérieure active et, au début des années 330, sous le roi Alexandre, devint un des Etats les plus forts de la région dont Philippe II de Macédoine devait tenir compte; ce qui plus est, ses gouvernants caressait des projets d'expansion semblables à ceux des Macédoniens, mais dirigés vers l'ouest. C'estalors que nombre de régions non-molosses, économiquement et culturellement plus développées que la Molossie proprement dite, se rattachèrent à l'Etat molosse, ce qui entraîna un certain nombre de réformes institutionnelles appelées à renforcer l'unité interne. A la place de l'Etat molosse se constitua dans l'Epire géographique une nouvelle unité étatique, une sorte de symmaquie ou sympolitie de deux tribus — les Molosses et les Thesprôtes — englobant aussi nombre de cités — Etats grecques, notamment les colonies éléates; ce nouvel Etat où toutes les tribus intégrées, y compris celles des non-molosses, possédaient un droit de représentation égal dans les collèges suprêmes et pouvaient assumer les plus hautes magistratures, ne s'appelle plus État des Molosses, mais l Épire. Ainsi, vers la fin des années 330, l'État créé par les Molosses et gouverné par les Eacides se transforma d'État tribal en État territorial, et l'Épire, de concept purement géographique qu'il était, devint un concept politique.

САМНИТСКИЕ ВОЙНЫ И ЗЕРКАЛА ВОЛЬСИНИЙ[1]

Бронзовые зеркала, которые выпускались в Вольсиниях в большом количестве примерно с 350 по 264 г. до н. э., чрезвычайно любопытно отразили многие нюансы в трудной истории этого города. Мы остановимся только на одном явлении в их производстве, связанном, как мы пытались показать в специальной статье, с событиями второй и третьей Самнитских войн и развернувшейся накануне в городах Этрурии антиримской пропаганды.

Целый ряд обстоятельств объективного и субъективного свойства приводит к тому, что Вольсинии оказываются в центре схода общеэтрусских интересов. Одним из важнейших факторов оказывается выгодное географическое положение, так сказать, «срединное», стягивающее на себя многие пути сообщения между отдельными этрусскими городами-государствами. Следствием этого становится постепенное, в течение архаического периода, в ходе острейшей политической и вооруженной борьбы за лидерство между этрусскими государствами превращение Вольсиний в особый духовный посреднический центр, улаживающий возникающие конфликтные ситуации. В историческое время, как известно, Вольсинийский агер — место проведения ежегодных собраний, на которые верховные магистраты этрусских государств избирали предводителя. Иначе говоря, Вольсинии — некое подобие духовной столицы Этрурии.

На политической карте Этрурии (рис. 1) хорошо видно, что Вольсинийский агер граничил со всеми основными политическими массивами Этрурии: юга (фалиски, Цере, Тарквинии, Вульчи), запада (Волтерры, Популония, Ветулония, Рузеллы), «глубинки» (зона Валь-ди-Кьяна). Такое местоположение делало Вольсинии «сердцем» Этрурии, регулирующим животворные токи внутренних контактов. Данное обстоятельство важно иметь в виду, оценивая роль Вольсиний в Самнитских войнах, последнем масштабном противодействии Этрурии римской экспансии. Судя по рассматриваемым сейчас зеркалам, Вольсинии становятся координатором усилий отдельных этрусских государств и некоторых других италийских народов по созданию единого фронта сопротивления. В связи с этим, очевидно, имела место и антиримская агитация, о которой очень глухо упоминает литературная традиция и которую, как нам кажется, позволяют ясно обнаружить вольсинийские зеркала.

Это особый класс бронзовых зеркал, существовавший, судя по стилистике изображений, весьма непродолжительное время. Необычность конструкции, значительные размеры, наконец, специфичные изображения позволяют думать, что эти зеркала служили своего рода предметом посольских подношений. Закономерно поэтому, что рассматриваемые зеркала обнаружены в таких местах Этрурии, которые были нужны Вольсиниям в качестве союзников в борьбе с Римом. Зеркала найдены в зоне Валь-ди-Кьяна (Клузий), Волатерр, Тарквиний, Цере, Вульчи, Тудера. К сожалению, утрачены данные о местах находки многих зеркал, очень рано попавших в музейные собрания. В противном случае, мы уверены, информация о посольствах Вольсиний была бы еще более интересной.

---

[1] Настоящий комментарий к изображениям некоторых этрусских памятников представляет собой приложение к нашей статье «Вольсинии в Самнитских войнах» (ВДИ, 1986, № 3). Литературы вопроса, указанной в данной статье, здесь мы по большей части касаться не будем.

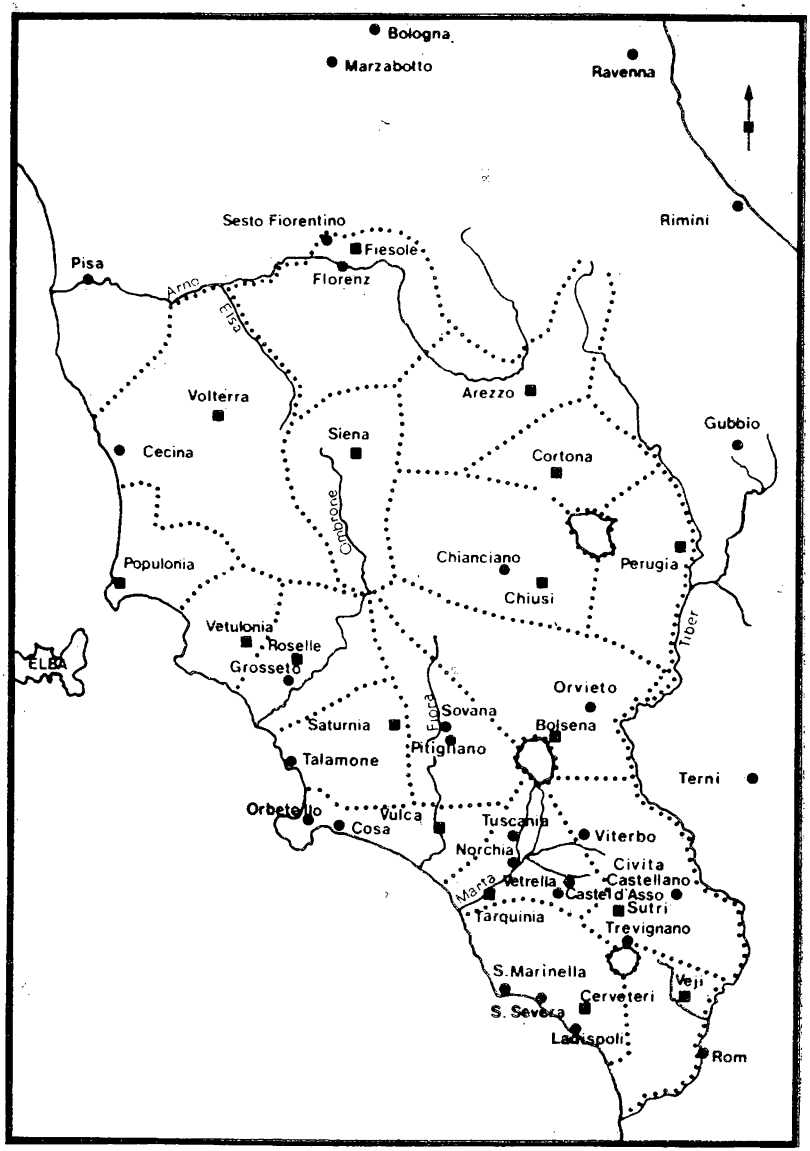


Рис. 1

Анализируя рассматриваемые зеркала, стремясь превратить их в исторический источник, не будем забывать, что мы имеем дело с произведениями изобразительного искусства. Поэтому постараемся не удивляться, когда та или иная композиция обнаружит в себе конкретно и единично не слишком значительную информацию [2]. Вольсинийские зеркала, выдвигаемые в качестве исторического источника, многое способны сказать лишь в совокупности охвата.

[2] Помимо этого эффект неотчетливости выражения может быть результатом «Эзопова языка».

Шесть иллюстраций (рис. 2—7) показывают работы гравера, условно названного нами Мастером зеркала В.509 (по зеркалу, хранящемуся в Эрмитаже) [3]. Обращаясь к ним, следует иметь в виду следующие особенности в биографии мастера. Он принадлежит к числу наиболее одаренных граверов второй половины IV в. до н. э. Судя по самому раннему зеркалу (около 350 г. до н. э.), которое может быть ему приписано (рис. 2), он мог учиться у мастеров Вульчи. Там производство зеркал процветало уже более ста лет, в Вольсиниях же, вполне вероятно, оно зарождается только в период появления здесь нашего мастера (может быть даже в связи с ним). Стиль Мастера В.509, в особенности же его идейный кругозор, как мы можем о нем судить, основываясь на анализе созданных им композиций, дают основание подозревать в этом человеке личность маргинального типа (например южноиталийского грека, кочующего по городам полуострова в поисках выгодного места или чрезвычайно эллинизированного этруска, учившегося у греков где-нибудь в городах Апулии и т. п.). На основании косвенных свидетельств можно утверждать, что Вольсинии во второй половине IV в. до н. э. испытывали потребность в подобных личностях.

Характер дарования Мастера В.509, несомненно значительно превосходящего уровень рядового ремесленника, позволил ему сыграть очень важную роль не только в жизни Вольсиний, но, имея в виду направленность усилий данного города, и всей Этрурии в целом, может быть даже еще шире: Апеннинского полуострова. Этот человек сумел ощутить трепетание климата Вольсиний, сблизить религиозные представления своей новой родины с орфико-пифагорейскими исканиями, охватившими в IV в. до н. э. греческие города Италии, оказав, в частности, мощное влияние на репертуар местных художников-вазописцев, в особенности же проживавших в Апулии. Но Мастер В.509 идет дальше, используя этрусский вариант орфико-пифагорейских представлений как удобный материал для иносказаний политического толка [4].

Для этого наш гравер начинает активно использовать сказания о Троянской войне. Они, разумеется в специфической форме, уже давно были известны в Этрурии. Однако теперь на Апеннинском полуострове, очевидно, возникает такая ситуация, когда характер взаимоотношений расположенных на нем государств начинает восприниматься определенными политическими кругами в Этрурии как весьма похожий на Троянскую историю. Особое место отводится теме Суда на Иде. Этот сюжет в рассматриваемую эпоху, пожалуй, чаще, чем другие из Троянского цикла, использовался граверами Этрурии.

Уже первое обращение Мастера В.509 к этому сюжету характерно (рис. 2). Здесь гравер еще как бы на перепутье. С одной стороны, он верен греческому прочтению мифа. Показаны три богини, Парис в роли судьи, из богинь выделена именно Афродита (она и пастух выдвинуты в композиции на первый план). С другой стороны, в трактовке сюжета появляется нечто необычное. Возникают определенные намеки. Афина (она с копьем) отодвигается далеко на задний план, зато на грифе зеркала показывается сова, символ именно богини войны. Парис же снабжается печенью жертвенного животного. Он представлен гаруспиком. От его личного участия в суде мало что зависит. Таким образом, композиция оборачивается актом прорицания, в котором война оказывается перспективой для возникшей ситуации.

[3] Необходимые паспортные данные памятников помещены в нашей упомянутой выше статье.

[4] Вполне возможно, что аналогичным языком политического иносказания владели и греческие вазописцы на юге полуострова.

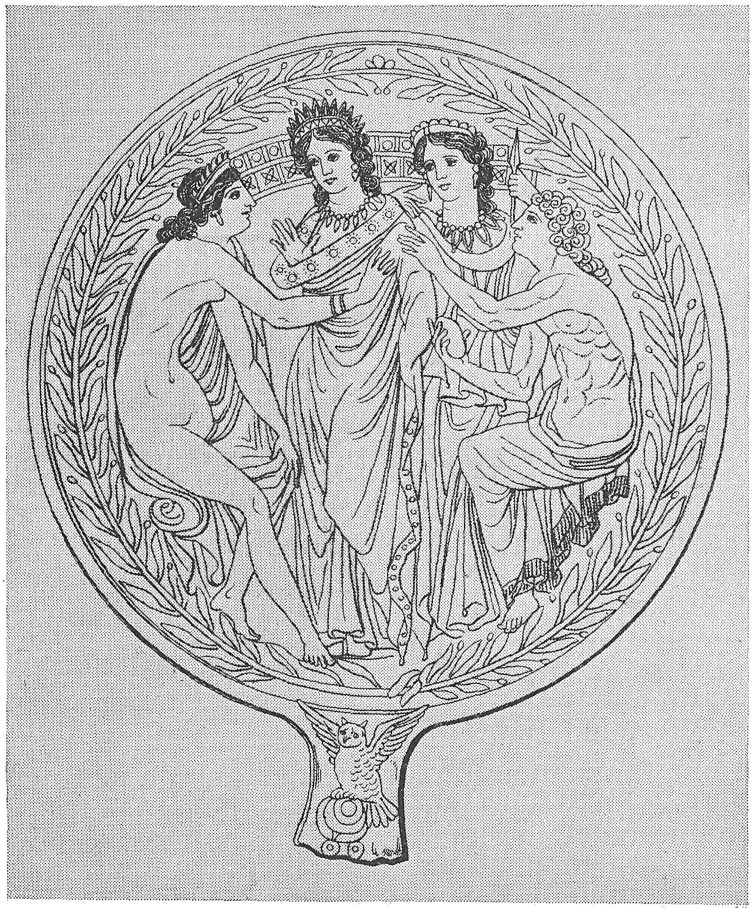


Рис. 2

Рис. 3

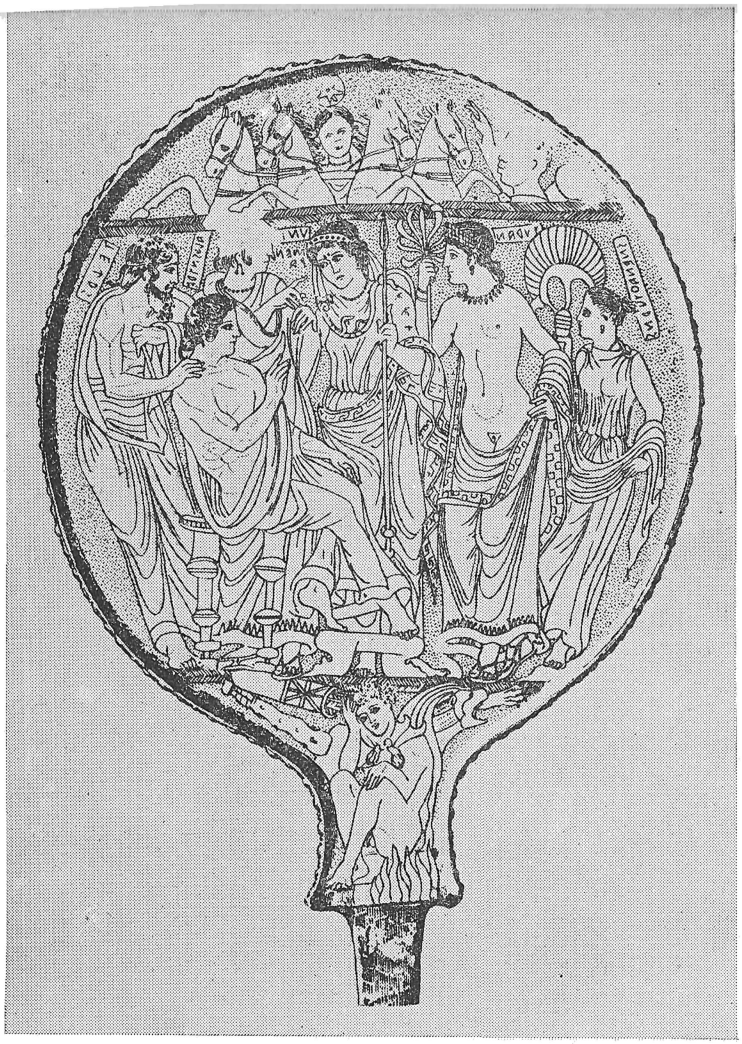


Рис. 4

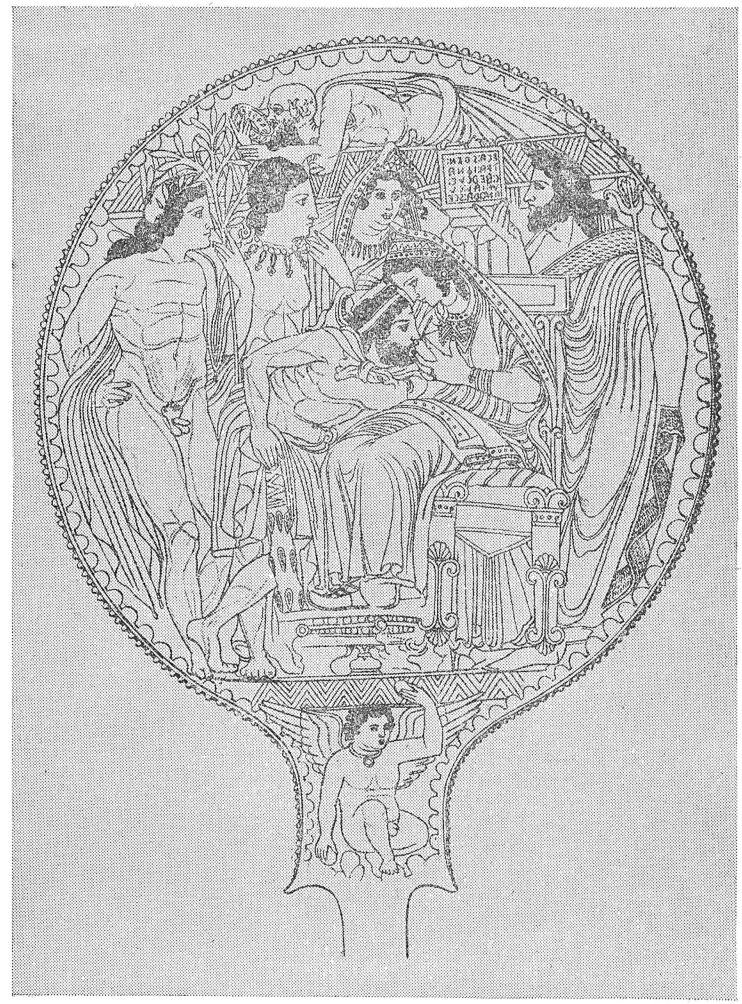


Рис. 5

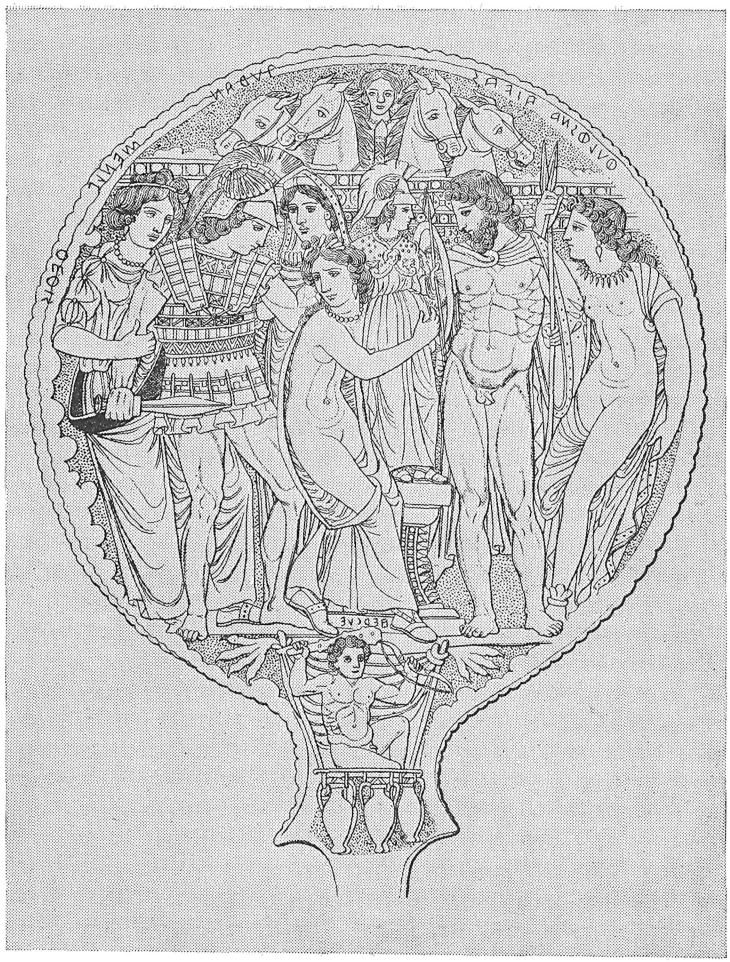


Рис. 6

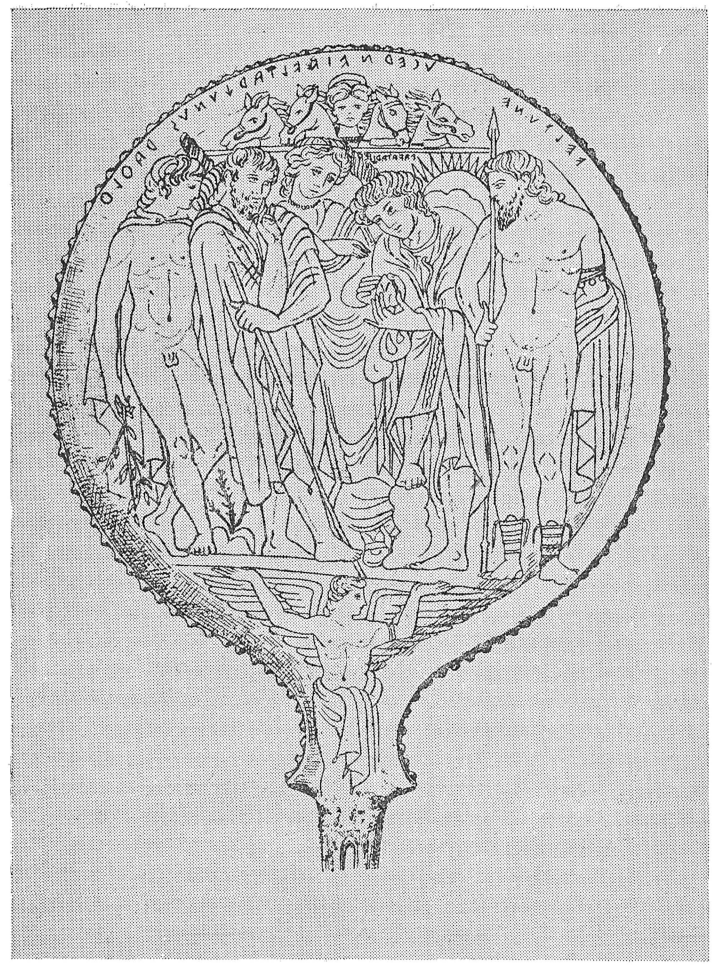


Рис. 7

В следующей по времени композиции (после 350 г. до н. э.) (рис. 3) Мастер В.509 совершает настоящий качественный скачок в сознательной политизации своих мифологических композиций. Очевидно, это связано с переходом гравера к работе над «посольской серией» зеркал, видимо, специально заказанной ему правящими кругами Вольсиний.

Композициям теперь сообщается космический масштаб. Круг четко членится на три сегмента. В частности, на данном зеркале в верхней части показываются Луна и звезды (небо), в средней — божества и птицы, которые не летают (наземная поверхность), в нижней части, в зоне перехода к ручке зеркала,— лысый младенец с буллами, от руки которого вверх поднимаются лозы винограда. Некоторые исследователи не без основания видят в этом персонаже демона Тагеса. Но в любом случае перед нами несомненно символ, указывающий на подземный мир. Лейтмотивом композиции становится тема жизнеутверждающей любви. Иконографически она поддерживается на разных смысловых уровнях с помощью брачной символики. В центре внимания — процедура подготовки невесты к свадебной церемонии. В качестве действующих лиц в изображаемой сцене выводятся одноплановые богини (любви и плодородия), но разного уровня обобщения: общеэтрусского (Туран) и локального (родовые божества Малависх и Мунфух, почитавшиеся на ограниченной территории). Интересно, что топонимы, родственные форме «Малависх», обнаруживаются в районе Сиены, зоне, несомненно охваченной «посольскими дарами». Связь данной композиции с Троянским циклом — весьма тонкая, рассчитанная на догадливость знатоков (что закономерно, поскольку все рассматриваемые зеркала — своеобразная «тайнопись»). Иконографическая схема, использованная Мастером В.509, как показал Дж. Колонна, передает перипетии истории Елены в интерпретации Еврипида, популярного тогда на греческом юге Италии [5].

Таким образом, желаемое впечатление от рассматриваемого зеркала могло быть примерно таким: гармония и согласие ради процветания и продолжения жизни достижимы взаимопомощью. Как мы увидим, эта тема возникнет еще не раз.

Еще одно обращение к теме суда Париса (рис. 4). Перед нами строение композиции, уже ставшее для Мастера В.509 трафаретным, но обращает на себя внимание, что элементы ее зазвучали иначе. Можно предположить, что причина тому — новый адресат зеркала. Оно найдено в Тудере (Умбрия), где сугубо этрусская (да еще региональная) символика едва ли была бы понятна. По этой же причине, очевидно, на второй план отступает и орфико-пифагорейская символика, хотя намеки на нее звучат в изображении Геракла на грифе зеркала. Здесь проводится идея круговорота форм бытия (Геракл, пожираемый пламенем; лапа, поглощаемая пастью льва), которая тяготеет к метафорике смерти, преисподней. В данной композиции космогоническое движение по вертикали, как кажется, усложнено пространственной ориентацией. Так, вероятно, квадрига Эос не только символ воздушной среды, но и обозначение Востока, что, в частности, подтверждается изображенной рядом головой эфиопа. Поэтому вполне возможно, что, как на другом зеркале Мастера В.509 (см. ниже — рис. 6), фигура Геракла изображает Запад. Таким образом, гравированной композицией утверждается, что действие, показываемое в среднем сегменте, охватывает громадную территорию. И опять мы видим, что именно Афина Менрва), фигура которой на зеркале вписана в основную вертикаль ком-

[5] *Мавлеев*. Ук. соч., прим. 56.

позиции, визуально доминирует, несколько даже тесня в этом отношении Туран и ее служанку.

Обратимся теперь к зеркалу уже следующего этапа в формировании нашего мастера, когда его дарование достигает полного расцвета (330—320 гг. до н. э.) (рис. 5). Разрабатываемые Мастером В.509 иконографии складываются в определенный канон. Например, Уни (здесь кормящая Геракла Гера) изображается как Малависх (см. выше на рис. 3), появляется характерная женская фигура второго плана в покрывале, возникает иконография Аполлона (здесь он с веткой), которая, очевидно закономерно, оказывается чрезвычайно близкой воспроизводимой гравером знаменитого вульчийского зеркала с Дионисом, Семелой, Аполлоном.

«Канон» иконографий резко повысил уровень коммуникативности создаваемых композиций. Они могли «читаться» без соответствующих пояснительных надписей. В частности, данное зеркало, рассчитанное на обращение в этрусской среде (найдено в Волтеррах), имеет надпись, которая сообщает только о событиях, изображаемых гравером. Кроме того, «канон» — это визуальное разрешение для орфико-пифагорейской доктрины о лабильности мира и метемпсихозе. Каждая иконография — собирательный образ. Она способна выразить собой целый ряд близко родственных по смысловому звучанию персонажей. Таким образом, находится художественный эквивалент роду и виду: видовое, индивидуальное, характерное для конкретного персонажа растворяется в родовом (чем могли служить собирательные образы типа Туран) и из него возникать.

Используя данную особенность своего изобразительного языка, наш гравер оформляет иносказание политического характера. Внимание зрителя привлечено к вертикальной оси, к перемещению между сегментами. Подземный мир обозначен фигурой крылатого демона (Тагеса?) с двумя яйцами в руках. Небесная сфера неожиданно отдается старому Силену. Однако это видимое противоречие с устоявшимися принципами гравера в действительности снимается. Мастер показывает, как Силен вкушает из фиалы напиток. Несомненно, это особый напиток, приводящий к обожествлению усопших определенных категорий этрусского общества. (Хорошим тому подтверждением служат этрусские надгробные памятники.) Таким образом, композицией на зеркале декларируется идея круговорота жизни: начальная стадия — яйцо, далее преобразование в ребенка и т. д., завершаясь старостью, смертью и преображением в божество низкого ранга, иначе говоря, типичная идеальная этрусская биография. В этом цикле промежуточным звеном оказывается Геракл. Без него показываемая гравером вертикаль мутаций прервется, т. е. нарушится постулируемая гармония мира. Между тем Геракл выводится Мастером В.509 в такой ситуации, реализация которой возможна только при условии примирения между родственниками. Итак, мир, примирение — необходимое условие функционирования этрусского космоса, его нормального воспроизводства и выживания?

Следующее зеркало (рис. 6) знаменует собой наступление нового этапа в творческой биографии мастера. Он характеризуется снижением художественных достоинств создаваемых композиций, их смысловым упрощением. Очевидно, это неизбежное следствие тиражирования большого числа зеркал, к производству которых был вынужден приступить Мастер В.509, выполняя заказ на посольские дары.

Композиция данного зеркала представляет особый интерес с точки зрения его адресата. Оно было направлено в Цере, этрусский город, который в ходе римско-этрусских конфликтов частенько занимал крайне

двусмысленную позицию нейтралитета, выгодного скорее Риму, чем Этрурии. Перед нами типичная трехсегментная композиция, пространственная ориентация выражена крайними сегментами (Эос — восток, Геракл на плоту — запад). Средний сегмент — сцена Троянского цикла, которую традиционно понимают как наказание Елены после взятия Илиона. Слева от статуи Афины с прижавшейся к ней обнаженной женщиной (Еленой?) показаны Туран (Афродита), Менле (Менелай), Тетис (Фетида), справа Айвас (Аякс), Фулфсна (Поликсена). Поименован и Геракл (Херкле). Таким образом, безымянными остались Афина (статуя), Эос, Елена. Причем внутри этой группы безымянных, очевидно, оставленной таковой умышленно, в глубине, мелкими буквами (как бы потаенно) стоит загадочное «ceera». Таково предположительное чтение Э. Герхарда, причем наименее надежное на уровне третьего от начала знака. Напомним, что от названия города Цере допустима этрусская производная форма «cesra». Но даже если и не было в действительности такого словесного дублирования угрозы, она достаточно прозрачно выражается одним изображением [6].

В противовес Цере нейтралитет Тарквиний был недвусмысленно дружественным по отношению к антиримской коалиции. Вот почему и иной характер получает композиция, создаваемая Мастером B.509 для тарквинийского государства (рис. 7). Между Тарквиниями и Вольсиниями и во второй половине IV в. до н. э. продолжали сохраняться тесные контакты (ср. ниже — рис. 10, 11). На зеркале, найденном в Тускании (на территории Тарквинийского агера), относящемся уже к концу жизни нашего гравера, в типичной трехсегментной композиции показан сеанс гадания, в котором участвуют Тархон и Тагес (оба персонажа тарквинийского происхождения) и Вольтумна (Вольтумн-Вольтумна, Вельтумн и другие формы, верховное божество Вольсиний, герой-эпоним). Интересно, что Мастер B.509, отступив от своих каноничных композиционных принципов, вводит в центральный сегмент пространственные ориентиры. И замечательно, что этому служит Солнце за спиною Тагеса, скорее всего, своеобразная лесть Вольсиний, религиозной столицы Этрурии, Тарквиниям, другому не менее известному культовому центру Италии. Соперничество между двумя городами за лидерство хорошо известно, но сейчас оно явно отступает на задний план, причем инициатором выступают Вольсинии.

Кроме Мастера B. 509 над реализацией «посольской серии» работали и другие граверы, во многом подражавшие мэтрам, так что общий характер создаваемых композиций оказывался подчиненным единым стилевым и смысловым установкам. Гравер зеркала, воспроизведенного на рис. 8, вносит новые нюансы в политические намеки. Обычную для этрусских представлений пару Херкле и Менрвы (они считались на севере Италии супругами) он окружает Тетис [7] и Эрис (Эридой). Таким образом, возникает выразительная компания: Фетида, мать убитого Ахилла, в сопровождении Эриды перед Гераклом, всеэтрусским божеством, и его супругой, которая оказывается убранной самнитским шелком. Иными словами, перед нами призыв к отмщению с ясно обозначенными адресатами. Особого же внимания заслуживает самнитский шлем. Самнитам в Этру-

[6] Здесь могла быть и сознательно допущенная ошибка. Правда, ошибки и описки в именах на зеркалах встречаются достаточно часто. Но для уровня нашего мастера она маловероятна. А почему бы не допустить «специальную случайность» ошибки, которая уменьшает силу враждебного выпада?

[7] До самого последнего времени это зеркало считалось утерянным (ср. *Мавлеев*. Ук. соч., Приложение, Ia, № 1). Теперь оно обнаружено и исправлено традиционное чтение, которое оказалось ошибочным: не Этис, а Тетис (ср. *Mavleev E.* s. v. Ethis — In: LIMC, 1986, v. 3).

Рис.8

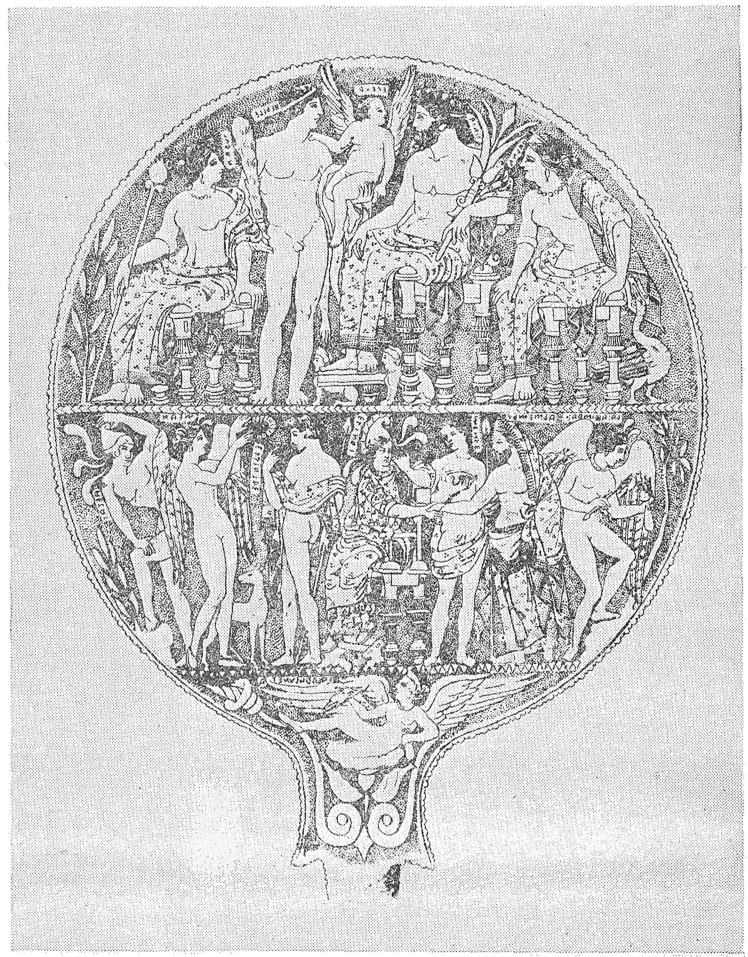


Рис. 9

рии в этот период, судя по памятникам изобразительного искусства, придавалось мессианское значение.

Следующие два зеркала изготовлены другим представителем Группы больших дисков. По зеркалу, хранящемуся в Эрмитаже, мы условно назвали его Мастером В. 505. У него иные, нежели у Мастера В. 509, приемы иносказания.

Интересно, что первое из рассматриваемых зеркал (рис. 9) найдено именно в Вульчи. Дело в том, что несколько персонажей, изображенных на нем, явно (в действительности их может быть даже и больше, но о других у нас просто нет данных) «привязываются» к Вульчи. Таковыми являются Эпиур, сын Менрвы и Херкле (верхний регистр — «небо») [8], и Айвас в среднем регистре («земля») [9]. Лейтмотив всей композиции — тема любви. Поэтому традиционный символ преисподней в нижнем регистре замещается изображением Лазы на цветке. В верхнем регистре две богини плодородия — Туран и Тальна, в среднем — две Лазы, центром композиции здесь делается Елена.

Иносказание у Мастера В. 505, пожалуй, богаче двусмысленностями (которые нам сейчас очень трудно понять однозначно), нежели у Мастера В. 509. В целом лейтмотив композиции, видимо, можно понять как тезис о любви все побеждающей, в частности, замиряющей распри. Вместе с тем композиция этого зеркала ставит очень много трудных вопросов. Почему многие изображенные здесь персонажи имеют враждебные отношения с Афиной: Аякс, Парис, Афродита (Туран), Елена? (еще один призыв к миру? Намек на враждебность Вульчи по отношению к Вольсиниям?). Почему Туран изображена как Тальна, а та, в свою очередь, как Туран? (Тальна — божество пренестинского круга, т. е. враждебной Этрурии стихии). Почему эта «игра в переодевание» продолжается и в среднем регистре, и во фригийском колпаке появляется не Парис, а Аякс?

Второе зеркало того же мастера (рис. 10) по характеру иносказания просто уникально. Его композицию «держит» два концентрических круга. Меньший замыкают крупные фигуры Туран, Атуниса (Адониса), Зипны и лебедя. Это изображение «священного брака». Малый круг мыслится гравером в виде непроницаемого для внешнего мира сферы, которая парит над землей. Под сферой оказывается сатир, помещенный гравером в какую-то яму, из которой он грозит двум пантерам. Вероятно, отсюда же вылетают крылатые существа (очевидно, яма — это мундус, особое сообщение с подземным миром, в существование которого верили в Северной Италии), поднимающиеся справа и слева к вершине малого круга, откуда только и можно заглянуть внутрь сферы. Возникает следующая ситуация. Туран и Атунис, а также крылатые фигурки — божества одного плана (обеспечивающие функционирование сферы плодородия), но разные по значению в этрусской религиозно-мифологической «табели о рангах». Туран и Атунис — общие для всей Этрурии, остальные — только для ее отдельных регионов. К сожалению, из-за плохой сохранности зеркала имена двух «региональных» («родовых») божеств не читаются. Но из остальных пяти Алпан «привязывается» к зоне реки Албеньи (северные границы Вульчианского государства), Мунтх локализуются в пределах Тарквинийского агера, Зипна — по обе стороны Тибра по линии Воль-

---

[8] *Mavleev E.* s. v. Epiur.— In: LIMC, 1986, v. 3.

[9] Какой именно Аякс, сказать трудно. Подобно Диомедам они в Этрурии смешивались.

Рис. 10

Рис. 11

синии — Орвьето — Умбрия, Ахвиср — ниже по течению этой реки в Умбрии и области фалисков.

Таким образом, что же выражает эта композиция, если не призыв к государствам четко очерченного региона дружно сообща делать общую работу? Ею же, конечно, должна была бы быть борьба всех против Рима.

Ближайшей аналогией Туран на зеркале со «священным браком» может служить женская голова в Первой камере тарквинийской «Гробницы чудовища» (рис. 11). Это один из примеров тесных контактов между Тарквиниями и Вольсиниями во второй половине IV в. до н. э. Замечательно, что в одном случае перед нами идеализированный образ исторического персонажа, а в другом — изображение богини любви.

Зеркало, воспроизведенное на рис. 12, создано под влиянием работ Мастера В. 505. Композиция лишена пояснительных надписей, однако понятен не только смысл происходящего, но и определяется каждый изображенный персонаж. В центре мы видим Менрву, справа от нее женское божество типа Лазы или «родового», какие прошли уже перед нами (Алпан, Меан, Тальна и другие). Слева от Менрвы — Ахле (Ахилл), облачающийся в доспехи. На голове у него самнитский шлем. Иными словами, уже знакомая тема пророчества спасения от римского ига самнитским оружием.

Следующее зеркало (рис. 13) выполнено около 300 г. до н. э. Война с Римом достигает высшего напряжения. В Вольсиниях перестают уже производить посольские дары. Видимо, теперь в них нет потребности. Зато в большом количестве выпускаются зеркала, которые отражают стремительное расширение в Вольсинийском государстве круга адептов орфико-пифагорейского вероучения. Зеркало теперь рассматривается как необходимый человеку инструмент в его переходе из этой жизни в ту, вечную, по тогдашним понятиям. (Между прочим, зеркала с надписью «suthina», что понимается как «принадлежащее могиле», типичны именно для этого времени и находят их преимущественно в Вольсинийских пределах.)

К числу таких зеркал относится найденное в районе Больсены, где предполагается одно из мест нахождения древних Вольсиний. На его композиции в центре внимания оказываются герои другого города — Вульчи. Однако при ближайшем рассмотрении мы не обнаружим в этом, как наблюдали уже несколько раз прежде, призыва к единству. На зеркале показаны знаменитые вульчианские герои братья Вибенны, которые устроили засаду на Каку и Артиле и готовятся их пленить. Именно в таком развитии действия сомнения нет, ибо кроме зеркала известны еще четыре погребальные урны II в. до н. э., сработанные в Клузии. На них показано уже само нападение.

На первый взгляд может показаться, что уже одно присутствие в изображении братьев Вибенн сообщает ему безусловно антиримское, а следовательно, требуемое Вольсиниям, желаемое для них, звучание. Но в данном случае это не совсем так. Нет сомнения, что вульчианские братья — популярнейшие в Этрурии персонажи. Одна только дошедшая до нас — изобразительная — традиция происходит из разных мест страны: Вольсиний, Клузия, Вульчи (Гробница Франсуа). Но, безусловно, далеко не во всем эта популярность воспринималась в разных местах одинаково тем более в разные исторические эпохи, перед лицом различных исторических ситуаций. Пример, которого мы сейчас коснемся, очень хорошо раскрывает это положение.

Рис. 12

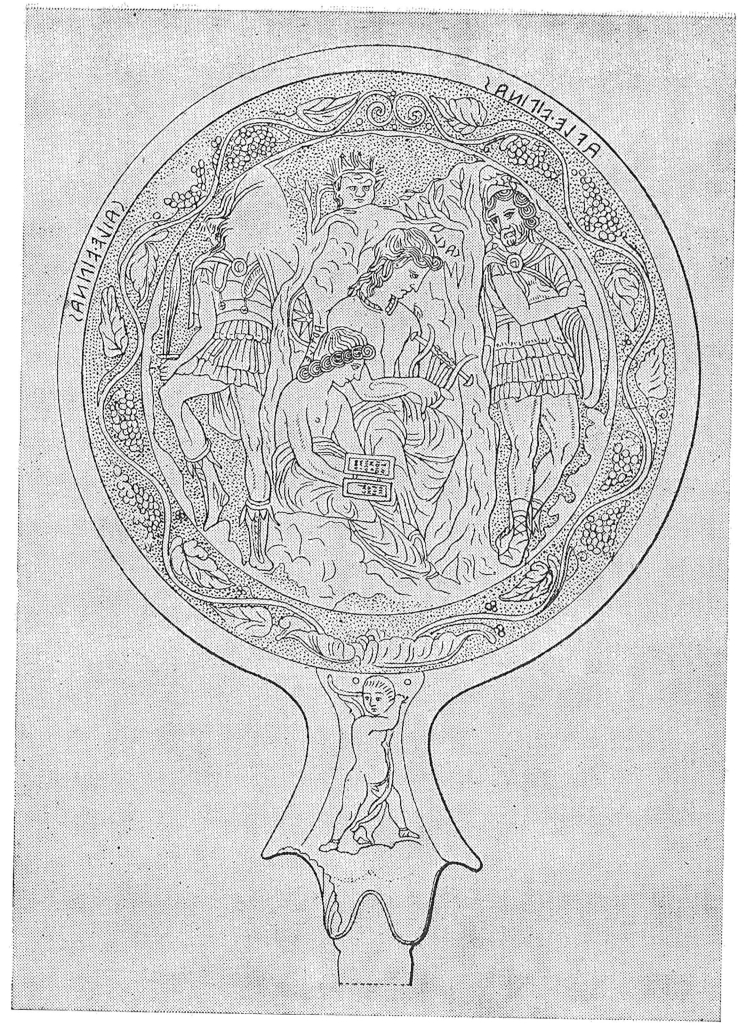


Рис. 13

Действительно, что же нам показывают фрески в Гробнице Франсуа [10]? В изображениях, всем хорошо известных, Вибенны вместе со своими соратниками убивают противников, которые (на это следует обратить особое внимание!) происходят из Рима, Сованы, Вольсиний, Сальпина (и этот город расположен в пределах Вольсинийского государства). В надписях, таким образом, старательно указаны этниконы, значит, с точки зрения людей, заказавших это произведение, данное обстоятельство важно для понимания сути изображенного на фресках. Согласно изысканиям последних лет, фрески в Гробнице Франсуа выполнены в период между серединой и концом IV в до н. э., их содержание отражает пафос героической борьбы города. Среди их сюжетов есть, в частности, «жертвоприношение Ахиллом троянцев», что может быть истолковано и в плане антиримской пропаганды. Но, с другой стороны, получается, что фрески с исторической подоплекой ставят на одну доску и Рим, и Вольсинии, и Совану, северного (этрусского) соседа Вульчи.

И на рассматриваемом нами зеркале братья Вибенны для Вольсиний не абсолютно положительные персонажи. Это следует из того, что объектом их нападения оказывается Каку. Трудно решить, как конкретно данный персонаж связан с легендарной историей Вольсиний. Литературная традиция, сохраненная Авлом Геллием, знает некоего Каку, но в ином качестве [11]. Он направляется царем Марсием вместе с фригийцем Мегалом к тиррену Тархону, который бросает посланцев в тюрьму. Те убегают из нее. Каку направляется в Кампанию, а Мегал поселяется у сабинян и обучает последних авгуральному искусству.

Таким образом, изобразительная и литературная традиции неожиданно получают точку соприкосновения в негативном восприятии тех, кто творит насилие над Каку. Но для литературной традиции оно раскрывается в откровенно антиэтрусской направленности сказания. В изобразительной традиции получается, что оно трансформировано в некое антивульчианство. И к такому заключению подводит не только анализ изображенной ситуации, но и характер самого Каку. Представления о нем, несомненно, уходят в глубокую древность. Это общий для всего Апеннинского полуострова религиозно-мифологический фонд, приводящий в процессе эволюции повсеместно к проявлению представлений латинских (бог Как и богиня Кака, затем сын Вулкана, сражавшийся с Геркулесом), этрусских, наконец, видимо, южноиталийских, о которых сообщил Авл Геллий. Этрусский Каку — первоначально, очевидно, солярное божество, подобно Аполлону, представления о котором порождают образ прорицателя, изображаемого на этрусских памятниках [12]. К Вольсиниям, вероятно, он имел косвенное отношение. Но в орфико-пифагорейских представлениях, которые здесь к рубежу IV и III вв. до н. э. успели набрать большую силу, некое солярное божество играло роль Единого. Пока, к сожалению, оно остается безымянным, поскольку такого рода информация образуется в результате анализа семантики зеркал [13].

Так или иначе, но явно, что Каку — персонаж, творить над которым насилие, с этрусской точки зрения, кощунство. А получается, что именно

---

[10] Кстати сказать, в их исполнении участие принимали не просто «греки», как уже давно было установлено, а, вероятно, «апулийские греки»; см. *Höckmann U.* Nestor und Phoinix in der Tomba François in Vulci.— Boreas, 1982, Bd. V, S. 78—87.

[11] Apud. Solin. 17.

[12] *Mavleev E.* s. v. Cacu.— In: LIMC, 1986, v. 3.

[13] *Мавлеев Е. В.* Бронзовые зеркала этрусского города Вольсинии — В кн.: Античная торевтика. Л., 1986.

Рис. 14

такое обвинение выдвигается мастером, создавшим зеркало городу Вульчи. Собственно, в обвинении этом нет ничего удивительного и оно великолепно соотносится со смыслом фресок в Гробнице Франсуа. А вместе все это составляет серию взаимопретензий, которыми, надо полагать, обменивались между собой Вульчи и Вольсинии. В конечном итоге, может быть, натянутые отношения удается изменить к лучшему. Во всяком случае, в самом конце войны в Этрурии римляне отпраздновали победу «над вольсинийцами и над вульчианцами». Правда, остается гадать, составили ли эти государства, наконец, единый фронт или, так и не сумев преодолеть разногласий, оказались разбиты римлянами в один год поодиночке?

Зеркало, воспроизведенное здесь на рис. 14, было исполнено мастером, который, видимо, работал вместе с предыдущим гравером в одной мастерской. И это зеркало также происходит из окрестностей Больсены. И оно было предназначено, так сказать, «для внутреннего потребления». Благодаря имеющимся на зеркале надписям определение сюжета не представляет труда. Перед нами убийство Ахиллом Троила — тема, знакомая этрусским художникам еще с VI в. до н. э. Может быть, поэтому и не стоило бы обращать на нее внимание в связи с Самнитскими войнами. Но интересно, что в сводке военных действий за 293 г. до н. э. возникает

загадочный этрусский город Троил, идентифицировать который до сих пор не удалось [14]. Важно, однако, во-первых, что зеркало датируется первым десятилетием III в. до н. э., т. е. оно действительно могло явиться откликом на историческое событие. Во-вторых, очень уж необычное это событие, что видно хотя бы по впечатлению, которое оно произвело на Тита Ливия и, очевидно, на источники информации историка. Думается, что жестокая методичность разгрома этрусского города римлянами вполне могла вызвать ассоциации с вероломным нападением Ахилла на Троила. Римляне согласились за выкуп выпустить из Троила только 470 самых богатых горожан. Из остальных 2400 человек убито, 2000 пленено. Между прочим, на данном, как и на предыдущем, зеркале показывается косвенное оскорбление Аполлона. Там нападают на его пророка, здесь убивают человека невзирая на то, что он находился под защитой храма Аполлона. Не было ли в этом страстного желания вольсинийцев, чтобы гнев бога обрушился на врагов их государства? Что и говорить, весьма красноречивое признание краха политической линии Вольсиний на объединение всей Этрурии против Рима в двух последних Самнитских войнах.

Е. В. Мавлеев

[14] *Liv.*, X, 46, 10—12; ср. *Маяк И. Л.* Взаимоотношения Рима и италийцев в III—II вв. до н. э. (до Гракханского движения). М., 1971, с. 66; *Harris W. V.* Rome in Etruria and Umbria. Oxf., 1971, p. 115.

LES GUERRES SAMNITES ET LES MIROIRS DE VOLSINII

Je. V. Mavlejev

L'étude d'un groupe de miroirs de bronze confectionnés à Volsinii approximativement entre 350 et les années 290 av. n. è. permet de déceler des particularités de la réaction des auteurs de ces objets aux événements dramatiques des IIe et IIIe guerres samnites auxquelles les Etats étrusques ont également pris part. L'analyse de monuments concrets (compositions à nombreux personnages sur le revers du disque) permet un «déchiffrement» des allégories et allusions qu'ils contiennent grâce à l'utilisation des miroirs considérés comme des cadeaux d'ambassades volsiniennes à d'autres Etats, devant les inciter à la lutte commune contre Rome.

ИЛУРАТСКИЙ КАТАФРАКТАРИЙ

(К истории античной тяжелой кавалерии)

В ходе исследования Илурата, боспорского города-крепости I—III вв. н. э., у юго-восточной оборонительной стены в 1979—1980 гг. был открыт крупный жилой комплекс площадью около 600 кв. м, объединявший на позднем этапе своего существования, в первой половине III в., два домовладения обычной для этого памятника планировки, в основе которой лежал большой мощеный двор с несколькими помещениями по периметру. Данный комплекс, несомненно, принадлежал представителю социальной верхушки города, на что указывает состав происходящих отсюда находок: довольно большое для Илурата количество монет, свинцовая гиря дос-

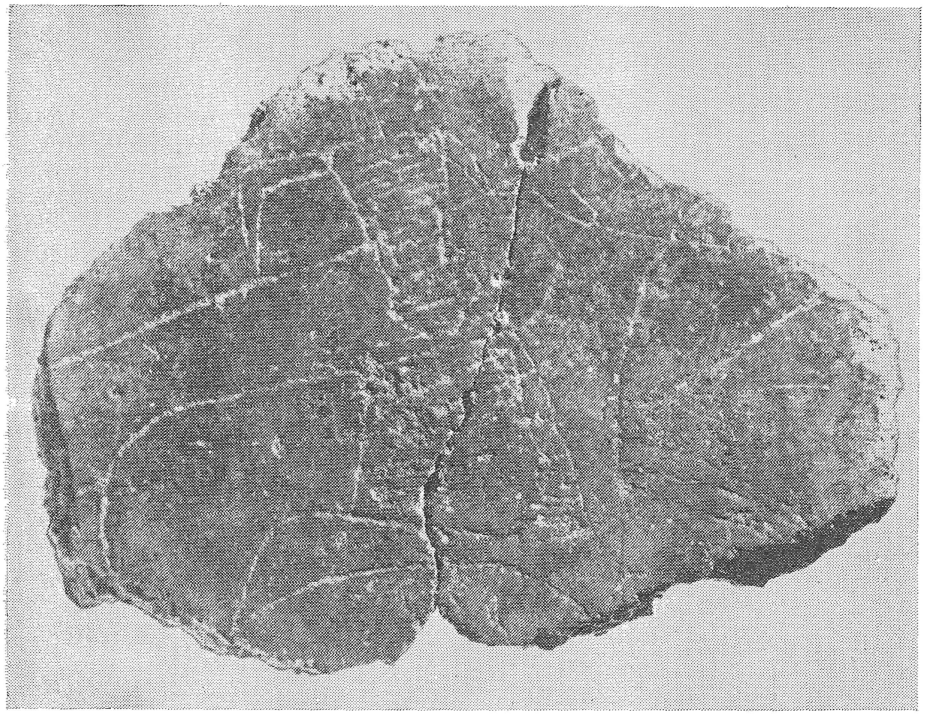


Рис. 1. Граффито из Илурата с изображением катафрактария (конец II — первая половина III в. н. э.)

тоинством в одну мину и т. д. Интересная находка была сделана в помещении, располагавшемся в восточном углу рассматриваемого жилого массива, у оборонительной стены,— обломок штукатурки красного цвета с процарапанным на ней изображением скачущего на коне воина в длинном панцирном доспехе с пикой в правой руке (рис. 1). По всей вероятности, на этом граффито изображен сам владелец дома, участвовавший в местном ополчении в соответствии со своим высоким имущественным цензом в качестве тяжеловооруженного всадника-катафрактария. Об этом свидетельствует тот факт, что в его доме имелось специальное помещение для содержания верхового коня. Предварительная публикация граффито была осуществлена И. Г. Шургая [1], который в небольшой статье, естественно, не стремился дать обстоятельную характеристику вооружения илуратского катафрактария, а лишь ограничился кратким описанием изображения на граффито и столь же лаконичным, но достаточно полным освещением ситуации в военном деле позднеантичного Боспора, характеризовавшейся прежде всего усилением роли катафрактарной кавалерии. Большая научная ценность сделанного открытия заключается в том, что, во-первых, в настоящее время известна только одна прямая аналогия находке из Илурата, а именно граффито II в. н. э. из Дура-Европос с изображением конного бронированного копейщика [2], а во-вторых, по-

[1] *Шургая И. Г.* Изображения всадника и коня из Илурата.— КСИА, 1983, вып. 174, с. 98—100, рис. 4.

[2] *Rostovtzeff M.* Graffiti.— In: The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Fourth Season of Work. New Haven — London — Oxford, 1933, p. 216 f., pl. XXII, *2*.

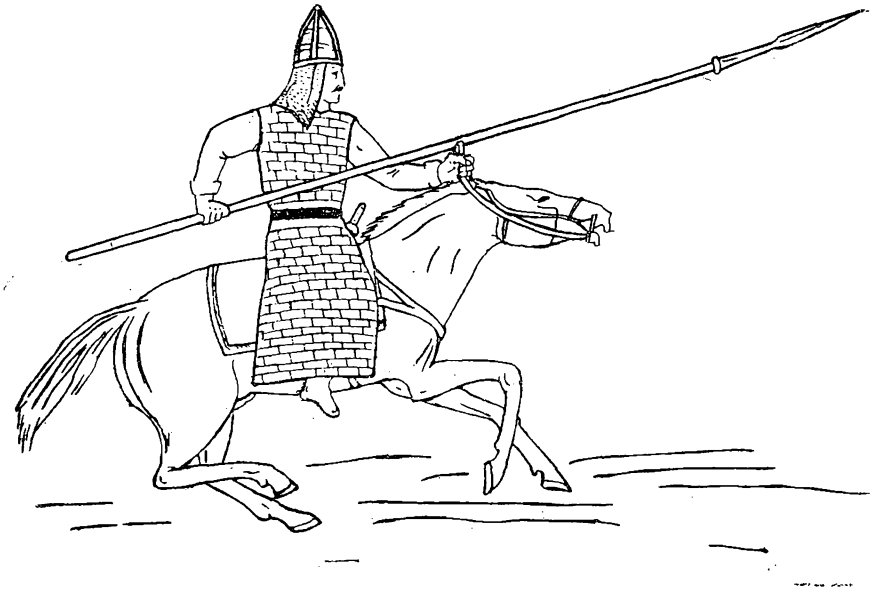


Рис. 2. Илуратский катафрактарий. Реконструкция

добные сюжеты не так уж часто встречаются на памятниках античного времени. Исходя из этого, авторы предлагаемой работы хотели бы не только дать свою реконструкцию изображения илуратского всадника, но и попутно рассмотреть ряд возникающих при этом вопросов.

По справедливому замечанию И. Г. Шургая, илуратец — автор столь выразительного рисунка катафрактария, нанес его на стену «...не в целях украшения, а как нередко делаются граффито — под влиянием минуты. Именно это и придает данному изображению документальную ценность: художник изобразил то, что было предметом его каждодневных впечатлений» [3]. Детали, довольно четко просматриваемые на этом рисунке, дают достаточно материала для реконструкции вооружения всадника, хотя, конечно же, ее вариант, предлагаемый авторами (рис. 2), не претендует на исчерпывающую точность, но наоборот, оставляет возможность для дальнейших поправок. На наш взгляд, конник на граффито одет в длинный — до середины голени — панцирный доспех, представляющий собой безрукавный кафтан, очевидно, из кожи, с глубокими разрезами спереди и сзади, на который горизонтальными рядами встык нашиты крупные прямоугольные металлические пластины. Такой панцирь мог быть цельным, надеваемым через голову, поверх, например, шерстяной рубахи, но мог состоять и из двух частей — передней и задней, скрепляемых между собой на плечах и по бокам (на рис. 2 предпочтение отдано первому варианту). Возможен также и третий вариант, при котором панцирь представлял собой халат со сплошным разрезом спереди, сверху до пояса стянутым завязками, и разрезом от низа до крестца сзади, однако в этом случае, как кажется, передняя часть доспеха была ослаблена и уже не так надежно могла выдержать неприятельский удар. Предлагаемая реконструкция панцирного доспеха основывается на изображении двух сарматских (аланских?) катафрактариев в длинных пластинчатых пан-

[3] *Шургая.* Ук соч., с. 99.

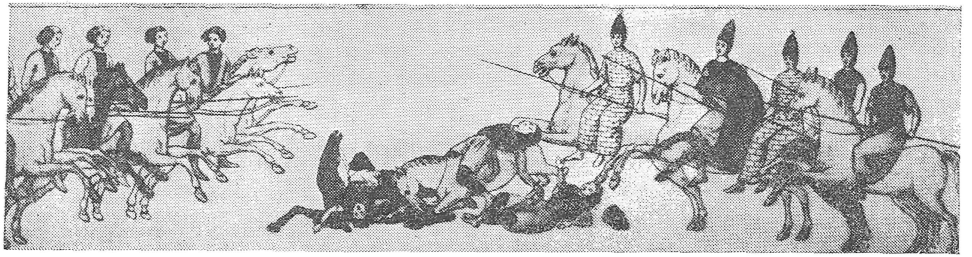


Рис. 3. Фрагмент настенной росписи с батальной сценой из склепа, открытого А. Б. Ашиком в Керчи в 1841 г. (вторая половина I — начало II в. н. э.)

цирях, сидящих «по-женски», на стенописи керченского склепа второй половины I — начала II в. н. э., открытого А. Б. Ашиком в 1841 г. (рис. 3) [4]. Следует заметить, что поскольку эта фреска не сохранилась в оригинале, а известна лишь по копии, выполненной художником Стефанским, М. И. Ростовцев высказал мнение, что «...несомненно, общая композиция сцены зарисована правильно, но детали посадки, костюма и вооружения интерполированы неточным и невежественным рисовальщиком. Так, несомненной фальсификацией или интерполяцией является женская посадка и доходящий до низа ног панцирь-кафтан двух сражающихся рыцарей на правой части стены. Шлемы с обозначенными продольными и поперечными ребрами ясно показывают, что мы имеем здесь дело с обычным изображением боспорских всадников в яйцевидных решетчатых шлемах и длинных чешуйчатых панцирях. Эти панцири и обычное изображение у сидящих на лошади всадников левой ноги, выдвинутой вперед, а правой, по ту сторону лошади, отброшенной несколько назад, повели к фантастической реконструкции, вероятно, несколько поврежденного оригинала» [5]. По поводу посадки и доспехов всадников ашиковского склепа существует еще несколько предположений. Так, согласно точке зрения Ю. М. Десятчикова, весьма вероятно, что в рассматриваемой сцене конного боя «были изображены всадники-катафрактарии, лошади которых имели панцирный пластинчатый доспех» [6]. Также было высказано мнение, что всадник, используя намеренно неустойчивую, «дамскую» посадку, тем самым демонстрировал свое пренебрежение к противнику [7]. Все эти объяснения, конечно же, не могут быть признаны удовлетворительными. На наш взгляд, прав М. В. Горелик, считающий, что рассматриваемым конникам, одетым в длинный и тяжелый, а главное, неразрезанный спереди (добавим — и сзади) панцирь, «ничего не остается, как сидеть боком» [8].

Катафрактарий же из Илурата, облаченный в громоздкую броню, сидит, однако, правильно, «по-мужски», не оставляя никаких сомнений в том, что его доспех снабжен необходимыми в этом случае разрезами. Относительно того, к какому типу принадлежит панцирь илуратского воина, отметим, что он был не чешуйчатым, как полагал М. И. Ростовцев, а пластинчатым, т. е. состоящим из крупных металлических пластин, всей своей

---

[4] *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Т. II (Атлас). СПб., 1913, табл. LXXXVIII, *2*.

[5] Там же, т. I, 1914, *с.* 352 *сл.*

[6] *Десятчиков Ю. М.* Катафрактарий на надгробии Афения.— СА, 1972, № 4, с. 75.

[7] *Кызласов И. Л.* О происхождении стремян.— СА, 1973, № 3, с. 35.

[8] *Горелик М. В.* Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластине из Геремесова кургана.— СА, 1971, № 3, с. 245.

плоскостью нашитых на мягкую основу доспеха. На это указывают прочерченные горизонтальные ряды пластин, причем сами пластины скорее всего просто не прорисованы. Правда, из-за столь схематичной передачи структуры панцирного одеяния может создаться впечатление, что на граффито показан «ламинарный», т. е. набранный из горизонтально расположенных металлических или кожаных полос доспех. Однако он известен только у римских легионеров I—II вв. н. э., да и то лишь короткий, доходящий до пояса [9], а также — уже в длинном варианте — у воинов, изображенных на раннесредневековых памятниках из Центральной Азии: в ламинарные панцири, вероятно, одеты тюркские конники на хархадской писанице (Монголия), датируемой примерно VI—VII вв. [10], и более определенно — согдийский всадник на фрагменте декоративного щита с горы Муг (VII—VIII вв.) [11], а также конные и пешие воины на фресках этого же времени из Восточного Туркестана [12]. Применение длинного ламинарного доспеха в античное время не зафиксировано. По этой же причине (а не только по аналогии с изобразительными материалами ашиковского склепа) для нашей реконструкции бронированного одеяния всадника из Илурата выбраны именно крупные панцирные пластины. Ведь если предположить, что в данном случае для панцирного набора были использованы небольшие пластинки, поскольку, как известно, длинные мелкопластинчатые доспехи появились еще в глубокой древности и отмечены на рельефах египетского фараона Рамзеса II (XIII в. до н. э.) и ассирийского царя Ашшурназирпала II (IX в. до н. э.) [13], то при этом нельзя игнорировать и то обстоятельство, что в дальнейшем они прослеживаются, как кажется, только по средневековым персидским миниатюрам [14], а также, вероятно, на некоторых предметах искусства, изображающих тюрок [15]. Причина этого заключается, видимо, в том, что мелкопластинчатый панцирный набор, имея ряд преимуществ перед крупнопластинчатым (бóльшая гибкость и легкость), в то же время не обладал достаточной прочностью; в этом он, в свою очередь, уступал чешуйчатым панцирям, более широко применявшимся в древнем мире.

Илуратская находка, по нашему мнению, наряду с изображением катафрактариев из ашиковского склепа подтверждает бытование на Боспоре в первые века н. э. длиннополой защитной одежды, армированной крупными металлическими пластинами. Отметим, что этот тип оборонительного доспеха также известен с древнейших времен. Судя по изобразительным свидетельствам и реальным остаткам, длинные — почти до пят — крупнопластинчатые панцири получили распространение среди пеших и колесничных воинов в Египте, в Сиропалестинском регионе и на Кипре еще во

---

[9] *Robinson H. R.* The Armour of Imperial Rome. L., 1975, p. 174—185.

[10] *Новгородова Э. А., Горелик М. В.* Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с монгольского Алтая.— В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1980, с. 101—112, рис. 6—9.

[11] *Джалилов А.* Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в.— Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, 1961, т. XXX, с. 86—87, рис. 17.

[12] *Le Coq A. von.* Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. B., 1925, fig. 32, 33, 65, 66, 68, 108.

[13] *Budge E. A. W.* Assyrian Sculptures in the British Museum: Reign of Ashur-nasir-pal, 885—860 B. C. L., 1914, pl. XVIII, *2*; XXIII, *2*; XXIV, *1*; *Barnett R. D., Falkner M.* The Sculptures of Assur-nasir-pali II (883—859 B. C.), Tiglath-pileser III (745—727 B. C.), Esarhaddon (681—669 B. C.) from the Central and South-West Palaces at Nimrud. L., 1962, pl. CXVI, CXVIII, CXIX, CXXII.

[14] *Robinson H. R.* Oriental Armour. L., 1967, fig. 15, 17, C—D, 18, A—B, 19, A.

[15] Ibid., fig. 31, A—B.

второй половине II тыс. до н. э. В IX в. до н. э. их применение отмечено на рельефах ассирийского царя Салманасара III [16], а столетием позже — в скульптуре из Сакчегезу (Северная Сирия) [17]. Но почти сразу же перед носителями столь громоздких и несовершенных доспехов встала проблема их облегчения. Если вначале она решалась путем замены больших пластин панцирного набора мелкими, что нашло свое отражение, как мы видели выше, на некоторых памятниках Египта и Ассирии (рельефы Рамзеса II и Ашшурназирпала II), то начиная уже с VIII в. до н. э. передовые в военном отношении ассирийцы вообще отказались от неудобных длинных доспехов, заменив их короткими — пластинчатыми и чешуйчатыми. Традиция употребления длинной пластинчатой нашивной брони на Переднем Востоке как будто бы прервалась. Ее новое появление относится уже к гораздо более позднему времени и связано с другим регионом: длинные пластинчатые панцири, аналогичные доспехам воинов с фрески ашиковского склепа и граффито из Илурата, фигурируют на монетах сакских правителей индоиранского пограничья I в. до н. э. — начала I в. н. э., причем теперь они выступают в новом качестве — как защитное снаряжение тяжелой конницы.

Интересующие нас монеты с изображением бронированного всадника на аверсе происходят из Арахосии (древней области на юге совр. Афганистана) и Северо-Западной Индии. К арахосийскому чекану относятся монеты некоего Вонона, носящего пышный титул «царь царей» [18], на которых обязательно присутствуют имена его вассалов — Спалахора [19] или Спалагадама [20], а также монетные выпуски Спалирида и Спалагадама [21] и Спалириса с легендами «брат царя» [22] и «великий царь» (на реверсе — имя Аза, по-видимому, Аза I) [23]. Заметим, что и по типу, и по личным именам (кроме бесспорно парфянского имени Вонон) эти монеты представляют типичные эмиссии индо-сакских правителей, хорошо известные по материалам Северо-Западной Индии. Конники в тяжелых доспехах — обычный сюжет на монетах царства саков (шаков) с центром в Гандхаре на протяжении всего периода его существования (ок. 80 г. до н. э. — начало I в. н. э.) начиная с правления царя Мава (Моги индийских источников) [24] и далее — в чекане его преемников: Аза I [25], Аза I и Азили-

[16] *Barnett R. D., Forman W.* Assyrische Palastreliefs. Prague, (1959), Taf. 147—150, 158—160, 162, 163, 168, 169, 171—173.

[17] *Klengel H.* Geschichte und Kultur Altsyriens. Lpz, 1979, Taf. 67.

[18] Этот Вонон, возможно, был парфянским правителем Сакастены, которому подчинялась и Арахосия (*Массон В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана. Т. I. С древнейших времен до начала XVI в. М., 1964, с. 138), или же, согласно другой точке зрения, одним из парфянских «безымянных» царей «темного времени» (90—57 гг. до н. э.), в правление которого Арахосия очень недолго (ок. 75—70 гг.) входила в сферу влияния Аршакидов (*Simonetta A. M., Widemann F.* (comments). The Chronology of the Gondopharean Dynasty.— EW, N. S., 1978, 28, 1—4, p. 162 f., 167). Вероятно, при Спалирисе Арахосия вошла в состав Индо-сакской державы Аза I (*Массон, Ромодин.* Ук. соч., с. 139).

[19] *Gardner P.* The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. L., 1886 (далее — BMC), pl. XXI, *7*, *8*; *Whitehead R. B.* Catalogue of Coins in the Panjab Museum, Lahore. V. I. Indo-Greek Coins. Oxf., 1914 (далее — PMC), pl. XIV, *374*.

[20] BMC, pl. XXI, *10*; PMC, pl. XIV, *382*.

[21] BMC, pl. XXI, *12*; PMC, pl. XIV, *386*.

[22] BMC, pl. XXII, *1*; PMC, pl. XIV, *394*.

[23] BMC, pl. XXII, *3*; PMC pl. XIV, *395*.

[24] Правда, монеты Мава, относящиеся к этой серии, плохой сохранности: BMC, pl. XVI, *3*, *6*, *7*; PMC, pl. X, *27*.

[25] BMC, pl. XVII, *8*, *10—13*; XVIII, *1—11*; XIX, *8*, PMC, pl. XI, *36*, *38*; XII, *292*, *304*.

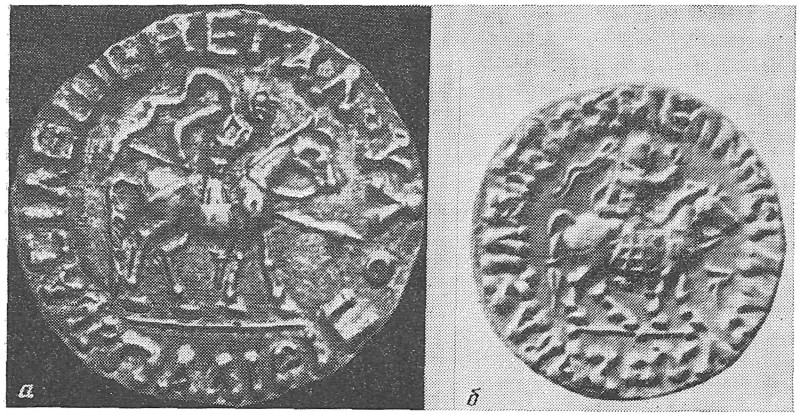


Рис. 4. Монеты индо-сакских царей: *а* — Спалириса (ок. 70 г. до н. э.); *б* — Аза I (середина I в. до н. э.)

са [26], Азилиса [27], Азилиса и Аза II [28], Аза II [29], Аза II и Аспавармы [30] Панцири, в которые облачены на этих монетах индо-сакские государи, представляют собой длинное, ниже колен, одеяние, бронированное большими прямоугольными пластинами (рис. 4). Конечно же применение таких доспехов нельзя объяснить архаическими пережитками в развитии средств личной защиты: налицо стремление найти универсальный тип брони, который бы эффективно соединял в себе функции не только панциря, защищающего грудь и спину, но и одновременно прикрытия для таких уязвимых частей тела конного воина, как бедра и ноги. Другое дело, что, будучи достаточно прочным, такой доспех ввиду своей тяжести и излишней жесткости не был широко распространен, а известен лишь у индо-сакских и боспоро-сарматских катафрактариев. Наибольшее же применение в тяжелой коннице позднеантичного времени получили чешуйчатые и кольчужные рубахи, как длинные, достигавшие колен, так и короткие, сочетавшиеся с различными видами набедренных и ножных лат.

На наш взгляд, столь малая распространенность длинного всадническо-го пластинчатого доспеха вместе с довольно четкой первоначальной локализацией его носителей позволяет говорить о среднеазиатском происхождении этого типа защитного вооружения. Хотя здесь он, казалось бы, археологически не прослеживается, тем не менее хорошо известно, что и индо-саки, и сарматы самым тесным образом были связаны со Средней Азией. Появление саков на территории Арахосии и Северо-Западной Индии явилось следствием событий, имевших место в первой половине II в. до н. э. в глубинных районах Центральной Азии [31].

Говоря о сарматах, через посредство которых рассматриваемый тип панцирного доспеха попал в Северное Причерноморье, нельзя не констатировать тот факт, что в настоящее время археологически засвидетельствованы тесные контакты племен сарматского круга, живших в Южном

[26] PMC, pl. XIII, *319*,
[27] BMC, pl. XX, *9—11*, XXI, *3*; PMC, pl. XIII, *331*; XIV, *358*.
[28] BMC, pl. XX, *3*.
[29] *Массон, Ромодин.* Ук. соч., табл. 13, *6*.
[30] BMC, pl. XX, *2*.
[31] *Narain A. K.* The Indo-Greeks. Oxf., 1957, p. 128—138.

Приуралье и Приаралье (аорсов, роксоланов и аланов, согласно К. Ф. Смирнову), с сако-массагетским миром Средней Азии; безусловно, эти контакты имели место и в военной сфере [32]. Таким образом, с известной долей уверенности можно предположить, что длинные пластинчатые панцири, специально предназначенные для конницы, первоначально появились на территории обитания сако-массагетов — от бассейна Амударьи на западе до Семиречья на востоке — по крайней мере до середины II в. до н. э. (т. е. к моменту юэчжийской экспансии) и в таком виде были восприняты сарматскими племенами Южного Приуралья и Приаралья (впрочем, не исключено, что происхождение указанных доспехов было связано и с этими землями).

Трудно согласиться с Л. Бакхофером, который увидел в индо-саках сарматов, мотивируя это тем, что именно для последних характерен тот комплекс тяжелого вооружения, который изображен на монетах индо-сакских правителей [33]. Однако из Арриана мы знаем, что в битве при Гавгамелах среднеазиатские скифы (саки) — союзники Дария III — вместе со своими конями были тщательно защищены доспехами (Anab. III, 13, 4). Неправильность взгляда на скифо-сакское войско как только на массу легковооруженных конников подтверждают также археологические находки, происходящие с территории Средней Азии: остатки железного пластинчатого панциря (или панцирей), обнаруженные в камере круглого погребального сооружения на городище Чирик-Рабат [34], часть изображения всадника в латах на фрагменте терракотовой фляги из Хумбуз-Тепе [35] и бронированное одеяние сакского вождя («золотого человека») из кургана Иссык [36].

Не только типологически, но и, очевидно, генетически к доспехам индо-сакских и сарматских катафрактариев восходят панцири, представленные на памятниках искусства Гандхары (пехотинец на рельефе из Капилавасту [37]) и Кушанской Бактрии (доспех катафрактария на композициях скульптурного зофора дворца в Халчаяне [38]); правда, панцири гандхарского и халчаянского воинства едва ли опускаются ниже середины бедренной кости и представляют собой, скорее всего, усовершенствованный вариант этого типа доспеха. Применение в Средней Азии длинного крупнопластинчатого панциря документально зафиксировано для эпохи раннего средневековья: в них облачены воины, сражающиеся в конном и пешем строю, на росписях Пенджикента [39] и отдельные всадники в сцене осады города на знаменитом Аниковском блюде [40].

Возвращаясь к нашему граффито, заметим, что оборонительное снаряжение изображенного на нем всадника, очевидно, дополнял шлем. И хотя верхняя часть рисунка не сохранилась, можно с достаточной долей уверен-

---

[32] *Смирнов К. Ф.* Савроматы (Ранняя история и культура сарматов). М., 1964, с. 280; *он же.* Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 174.

[33] *Bachhofer L.* On Greeks and Sacas in India.— JAOS, 61, 4, p. 247—249.

[34] *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 148, 150, рис. 82, *а — г*; *Трудновская С. А.* Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат.— МХЭ, вып. 6. М., 1963, с. 209 ел.

[35] *Мамбетуллаев М.* Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбуз-Тепе.— СА, 1977, № 3, с. 278—281, рис. 1 на вкл. к с. 128.

[36] *Акишев К. А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978, с. 52, илл. 69.

[37] *Горелик М. В.* Кушанский доспех.— В кн.: Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982, с. 92, табл. 7, *а*.

[38] Там же, с. 82—84, табл. 1, *а — б*.

[39] *Джалилов.* Ук. соч., рис. 19, 20.

[40] Там же, рис. 18.

ности предположить, что голова илуратского воина была увенчана каркасным шлемом яйцевидной или конической (как на нашей реконструкции) формы — наиболее распространенным типом боевых оголовий на Боспоре сарматского времени. Судя по всему, конь на рассматриваемом изображении не имеет защитного доспеха, который, по всей вероятности, так и не получил широкого распространения среди сарматских и боспорских катафрактариев [41].

Наступательное оружие всадника из Илурата представлено длинной пикой. Длина сарматских копий достигала 3,4 м. Вообще же длинные (до 3 м и выше) копья были известны в Северном Причерноморье еще со скифской эпохи [42]. Пика была грозным оружием катафрактариев: снабженная массивным тяжелым наконечником, она, по свидетельству древних авторов, с одного удара могла пробить двух человек (Plut., Crass. 27; Heliod., IX, 15). На нашем граффито нет такого важного элемента вооружения катафрактария, как длинный рубящий меч, но, по-видимому, его автор просто не обратил внимания на эту, как ему казалось, второстепенную деталь, сконцентрировав все свое внимание на общей композиции рисунка.

Важным представляется вопрос о посадке илуратского всадника. Художник запечатлел его в тот момент, когда, приблизившись к неприятелю, он, слегка развернув свой корпус левым плечом вперед и подтянув левой рукой поводья, отводит правую руку с копьем, готовясь нанести удар. Для того чтобы тот получился более точным, наездник направляет пику, поддерживая древко согнутой в локте левой рукой. Судя по положению пики, он намеревается атаковать конного противника. В научной литературе утвердилось мнение о какой-то особой, «сарматской» посадке, заключавшейся в том, что всадник, держа пику обеими руками, применял, дабы

[41] По крайней мере в письменной традиции нет вполне определенных указаний на использование сарматами доспехов для боевых коней. Так, Тацит в своем подробном описании вооружения сарматских катафрактариев, вторгнувшихся в 68 г. н. э. в Мезию, ничего не говорит о защитном снаряжении их лошадей (Hist. I, 79). Отсутствуют защитные покрытия и у коней сарматских воинов, изображенных на арке Галерия в Салониках (ок. 300 г. н. э.; *Ростовцев*. Античная декоративная живопись..., с. 333, табл. LXXXVI, *1*, *2*). Правда, очень возможно, что не всадникам, а их коням принадлежало несколько крупных кольчатых и чешуйчатых катафракт, найденных в сарматских могилах у станиц Ярославская и Елизаветинская и в одном из курганов Калиновского могильника. Вполне вероятно также и то, что «...сарматский обычай иметь во время похода запасную лошадь связан с тяжестью броневого покрытия и всадник пересаживался на лошадь, покрытую броней, только при сближении с противником» (*Петерс Б. Г.* Военное дело.— В кн.: Археология СССР с древнейших времен до средневековья. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984, с. 190). Отсутствие же достоверных находок сарматских лошадиных катафракт объясняется, вероятно, тем, что они чаще всего изготавливались из кожи. К тому же меньшая распространенность конского доспеха у сарматов была связана со специфическими условиями среды их кочевания. Более определенно можно говорить об использовании конской брони в катафрактарной коннице Боспора, хотя и здесь она, по-видимому, также не получила сколько-нибудь значительного применения. Конская пластинчатая попона изображена на стеле Афения, сына Мены (*Десятчиков*. Катафрактарий..., с. 73, рис. 3), а с территории Азиатского Боспора происходят находки двух лошадиных катафракт: одна, кольчатая, была обнаружена в погребении первых веков н. э. в Краснодаре (*Анфимов Н. В.* Меотский могильник на западной окраине Краснодара.— Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Вып. I. Краснодар, 1960, с. 164), а вторая, пластинчатая — в ходе недавних раскопок в Кепах (об этой находке см. заметку В. Корнеева в газете «Известия» от 7 января 1985 г. в разделе «Новости из прошлого»). По мнению Ю. М. Десятчикова, панцирным покрытием снабжались главным образом кони передовых бойцов боевого порядка катафрактариев (*Десятчиков Ю. М.* Появление катафрактариев на Боспоре.— В кн.: Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М., 1968, с. 46).

[42] *Черненко Е. В.* Длинные копья скифов.— В кн.: Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984, с. 231—235.

не вылетать из седла при сильном ударе (ведь стремян еще, видимо, не было [43]), компенсирующую технику: он поворачивал свой торс в три четверти левым плечом вперед, а ноги сгибал в коленях [44]. При этом в качестве доказательства приводятся данные изобразительного искусства Боспора. Однако на этих памятниках персонажи имеют явно героизированный облик, художники, очевидно, стремились создать парадные портреты своих заказчиков, служивших в тяжелой коннице Боспорского царства, избрав фоном для этого сцены из боевой жизни. На самом же деле, не имея стремян, да к тому же еще бросив поводья на шею лошади, воин в тяжелых доспехах, с пикой в обеих руках, каким бы искусным в верховой езде он ни был, неминуемо должен был оказаться на земле, по крайней мере в момент встречи с неприятелем. Как показал М. Макл, лично проведший для этого специальный эксперимент, македонские всадники-сариссофоры достаточно уверенно действовали своим очень длинным копьем, достигавшим в длину 10—12 локтей (т. е. 4,5—5,4 м) [45], держа его в правой руке, тогда как в левой находились поводья, а ноги плотно сжимали бока коня [46]. Только при выполнении этих трех условий конный копейщик мог иметь в бою устойчивую посадку [47]. Как раз это мы и видим на граффито из Илурата, причем особенно ценен тот факт, что изображенный на нем всадник показан в обстановке, лишенной какой-либо парадности и идеализации.

Ю. М. Десятчиков на основании анализа изображений коней на некоторых боспорских погребальных стелах выдвинул предположение о существовании на Боспоре особой породы лошадей — рослых, сильных, выносливых и быстрых, т. е. обладавших всеми качествами, необходимыми для службы в тяжелой кавалерии, которые попали в Северное Причерноморье, по-видимому, из Средней Азии во время передвижения сарматских племен [48]. Эта точка зрения не противоречит мнению специалистов-гиппологов, допускающих известное влияние среднеазиатских лошадей на развитие коневодства в Северном Причерноморье [49]. Внимательно изучив изображение коня на илуратском граффито, И. Г. Шургая пришел к выводу, что оно дает именно такой тип высокопородистого «крепкого рослого скакуна с грациозным абрисом туловища и головы» [50]. Такими конями могли обладать только очень состоятельные люди (принадлежавшие к сословию пилитов, согласно Ю. М. Десятчикову [51]). Высокая стоимость хороших лошадей, а также воинских доспехов лишала выходцев из малоимущих слоев общества возможности служить в катафрактарной коннице.

---

[43] Интересное предположение И. Л. Кызласова (ук. соч.) о том, что стремена, изготавливавшиеся из органических материалов, были изобретены еще в IV—III вв. до н. э. в связи с массовым распространением всадников-катафрактариев, все еще остается гипотезой, не подкрепленной пока вещественными доказательствами.

[44] *Блаватский В. Д.* О боспорской коннице.— КСИИМК, 1949, XXIX, с. 96—99; *он же.* О боспорских всадниках в росписи Стасовского склепа.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 44 сл.

[45] *Markle M. M.* The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armour.— AJA, 1977, 81, 3, p. 323, 333.

[46] Ibid., p. 334—337.

[47] Из рассказа Гелиодора (IX, 15) известно, что копья бронированных конников порой прикреплялись ремнями в двух точках — к шее и крупу коня, а сам всадник рукой только направлял удар. Но и в этом случае наездник свободной рукой должен был держать поводья, создавая себе тем самым дополнительную точку опоры.

[48] *Десятчиков.* Катафрактарий..., с. 75 сл.

[49] *Далкин В. И.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. — МИА, 1960, № 53, с. 46—48.

[50] *Шургая.* Ук. соч., с. 99.

[51] *Десятчиков Ю. М.* Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1974, с. 19.

Появление катафрактариев на Боспоре обычно связывают с влиянием военного дела сарматов [52]. Но существуют и другие точки зрения по этому вопросу. Так, В. Б. Виноградов и В. А. Петренко считают, что «...роль Боспора и его войска в сложении катафрактарной конницы могла быть более действенной, нежели простое усвоение сарматских рецептов». Эта мысль обосновывается следующими соображениями: во-первых, боспорское войско участвовало в борьбе Митридата VI Евпатора с Римом, а следовательно, оно «должно было отвечать уровню и требованиям времени»; во-вторых, на Боспоре в первые века н. э. наблюдался достаточно высокий уровень развития оружейного дела, без чего немыслимо производство вооружения для катафрактариев [53]. Все же мнение об известной самостоятельности военного дела Боспора в вопросе организации отрядов катафрактариев в условиях варварского окружения кажется нам надуманным. Гораздо большего внимания заслуживает точка зрения Е. В. Черненко, согласно которой на военное искусство греческих колоний Северного Причерноморья в значительной степени повлияли скифы, что сказалось в частности в появлении в войске греков тяжеловооруженных конных формирований [54]. Действительно, исследования украинских археологов, и в первую очередь самого Е. В. Черненко, показывают, что уже в VI в. до н. э. на территории Северного Причерноморья, Прикубанья и Предкавказья появились конные воины с полным набором оборонительного вооружения — в панцирях, шлемах, с боевыми поясами и щитами; есть также данные о применении в это время средств защиты для боевых коней [55]. В качестве главного наступательного оружия скифские бронированные всадники использовали длинные копья [56] и мечи [57]. Конечно же, археологические свидетельства появления тяжелой конницы в степях Северного Причерноморья и Северного Кавказа не следует связывать только со скифским этносом: поскольку в Прикубанье в античную эпоху жили синды и меоты, то предметы тяжелого всаднического снаряжения, найденные в Келермесских и других курганах, безусловно принадлежали знати этих племен [58]. Таким образом, у истоков боспорской кавалерии катафрактариев вполне могли стоять тяжеловооруженные конные контингенты скифских и прикубанских племен. Это предположение находит поддержку в сообщении Диодора Сицилийского (XX, 22) о том, что в битве при Фате между претендентами на боспорский престол — Сатиром и Евмелом (310/309 г. до н. э.) — на стороне первого сражались скифы — свыше 20 тыс. пехоты и около 10 тыс. всадников, причем в составе варварской конницы наш источник выделяет

---

[52] *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, с. 141—145; *Десятчиков.* Появление катафрактариев..., с. 47.

[53] *Виноградов В. Б., Петренко В. А.* — СА, 1973, № 2, с. 279.

[54] *Черненко Е. В.* О влиянии военного дела скифов на военное дело античных колоний Северного Причерноморья. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо. 1977. Тбилиси, 1979, с. 185 сл.

[55] *Он же.* О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии.— МИА, 1971, № 177, с. 35—38; *он же.* Скифский доспех. Киев, 1968, с. 164; *он же.* Скифо-персидская война. Киев, 1984, с. 36—40; *Мурзин В. Ю., Черненко Е. В.* О средствах защиты боевого коня в скифское время.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 155—167.

[56] См. прим. 42.

[57] *Скорий С. А.* Скіфські довгі мечі. — Археологія, 1981, 36, с. 19—25.

[58] *Блаватский.* Очерки военного дела..., с. 30 сл., 34. Наиболее яркие образцы паноплии меотских панцирных конников дали раскопки Курджипского кургана (см. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н. э. Л., 1980, с. 49—52, 56 сл.; кат. 60—80).

отряд из отборных воинов во главе с самим Сатиром. О том, как выглядели отборные скифские конные воины в IV в. до н. э., дают представление золотой гребень из кургана Со́лоха [59] и золотая пластинка из Геремесова кургана [60]. По-видимому, в досарматскую эпоху боспорскую тяжелую кавалерию составляли союзная (или наемная) скифская гвардия и отряд конных латников, набранный из представителей синдо-меотской знати. Первые же надежные свидетельства о существовании на Боспоре классической бронированной конницы — катафрактариев относятся только к началу н. э., и это, вне всякого сомнения, следует связать с сарматским проникновением в боспорские земли. Отметим, что влияние на военное искусство Боспора сарматы начали оказывать еще с конца IV в. до н. э., когда в упоминавшейся уже битве при Фате армии Сатира противостояло войско сарматского племени сираков, возглавляемое царем Арифарном [61]. Примечательно, что, по свидетельству Диодора (XX, 22), центр войска Арифарна занимала конная свита, под которой, вероятно, следует понимать закованную в доспехи царскую дружину.

Ю. М. Десятчиков, основываясь на отдельных совпадениях в текстах древних авторов, предположил, что отряд катафрактариев входил в состав армии Боспора уже при Фарнаке (середина I в. до н. э.) [62]. Но это не более чем остроумная догадка. Самое раннее изображение катафрактария на памятниках боспорского искусства — оруженосец на упомянутой выше стеле Афения — датируется первой половиной I в. н. э. [63] Затем количество таких изображений возрастает: это и знаменитые панцирные конные копейщики на фресках керченских катакомб (середина I — первая половина II в. н. э.) [64], и рельеф Трифона из Танаиса (вторая половина II в.) [65], и, наконец, граффито из Илурата, датируемое, по всей видимости, концом II — первой половиной III в. Все эти данные свидетельствуют о той большой роли, которую конница катафрактариев играла в военном деле позднеантичного Боспора. Недаром некоторые боспорские цари (Котис I, Рискупорид II, Савромат I) изображали себя на монетах одетыми в панцирный доспех всадниками [66]; возможно, что они лично стояли во главе привилегированного корпуса катафрактариев [67].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что изображение всадника в уникальном длинном пластинчатом панцире из Илурата занимает достойное место в ряду одновременных ему изображений античных катафрактариев — на граффито из Дура-Европос и рельефе Трифона, на наскальных рельефах из Танг-и-Сарвак [68] и Фирузабада [69].

В. А. Горончаровский, В. П. Никоноров

---

[59] *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Гос. Эрмитажа. Прага — Ленинград, 1966, табл. 147, 148, 150.

[60] Там же, табл. 188; *Горелик.* Опыт реконструкции...

[61] Об этнической принадлежности войска Арифарна см.: *Десятчиков Ю. М.* Арифарн — царь сираков. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 45—48.

[62] *Он же.* Появление катафрактариев..., с. 47 сл.

[63] *Он же.* Катафрактарий..., с. 71.

[64] *Ростовцев.* Античная декоративная живопись..., табл. LI, *6*; LXIV, *1*; LXXVIII, *1*; LXXIX, LXXXVIII, *2*.

[65] Там же, табл. LXXXIV, *3*.

[66] *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. — ИАК, 1913, 49, табл. IV, *4*, *6*, *7*.

[67] *Десятчиков.* Появление катафрактариев..., с. 50.

[68] *Ghirshman R.* Iran: Parthians and Sassanians. L., 1962, fig. 69.

[69] Ibid., fig. 163—166.

LE CATAPHRACTAIRE D'ILURATUM

V. A. Gorončarovskij, V. P. Nikonorov

Le graffito étudié provenant de la ville forte bosphorane d'Iluratum représente un cavalier revêtu d'une cuirasse et armé d'une longue pique. Il date de la fin du IIe ou du début du IIIe s. de n. è et occupe à n'en pas douter une place honorable parmi les images de cataphractaires antiques de la même époque (le graffito de Dura Europos, le relief de Tryphon de Tanaïs et les reliefs rupestres de Tang-i-Sarvak et Firuzabad). La cuirasse de notre cavalier attire l'attention: longue jusqu'au milieu de la jambe, blindée de grosses plaques rectangulaires ou carrées. Ce genre de cuirasse était également porté par les cavaliers représentés sur les monnaies des monarques indo-scythes du Ier s. av. n. è. et du Ier s. de n. è., ce qui, faute d'analogies autres que les bosphoranes, permet, semble-t-il, de conclure que ce type d'armure pour cataphractaires s'est constitué chez les tribus saco-sarmates d'Asie centrale et des territoires attenant au nord et que ce sont elles qui l'ont introduit aussi bien en Inde du Nord-Ouest que dans la Région pontique du Nord durant leurs déplacements.

КОММЕНТАРИЙ К ПИСЬМУ X.74 ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО

В последние годы в отечественной и зарубежной науке появляется все больше исследований, посвященных истории античной металлургии и металлообработки. Новейшие работы базируются на комплексном изучении источников: применяются результаты археологических обследований древних рудников и производственных остатков, создаются своды металлических изделий, широко внедряются методы естественных наук. Вместе с тем письменные источники, которые играли столь важную роль в классических исследованиях по металлургии и металлообработке античного мира [1], остаются ценным материалом для решения многих проблем [2]. Нам представляется, что в настоящее время существует и возможность обратной связи — на основе комплексного изучения памятников древней металлургии и металлообработки комментировать неясные места в древних письменных источниках.

Наше внимание привлек отрывок из письма 74 десятой книги писем Плиния Младшего, в котором императору Траяну сообщается о задержании некоего Каллидрома, по его словам, бывшего когда-то рабом у Лаберия Максима, захваченного в плен Сусагом и отправленного Децебалом в подарок парфянскому царю Пакору, у которого он много лет находился на службе, а затем бежал и был задержан в Никомедии. Обратимся к последним строкам письма: «Его привели ко мне, и, когда он рассказал то же самое, я решил отправить его к тебе (т. е. Траяну.— *М. Т.*), но несколько задержался, разыскивая гемму с изображением Пакора во всем убранстве, которую, по словам Каллидрома, у него украли. Я хотел, если бы она нашлась, послать ее вместе с ним, как я послал *кусочек металла* (кур-

[1] *Blümner H.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Bd. IV, 1. Lpz, 1886.

[2] *Mattusch C. C.* Pollux on Bronze Casting: A New Look at κάναβος.— Greek, Roman and Byzantine Studies, 1975, v. 16, № 3.

сив здесь и далее наш.— *М. Т.*), который он, говорит, унес из *парфянских рудников*. Я запечатал его своим кольцом с изображением четверки лошадей» (Ep. X, 74; пер. М. Е. Сергеенко) [3].

Рассматриваемое письмо — ценный документ по истории римско-парфянских отношений. Оно привлекало внимание многих исследователей, а недавно В. П. Толстиков прокомментировал его в контексте боспорско-римских отношений [4]. Постараемся показать, что письмо Плиния не менее интересно и для историков древней металлургии. Оно разбиралось прежде всего в контексте Римско-парфянской войны, начатой в 113 г. Как следует его датировать? Не все даты жизни Плиния Младшего точно определены. Если придерживаться точки зрения Т. Моммзена [5], Плиний стал легатом Вифинии в 111 г.; между тем не исключено, что это событие произошло в 110 г. или на год раньше [6]. Во всяком случае Плиний прибыл в Вифинию не ранее 17 сентября 109 г. и не позднее этого же числа 111 г. Значит, оно было отправлено Траяну не ранее чем за 3—4 года до начала войны [7].

Несмотря на то что причины парфянской войны Траяна были предметом многолетних дискуссий, однозначной точки зрения не выработано. Ф. Леппер группирует мнения своих предшественников, выделяя так называемые «пограничную», «экономическую» причины, а также рассматривая точку зрения, что война была преднамеренной и заранее планировалась римлянами, не оставляя без внимания и высказывание Диона Кассия (LVIII, 17) о том, что реальной причиной войны было личное стремление Траяна к славе [8].

Определенное место в источниках, так или иначе проливающих свет на события, предшествующие римско-парфянской кампании, занимает рассматриваемое нами письмо. О. Кунц, разбирая переписку Плиния с Траяном, приходит к выводу, что пребывание Плиния на посту легата Вифинии было само по себе частью подготовки к войне, и, хотя прямых указаний на эту подготовку нет, О. Кунц, по словам Ф. Леппера, «справедливо, но беспомощно» отмечает, что подлинные письма могли содержать прямые указания на такие приготовления, которые не были опубликованы тогда или потом, так как война была вызвана парфянской агрессией [9]. Р. Лонгден, как и О. Кунц, считает Плиния «избранным инструментом для секрет-

[3] Приводим две последние фразы в оригинале: Ep. X, 74.3: Volui enim hanc quoque, si inueniri potuisset, simul mittere, sicut glebulam misi, quam se ex Parthico metallo attulisse dicebat. Signata est anulo meo, cuius est aposphragisma quadriga (G. Plini Caecili Secundi Epistularum libri decem. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit R. A. B. Mynors. Oxonii, MCMLXIII, p. 328).

[4] См. комментарий А. Шервин-Уайта со ссылками на работы предшественников: *Sherwin-White A. N.* The Letters of Pliny. A historical and social Commentary. Oxf., 1966, p. 660—663; а также: *Vidman L.* Etude sur la correspondance de Pline le Jeune avec Trajan. — Rozpravy Ceskoslovenské Akademie ved, Rada spolecenských ved. Ročnik 70—Sesit 14. Praha, 1960, p. 31—33; *Толстиков В. П.* Фанталовский укрепленный район в истории Боспорского царства.— В кн.: Боспор и Рим в первые века нашей эры. Киев: Наукова думка (в печати).

[5] *Mommsen T.* Zur Lebensgeschichte des Jüngeren Plinius. — Hermes, 1869, Bd. III, S. 53 f. = Gesammelte Schriften. Bd. IV. B., 1906, S. 366 f.

[6] *Lepper F. A.* Trajan's Parthian War. Oxf., 1948, p. 165, not. 3; Письма Плиния Младшего. Изд. подг. Сергеенко М. Е., Доватур А. И. М., 1982, с. 371, прим. 1 к письму X, 15. В опубликованной недавно статье Р. Сайм относит приезд Плиния в Вифинию к 110 г. (*Syme R.* The Dating of Pliny's Latest Letters. — Classical Quarterly, 1985, v. XXXV, № 1, p. 185).

[7] О. Кунц относит письмо X. 74 к весне или лету 112 г. (*Kuntz O.* Zum Briefwechsel des Plinius mit Trajan. — Hermes, 1926, Bd. LXI, Ht. II, S. 193).

[8] *Lepper.* Op. cit., p. 156—204.

[9] *Kuntz.* Op. cit., S. 193; *Lepper.* Op. cit., p. 168—170.

ных целей высшей политики» [10]. Ф. Леппер скептически относится к заключениям обоих вышеупомянутых авторов, замечая, впрочем, что свидетельства вифинской переписки Плиния не исключают возможности того, что подготовка к войне велась. Ф. Леппер сам склоняется к точке зрения, что война заранее планировалась римлянами [11]. Письмо X, 74 содержит в себе много неясностей. Так, например, О. Кунц останавливается на том, что Плиний объясняет свою задержку в отправлении Каллидрома поиском украденной у него геммы, но ведь ясно, что дело было настолько важным, что не терпело отлагательств, так как содержало информацию о враге и даже оправдание для начала войны [12]. На это Р. Лонгден отвечает, что если бы Плинию было известно, что Траян настолько заинтересован в новостях о Парфии, его извинение было бы безнадежно неадекватным [13]. По мнению Ф. Леппера, история Каллидрома, возможно, не была для Траяна, как для нас, единственным свидетельством парфянских связей Децебала. Нельзя забывать, что она основана на почти полностью неподтвержденных свидетельствах беглого раба, для которого она была частичным и наиболее удобным извинением своего почти десятилетнего отсутствия у хозяина. Эта история требовала серьезной проверки, которую мог осуществить только Траян. Именно поэтому, как полагает автор, Плиний искал гемму и запечатал своим перстнем менее решающее, но единственное имеющееся свидетельство пребывания Каллидрома в Парфии — кусочек металла из парфянских рудников [14].

Повышенный интерес к «кусочку металла» проявили как сам Каллидром, бежавший от Пакора, но тем не менее «унесший его», так и императорский легат в Вифинии, Плиний Младший, опечатавший его своим перстнем и пославший Траяну. Если даже исходить из того, что Каллидром мог рассматривать принесенный им слиток как доказательство его пребывания в Парфии, то это должен был быть какой-то достаточно редкий металл. Вероятнее же всего, Каллидром, унося слиток из рудника, думал прежде всего о его редкости и практической ценности; для оправдания ему гораздо лучше подошла бы гемма с изображением Пакора. Кроме того, не следует сбрасывать со счета и тот факт, что Плиний, державший слиток в руках, называет его не конкретным названием, а просто кусочком металла. Не лишним будет упомянуть здесь, что племянник автора «Естественной истории», судя по его письмам, не так уж плохо разбирался в металлах и их свойствах [15]. Конечно, можно возразить, как это делает Ф. Леппер, что Плинию просто ничего не оставалось делать: если гемма с изображением Пакора была утеряна [16], надо было послать хотя бы слиток. Но ведь не

---

[10] *Longden R. P.* Notes on the Parthian Campaigns of Trajan. — JRS, 1931, v. XXI, p. 19—23.

[11] *Lepper.* Op. cit., p. 169.

[12] *Kuntz.* Op. cit., S. 193.

[13] *Longden.* Op. cit.

[14] *Lepper.* Op. cit., p. 170.

[15] Ep. III, 1 (9): «... на чистом старинном серебре; есть и коринфская бронза»; III, 6, 13: «Бронза, судя по ее настоящему цвету, старая и старинной работы». Кроме того, в письмах Плиния и в «Панегирике императору Траяну» нередко упоминаются названия различных металлов и сплавов: бронза, серебро, золото (IV, 7, 1), железо (VII, 24, 4, 8), медь (VIII, 6, 13) и т. д.

[16] Ф. Леппер считает, что и О. Кунц, и Р. Лонгден, и даже Ж. Гюэ преувеличивают значение геммы для Траяна: «Как достопримечательность это миниатюрное изображение Пакора в его царских одеждах не было ни уникальным, ни особенно информативным» (*Lepper.* Op. cit., p. 168—169). Мы вынуждены с этим не согласиться. О важном значении царских изображений на печатях и в эпоху эллинизма, и в римскую эпоху говорят как свидетельства древних авторов, так и исследования современных ученых

случайно же Плиний был послан легатом в Вифинию. Тонкий и умелый администратор, сразу же вошедший в круг хозяйственных проблем провинции, не оставлявший без внимания и постройку водопровода в Никомедии (X. 37), и театра в Никее (X. 39), и организацию торгового пути от моря в глубину материка [17], не мог не заинтересоваться добычей редкого минерала в Парфии. И здесь мы еще раз подходим к вопросу о причинах Римско-парфянской войны, присоединяясь к мнению тех исследователей, которые считали, что военная кампания против парфян готовилась Траяном. На наш взгляд, интерес, проявленный Плинием к слитку металла из парфянских рудников, возможно, говорит о стремлении учесть ресурсы металла на вражеской территории. В принципе на огромных пространствах Римской империи к тому времени добывались практически все необходимые металлы [18]. Государство было крупнейшим собственником рудников [19]. Римские легионы, продвигаясь в глубь вражеской территории, должны были иметь запас металлов. Легионы, как известно, были организованы таким образом, что включали в свой состав и кузнецов, и медников [20]. Интересные свидетельства разработки римскими легионами медных рудников были открыты в Вади-Араба, долине, разделяющей территорию от Мертвого моря до залива Акабы [21]. Но не будем забывать, что в данном случае речь идет не о меди, а о каком-то довольно редком металле. До сих пор в комментариях к письмам Плиния нет ответа на вопрос, что́ за металл унес Каллидром из Парфии. Так, А. Шервин-Уайт отмечает, что О. Кунц не может остановиться на определенной точке зрения, выясняя, что представлял из себя этот кусочек металла. На территории западных и центральных районов Парфянской империи, т. е. в Ираке, Иране и в пограничных областях Армении, нет месторождений драгоценных металлов, хотя добывают основные металлы, включая свинец. Этот комментарий был полностью повторен в русском переводе писем Плиния Младшего [22]. Недостаточно аргументирована гипотеза Ф.-К. Дернера о том, что упомянутый в письме кусочек металла — шлак с высоким содержанием железа [23]. Нам представляется, что Каллидром мог унести из парфянских рудников слиток металлического цинка.

Результаты спектральных анализов показывают, что со второй половины I в. до н. э. в римской чеканке появляются монеты из искусственного сплава с цинком — латуни. Это новшество происходит при Августе, который начал чеканить из латуни монеты двух номиналов — сестерции и дупондии, так же как ассы и квадранты — из чистой меди. Монеты из

(библиографию см.: *Thompson D. B.* Ptolemaic Oinochoai and Portraits in Faience. Aspects of the Ruler Cult. Oxf., 1973, p. 80 f; *Boardman J., Vollenweider M.-L.* Catalogue of the Engraved Gems and Finger Rings. Ashmolean Museum. Oxf., 1978, p. 77).

[17] *Сергеенко М. Е.* О Плинии Младшем.— В кн.: Письма Плиния Младшего, с. 277 сл.

[18] *Healy J. F.* Mining and Metallurgy in Greek and Roman World. L., 1978, p. 56—67; *Ramin J.* La technique minière et métallurgique des Anciens. — Coll. Latomus, v. 153, Bruxelles, 1977, p. 199—207.

[19] *Rostovtzeff M. I.* The Social and Economic History of the Roman Empire. V. 1. Oxf., 1957, p. 341 f.

[20] Veget. II. 11; *Burford A.* Craftsmen in Greek and Roman Society. Ithaca, 1974, p. 64 f.

[21] Metal-Working in the «Dark Ages» of the Near East. — IAMS Newsletter, № 5, Nov. 1983, p. 4.

[22] *Sherwin-White.* Op. cit., p. 663; Письма Плиния Младшего, с. 381, прим. 6.

[23] *Dörner F.-K.* Kleinasien — Ursprungsland des Eisens. Bericht über Ausgrabungen in Kommagene. — Stahl und Eisen, 1966, Jg. 86, Ht. 1, S. 6—7.

латуни (орихалка) чеканились лишь на двух монетных дворах империи: в Риме и Лугдуне. По сообщению Плиния Старшего, для их чеканки употреблялась мариева, или кордубская, медь, которая добывалась в горах Сьерры-Морены (NH, XXXIV, 2). Считают, что монетная политика Августа способствовала устойчивости его режима, поскольку население, несомненно, связывало улучшение монеты с приходом нового правительства [24]. Если в монетах второй половины I в. до н. э.— начала I в. н. э. содержание цинка в сплаве составляет 20% и выше (но не более 28%), то с течением времени концентрация цинка в сестерциях и дупондиях постепенно падает и ко времени Траяна достигает в среднем 14% при самом широком для I—II вв. диапазоне концентрации цинка в сплаве от 9,2 до 20%, что объясняют использованием как новых сплавов, так и переплавленных монет в очень интенсивной орихалковой чеканке этого императора [25]. Единичные монеты провинциально-римской чеканки, содержащие цинк, как правило, наряду со значительными примесями олова и свинца, являются, по мнению многих исследователей, результатом переплавки римских сестерциев и дупондиев с бронзовыми монетами и ломом [26]. Таким образом, источники поступления цинкосодержащей руды на римский монетный двор были ограничены [27] и с течением времени иссякали. Добавим, что, как показали работы П. Т. Крэддока, римские сестерции и дупондии чеканились из сплава, полученного методом цементации, т. е. цинк попадал в сплав непосредственно из руды, минуя фазу металлического цинка, который римские монетарии выплавлять не умели [28]. Поэтому появление нового источника для чеканки орихалковых монет представляло бы большой интерес для римской администрации. Помимо общего улучшения качества сплава, а также связанного с ним цвета, т. е. внешнего вида монеты, оно позволило бы и удешевить чеканку, выпуская большее количество сестерциев и дупондиев, стоимость которых была больше стоимости медного асса соответственно в четыре и два раза, в то время как их вес ненамного превосходил вес медного асса. В этой связи необходимо обратить внимание на сообщение Диона Кассия (LXVIII, 15) о том, что в 107 г., т. е. за несколько лет до того, как Плиний послал Траяну слиток металла из парфянских рудников, по приказу императора были переплавлены все стершиеся монеты. Как отмечает, основываясь на анализе состава кладов, Г. Меттингли, республиканские монеты были выведены из обращения после 100 г. н. э. Более ранние, более тяжелые монеты попадали в тигель [29].

Остается выяснить, имелись ли в древности разработки цинковых руд в Парфии и умели ли парфянские металлурги получать металлический цинк. До недавнего времени считалось, что металлический цинк стали получать

[24] *Caley E. R.* The Composition of Ancient Greek Bronze Coins. — Memoirs of the American Philosophical Society, v. XI. Philadelphia, 1939, p. 106—109; *Carter G. F.* Compositions of Some Copper-Based Coins of Augustus and Tiberius. — In: Science and Archaeology. Cambr., 1971, p. 129.

[25] *MacDowall D. W.* The Quality of Nero's Orichalcum. — Schweizer Münzblätter, 1966, Jg. 16, Ht. 63, p. 102; *Riederer J.* Metallanalysen römischer Sesterzen. — Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte, 1974, Jg. 24, S. 78.

[26] *Caley.* Op. cit., p. 109.

[27] Дж. Хили отмечает, что цинковые руды в римскую эпоху разрабатывались в Галии, в Экс-ла-Шапелль, на территории Транспаданской Галлии в районе Бергамо, а также указывает на месторождения в Кампании, на левом берегу Рейна и на Кипре со ссылкой на Плиния Старшего (NH, XXXIV, 2; *Healy.* Op. cit., p. 65 f.).

[28] *Craddock P. T.* The Composition of the Copper Alloys Used by the Greek, Etruscan and Roman Civilizations. Pt. 3.— JAS, 1978, v. 5.

[29] *Mattingly H.* Coins of the Roman Empire in the British Museum. V. III. Nerva to Hadrian. L., 1976, p. LXXXVII — LXXXIX.

лишь в XVIII в. Однако археологические материалы позволили удревнить историю употребления металлического цинка. Древнейший известный предмет из цинка, содержащий 87% металла,— статуэтка, найденная в Трансильвании. Серебряные браслеты, заполненные цинком, относящиеся примерно к 500 г. до н. э., происходят с о-ва Родос [30]. Фрагмент металлического цинка был найден в слое IV—II вв. до н. э. на Афинской агоре [31]. Не меньший интерес вызывает находка в Таксиле металлического сосуда IV в. до н. э., сделанного из сплава, содержащего более 34% цинка [32]. Поскольку методом цементации можно получить сплав, содержание цинка в котором не будет превышать 28%, сосуд из Таксилы, по мнению П. Крэддока, является важным аргументом в пользу того, что в IV в. до н. э., возможно, получали металлический цинк [33]. К этому списку можно добавить и пряжки из Бабашовского могильника II—I вв. до н. э. в Южном Таджикистане, в которых содержится от 30 до 33% цинка [34]. Не стоит упускать из вида и свидетельство Страбона, цитировавшего историка IV в. до н. э. Феопомпа (XIII, 1, 56): «Поблизости от Андир находится камень, который при сжигании превращается в железо и затем, когда его плавят в горне с добавкой некоторого рода земли, выделяет цинк, который при добавлении меди превращается в так называемую смесь, называемую некоторыми „горной медью“» (пер. Г. А. Стратановского).

Что касается цинковых месторождений на территории древней Парфии, то они известны в большом количестве. В современном Иране остатки древних разработок открыты на севере, в районе Тегерана и Дех-Квалеха, а также в центральной части страны, недалеко от Исфагана, Йезда, Кушка, Кермана, Сававанда, Шираза и т. д. [35] В этих местах были обнаружены обломки глиняных брусков, вкладывавшихся в печи при обработке цинкосодержащей руды. К сожалению, остатки производства точно не датируются [36]. Гораздо меньше мы знаем о древних разработках цинковых руд на территории современной Турции, хотя в последнее время К. А. Йенер и Х. Озбал проводят исследования по локализации древних свинцовых, серебряных и цинковых рудников [37]. В работе Прентисса де Йезуса собраны сведения о свинцово-серебряно-цинковых рудниках в Малой Азии. Предполагается возможность разработок некоторых из них в древности;

---

[30] IAMS Newsletter, № 6, June 1984, p. 3.

[31] *Farnsworth M., Smith C. S., Rodda J. L.* Metallographic Examination of a Sample of Metallic Zinc from Ancient Athens. — Hesperia, Suppl., № 8, 1949, p. 126—129.

[32] *Marshall J.* Taxila. Cambr., 1951, p. 568.

[33] *Craddock P. T.* The Copper Alloys of Tibet and Their Background. — In: Aspects of Tibetan Metallurgy. L., 1981, p. 16.

[34] *Богданова-Березовская И. В.* Химический состав металлических предметов из Аруктауского, Коккумского и Бабашовского могильников. — В кн.: *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975, с. 198 сл., ан. № 415—417. Как показали новейшие исследования бронзовой посуды и статуэток, найденных в Аугуста Раурика, 8 из 64 предметов, относящихся к первым векам н. э., содержали цинк в концентрациях выше границы, определенной П. Т. Крэддоком для орихалка, выплавленного методом цементации, причем в одном из предметов содержание цинка превышало 40%. См. *Tomasevic-Buck T.* Ein Bronzedepotfund aus Augusta Raurica. — Bayerische Vorgeschichtsblätter, 1984, Jg. 49, S. 193 f.

[35] *Barnes J. W.* Anciet Clay Furnace Bars from Iran. — BHMG, 1973, v. 7, № 2, p. 8, fig. 1; *Allan J. W.* Persian Metal Technology 700—1300 A. D. L., 1979, p. 43.

[36] Ibid. Вызывает интерес находка на территории Ирана железного складного стула, орнаментированного инкрустациями из латунной проволоки, содержащей 25,5% цинка (*Dewanckel G.* Siege en fer damasquiné de laiton et d'argent provenant d'Iran.— In: Bull. Inst. royal du Patrimoine artistique, 1982/1983, v. XIX, p. 203—204).

[37] Письменное сообщение П. Т. Крэддока от 29.V.1984.

отметим рудники на территории Великой Армении: в Юкаре, Нукавуре, Латуме и Кутуните, в районе между современными Ризе и Артвином [38].

Большой интерес вызывают исследования, проведенные в Заваре (Раджастан), к востоку от рубежей Парфянского царства. Совместная экспедиция Университета Бароды, Британского Музея и компании «Хиндустан цинк лимитид» открыла остатки семи печей и множество глиняных реторт, в которых выплавляли металлический цинк. Хотя остатки печей датируются XVI в., радиокарбонные датировки показали, что рудники Завара разрабатывались уже два тысячелетия назад [39].

Подведем итоги. Рассмотрение отрывка из письма X, 74 Плиния Младшего в контексте современных представлений по истории металлургии и металлообработки Рима и Парфии позволяет с достаточной долей уверенности предполагать, что легат Вифинии послал императору Траяну наиболее редкий из употреблявшихся в то время металлов — цинк. Внимание и интерес, проявленные римскими властями к металлическому цинку, возможно, отражают подготовку римлян к предстоящей военной кампании в Парфии, а также стремление пополнить запасы редкого легирующего металла на римском монетном дворе.

М. Ю. Трейстер

[38] *Prentiss S. de Jesus.* The Development of Prehistoric Mining and Metallurgy in Anatolia. — BAR Intern., ser. 74, 1980, pt. II, map 13.

[39] *Craddock.* The Copper Alloys of Tibet..., p. 14, *idem.* How Zinc Was Smelted in Ancient India. — New Scientist, 1984, March 29, p. 23; *idem.* Goat Path Discovery Unlocks Secrets of Medieval Zinc. IAMS Newsletter, № 6, June 1984, p. 1—3; *Craddock P. T. et al.* Early Zinc Production in India. — Mining Magazine, January 1985, p. 46—52. Хотя исследователи предполагают, что на рубеже нашей эры в рудниках Завара добывались только серебро и свинец, не исключено, что уже тогда проводились первые опыты по выплавке металлического цинка.

PLINE LE JEUNE, *ÉPITRES*, X, 74 (UN COMMENTAIRE)

M. Ju. Trejster

Le passage examiné est celui où Pline informe l'empereur Trajan de l'arrestation d'un certain Callidrome. Lors de son arrestation, on lui confisqua un petit morceau de métal provenant, selon ses dires, de mines parthes; Pline le fit envelopper, le scella de son cachet personnel el l'envoya à l'empereur. Les commentateurs modernes n'expliquent généralement pas quel métal ce Callidrome avait rapporté de Parthie. Une analyse de X, 74 tenant compte de nos connaissances actuelles sur l'histoire de la métallurgie et du travail des métaux à Rome et en Parthie permet de supposer avec assez de certitude que le légat de Bithynie a envoyé à Trajan un échantillon du métal le plus rare qu'on utilisât à cette époque, le zinc. Il n'est pas exclu que l'intérêt de l'administration romaine pour le zinc métallique fût lié aux préparatifs de la prochaine campagne de Parthie ainsi qu'à la nécessité de renflouer les réserves de la Monnaie romaine en métaux d'alliage. On trouvera dans l'article un aperçu des données existantes sur lesusages antiques du zinc métallique et sur les objets anciens à forte concentration de zinc dans leurs alliages, surtout ceux qui ont été trouvés en Iran, en Turquie et en Inde occidentale.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН, Г. Ф. ИЛЬИН. Индия в древности. М., 1985

Рецензируемая книга представляет собой фундаментальную монографию, принадлежащую двум известным советским ученым — члену-корреспонденту АН СССР Г. М. Бонгард-Левину и скончавшемуся незадолго до выхода в свет книги доктору исторических наук Г. Ф. Ильину.

Первое издание рецензируемой книги было опубликовано в 1969 г. под названием «Древняя Индия. Исторический очерк». Она заняла важное место в советской науке как первый обобщающий труд по истории древней Индии. По богатству фактического материала «Древняя Индия» значительно превосходила все, чем располагала прежде марксистская историография, при этом особое значение придавалось разработке основных концептуальных положений. В центральных главах книги, написанных Г. Ф. Ильиным, доказывалось, что в древней Индии, как и в других странах древнего мира, *господствовал рабовладельческий способ производства*. «Древняя Индия» в течение многих лет оставалась надежным руководством и с точки зрения фактического материала, и по предлагавшимся идеям и характеристикам. Она может быть поставлена в один ряд с такими общими трудами, публиковавшимися в разное время на Западе и в Индии, как «Кембриджская история Индии», «История и культура индийского народа» и т. п. Переиздание ее было весьма желательно, так как тираж первого издания составлял всего 5 тыс. экз. и книга давно стала библиографической редкостью.

Прошло уже около двух десятилетий с тех пор, как она была написана. 60-е годы,— можно сказать, начальный период изучения истории древней Индии в СССР. Хорошо известно, что классическая русская индология собственно истории Индии (в особенности социальной) уделяла мало внимания. Первые самостоятельные работы в этой области появились лишь к началу 50-х годов (прежде всего статьи Г. Ф. Ильина). Круг исследователей и объем публикаций по истории и культуре древней Индии и в 60-е годы оставался весьма ограниченным. Многие вопросы впервые в нашей историографии были поставлены в данной книге, и не все из них авторы могли проработать по источникам. За истекшие годы появилось значительное количество публикаций у нас и за рубежом, поэтому представлялась желательной не простая перепечатка этого труда, а основательная переработка его с учетом как новых открытий, так и современных тенденций в исторической науке.

В предисловии к новому изданию отмечается, что «монографию в определенной мере можно рассматривать как итог коллективного труда советских индологов» (с. 7). Речь в данном случае идет о том, что в книге учтены многочисленные замечания коллег и рецензентов, устные и письменные, а ряд разделов написан на основе материалов, предоставленных другими учеными. При подготовке нового издания авторы стремились отразить бо́льшую часть работ советских индологов с тем, чтобы действительно подвести итог современного состояния отечественной индологии.

Естественно, однако, что слова о «коллективном труде» не следует понимать слишком буквально,— книга имеет авторов, которым принадлежит и основной объем работы, и решающее слово. Необходимо заметить также, что Г. Ф. Ильин лишь частично изменил текст своих глав, в целом же подготовка нового издания осуществлена

Г. М. Бонгард-Левиным. Им же в ряде глав была проведена существенная правка и с точки зрения обновления материала, и в части общих выводов. Пожалуй, в конечном счете главы Г. Ф. Ильина подверглись даже более основательной переработке в плане идей, чем по фактическим деталям. Авторство глав сохранено в основном по первому изданию (за исключением тех случаев, когда главы, написанные Г. Ф. Ильиным, значительно расширены за счет новых тем). Нам представляется, что будет только справедливо указать на эту существенную правку текста, проведенную Г. М. Бонгард-Левиным. С одной стороны, это подчеркивает то новое (часто весьма важное), что внесено при редактировании. С другой стороны, нельзя быть уверенным в том, что Г. Ф. Ильин был бы полностью согласен со всеми изменениями его авторского текста (к которому он, будучи человеком ясных и твердых убеждений, относился весьма ревниво). Во всяком случае, мы не всегда вправе делать выводы об эволюции его взглядов, читая главы настоящего издания, автором которых он указан и действительно в основном принадлежащие ему.

Сравнение нового издания с предшествующим показывает общее направление переработки. Во-первых, устранены многие ошибки в изложении фактов, исправлены сноски, ошибочные переводы и т. п. Во-вторых, сильно сокращены общие рассуждения теоретического плана, содержавшие многочисленные сопоставления со средневековой или современной Индией, а также с другими странами древнего Востока и античного мира. Таким образом, работа в большей мере сосредоточивается на основной теме — изложении древнего периода истории Индии. Третий момент, который обращает на себя внимание читателя,— стремление учесть тенденции в современной историографии, прежде всего советской. Некоторая корректировка общих положений явно вызывается не только более углубленным исследованием проблемы на самом древнеиндийском материале, но и знакомством с работами коллег, работающих в смежных областях исторической науки.

Проведено основательное редактирование текста отдельных глав с устранением особенно спорных утверждений или по меньшей мере сильным смягчением неоправданно категоричных формулировок. Изложение стало более осторожным, оценки взвешенными, острые углы — сглажены (как это и свойственно обычно академическим изданиям). Книга призвана быть не просто авторской монографией, а в какой-то мере итоговым, обобщающим трудом по истории древней Индии в советской науке.

Устранение субъективных оценок можно только приветствовать. При этом, однако, необходимо, чтобы оставалась четкость авторской позиции. В данном издании порою создаются неясности и несколько противоречивая картина из-за смешения разных подходов или точек зрения. Иногда это проявляется в мелочах. Если мы согласимся, например, с переводом слова *вршалатва* как «состояние шудр» (с. 480), нам уже трудно будет последовать за авторами в их полемике с точкой зрения, что *вршала* значит «шудра» (с. 206, со ссылкой на работу С. Боса, с. 646). Порою дело касается более существенных моментов. Характерны в этом смысле уже первые абзацы введения, где ставится весьма сложная и важная проблема — почему в древней Индии не сложилась историческая наука (с. 8). Обычно исследователи склонны объяснять этот факт особенностями традиционной индийской философии. Последнее часто связывается со спецификой пресловутого «индийского духа», и таким образом исторический анализ заменяется мистикой. Особенности индийской философии и предполагаемая степень ее влияния на другие сферы культуры сами еще требуют рационального объяснения.

Решая этот вопрос, видимо, можно обратить внимание на традиционность социальной структуры Индии, влияние общинных начал и слабость государственности. Во всяком случае, отсутствие историографии — не случайная, а очень характерная черта классической индийской культуры, столь же характерная, как практика устного бытования текстов, огромная роль эпоса, слабо выраженное авторское, личное начало в творчестве, специфические особенности права. Документальная историография типа анналов, составлявшихся с чисто практическими целями, очевидно, должна была существовать

и в Индии, но она не приобрела литературной формы и погибла, не ставши частью ее культурного наследия.

В первом издании книги Г. Ф. Ильин, явно не удовлетворенный обычной ссылкой на философские концепции, предлагал свое объяснение отсутствию историографии в древней Индии. Он видел основную причину в том, что Индия — огромная страна, населенная различными племенами и народами, со сложной политической историей, «научное изучение» которой «было весьма сложным делом» (с. 8). Ясно, что такое рассуждение вовсе не решает проблемы. Во-первых, политическая карта античного Средиземноморья или древнего Китая тоже не отличалась простотой, во-вторых, в Индии мы не находим и региональной истории в сущности до мусульманского средневековья. В новом издании книги данное объяснение снято и добавлена ссылка на «концептуальные установки основных религиозно-философских школ» Индии. При этом, однако, этот тезис никак не комментируется, а речь далее идет лишь о том, что Индия — огромная страна, населенная множеством племен и народов. Без прежнего вывода эти замечания теряют свою цель, а вопрос о причинах отсутствия историографии остается, по сути, без ответа. Этот небольшой пример показывает, что редакторская правка порою приводит к известной утере цельности изложения, характерной для первого издания.

Существенным изменениям подверглась композиция книги и формулировки названий некоторых глав. В первой части («Древнейшая Индия»), например, название главы «Арийская проблема» заменено на «Индоарии. Ранние этапы истории». Прежняя формулировка отражала жаркие баталии по поводу расовой теории, индоевропеистики и роли миграций и т. д. Новое название и содержание главы в большей степени отвечает современной, более спокойной и объективной постановке проблем происхождения и расселения индийской группы арийских племен. При этом в полном соответствии с новейшей историографией Г. М. Бонгард-Левин особое внимание уделяет проблемам этногенеза и взаимосвязи между пришлым и аборигенным населением, синтезу культур, определившему становление древнеиндийской цивилизации (с. 142).

Объединены главы по религии и культуре в ведийский период, что также вполне справедливо (тем более что в распоряжении исследователей находятся только памятники религиозной, ведийской литературы).

Глава о племенном мире (племенной периферии) стоит теперь непосредственно после главы об индской цивилизации, что представляется удачным не только в общей структуре этой части книги (она не кажется более довеском к ведийскому материалу), но и по существу современного состояния вопроса. Археологические исследования последних десятилетий, как убедительно показано Г. М. Бонгард-Левиным, позволяют представить племенной мир на территории Индии, современный городской харапской культуре. Название «Варны в ведийскую эпоху» нам кажется также удачнее, чем прежнее — «Происхождение варн. Оформление сословно-кастового строя». Прежде несколько абстрактные теоретические характеристики в главе заменены изложением конкретных результатов современных исследований, прежде всего в области индоевропеистики. Кроме того, прежняя формулировка была в известной мере дезориентирующей — в названии главы фигурировали касты, а далее утверждалось, что касты (джати) в Индии сложились лишь в начале новой эры.

Еще более существенные изменения внесены в структуру второй части («Индия в магадхско-маурийскую эпоху»). Главы о сельской общине и сословно-кастовой системе составили единую главу. Это отражает принципиально новое понимание обоих институтов — общины и касты — в их неразрывной связи. Главы о рабстве и кармакарах также объединены в одну главу — «Рабство и другие формы зависимости». При этом, с одной стороны, перестал делаться упор именно на наемный труд (кармакаров), с другой — разные формы зависимости вполне естественно стали рассматриваться наряду с зависимостью чисто рабской. Прежний порядок расположения, при котором глава об общине стояла между «рабством» и «кармакарами» (последних к тому же автор чрез-

мерно сближал с рабами), отличался явной нелогичностью и вызывал ложные истолкования самой главы об общине. Наконец, необходимо отметить и то, что глава о рабстве и других формах зависимости стоит теперь п о с л е главы об общине и сословно-кастовой системе. Это вовсе не означает отступления от концепции рабовладельческого строя в древней Индии. Но само рабство не может быть правильно понято без предварительного анализа таких институтов, как община и каста.

В данной части работы сняты две главы. Материал первой из них — «Монархии и республики в древней Индии» — частично вошел в другие главы (о республиках — в главу об империи Маурьев, о монархиях — в изложение политической теории в разделе о культуре). Последнее в значительной мере оправдывается тем, что материал о монархиях в прежнем издании был преимущественно ориентирован на изложение именно политической теории. При этом, однако, во-первых, большой экскурс о республиках не полностью укладывается (даже чисто хронологически) в главу о Маурьях. Во-вторых,— и это еще более важно — отсутствует специальный анализ особенностей индийской государственности, аналогичный анализу различных форм социально-экономических отношений. Как часто бывает в историографии, от экономики и социальных отношений изложение переходит непосредственно к политической истории, а затем к религии и культуре. Проблемы социально-политической организации и специфики государственности рассматриваются не как проблемы, имеющие важное теоретическое значение, а лишь в связи с событиями истории отдельных древнеиндийских государств.

Вторая из опущенных в новом издании глав — «Семейные отношения в древней Индии» — была, на наш взгляд, неудачной и по формулировке самой темы, и по материалу, и по выводам. В этом смысле можно сказать, что ее отсутствие не вредит книге. Однако в древней Индии, так же как и в средневековой, и современной (и, без сомнения еще в большей степени), огромную роль играли различные социальные общности, основанные на узах родства. Не будет ошибкой сказать, что большая семья и более широкие объединения родственников являлись подлинной основой и индийской сельской общины, и профессиональных цехов, и касты. Сама религия индуизма имеет главную опору прежде всего в семейно-родственных традициях. Недостаточное внимание к этим институтам существенно обедняет идеологические исследования.

К главе о буддизме и джайнизме добавлена тема «Истоки индуизма», что отражает современный подход к проблеме. Наконец, небольшие изменения содержит и структура третьей части — «Индия в кушано-гуптский период». Принципиальное значение имеет соединение тем об общественных отношениях и сословно-кастовой структуре. К изложению буддизма, махаяны и индуизма присоединен подробный очерк классической индийской философии и ее основных школ. В целом количестве глав уменьшилось с 30 до 24, преимущественно за счет их укрупнения. Некоторые изменения плана книги являются концептуально важными и, по нашему мнению, значительно улучшают работу.

Некоторые главы книги, в особенности о культуре, существенно расширены обширными вставками об индуизме, философских учениях и о культурных связях с другими областями древнего мира и т. п. Глава о ведийской религии и культуре, например, содержит так много дополнительного материала, что практически может рассматриваться как написанная заново.

Множество дополнений из научной литературы и источников имеется практически во всех главах. При таком же объеме, что и прошлое издание, книга стала гораздо информативнее, притом ощутимо стремление к полноте охвата именно новейшей историографии. Особенно полезны ссылки на последние археологические исследования и открытия. Здесь прежде всего необходимо упомянуть о результатах раскопок Французско-Пакистанской экспедиции в Мехргархе, где было открыто дохараппское энеолитическое поселение земледельцев. Подробно рассматриваются также раскопки в Пираке, которые позволяют проследить постепенный процесс деурбанизации послехараппского поселения. Археологические исследования последних лет дают возможность

по-новому ставить такие важные проблемы, как происхождение харапской культуры и причины ее упадка. Г. М. Бонгард-Левин привлекает внимание к археологическим материалам, свидетельствующим о некоторых контактах между носителями харапской культуры, с одной стороны, и носителями культуры серой расписной керамики (предположительно ариями)— с другой. Значительны также результаты, полученные индийскими археологами при изучении энеолитических культур Центральной Индии. Общая тенденция научных изысканий сводится к тому, что культура аборигенного населения Индии была выше и древнее, нежели предполагалось прежде (обращается внимание, например, на раннее появление железа). Именно эти выводы позволяют по-новому рассматривать и вопросы взаимоотношения с пришлыми, в частности арийскими, племенами. Проблема распространения культуры заменяется проблемой культурного синтеза.

Другая область, где за последние годы также появился ряд важных новых находок,— археология, эпиграфика и нумизматика Кушан. Основной новый материал (в том числе, конечно, и добытый советскими археологами и эпиграфистами) также учтен при подготовке нового издания книги. Некоторые уточнения сделаны и в изложении политической истории Гуптов на основании новых находок монет и надписей. Учтены и публикации новых литературных источников (большое внимание уделяется, например, недавно изданному и исследованному астрологическому сочинению «Яванаджатака», которое восходит к греческому оригиналу, с. 438—439 и др.). Замечание, которое в этой связи может быть сделано,— небольшие повторы, которые возникают вследствие внесения одного и того же материала в разные главы (например, о соответствии понятий *эвсебейя* и *дхарма* — ср. с. 211 и 593).

Книга снабжена многочисленными иллюстрациями памятников (помещенными на вклейках), при этом некоторые из них малоизвестны и никогда не воспроизводились в советских изданиях. Практически все иллюстрации подобраны заново, следует отметить и хорошее качество репродукций. Обновлен и приведен в соответствие с текстом картографический материал. Можно отметить при этом лишь некоторые редакционные погрешности. Например, в прежнем издании упоминалась *атавираджья* в гуптское время. В тексте теперь приводится только перевод этого выражения — «лесные цари» (с. 418), но на карте (с. 415) осталось *атавираджья*, что требует от читателя знакомства с санскритом. Издание снабжено указателями — имен, географических названий, терминов, народов, племен и каст, письменных источников.

Комментарии к книге имеют в значительной мере библиографический характер. Заметно стремление упомянуть хотя бы в сносках (иногда с небольшой аннотацией) обширную новейшую литературу. Надо сказать, что практически вся основная литература последних лет так или иначе учтена, а то, что прямо не перечислено, может быть легко найдено с помощью указанных работ. Библиографический аппарат книги имеет самостоятельное и очень важное значение. Пожалуй, только Г. М. Бонгард-Левин и был в состоянии выполнить такую работу благодаря своим тесным контактам с зарубежными индологами и широкой осведомленности в новейшей литературе. По поводу библиографического комментария, впрочем, тоже могут быть сделаны небольшие замечания. Некоторые работы указаны не вполне удачно по контексту (например, книга Г. Лоша о раджадхарме посвящена не дхармашастрам, а только пуранам — с. 41). Иногда приводятся названия работ новых, но несамостоятельных и, напротив, недостаточно уделяется внимания классическим старым работам (прежде всего немецким). Порою и ссылки на новые работы следовало бы заменить на те, где идея высказывалась впервые (например, сопоставление слов Мегасфена об отсутствии рабов в Индии с фразой «Артхашастры» о том, что арий не должен становиться рабом, проводилось Б. Брелером в 20-е годы).

Работа такого объема и широты тематики, конечно, не может не содержать недочетов, ошибочных или спорных утверждений. Часть недостатков перешла из прежнего издания, некоторые появились только в новом (иногда из-за недостаточной согласован-

ности старого и нового текста). Рассмотрим подробнее отдельные части и аспекты книги.

Общая характеристика источников осталась без существенных изменений (и в радикальной правке не нуждалась). Частные замечания, впрочем, можно сделать. Неудачным нам кажется определение «Артхашастры» как «собрания советов» царю (с. 44). Стихи, совпадающие с дхармашастрой Ману, практически не встречаются в древнейших вариантах текста «Нарада-смрити» и, следовательно, являются лишь интерполяциями в поздней версии Кальянабхатты, опубликованной Ю. Йолли. Во всяком случае, это не может служить доказательством знакомства составителя «Нарады» с текстом «Ману» (с. 43). Никакого существенного значения не имеет то, что о судопроизводстве в дхармашастре «Яджнавалкьи» говорится специально во II главе (с. 42). Как и у Ману, связь темы суда с темой «обязанностей царя» несомненна (собственно дхарма царя в Ману излагается в VII главе, судебные дела в VIII и IX, а в «Яджнавалкье» соответственно конец I и II глава). Вряд ли можно усматривать пародию и комизм в том, что в «Панчатантре» о политике рассуждают звери (с. 574). Текст воспринимался вполне серьезно как «княжеское зерцало» не только в Индии, но и во всем средневековом мире («Калила и Димна», «Стефанит и Ихнилат»).

Некоторые конкретные интерпретации источников вызывают сомнения. Призыв эдиктов Ашоки подобающим образом относиться к рабам и слугам, по мнению автора, «безусловно» свидетельствует о «резком усилении эксплуатации рабского и зависимого труда, что вызывало недовольство эксплуатируемых масс» (с. 244). Эдикты в таком случае должны свидетельствовать также о распространении непослушания детей родителям, о развитии скупости по отношению к друзьям и родственникам и т. д. Возможно, справедливо замечание автора (с. 658) о том, что право царя отобрать землю у крестьян, не обрабатывающих ее должным образом, распространялось лишь на деревни особого типа («Артхашастра» II.1). Однако в другом месте (с. 283) материал той же главы о недопущении в деревни бродячих артистов приводится без всяких оговорок, между тем «Артхашастра» (III.10.37; ср. IV.1.58—62) свидетельствует о том, что в обычных деревнях нередко устраивались представления, конечно, без всякого вмешательства властей.

Относительно соотношения терминов *кармакара* и *бхртака* приводятся противоречивые толкования Р. Шармы и М. Шетелих. Однако оба указанных автора исходят из совершенно ложного убеждения, что термины эти употреблялись строго и единообразно в различных текстах. Между тем анализ словоупотребления даже одного только текста «Артхашастры» приводит к противоположному выводу [1]. Аналогичную ошибку, нам кажется, совершает и Б. Ядава (с. 464), сопоставляющий статус «пахаря» (*кинаша*) в шастрах «Ману» и «Нарады». У Ману некий «пахарь» перечисляется среди имущества, подлежащего разделу, а «Нарада» говорит, что «пахарь», как и раб, не должен быть свидетелем (т. е. не включает «пахаря» в число рабов). Слово «пахарь», так же как «земледелец» (*каршака*), не является термином с точным социальным значением. Иногда им может обозначаться лицо зависимое (в разных формах и степени зависимости), иногда свободное. Вывод о том, что зависимый во времена Ману «пахарь» освободился ко времени «Нарады», трудно признать убедительным. Нет ничего более опасного при анализе санскритских текстов, чем слишком полагаться на точность и неизменность значения отдельных слов, взятых вне контекста.

Нам кажется, что в целом с точки зрения источниковедения новое издание стоит на более высоком уровне, чем прежнее. Это проявляется не только в широком привлечении новых разнообразных материалов, но и в критическом к ним отношении. Заметно в тексте сокращение мифологических и легендарных повествований и предпочтение, оказываемое более надежным источникам,— таким, например, как «Артхашастра». Сопоставления источников проводятся корректнее, реже случаются резкие хронологи-

[1] См. *Вигасин А. А., Самозванцев А. М.* «Артхашастра». Проблемы социальной структуры и права. М., 1984, с. 171—180.

ческие перепады. Например, дхармашастры уже не характеризуются как «сборники законов» и «законоведческая литература» («сборниками законов» они никогда не были и самого понятия «закон» в Индии, очевидно, не существовало). Неоправданные характеристики источников встречаются скорее по недосмотру (те же дхармашастры на с. 30 фигурируют и как «сочинения законодательного характера», и как «повествовательная литература», поэтическая хроника Калханы «Раджатарангини» однажды названа трактатом — с. 8).

Ставятся в книге и важные проблемы методики источниковедческого исследования. Например, по отношению к «Артхашастре» Г. М. Бонгард-Левин настаивает на том, что для маурийской эпохи можно использовать лишь те сведения трактата, которые подтверждаются синхронными Маурьям источниками (с. 44 и др.). Однако практически этот принцип оказывается довольно трудно соблюдать. Концепция средневекового комментатора текста Бхаттасвамина, например, признается проявлением тенденции политики маурийских правителей (с. 277). С другой стороны, предлагаемые сопоставления с синхронными источниками не всегда кажутся убедительными. Так, сравниваются астиномы со *стханика* (с. 233). Мегасфен сообщал о том, что шесть специальных коллегий, каждая из пяти астиномов, следят за ремеслом, торговлей и пр. В «Артхашастре» же город делится на четыре квартала, во главе каждого стоит один чиновник — *стханика*. Не совпадают ни цифры, ни круг обязанностей чиновников, ни общая структура управления (территориального и по ведомствам). *Прадешика* надписей Ашоки сравнивается с *прадештаром* «Артхашастры» (с. 226). Однако *прадешика* — администратор, управляющий областью (*прадеша*, *деша*). *Прадештар* же — тот, кто наказывает преступников (*пра-диш*). Налоги с местности собирает совсем другой чиновник, а *прадештар* осуществляет полицейский контроль. Кстати, нельзя *прадештара* назвать и судьей по уголовным делам. Древнеиндийское право не делит дела на гражданские и уголовные. *Прадештар* ведает розыском и наказанием лиц, виновных в преступлениях, особо тяжких и представляющих опасность для государства, общества, религии (убийство, изнасилование, казнокрадство, мошенничество ремесленников и торговцев и т. д.). Обычные дела об оскорблениях или грабеже разбираются совсем в другом суде. *Прадешика* и *прадештар* сходны только звучанием слов.

Как и в нескольких других своих работах, Г. М. Бонгард-Левин предлагает в тексте Мегасфена о придворных «философах» (σύμβουλοι καί σύνεδροι τοῦ βασιλέως—Strabo, XV, 1, 49) видеть две категории лиц, которые можно сравнить с двумя государственными учреждениями Индии,— *паришадом* и *раджасабхой* (с. 224). Смущает, однако, получающаяся при этом значении греческого текста картина — одна категория философов «сидит» около царя (но ничего ему не «советует»), а другая «советует» (но не «сидит» рядом). Греческий текст, вероятно, действительно представляет собою кальку санскритского слова, но только одного — *мантрипаришад* (собрание советников). Как справедливо замечает Г. М. Бонгард-Левин, *паришад* точно соответствует слову σύνεδροι (глагол *пари-сад* — сидеть около), но и σύμβουλοι соответствует слову *мантрин* — «советник». Таким образом, по нашему мнению, нет оснований видеть в греческом тексте указание еще и на *раджасабху*.

Историографический очерк остался без принципиальных изменений, но, естественно, дополнен упоминаниями имен индологов, плодотворно работающих в последние десятилетия. По существу данный раздел является пока на русском языке единственным пособием по истории мировой индологии. Нам не кажется, правда, оптимальным сам принцип изложения по национальным школам. Во многих случаях соблюдение этого принципа представляет большие трудности. Х. Лассен — норвежец, писавший по-немецки, Макс Мюллер и Г. Бюлер — немцы, обычно писавшие по-английски, О. Бетлингк — немец, работавший в России, и т. д. Трудно в тесных рамках школ рассказать об интернациональных предприятиях (например, о «Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde» — кстати, помимо опечатки, это издание неверно охарактеризовано как «сборники трудов» — с. 17). Но главное заключается в том

что если историография представляет собою прежде всего борьбу идей, то более существенным оказывается принадлежность историка определенному времени, чем нации. Научная школа, объединяемая единым подходом к проблемам, важнее национальной принадлежности ученых или места их проживания. Дробность изложения по «национальным школам» препятствует выделению основных периодов и принципиальных концепций и неизбежно способствует превращению историографии в перечень имен и заслуг как отдельных ученых, так и целых наций.

Важной частью историографии является тема восприятия Индии в европейской культуре (здесь глава о научном изучении Индии перекликается с заключительной — о культурных связях Индии с окружающим миром). Наличие такого общекультурного фона собственно научных изысканий нам кажется весьма важным, и именно в этом направлении сейчас появляются интересные публикации и в зарубежной, и в отечественной литературе. Однако и здесь перечисление рядом, скажем, В. Гете и Т. Манна не создает, а нарушает культурно-исторический контекст.

Подробнее остановимся на проблемах социальной структуры, прежде всего на формах зависимости в древней Индии. Уже соединение в одну главу материала о разных формах зависимости способствует тому, что рабы перестают восприниматься изолированно и даже как бы в противопоставлении другим эксплуатируемым. Само понятие рабства усложняется. В главу введено понятие «подлинный раб» (Г. Ф. Ильин предпочитал выражение «сущий раб»). От «подлинных рабов» отличаются различные переходные категории, полурабские формы зависимости и т. д. К сожалению, этим формам до сих пор уделялось мало внимания, недостаточно освещены они и в настоящей книге. Как и в прежнем издании, говорится, например, о «традиционных формах отношений в семье и общине» (с. 329), но конкретных сведений об этом не приводится.

«Подлинные рабы» составляют лишь часть (порою даже численно незначительную) класса подневольных людей. «Подневольная» зависимость эта всегда могла превратиться в подлинно рабскую (хотя такая возможность реализуется лишь для отдельных лиц, но не социальных категорий в целом). Может быть, еще важнее то, что существовала явная тенденция рассматривать и неоплатных должников, и патриархально-зависимых лиц (которых индийские источники именуют младшими «родственниками», «помощниками», «друзьями» и т. д.) и некоторых слуг, арендаторов, наемных работников и многих других в качестве рабов, тем самым в большей или меньшей степени уподобляя их «подлинным рабам». Эта тенденция весьма характерна и свидетельствует о том, что Индия развивалась в основном по тому же пути, что и другие древние общества.

Отстаивая концепцию рабовладельческой формации в древней Индии, Г. Ф. Ильин совершенно справедливо говорил о том, что нельзя противопоставлять нерабовладельческий сектор рабовладельческому как нечто единое (с. 317). Он утверждал, что между рабством в древней Индии и в других странах не было принципиальных различий (с. 309 и др.). Последнее нам кажется верным, ибо бóльшая часть отмечавшихся прежде «особенностей рабства в древней Индии» объяснялась главным образом смешением условий зависимости, характеризовавших положение «подлинных рабов», с одной стороны, и зависимых лиц, лишь частично уподоблявшихся рабам, с другой.

В то же время чувствуется невольное стремление почти все упоминания в источниках о рабах отнести именно к «подлинным». Автор справедливо утверждает, что простой арифметический подход к вопросу о роли рабовладения и невозможен по характеру источников, и неверен по существу проблемы (с. 317), но одновременно все же пытается доказать, что рабов в древней Индии было много. Г. Ф. Ильин возражает против упрощенного представления о господстве рабского труда в производстве. В то же время он ставит перед собой задачу доказать, что рабство было основой производства в древней Индии (с. 318 и др.). Совершенно верным нам представляется положение о том, что само существование рабства оказывало воздействие на различные стороны общественной жизни, социальную психологию и идеологию. Однако этим влияниям практически уделяется мало внимания.

Как доказательство наличия большого числа рабов приводится (с. 315) сообщение Ашоки, что после калингской войны «сто тысяч человек погибло и сто пятьдесят тысяч было уведено». В старом издании это сопровождалось указанием на то, что «значительное число» уведенных было обращено в рабство. В новом издании говорится, что дальнейшая судьба уведенных неизвестна. Однако в таком случае и сама ссылка на эдикт Ашоки теряет смысл. Кроме того, некоторая информация об их возможной судьбе в нашем распоряжении имеется. В эдикте употреблено слово *апавудхе*. Глагол *апа-вах* имеет терминологическое значение и в таком качестве встречается в «Артхашастре». Там (II.1.1) идет речь о заселении новых территорий «уведенными» из других земель. Население подобной территории имеет своеобразный статус, но, безусловно, не рабский. К тому же статус этот зависит не от происхождения людей — уведенных из чужой земли или переселенных из своей,— а только от самого факта их расселения на землях, предоставленных царем.

Приводится также (с. 314) рассказ из «Махабхараты» о том, что побежденный в битве царь должен в собраниях заявлять: «Я — раб (такого-то)». Ясно, однако, что в данном случае речь идет не о настоящем рабстве, а только о политическом подчинении одного царя другому (о чем и заявляется в «собраниях», т. е. перед другими представителями правящей элиты).

К рабам причисляются, как и в прежнем издании, гетеры (с. 321). Сослаться при этом можно только на «Артхашастру». Однако в «Артхашастре» речь вообще идет лишь о царском хозяйстве: как в разделе о надзирателе за коровами речь идет о царских коровах, так и в разделе о надзирателе за гетерами — о царских гетерах. Как нельзя считать всех вообще коров собственностью царя, так и всех гетер — царскими. Довольно многочисленные тексты, повествующие о гетерах, начиная с «Камасутры» и «Глиняной повозки» Шудраки, не оставляют сомнения в их свободном статусе. Юридические тексты, как правило, говорят о гетерах в связи с темой наемного труда.

Важным элементом авторской концепции рабства является тезис о наличии крупных рабовладельческих хозяйств. Какие же при этом приводятся аргументы? Во-первых, дается ссылка на дхармасутру «Гаутамы» (XXVIII.11—13), которая, согласно старому изданию, предусматривает, что старший сын может взять из наследства отца «не более десяти рабов», согласно новому — «менее десяти рабов». В оригинале, однако, говорится буквально следующее: «старшему сыну причитается в качестве добавочной доли десятая доля всякого домашнего скота (*пашу*)». Но в понятие «скот» не включаются ни «двуногие» (т. е. люди), ни «однокопытные» (т. е. лошади и верблюды). О получении десятков рабов в источнике нет и речи. Можно было бы все же предполагать, что в семейном имуществе, подлежащем разделу, было больше десятка лошадей или рабов (чтобы можно было вообще говорить о десятой их доле). Но и такое предположение спорно, ибо параллельные тексты делают исключение для любого особо ценного имущества, на дополнительную долю из которого старший сын вообще не вправе претендовать (ср. «Артхашастра» III.6.3). Таким образом, речь скорее идет о ситуации, которая часто встречается в дхармашастрах: братья, даже после раздела имущества, продолжают совместно и поровну пользоваться трудом единственной общей рабыни (см. цит. Брихаспати в комментарии Апарарки II.119, КА III.6.7 и др.). Вывод о том, что «в одном хозяйстве их (рабов) насчитывалось немало» (с. 318), никак не вытекает из текста «Гаутамы».

В качестве второго аргумента служит ссылка на известный эпизод из буддийской литературы, где речь идет о ссоре между рабами *шакьев* и *колиев* (ср. с. 228). Рабы *шакьев* и *колиев* поссорились из-за распределения воды для полива участков. Уже сюжет показывает, что эти рабы проявляли заинтересованность в орошении полей, очевидно, самостоятельно ведя хозяйство. Сама ссылка на *шакьев* и *колиев* как на примеры развития крупных рабовладельческих поместий весьма подозрительна, ибо социальные отношения у них были довольно отсталыми (сами авторы говорят о «более сильных пережитках родо-племенных отношений», характеризуют их как «племена»,

управлявшиеся «вождями», с. 341). Дело, видимо, в том, что у этих народностей этническое самоназвание прилагалось только к кшатриям (ср. с. 229), а все прочие именовались их рабами и кармакарами. Речь идет о хорошо известной «псевдоэтнической» форме зависимости, когда «представители общин могли рассматривать целый народ как рабов» [2]. Здесь нет ни «крупного поместья» (ибо каждый из «рабов», видимо, вел свое мелкое хозяйство), ни подлинного рабства. В процессе развития общества (и довольно рано) эти архаические отношения разлагаются и отмирают [3].

В прежнем издании далее речь шла еще о некоторых джатаках, где упомянуты поместья с большим количеством рабов, но так как теперь «рабы» заменены на «работников», то и большого значения эти ссылки уже не имеют.

В качестве примера крупного рабовладельческого хозяйства приводится царское. Однако в данном издании вслед за новейшей литературой справедливо отмечается чересполосица царских и общинных земель (с. 275, 658). Но в этом случае и «рабы», о которых идет речь в связи с царскими землями *сита*, расположенными между общинными полями, скорее всего не какие-то специально содержавшиеся в деревне царские рабы, а те же деревенские жители, несшие рабскую службу в виде отработки долгов казне и т. п. «Крупного рабовладельческого хозяйства» при чересполосице, во всяком случае, не получается. Употребляется, правда, осторожное выражение, что чересполосица «была часто», но указанный вывод о расположении земель *сита* делается на основе «Артхашастры» и эпиграфики, а других источников в распоряжении исследователей просто нет (и несомненно, если бы были такие крупные хозяйственные комплексы, «Артхашастра» должна была бы отразить этот факт).

Наконец, весьма характерен пассаж (с. 319) о крупном рабовладельческом производстве в ремесле. Ссылка дается на известное джайнское сочинение «Увасагадасао». В нем содержится назидательный рассказ, притча о беседе самого Махавиры с неким Саддалапуттой. Последний характеризуется в обычной манере джайнских текстов как необыкновенный богач. У него 10 миллионов золотых монет хранилось дома и еще 10 миллионов было отдано «в рост», скота всякого у него было 10 тысяч голов, горшечных мастерских за городом 500 и столько же лавок в городе. Ремесленники и продавцы получали *бхаибхаттавеяна*. Последнее должно переводиться, конечно, как «содержание (*бхаи-бхрити*), пища (*бхатта-бхакта*) и денежное жалованье (*веяна-ветана*)», а не так, как у Г. Ф. Ильина,— «пищу вместо жалованья». Форма оплаты труда, однако, по мнению автора, должна указывать на рабское положение работников Саддалапутты. (Кстати, даже назвав хозяина богачом, а работников — рабами, мы не можем 500 отдельных мастерских считать «крупным предприятием».) Махавира, как обычно, дает наставления Саддалапутте посредством приведения аналогий и задает ему следующие вопросы: что он будет делать, если эти горшечники станут красть его глину, разбивать его горшки и приставать к его жене и т. д.? (В оригинале длинный перечень всевозможных проступков от небольших до настоящих преступлений.) На это Саддалапутта отвечает (также длинным перечислением): «буду их совестить, ругать, связывать, бить» (и т. д.) и, наконец, «оборву их жизнь раньше положенного срока». Из последнего Г. Ф. Ильин делает уверенный вывод, что все они были настоящими рабами Саддалапутты. Трудно согласиться со столь буквальным пониманием текста.

Хорошо известно обилие фантастических чисел в буддийских и особенно джайнских сочинениях. Д. Р. Чанана объясняет это явление необходимостью заучивания стандартизованного ритмического текста [4]. Характерно, что в главе об экономике не говорится о таком поразительном факте расцвета денежного хозяйства в древней Индии, как 20 миллионов золотых монет в руках у одного предпринимателя. Условность

---

[2] *Чанана Д. Р.* Рабство в древней Индии. Предисловие Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина. Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1964, с. 53.

[3] Там же, с. 71.

[4] Там же, с. 40.

данных цифр автору понятна, недаром Саддалапутта назван просто богачом, без всяких уточнений, однако количество его «рабов» воспринимается буквально. Правда, и здесь делается оговорка (скорее для рецензентов) об условности приводимых чисел, но читатель воспринимает эту условность только как некоторое округление реального числа, а не в отношении самой сути. Кстати, реальная ситуация проглядывает сквозь мистику фантастических чисел: беседа этого «миллионера» и «владельца крупных предприятий и магазинов» с Махавирой происходит в тот момент, когда Саддалапутта таскает вылепленные им горшки на улицу, чтобы высушить их на солнце.

Датировка данного текста, как и других сочинений джайнского канона,— примерно середина I тыс. н. э., повествование же относится к эпохе Махавиры, т. е. к середине I тыс. до н. э. Очевидно, необходимо решить, каким образом датировать сведения о «крупном рабовладельческом предприятии». Г. Ф. Ильин использует этот рассказ дважды: в разделах о Маурьях и о Гуптах (с. 450 — в последнем случае уже без всяких оговорок об условностях текста: «как уже видели, были предприятия и по 500 человек». Усиленная эксплуатация подобного материала способна лишь усугубить скептическое отношение к тезису о крупных рабовладельческих предприятиях в древней Индии.

Подобную же реакцию способны вызвать и ссылки на аналогичные буддийские тексты, где упоминаются 500 телег, запряженных волами (буддисты были не так щедры на нули, как джайны), и земельные угодья площадью в 1000 *кариса* (с. 279 — вряд ли стоило переводить эти тысячи в гектары). Общий же вывод делается из этого такой: «...крупных хозяйств... в древней Индии было немало... они могли и не преобладать (а могли, следовательно, и преобладать.— *А. В.*), но именно они определяли объем и формы товарооборота» и т. д. (с. 318).

Весьма важный вопрос — переживала ли Индия в последний период древности кризис рабовладения. В доказательство того, что такой кризис действительно был, приводятся два вида аргументов. Прежде всего в источниках меньше становится упоминаний о рабах (нет сведений о них в эпиграфике, более поздние буддийские тексты махаяны реже упоминают о рабах, чем более ранние,— хинаяны — с. 463). Отсюда делается вывод, что и самих рабов в обществе стало меньше. Однако в поздних дхармашастрах рабы встречаются чаще, чем в ранних дхармасутрах (с. 461—462). Это, по мнению автора, свидетельствует о постановке «рабского вопроса» в литературе, что является симптомом кризиса рабовладения. Обращает на себя внимание не только некоторая внутренняя противоречивость подобного построения. Нам кажутся сомнительными оба утверждения сами по себе.

Утверждение, что в поздней древности нет сведений о рабах в эпиграфике, как бы указывает на то, что раньше такие сведения были. Это, однако, не соответствует действительности (не случайно эпиграфические свидетельства не приводятся в главе о Маурьях). Аргументация о меньшем участии рабов в производстве, основанная на сопоставлении текстов хинаяны и махаяны, не учитывает самого характера текстов. Аналогичные рассуждения в области античной истории могли бы выглядеть так: в трагедиях Сенеки меньше рабских персонажей, чем в комедиях Аристофана, а Марк Аврелий меньше, чем Аристотель, рассуждает о рабстве,— следовательно, рабство в Риме Ранней империи теряет свое значение в сравнении с классической Грецией. Сведения о рабах и их участии в производственной деятельности для маурийской эпохи заимствовались преимущественно из джатак и «Артхашастры». Источников такого типа для гуптского времени нет. Не только об использовании рабов в производстве, но и о самом производстве материал становится гораздо более скудным (что легко обнаружить, сопоставив главы об экономическом развитии в тот и другой периоды).

Особый вопрос — почему исчезает традиция артхашастры и сама «Артхашастра Каутильи» постепенно приходит в забвение, почему сочинения типа махаяны сменяют собою более древний тип буддийских текстов (и внутри одного жанра — на смену древним палийским джатакам приходит «Гирлянда джатак» Арья Шуры). Вполне ве-

роятно, что речь должна идти о причинах, выходящих за рамки истории собственно литературы. Грань между древностью и средними веками была и в Индии, но эта грань определяется не тем, что в древности рабов было больше, а в средние века меньше.

Рассмотрим другой аргумент — с дхармашастрами. Автор, сопоставляя сутры с поздними шастрами, обращается только к самым известным текстам, переведенным на английский язык. Привлечение других поздних дхармашастр («Парашара», «Ангирас» и др.) сразу же нарушило бы указанную закономерность. Рабы в них практически не упоминаются. То, что в «Нараде» больше информации о рабах, чем, скажем, в сутре «Апастамбы», легко объясняется тем, что вообще праву в одном тексте уделяется несравненно больше места и внимания, чем в другом. Это обстоятельство отмечается в новом издании: «Основная причина состояла, очевидно, в постоянно возраставшем интересе авторов дхармашастр к вопросам гражданского и уголовного права» — с. 461). Однако уже эта формулировка сама по себе лишает какой-либо силы аргумент о нарастании сообщений о рабах как проявлении кризиса рабства. Справедливо обращено внимание на то, что «Нарада» приводит сведения о рабах прежде всего в связи с проблемой отпуска их на волю. Именно это и позволяет интерпретировать текст как проявление кризисной ситуации (тень Римской империи витает перед мысленным взором ученого). Однако «Артхашастра» содержит не меньше, а значительно больше материала о рабах и их отпуске на волю. Лишь в новом издании (с. 462) дается ссылка на этот текст, но она вступает в противоречие с дальнейшей общей формулировкой, что такие правила были «знамением времени». Какого же времени? «Артхашастра» используется как основной источник по магадхско-маурийскому периоду. Или тогда уже начался кризис рабства?

Следует обратить внимание на то, об отпуске на волю к а к и х именно «рабов» идет речь в «Нараде». Это неоплатные должники и тому подобные полноправные члены общества, попавшие в кабалу. Суть всех предписаний сводится к тому, что их необходимо через какое-то время отпустить на свободу, а не превращать в постоянных, или «подлинных», как выражаются авторы, рабов. Если уж приводить аналогии, то материал легко найти в «Законах Хаммурапи», Библии и т. д. «Рабским вопросом» это назвать никак нельзя, и даже редакционная замена слова «несомненно» на «возможно» в формулировке о кризисе рабовладения (с. 466) не кажется достаточной.

Очевидно, здесь проявляется вновь недифференцированный подход к рабству. «Рабский вопрос» может возникнуть лишь в отношении «подлинных рабов». О них же в «Нараде» говорится следующее: они могут получить свободу только по воле хозяина. Можно ли в этом усматривать проявление кризиса? Кризис, видимо, возможен лишь в такой ситуации, когда много именно «подлинных рабов», они заняты преимущественно в производстве (в том числе крупном и среднем) и труд их становится постепенно непроизводительным. Появляется стремление заинтересовать работника, дать ему полусвободу. Положим, мы согласимся с замечанием Г. Ф. Ильина о том, что патриархальное домашнее рабство не следует полностью противопоставлять классическому, а также и с тем, что домашние работы в древности имеют важное производственное значение. Мы можем последовать за автором в том, что раб, носящий еду работающему на поле хозяину (картинка, несколько раз встречающаяся в древнеиндийской литературе), выполняет очень важную работу. Пусть даже прав исследователь, утверждающий, что индийцы предпочитали сами выполнять тяжелые работы, оставляя рабам ритуально нечистые (мести пол и т. д.), но т а к о е рабство кризиса все же переживать не может или переживает его совершенно не в тех формах, какие предполагаются исследователем.

Отметим также ряд добавлений в главах о рабстве, которые, с нашей точки зрения, имеют противоречивый и недостоверный характер. Со ссылкой на Медхатитхи (IX в.) утверждается, что война в позднегуптский период (V—VI вв.) перестает быть важным источником рабства. Хотя отсутствует точная сноска, имеется в виду комментарий на «Ману» VIII.415. В связи с тем, что в данном стихе упоминается раб-военнопленный, Медхатитхи ставит вопрос: «Так что же, даже аристократ-кшатрий, будучи

побежден в сражении, станет рабом?». Он отвечает на него отрицательно — речь может идти о порабощении лишь шудр, которым самой судьбой предназначено быть в рабстве. Перед комментатором стоит вопрос не о рабстве военнопленных вообще, а только о судьбе представителей высших сословий, и несомненно всегда в рабство обращали по преимуществу простой народ, а знатные люди платили выкуп. Здесь ничего нет нового ни для позднегуптского времени, ни даже для IX в.

Говоря о распространении заклада земли (с. 456) в гуптскую эпоху, в качестве аргумента приводится «Ману» VIII.143. В источнике, однако, говорится лишь о разновидности залога с правом пользования. Это, видимо, действительно часто была земля, но те же самые правила зафиксированы в «Артхашастре» III.12 и в «Гаутаме» XII.32, т. е. источниках, используемых для магадхско-маурийского времени.

Автор считает не случайным (с. 457) упоминание о рабе-должнике только в «Нараде» и отсутствие такой категории в «Ману» (будто рабство-должничество распространилось только в гуптскую эпоху). Невероятное само по себе, это предположение опровергается тем, что должник (*ахитака*) включается в понятие «раб» (*даса*) в «Артхашастре», да и в «Ману» (VIII.410—414) говорится о рабстве (*дасья*) должника.

Вслед за С. Чаттопадхьяей автор видит (с. 462—463) «новые тенденции» рабства в том, что в «Яджнавалкье», в отличие от «Ману», упоминается наследование рабыней имущества ее хозяина-шудры. Однако эти стихи «Яджнавалкьи» (II.133—134) являются лишь пересказом «Ману» IX.179. С. Чаттопадхьяя обнаруживает другое различие с «Ману» — допущение долгового рабства для кшатриев и вайшьев. Однако те же самые правила содержатся в «Ману» VIII.177, 411 и др. Кроме того, непонятно, почему в рецензируемой работе все это именуется «ограничениями» рабства, хотя речь идет, напротив, о «разрешениях».

Вслед за Б. Ядавом автор обнаруживает в дхармашастрах «Нарады» и «Брихаспати» зависимость вольноотпущенников от прежнего хозяина. Текст «Брихаспати» не сохранился, и данный стих был ложно приписан ему поздними комментаторами (цитата встречается лишь в очень ненадежном тексте «Сарасвативиласа»). Он имеется только в одной из версий «Нарады». Но главное, смысл санскритского текста не понят индийским исследователем. Речь идет о том, что после совершения обряда отпуска на волю раб становится *бходжьянна* и *пратиграхья*, т. е. таким лицом, от кого можно брать дары и пищу. Древнего автора волнует проблема ритуальной чистоты бывшего раба, возможность получения от него милостыни и т. д. Современного исследователя интересует иной вопрос — к о м у приносит дары бывший раб? В тексте об этом ничего не говорится.

Интересный вопрос поднимается в связи с «услужением», которое Ману именует «собачьим образом жизни», уподобляя, по мнению авторов, рабству (с. 669). Речь, однако, идет прежде всего не о частной прислуге, а о службе брахманов при царе. В дхармашастрах неоднократно встречается осуждение брахманов, находящихся на царской службе. «Ману» III.64 (= «Баудхаяна» I.10.29) уподобляет царскую службу неисполнению обрядов или совершению жертвоприношения для недостойных, по «Ману» III.153 слугу царя не должно, как и отверженного, приглашать на поминки-*шраддху*; пища царя оскверняет— «Ману», IV.153 и др. (ибо «все, зависящее от своей воли,— благо, а все, зависящее от чужой воли, — зло», как говорит «Ману» IV.159—160). Любая служба человека не только связывает, но и оскверняет. Этот материал кажется весьма важным, в том числе и в связи с проблемой рабства в Индии, но не в той (излишне прямолинейной) трактовке, какая предлагается в книге.

Принципиально меняют авторы общую оценку сельской общины. В прежнем издании (с. 368—369) она была охарактеризована как элемент первобытнообщинного уклада. Теперь общину считают «составной частью классового общества» — с. 293 (в полном соответствии с теми представлениями, которые складываются у историков других стран древнего Востока). Речь идет об «общинно-рабовладельческом» (или просто «общинном», как называет его Г. М. Бонгард-Левин) укладе (с. 293). Первобытно-

общинный уклад исчезает из истории древнеиндийской цивилизации (или, скорее, остается на ее периферии, в том числе внутренней варварской периферии).

Подчеркивается сложность внутренней структуры самой общины, ее иерархичность, чему большое внимание уделяют сейчас наши индологи (главным образом Л. Б. Алаев — ответственный редактор книги). В этой связи, однако, как и в первом издании, неверно истолкована фраза «Артхашастры» III.10.35 как свидетельствующая о наемном труде в деревне (с. 281). На самом деле речь идет об отношениях между полноправными членами общины [5]. Но главное заключается в том, что представление об иерархической структуре общины должно быть конкретизировано анализом тех элементов, из которых община состоит. Прежде всего необходимо выяснить систему родственных организаций и отношений, связанных с родством. В новом варианте книги этому вопросу уделяется несколько больше внимания, но ясной картины все же не создается. Так, *готра* рассматривается как пережиток родо-племенных отношений, который постепенно отмирает, уступая место патриархальной семье — *кула*. Однако *готра*, так называемый род, в источниках никогда не фигурировал в качестве реального коллектива. *Готра* — фамильное имя, которое необходимо знать для заключения брака и отправления семейного культа. Она не противостоит патриархальной семье (*кула*), а состоит из последних (правильнее сказать, все мужчины родственных по мужской линии семей считаются принадлежащими к одной *готре*). Поэтому она и не отмирает ни в средние века, ни в новое время. *Готра* — вовсе не первобытный род и неясно даже, восходит ли прямо к нему.

В книге вообще заметно некоторое злоупотребление словами, определяющими отношения, свойственные первобытному обществу. Фраза о «местничестве племенной знати», например (с. 412), могла бы относиться к вождям племен джунглей, но из контекста ясно, что речь идет просто о местной знати на тех территориях, которые до этой эпохи уже больше тысячи лет жили в условиях классового общества и государственности.

Авторы по-прежнему решительно отвергают (с. 163—164) теорию о расовом или этническом конфликте как основе возникновения варн (несмотря на то, что варианты этой теории время от времени встречаются и в нашей литературе). На самом деле, использование источников для доказательства такого конфликта отличается значительным произволом. Из работы в работу, например, переходят ссылки на эпитет *анас* (безносый), что будто бы относится к реальным противникам ведийских ариев и отражает их расовую черту (плоский нос). При этом, однако, не обращается внимания на то, что «безносые» существа определяются также как «безрукие, безногие». Какому этносу приписать такие характеристики противников арийских богов? Плоская интерпретация древнего мифа часто сама плодит современные научные мифы.

В то же время в главе имеется некоторое противоречие. С одной стороны, указывается (и вполне справедливо) на исследования иранистов, показывающие, что уже в индоиранской древности была категория населения, сходная с шудрами (с. 164). С другой — сохраняется старое рассуждение о том, что шудры поздно засвидетельствованы в «Ригведе» и, следовательно, эта варна появилась у индоариев довольно поздно (с. 170). Дело, может быть, в том, что сакральная поэзия ариев была связана прежде всего со жречеством, знатью и полноправным народом. Шудры, как лица неполноправные и чужаки, могли долго просто не привлекать внимания авторов гимнов.

Много неясного в описании положения шудр в классической индийской цивилизации. Следуя господствующим в литературе представлениям, дело изображается таким образом, что еще во времена «Ману», т. е. на рубеже новой эры, фактическое положение шудр было близким к рабскому (с. 306). Так как Сюань Цзан в VII в. констатирует, что земледельцы принадлежали к варне шудр (с. 476), делается вывод, что в первые

[5] См. *Вигасин, Самозванцев.* Ук. соч., с. 130 и др.; *Бонгард-Левин Г. М., Вигасин А. А.* Общество и государство древней Индии. — ВДИ, 1981, № 1, с. 40—41.

века нашей эры происходит подъем социального статуса шудр, которые начинают заниматься земледелием. Каким образом и в силу каких причин происходит этот процесс, откуда берется земля для их расселения, остается неясным. Одно осторожное замечание Г. Ф. Ильина (с. 476) в этой связи нам кажется заслуживающим внимания: «Вероятно, во многих случаях не только шудры становились земледельцами, но и земледельцы шудрами». Исследователи обычно исходят из представления о варнах как реально существующих общностях, между тем как варновая характеристика, как правило, является чисто оценочной. Реальная социальная группа (местная каста и т. д.). может причисляться к той или иной варне, и именно таким образом в кастовом обществе происходит процесс социальной мобильности.

Существенным кажется и вопрос: когда основная масса земледельцев начинает рассматриваться в качестве шудр? «Артхашастра», во всяком случае, говорит о шудрах именно как о земледельцах, основных налогоплательщиках и ариях (к ариям шудры причисляются и в ряде других текстов — см. с. 476). Напомним при этом, что «Артхашастра» используется как источник для магадхско-маурийского времени. Проблема так называемого «подъема» социального статуса шудр, очевидно, связана с замыканием четырехварнового ортодоксального индусского общества, вне которого оказываются чужаки-неприкасаемые. Последние, по ведийской традиции, еще причисляются нередко к шудрам (и даже считаются шудрами по преимуществу), но по существу составляют как бы пятую варну. Оформление четырехварнового общества происходило, несомненно, в I тыс. до н. э., очевидно, в процессе синтеза различных культур. Появление упоминаний о неприкасаемых (в основном из представителей «племен джунглей») во второй половине I тыс. до н. э. указывает на завершение этого процесса.

Существенно новые оценки даются в книге по проблеме формирования каст. О кастах в прежнем издании речь шла лишь в связи с развитием феодальных отношений в начале нашей эры. Теперь хотя бы упоминаются наименования кастовых групп, встречающиеся в поздневедийской литературе (первая половина I тыс. до н. э.). В позднейших санскритских текстах — «Законах Ману» и т. п.—обычно упоминается несколько основных каст (из числа так называемых «смешанных»). Некоторые из них фигурируют при описании древнейших царских ритуалов. Это, например, *сута* — возничий на боевой колеснице царя, герольд, придворный бард (по традиции именно они были творцами эпоса). Далее, это *ратхакара* — буквально «изготовитель колесницы». Грубым искажением является истолкование слова в иных переводах как «тележник». *Ратхакара* — обозначение придворного высокого ранга. Возможно, функции телохранителей выполняли лица, называемые *угра* (само слово означает «жестокий, грубый», к знати *угра* не принадлежали). На царских пирах раздавал мясо *кшаттар*. Это тоже не «мясник», комментаторы говорят о нем как о советнике, коменданте дворца, колесничем воине.

Нет особых сомнений в том, что представители данных «профессий» действительно составляли замкнутые социальные группы, что и давало основание позднейшим авторам именовать их кастами-*джати*. Источники свидетельствуют о том, что они занимали совершенно определенное место в бою и на пиру, во время коронации или игры в кости. Наименования этих древнейших каст, конечно, не являются просто «профессиональными», они указывают на ритуальные функции и соответственно статус данной группы. Таким образом, древнейшие касты в санскритской литературе — это ритуальные придворные ранги. Они возникли еще в тот период, когда условно можно говорить о царской власти — с формированием подлинных государств эти ранги исчезают и представление о роли их и характере постепенно теряется в литературе (комментаторы дают противоречивые и искусственные истолкования их занятий, происхождения и т. д.). Названия их переходят в область устойчивой литературной традиции, но тем не менее для последующих поколений они служат как бы образцом касты.

Заслуживает внимания и то, что помимо «придворных» в списке основных каст фигурируют только явно «племенные» — *нишада*, *чандала* и др. Упоминание среди них

магадха и *вайдехака* свидетельствует о том, что традиция сложилась в те времена, когда жители Магадхи и Видехи не причислялись к настоящим ариям, а считались имеющими особое, «смешанное» происхождение. Название касты *амбаштха* толкуется как *амбхастха* — «находящийся на слоне». В этом случае мы должны ее причислить к кастам, также связанным с царским двором (на слонах, как и на колесницах, сражалась только знать). Не исключена, однако, и ее «этническая» интерпретация (ср. *самбастой* — Diod., XVII. 102 = *абастаной* — Arr., Anab. VI.15.1). Трудно что-либо определенное сказать о касте *айогава*. Вероятно, она была «ремесленной» кастой, связанной с обработкой металла (*аяс* — металл, железо, ср. обозначение одного из круга придворных — *такшан*, плотник).

Для периода маурийской державы приводится указание (с. 301) на то, что Мегасфен говорит о семи разрядах населения Индии, которые не вполне соответствуют привычным четырем индийским варнам. Мы не можем, однако, согласиться с выводом о том, что, таким образом, согласно Мегасфену, главным является фактическое положение, а не происхождение человека. Дело в том, что греческие авторы, излагавшие Мегасфена, подчеркивают замкнутость каждого из семи разрядов. Занятия и образ жизни (фактическое положение) определялось именно происхождением человека, иначе говоря, его кастовым статусом. Можно даже полагать, что и слово, употребляемое Мегасфеном, γένος (Arr., Ind. 12) является лишь калькой санскритского *джати*. Выражения, характеризующие разряды населения Индии у Мегасфена, кажутся едва ли не изложением того, что индийские источники говорят о кастах-джати. Можно сравнить, например, «Артхашастру» III.7.36: «В каждой касте браки совершаются лишь между собою» (teṣāṃ sauyonan vivāhaḥ), есть «наследственность занятий и образа жизни» (pūrvāparagāmitvaṃ vṛttāmuṛttaṃ ca) и Страбона XV.1.49: (οὐκ ἔστι δ'οὔτε γαμεῖν ἐξ ἄλλου γένους οὔτ' ἐπιτέδευμα οὔτ'εργασιαν μεταλαμβάνειν ἄλλην ἐξ ἄλλης; ср. Diod., II.41; Arr., Ind. 12).

С удовлетворением могу отметить: вывод о том, что во времена «Артхашастры» касты были вполне сложившимся институтом [6], нашел отражение в книге. Грамматика Панини, созданная до времен Мегасфена, также свидетельствует о наличии кастовой системы в деревне, в частности, о деревенском ремесле, которое, очевидно, могло быть организовано на кастовой основе. Нет никаких оснований считать, что касты сначала оформились в городе и лишь затем «элементы кастовой организации проникали и в деревню» (как это делалось в первом издании, с. 586).

В новом издании не делается также попытки вывести касту из ремесленных и прочих корпораций. Во-первых, ремесленные союзы могли формироваться как на основе отдельной касты или подкасты, так и на основе нескольких каст (источники говорят об этом нередко). Во-вторых, обычно сильно преувеличивается значение чисто профессионального признака касты. Основные черты касты — эндогамия (и вообще социальная замкнутость) и определенное место в обществе (т. е. система отношений — в том числе иерархического подчинения — с представителями иных каст). Профессия имеет значение лишь постольку, поскольку она влияет на социальный статус касты.

В целом новая редакция глав, освещающих сословно-кастовый строй, вызывает значительно меньше существенных возражений. И все же проблема кастового строя далека от своего решения. Одна из основных причин этого, видимо, опять-таки в недостаточном внимании к семейно-родственным коллективам (кланам, линиджам и т. д.). Джати (букв. «происхождение») не может быть понята без анализа системы связей, основанных на родстве. Несмотря на наличие значительной литературы об индийских кастах, в изучении этого вопроса для древнего периода еще сделано очень мало (на русском языке нет ни одной специальной серьезной работы по данной проблеме).

Тезис о том, что первоначальные касты имелись еще в ведийском обществе, а в магадхско-маурийский период были вполне сложившимся институтом, должен привести и к переоценке сведений о варнах, являвшихся в древности прежде всего способом

[6] См. *Вигасин*, *Самозванцев*. Ук. соч., с. 131—136.

классификации реально существовавших каст. Вопрос о том, из какой в действительности варны происходили Нанды и Маурьи, не может быть решен, ибо это только вопрос оценки знатности их происхождения. Сама оценка, однако, имеет существенное значение. Традиция довольно единодушно не признает кшатриями ни род Нандов, ни Маурьев, ни Гуптов — правящие династии в крупнейших индийских государствах. Очевидно, это объясняется прежде всего тем, что политика этих правителей великих держав имела антиаристократическую направленность.

Тема аристократии и специфики государственной структуры является еще одной важной проблемой, которой уделяется недостаточно внимания в историографии. Некоторые важные особенности индийских империй отмечены в данной книге (как и во многих других работах Г. М. Бонгард-Левина). Совершенно справедливо автор подчеркивает, что не следует преувеличивать степень централизации государства и бюрократизации аппарата (с. 255 и др.). Приводится обширный материал, свидетельствующий об отсутствии единообразного территориального деления, о рыхлости государств, которая способствует быстрому созданию и столь же быстрому распаду державы.

Кроме того, по-видимому, мы нередко принимает форму власти за ее суть, рассматривая местных правителей древней Индии как государственных чиновников, а их владения только как предоставленные центральной властью кормления. Нет возможности сейчас подробно рассматривать историю земельных пожалований в Индии, но не подлежит сомнению, что нередко жаловалась та земля, которая и прежде принадлежала местному аристократу (такое «пожалование» призвано было не столько закрепить права его действительного владельца, сколько, напротив, отражало претензии на эти земли центральной власти).

Проблема генезиса феодальных отношений в Индии, видимо, сложнее, чем представляется в настоящее время. Попытка отнести только к гуптской эпохе (с. 469) появление иммунитетов, например, не кажется убедительной. Та же «Артхашастра» (II. 7.2) упоминает иммунитеты и говорит о зависимости земледельцев, возникающей в результате системы кормлений (V.3.32). Явно на недоразумении основано противопоставление сведений китайских паломников Фа Сяня и Сюань Цзана об Индии (с. 467). Первый якобы говорит о денежной оплате чиновников государственного аппарата, а второй — о выделении им земельных владений. Отсюда делается вывод о том, что произошли «весьма важные изменения в оплате государственного аппарата между V и VII веками». Однако Фа Сянь говорит о том, что дворцовая стража регулярно (без задержек) получает жалованье (так как царь управляет страной справедливо), а Сюань Цзан сообщает о разных категориях служащих, одни из которых имеют уделы в кормлении, а другие, в частности дворцовая стража (как и у Фа Сяня), состоят на казенном жалованье. Нет ни малейших оснований делать отсюда вывод о «весьма важных изменениях» в период между V и VII вв.

Авторы книги проводят принципиальное различие (с. 297) между государственными, политическими отношениями и отношениями собственности (т. е. производственными). Но, видимо, само это разделение является результатом исторического развития. В работе понятие «свамин» фигурирует то как «собственник» (с. 276—277), то как правитель-владыка (с. 440). И то, и другое имеет все основания, но употребление понятия власти-собственности заставило бы внести известные изменения в общие концепции.

Проблема земельной собственности требует особого разбора. Авторы книги не склонны абсолютизировать какую-либо одну из форм собственности — частную, общинную или государственную. Представление о множественности форм собственности (с. 274) кажется и нам наиболее приемлемым. Вызывает, однако, возражение объяснение этого «неразвитостью общественных отношений» в маурийский период. Множественность форм собственности мы видим повсюду в древнем мире (и далеко за пределами древности). Могут быть сделаны замечания и по изложению конкретного материала. Так, в подтверждение тезиса о том, что «хозяйственная жизнь частных собственников

и общины» контролировалась государством, ссылка дается лишь на то, что клады (имущество, не имеющее законного собственника) должны были сдаваться в казну (с. 658). В цитате из «Артхашастры» (с. 278) *неотчуждаемая* земля превратилась в *неотчужденную*, что дает совершенно иной смысл.

Делается вывод (с. 273) о том, что первоначально индийцам не казался важным вопрос о законном оформлении земельной собственности и лишь Ману один из первых поставил об этом вопрос. В действительности законности владения имуществом, в том числе землей, всегда должно было придаваться значение. Не всегда лишь собственность на земельный участок оформлялась письменным документом. «Ману» IX.44 формулирует древнее «право заимки» (земля принадлежит тому, кто вырубил джунгли) вовсе не потому, что он впервые заинтересовался проблемой законности земельных владений. Это правило приводится им при изложении брачного права как доказательство того, что и женщина, как поле, должна принадлежать своему первому супругу. Непонятно также, почему «в магадхско-маурийскую эпоху» положение «уже меняется» (с. 273) по сравнению с «Ману». «Ману» — текст послемаурийского периода, а «право заимки» остается и в последующие времена.

В качестве свидетельства укрепления частной собственности на землю в гуптское время приводится ссылка на арендаторов в сутре «Вишну». Указанный текст «Вишну» 57.16, однако, гласит только, что «пищу, предлагаемую брадобреями и арендаторами, можно есть». Сама же аренда и арендаторы часто упоминаются в литературе предшествующего периода. Единственное обстоятельство, которое заслуживало бы внимания,— составление жалованных грамот на прочных материалах (медных пластинках и т. п.). Это может свидетельствовать об укреплении владельческих прав, но не на крестьянские наделы в пределах общинной территории, а на целые деревни, пожалованные, как правило, царем.

Нет возможности остановиться даже бегло на освещении вопросов культурного развития древней Индии. В рецензируемой книге содержится ряд важных тенденций и новых положений. Подчеркивается, в частности, значение автохтонных культур, влияние местных народов на сложение классической индийской цивилизации. Правда, не всегда ясно, как конкретно могло бы проявляться то или иное культурное влияние. Так, например, предполагается, что «возведение крупных храмовых комплексов» в индуизме восходит к хараппским традициям (с. 113—114). Однако до сих пор еще не очевидно наличие такой традиции в самой Хараппе. А главное, не ясно, как эта традиция могла быть передана, учитывая, что после Хараппы в течение полутора тысяч лет (ср. с. 137) крупного храмового строительства в Индии не было (ведийские же алтари никак нельзя ни связать с позднейшими храмами, ни вывести их из Хараппы). Весьма важным кажется тезис о том, что Южную Индию нельзя рассматривать только как периферийную область, в последний период древности она нередко опережает в своем развитии Северную (с. 426).

По-новому изложена начальная история буддизма, будучи представлена, во-первых, в целом комплексе религиозных течений середины I тыс. до н. э., во-вторых, в связи с социальной и политической ситуацией данного периода (в контексте процессов урбанизации, становления государств и т. п.). Взаимоотношения буддизма с государственной властью заслуживают особенно подробного рассмотрения (с. 359—360 и др.). Впрочем, не вполне ясно, почему совершение *ашвамедхи* при Шунгах связано с их антибуддийской политикой (с. 251), в то время как неоднократное совершение *ашвамедхи* Сатаваханами не противоречит покровительству буддизму (с. 263—264). Известно, что именно при Шангах рядом с их резиденцией в Видише возводился монументальный буддийский комплекс ступы в Санчи.

Одно общее замечание: выражения типа «духовные искания», «концепции», «раздумия ведийских индийцев над проблемами бытия и миросоздания» (с. 185), на наш взгляд, придают ведийской поэзии характер умозрительной философской литературы, что плохо согласуется с современным к ней подходом.

Наконец, необходимо сказать и о мелких ошибках и небрежностях (хотя в столь обширном труде их весьма немного). Отметим то, что не исправлено при подготовке нового издания: надпись Рудрадамана датируется 150 г. до н. э. (с. 30) — вместо н. э. (ср. с. 430), вновь ошибочно воспроизведены санскритские слова: *абхишика* — вместо *абхишека* (с. 222), *сватра* — вместо *сватва* (с. 276), слова *граматакшан* и *каутатакшан* потеряли «н» на конце (с. 287), имена Дхурувадеви — вместо Дхрувадеви (с. 419), повторяется систематически, начиная с русского перевода Д. Р. Чананы (с. 66), Джаядрадха — вместо Джаядратха (с. 314), появился ряд новых погрешностей в долготах и т. д. (с. 263, 275, 288, 294, 300 и др.). В огромной по объему книге всегда могут быть опечатки, но все же досадно, что династия Вагху (с. 158) — вместо Рагху, император Бу-ди (с. 601) — вместо У-ди, Каверипаттинам (с. 289) — вместо Каверипаттанам и т. п. в ошибочном написании попали и в указатели.

Рецензируемый труд достаточно полно представляет ступень, на которой находится в настоящее время наша индология (и в какой-то мере индология вообще), она подводит итоги сделанному в науке. Она охватывает основательно и детально практически все аспекты истории и культуры древней Индии. При подготовке данного издания была проделана очень большая исследовательская работа, учтено множество новейших публикаций и в текст внесены некоторые существенные изменения концептуального характера. Ряд глав по существу написан заново. Правомерно поэтому рассматривать «Индию в древности» не как переиздание, а как новую и оригинальную книгу.

Она является обобщающим трудом, подводящим итоги сделанному в индологии. Специалисту в данной области монография позволяет лучше представить общую картину развития данной области востоковедения, место в ней собственной темы и выводов. Даже спорные и противоречивые точки зрения помогают угадывать контуры будущих направлений научных исследований. В ней достаточно полно представлено и состояние современной советской индологии. Но значение данной книги далеко выходит за пределы только индологии. Она является важным вкладом в изучение древнего мира в целом — приведенный обширный материал и сделанные выводы заслуживают пристального внимания как востоковедов, так и античников.

Несомненно, книга будет в течение многих лет использоваться в качестве основного справочного пособия и руководства для студентов. Она служит фундаментальным введением в индологию и пользуется заслуженным авторитетом у широкого круга читателей, интересующихся данной тематикой.

К сожалению, публикации на русском языке мало доступны зарубежным ученым. Целесообразно было бы перевести ее на английский язык. Это повысило бы авторитет советской науки и развеяло многочисленные заблуждения относительно уровня развития нашей индологии и господствующих в ней концепций. Монография, основанная на обширном круге источников и знании всей основной индологической литературы, отличающаяся взвешенностью суждений, может представлять особый интерес и значимость для марксистской школы историографии в Индии.

А. А. Вигасин

Культура Византии: IV — первая половина VII в. Т. I. М.: Наука, 1984. 723 с.

Заслуги советской школы византиноведения уже давно получили мировое признание. Результатом многогранных исследований советских византинистов в области социально-экономической и политической истории Византийской империи явился вышедший в 1967 г. обобщающий труд по истории Византии, отразивший все основные достижения нашей историографии и получивший высокую оценку мировой и научной общественности [1].

[1] История Византии. Т. I—III. М., 1967.

Вместе с тем советскими учеными успешно исследуются проблемы византийской литературы, философии, эстетики, юриспруденции, искусства, культурных взаимоотношений с другими народами, в первую очередь со славянами вообще, в частности же с Русью, а также с народами Закавказья. За последние годы в нашей исторической науке особенно заостряется внимание на изысканиях типологического характера, ставящих своей целью определение типологического своеобразия византийского общества и византийской культуры. Поэтому вполне закономерно, что именно советские византинисты поставили задачу создать всеобъемлющий труд по истории византийской культуры и успешно приступили к ее осуществлению, опубликовав в 1984 г. I том трехтомной «Культуры Византии», охватывающий первый период истории Византийской империи (IV — первая половина VII в.).

Мировое византиноведение имеет давнишнюю историю, и уже веками можно исчислять исследование византийской культуры. Не вдаваясь в давнее прошлое, достаточно вспомнить, что различными проблемами византийской культуры активно и плодотворно занимались и занимаются современные выдающиеся исследователи: Г. Г. Бек, Г. Острогорский, П. Лемерль, Г. Хунгер, Э. Арвейлер, И. Шевченко, М. Хадзидакис, А. Пертузи, К. Вейцман, Д. Тальбот-Райс, А. Грабар и мн. др. И все же по сей день нигде и никто не создавал обобщающего труда специально по истории всей византийской культуры. Даже видный французский ученый А. Гийу, автор фундаментального исследования «Византийская цивилизация», не смог выделить собственно культуру из общего обзора весьма широко понимаемого им понятия «цивилизация», в результате чего сама византийская культура оказалась как бы затушеванной общеисторическим процессом. Таким образом, «Культура Византии» — уникальное явление в мировой науке, не имеющее предшественников, образцов и аналогов, что, конечно же, создавало дополнительные трудности для авторов и редакционной коллегии.

И вот перед нами первый том этого труда. Книга весьма впечатляющая и по объему (684 с. текста, 40 с. библиографии и указателей), и по оформлению. Заглянем сперва в оглавление: кроме введения и заключения книга содержит 20 глав, авторами которых являются 14 специалистов, среди них — и маститые ученые с мировым именем, как З. В. Удальцова, Е. Э. Липшиц, А. В. Банк, и широко известные византинисты среднего поколения, и сравнительно молодые, но уже сказавшие свое веское слово в науке специалисты. Уже из этого видно, что подробная и квалифицированная оценка книги не под силу одному человеку, ибо в ней дается характеристика разнообразных отраслей и направлений культурной жизни Византии. Наша рецензия, понятно, также не претендует на полный охват и всестороннюю оценку всех вопросов, рассматриваемых в книге.

В первую очередь нам хочется отметить ту необычайно трудоемкую, трудную и сложную работу, которую предприняла редакционная коллегия во главе с З. В. Удальцовой. Редколлегии удалось придать всей книге определенную стройность, избежать значительных противоречий, что всегда очень трудно при наличии стольких авторов. Несомненная заслуга редколлегии и в обеспечении высокого качества иллюстративного материала, и вообще внешнего вида издания.

Книга начинается с главы, в которой показаны особенности экономического, социального и политического развития Византии в IV — первой половине VII в. Эта глава, написанная З. В. Удальцовой, суммирует достижения советского византиноведения в изучении истории ранневизантийской эпохи и вместе с тем содержит основные положения о сущности византинизма, об его истоках и тех социально-экономических и политических процессах, которые протекали в Византии в эпоху, когда рушился старый, рабовладельческий строй, появлялись, росли и укреплялись ростки новых, феодальных отношений. Эта глава служит своеобразным фундаментом, на котором строится вся книга, ибо именно она определяет ту методологическую позицию, с которой рассматривается вся византийская культура этой сложной и противоречивой эпохи. Глава дает ключ к пониманию и осмыслению культурных явлений ранней Византии.

Таким же высоким уровнем, глубиной и широтой интерпретации исследуемых проблем характеризуются и другие главы книги, принадлежащие перу З. В. Удальцовой. Это главы, содержащие всесторонний обзор и характеристику развития исторической мысли (гл. V), дипломатии ранней Византии (гл. IX), и в особенности заключение, где суммируются основные положения книги и дается оценка всего развития византийской культуры данного периода.

Остальные главы рецензируемой книги посвящены отдельным отраслям и направлениям византийской культуры. Наше внимание особенно привлекли главы II и VI, написанные С. С. Аверинцевым. В этих главах он смог нарисовать убедительную и впечатляющую картину эволюции философской мысли и литературы в переломный период перехода от античности к средневековью. Опираясь на свои исследования, где дается скрупулезный анализ философских, богословских трактатов и памятников художественной литературы, С. С. Аверинцев мастерски показал характерные черты философии и теологии этой эпохи, кардинальный путь развития литературы, их связи с античностью и то новое, что в них зарождается и развивается в данный период. Думаем, что наблюдения и выводы С. С. Аверинцева об эволюции философской мысли и литературы ранней Византии могут и должны быть использованы в исследовании и оценке других отраслей византийской культуры.

Прекрасное знание источников, глубокое понимание весьма сложных политических и идеологических процессов позволили Г. Л. Курбатову, автору IV главы, показать становление и развитие политической теории ранней Византии и формирование идеологии, с одной стороны, императорской власти, с другой — аристократической оппозиции. Как известно, противопоставление, борьба этих политических сил характерны для всей истории Византии, и Г. Л. Курбатов смог дать правильную оценку не только сущности этих идеологических направлений, но и породивших их социальных, экономических и политических причин. Очень убедительно охарактеризовано им и риторическое искусство ранней Византии, выявлены его связи с античностью и те новые элементы, которые являются результатом изменений, происшедших в жизни общества (гл. VII).

Как и следовало ожидать, с высоким мастерством написана Е. Э. Липшиц глава VIII — «Юридические школы и развитие правовой науки». Умело выделив в памятниках ранневизантийского права те элементы, которые восходят к античности, она выявила в своем анализе юридических сочинений новые формы, новые идеи и принципы, характерные для византийской правовой литературы и явившиеся результатом новых явлений, порожденных эпохой генезиса феодализма, а также влияния обычного права этнически пестрого византийского общества.

Умело и убедительно характеризуются в книге военное искусство (гл. X, автор — В. В. Кучма), естественнонаучные знания и система образования (гл. XI и XIV, автор — З. Г. Самодурова), развитие географической мысли (гл. XII, автор — О. Р. Бородин). В этих главах много нового, познавательного и весьма важного для осмысления всего многообразия византийской культуры. Живо и очень интересно написана глава XX, характеризующая быт и нравы византийского общества (автор — А. А. Чекалова). Прекрасное впечатление оставляет глава XV, в которой В. В. Бычков с большим умением убедительно показал формирование основных принципов византийской эстетики. Этот очерк, как нам кажется, тоже принадлежит к лучшим главам рецензируемой книги.

Не будучи искусствоведом, я не берусь оценивать те главы, которые содержат характеристику отраслей византийского искусства и могу поделиться лишь нашими общими впечатлениями. Главы XVII и XVIII, касающиеся обзора архитектуры и прикладного искусства, по нашему мнению, основаны на верном понимании сущности византинизма. Их авторам — А. И. Комечу и А. В. Банку — удалось очень убедительно показать основное, что присуще ранневизантийскому искусству: континуитетные черты, связывающие искусство ранней Византии с античным искусством, и те иннова-

ции, которые возникали в результате новых социально-экономических и политических процессов и влияния новой идеологии — христианства. Вместе с тем, что также весьма важно, в этих главах конкретно и убедительно показаны региональные особенности византийского искусства, обусловленные этнической неоднородностью населения империи, самобытностью культурного развития различных этнополитических областей Византии в предшествующие эпохи.

Эта сторона византийской культуры, как нам кажется, могла бы быть более четко выявлена и в главе XVI — «Изобразительное искусство» (О. С. Попова), где об искусстве восточных провинций — Сирии, Палестины, Месопотамии, Каппадокии и Армении — разговор идет лишь в одном абзаце (с. 570) и только в самом общем плане. Подробнее рассмотрены иллюстрации сиро-палестинских и малоазийских рукописей, но в обоих случаях говорится лишь о том, что искусство этих областей «враждебно эллинизму» или что стиль этих произведений «далек от эллинизма» (с. 570). Но почему искусство, скажем, Сирии и Палестины может быть «враждебно» или «далеко» от эллинизма, ведь это именно «эллинистические страны»? Создается впечатление, что под эллинистическим искусством автор подразумевает классическое средиземноморское искусство эллинистической эпохи, хотя, как мы знаем, «эллинизм», «эллинистическая культура» не были чем-то единым, а в каждом регионе эллинистического мира имели своеобразный, индивидуальный характер. Насколько нам известно, именно эти индивидуальные черты культуры восточноэллинистических областей легли в основу того своеобразия культурного развития восточных областей Византии, которые отличают их от западных провинций. Не упоминает автор о сирийских, палестинских и малоазийских мозаиках, хорошо известных в специальной литературе [2] и прекрасно иллюстрирующих своеобразие изобразительного искусства именно восточных провинций Византии в интересующую нас эпоху. Автор главы пишет, что ясно видна «цельность искусства этой эпохи» (с. 572). Конечно, «общие контуры» здесь существуют, но еще четче выступают индивидуальные, своеобразные черты, которые и имеют решающее значение при оценке византийской культуры.

Глава XIX — «Становление музыкальной культуры» (автор Е. В. Герцман) — читается с большим интересом, но не беремся судить о ней ввиду нашей некомпетентности.

Таким образом, I том «Культуры Византии» дает довольно полную картину становления и развития практически всех областей ранневизантийской культуры, за малым исключением, содержит глубокий их анализ, принципиально правильную оценку их эволюции, создает широкую, многоплановую панораму культурного развития ранней Византии. Трудно переоценить значение выхода подобной, повторяем, уникальной обобщающей работы.

Приветствуя появление столь ценного труда, мы позволим себе высказать некоторые замечания и пожелания. Как всякая первая попытка, рецензируемая книга, естественно, не могла быть застрахована от некоторых погрешностей и неточностей, и наши замечания носят конструктивный характер: возможно, некоторые из них авторы и редколлегия смогут использовать при публикации следующих томов.

Выше мы отдали должное работе редколлегии, однако полностью преодолеть некоторый разнобой в изложении вопросов она все же не смогла. Фактически рецензируемая книга скорее сборник очерков по различным отраслям византийской культуры, чем единая, подчиненная общему плану работа. Мы понимаем, что при наличии многих авторов достичь полного единства очень трудно, а может быть, и невозможно, но, думаем, можно было избежать таких различий между отдельными главами, какие наблюдаются в книге. К примеру, возьмем две расположенные рядом главы — V и VI:

[2] Из многочисленных исследований назовем хотя бы несколько *Baumstark A.* Palaestinensia. — Römische Quartalschrift, 1906, B. XX; *Lassus T.* L'eglise cruciforme, Antioch-Kaoussie. Antioch on-the-Orontes. T. II. Princeton, 1938; *Levi D.* Antioch Mosaic Pavements. Princeton, 1947.

в первой из них З. В. Удальцова очень подробно и исчерпывающе излагает развитие исторической мысли, характеризуя все направления ранневизантийской историографии и отдельных ее представителей, а в VI главе С. С. Аверинцев, прослеживая общие тенденции и направления ранневизантийской литературы, не дает даже краткой характеристики отдельных жанров. Так, нам в свое время понадобилась характеристика ранневизантийской агиографии; и что же, в книге, посвященной византийской культуре, мы не нашли ни слова об этом жанре, о его своеобразных чертах и путях эволюции. То же относится и ко многим другим жанрам. Речь идет не только о структурном различии разных глав,— насколько мы понимаем, такое издание, как «Культура Византии», предназначено не только для узкого круга специалистов, поэтому в нем должен быть изложен, хотя бы вкратце, и определенный информативный материал об основных жанрах византийской литературы.

Глава III — «Особенности культурной жизни Запада» (автор В. И. Уколова),— как явствует из заглавия, должна показать своеобразие культурного развития Запада, чтобы ярче и отчетливее выглядела бы сложная и самобытная культура Византии (с. 78). Однако В. И. Уколовой, как нам кажется, не вполне удалось выявить это сравнительное своеобразие Запада, подчеркнуть различие между культурным развитием Запада и Византии, вскрыть причины этого различия. Излишне большое место в главе уделено рассмотрению таких проблем, которые были общими и для западной, и для восточной частей Римской империи, например богословским спорам и возникновению еретических направлений (с. 81—84). Говоря о западной апологетике и патристике, автор дает слишком краткую характеристику западных деятелей (Иеронима, Амвросия Медиоланского, Августина) и их воззрений (с. 84—90). Хотелось бы, чтобы своеобразие указанных жанров на Западе и Востоке было раскрыто более полно. То же относится и к таким жанрам, как риторика и поэзия (с. 93), и к деятельности Боэция (с. 94—95). Следовало бы в главе о культурной жизни Запада охватить и материал по искусству.

Во введении совершенно правильно указано, что важным ориентиром для «вычленения византийской культуры из всей средневековой культуры Европы, Переднего и Ближнего Востока» служит языковый фактор, а именно то, что в культурной жизни Византии преобладал греческий язык (с. 8). После этого по меньшей мере странно, что в книге нет главы об эволюции греческого языка. Ведь многие своеобразные черты, в первую очередь фонетического характера, присущие греческому языку византийской эпохи, вырабатывались или намечались уже в ранневизантийскую эпоху, будучи следствием различных этнополитических и этнокультурных процессов. Язык, его эволюция являются столь важной и составной частью культурной жизни, что игнорирование этой проблемы в книге, специально посвященной истории культуры, кажется нам неверным.

Неоправданным представляется выделение особой главы (XIII) о Козьме Индикоплове и его «Христианской топографии». Этот материал вполне мог войти в главу о развитии географической мысли.

Наконец, два замечания с позиций грузинского византиноведения. Во «Введении» С. Г. Каухчишвили упомянут в ряду тех ученых, которые «весьма плодотворно разрабатывали важнейшие проблемы византийской культуры применительно к определенным хронологическим периодам» (с. 12). Нам кажется, что имя С. Г. Каухчишвили следовало бы выделить из этого ряда по двум причинам: во-первых, он первый дал еще в 1939 г. определение сущности византинизма как своеобразного социально-экономического, политического и культурного феномена [3]. Определение это по существу общепринято ныне в советской науке. Во-вторых, С. Г. Каухчишвили является автором первой и пока единственной в советской науке «Истории византийской литературы», в которой византийская литература рассмотрена не «применительно к определенным хронологическим периодам», а целиком, с начала до конца.

[3] История греческой литературы, схема-план, разд. X. М. — Л., 1939, с. 24.

В том же введении из грузинских искусствоведов почему-то назван лишь Ш. Я. Амиранашвили. Отнюдь не умаляя его огромных заслуг в исследовании вопросов грузинского искусства и его связей с византийским, мы считаем, что совершенно неоправданно не упомянуты во введении основоположник грузинского искусствоведения Г. Н. Чубинашвили и его работы в библиографическом перечне. Г. Н. Чубинашвили не только более, чем кто-либо, внес весомый вклад в изучение взаимосвязей грузинского и византийского искусства, но и в ряде своих работ (посвященных, скажем, ранним грузинским базиликам, Болнисскому Сиону, центральнокупольным церквам типа «Джвари») высказал ряд соображений, весьма интересных и значительных, об истории самого ранневизантийского искусства.

Эти замечания отнюдь не могут умалить высокую оценку рецензируемого труда. Авторы коллективного труда «Культура Византии» смогли осветить единый процесс культурного развития Византии, проанализировав и охарактеризовав все основные отрасли и направления как духовной, так и материальной культуры ранней Византии. В результате весьма трудоемкой и огромной творческой работы они предоставили не только специалистам, но и широкому кругу заинтересованных читателей первый том монументального труда, который займет постоянное место среди их настольных книг. Не может быть сомнений, что выход в свет I тома «Культуры Византии» — большое достижение авторского коллектива, и нам остается лишь с нетерпением ждать остальные тома.

Н. Ю. Ломоури

G. COHEN. The Seleucid Colonies: Studies in founding, administration and organization. Wiesbaden, 1978, 95 p.

Вопросы аграрной истории эллинистического мира всегда вызывали пристальное внимание в науке, особенно когда речь шла о таких крупных государственных образованиях, как Селевкидское царство, Пергам, Птолемеевский Египет. Это объясняется богатством дошедшего материала, многообразием форм зависимости различных категорий населения в этих государствах, степенью их изученности и т. п. Особо пристальное внимание уделяется проблемам соотношения полиса и хоры, полиса и царской власти, городского и сельского населения. От правильного понимания этих важных вопросов зависит оценка эллинизма на Переднем и Среднем Востоке, которая включает несколько аспектов: роль взаимоотношений пришлого греко-македонского и местного населения, уровень воздействия греческой культуры в широком смысле на местную, роль варварского элемента в греко-македонской культуре на Востоке. Поскольку эти важные проблемы базируются на социально-экономических отношениях, изучение последних должно стать основой для познания всего процесса становления и развития эллинистического мира.

В данном критическом очерке речь пойдет о монографии Г. Коена «Селевкидские колонии. Изучение основания, управления и организации», посвященной такому важному вопросу, как основание и развитие военно-хозяйственных поселений — катойкий и последующее превращение их в полисы. Автор исходит из того, что поселения такого рода возникали только на царской земле из воинов, которые оставляли службу, получали землю для строительства дома и селились на ней вместе с семьей. Создавая сеть таких военных колоний, цари, по мнению Г. Коена, преследовали цель сохранить резерв для войска в случае необходимости. К категории гражданских колоний автор причисляет поселения кардаков и вавилонских иудеев в Малой Азии при Антиохе III Великом.

Разбирая практику выведения колоний в Селевкидской державе, Г. Коен опирается на известное письмо царя Антиоха III своему стратегу Зевксису, сохранившееся в изложении Иосифа Флавия (Jos., AJ, XII, 147). Хотя в этом документе не сказано, что поселившиеся на границах Фригии и Лидии иудеи являлись воинами, Г. Коен склонен полагать, что эти колонисты были военными. Автор исходит при этом из того факта, что переселение произошло в связи с волнениями местного населения в северо-западных районах Малой Азии. К тому же иудеи, согласно царскому распоряжению, должны были разместиться в качестве гарнизонов в τὰ φρούρια, расположенных в наиболее важных со стратегической точки зрения местах. Руководство по расселению катойков возлагалось на стратега, правителя соответствующей области государства, царского наместника.

Однако основной опорой во внутренней политике Селевкидов автор монографии считает греко-македонские военные колонии. Они возникали, как правило, в тех регионах, где власть царей не была стабильной. В Малой Азии, например, где постоянно происходили волнения местного населения и селевкидское господство было серьезно поколеблено пергамскими Атталидами, военно-хозяйственные поселения греко-македонцев (οἱ Μακεδόνες) сохраняли свой статус дольше, не имея возможности быстро перерасти в полисы. На Востоке, напротив, политическая обстановка позволяла военным колониям сравнительно быстро превратиться в полисы (например Дура-Европос). Наиболее активную политику основания новых колоний проводили цари Селевк I и четыре первых Антиоха, в годы правления которых возникло свыше семидесяти катойкий. Самыми значительными из них были Селевкия-Траллы, Ниса (Афимбра), Антиохия на Меандре, Лаодикея на Лике, Антиохия-Алабанда, Стратоникея в Карии и др. Колонии возникли в Сирии, Финикии, Палестине, Месопотамии, Мидии, Сузиане, Вавилонии, т. е. практически во всех важнейших областях государства. При этом Г. Коен считает, что бóльшая часть полисов в этих областях выросла из селевкидских военных колоний.

При основании катойкии учитывались различные природные факторы: естественные укрепления, плодородие окружающих земель, снабжение водой, а также соседство местного населения, способного в случае необходимости обеспечить колонию продуктами питания и изделиями ремесла. Обычно колония-катойкия выступала как центральное поселение, где в случае опасности могло укрыться местное население из соседних деревень, как это было, например, в Египте или Иудее. Взаимоотношения с окрестным населением у колонистов строились различно: если основание колонии сопровождалось экспроприацией земли, то они отличались некоторой натянутостью, если же этого не происходило, то отношения складывались благоприятно для обеих сторон. Такой оценкой, собственно, и ограничивается Г. Коен, разбирая проблему контактов колонистов с местным земледельческим населением. Согласно Г. Коену, военные колонисты селились и близ храмовых центров и в городах. В последнем случае им отводился акрополь или городская крепость. Если колония выводилась в сельский район, то для этого требовалось укрепить соответствующие деревни — комы, пригласить местное население для организации колонии. В этом случае цари могли использовать полузависимое или зависимое население — λαοί как рабочую силу. В своей колонизационной практике Селевкиды, пишет Г. Коен, привлекали греко-македонцев, азиатских жителей державы, иудеев и т. п. Однако в обычае было заселять колонию представителями одного этноса. Смешанных колоний в Селевкидской державе практически не было. Основной целью селевкидских властителей, считает Г. Коен, было сохранить греко-македонское население в полисах и колониях в качестве основного компонента, для чего некоторые цари, например, Антиох III и Антиох IV Эпифан, проводили политику «переоснования» старых колоний, заселяя их новым этнически однородным населением. Это, как и разрешение колонистам жить «по своим законам», должно было, по расчетам царей, служить препятствием для проникновения местного населения в среду колонистов. В колониях существовали специальные институты и ассоциации поселенцев — гимнасии,

τὰ κοινὰ, πολιτεύματα, которые объединяли исключительно греков-колонистов, препятствуя негрекам присоединяться к катойкиям. Только в позднеэллинистическую эпоху это правило было несколько смягчено: в состав колоний и полноправных граждан-политов стали все больше включаться представители негреческой прослойки населения. Вообще Г. Коен считает военную колонию основным средством в политике Селевкидов утвердить свое присутствие в той или иной части Передней Азии. А для этого важно было сохранить греко-македонцев в качестве главной опоры власти.

Большое место в работе уделено социально-экономическому аспекту селевкидской колонизационной практики, а именно: аграрным отношениям в катойкиях и полисах. Согласно автору рецензируемой монографии, колонии-катойкии возникали на царской земле (на землях, отданных в «дар» друзьям царя и крупной придворной аристократии, такие поселения, по Г. Коену, возникать не могли), не имели всей полноты прав собственности на землю, ограниченных царем, появлялись близ городов и деревень местного населения. Только после объединения с местным населением такая колония превращалась в полис, что облегчалось стремлением местных земледельцев стать частью его населения. В отличие от колонии полисы имели больше контроля над земельной собственностью, что гарантировалось царской властью.

Особенностью полиса было то, что каждый из его граждан имел право владеть собственным клером на территории, принадлежавшей коллективу полиса. В колониях же существовали различия среди держателей земли — клерухов, поскольку право владеть лучшим по качеству участком земли поблизости от колонии (κατοικία, φρούριον, χωρίον) получали первые группы катойков. Прибывшие позднее переселенцы получали либо земли худшего качества, либо не получали их вовсе, дожидаясь, пока неразделенные угодья вдали от поселения будут согласно указам царя или властей полиса разделены между ними. Эта группа колонистов именуется в надписях ἀκληρούχηται (OGIS, 229). Хотя Г. Коен считает, что колонии-катойкии возникали главным образом из солдат, уже отслуживших срок в армии, все-таки он склонен следовать точке зрения Э. Бикермана[1], который полагал, что владение клером не связано непосредственно с военными обязательствами клеруха. А это означает, что Селевкиды предпочитали набирать воинов там, где они издавна жили, а не на тех участках-клерах, которые им давались.

Отличительной особенностью землевладения в эпоху эллинизма было то, что царь считался верховным собственником в государстве. Поэтому согласно эллинистическим законам землепользования в крупнейших государствах эллинистического Востока земельные держания катойков являлись неотчуждаемыми. В случае смерти держателя земля могла перейти обратно к царю. Завещание земельного участка, как считает Г. Коен, было возможно только при условии, что наследник-сын был воином. Постепенно этот принцип наследования недвижимости все более нарушался: земля сдавалась в аренду, закладывалась, уступалась другим лицам, но всегда собственником земли оставался царь, т. е. эти земельные участки-клеры были частью χώρα βασιλική. Об этом, по мнению Г. Коена, свидетельствует известный «закон о наследовании» из Дура-Европос первых веков н. э. Автор присоединяется к высказанной еще Б. Оссулье[2] точке зрения, что это копия первоначального lex coloniae — закона о земле эллинистического полиса, основанного как военная колония. Согласно означенному закону, земельный участок гражданина полиса, не оставившего наследников после смерти, переходил к царю. Тем самым, полагает Г. Коен, «царь утверждал себя главой земельной собственности», тогда как действительный ее обладатель — гражданин или военный колонист-поселенец — «фактически ограничивался наследственным правом» (с. 66—68). Этим достигалось ограничение в отчуждаемости полученной от царя земли, закрепля-

[1] *Bickerman E.* Institutions des Séleucides. P., 1938, p. 80—82.

[2] *Haussoullier. B.* Une loi grecque inédite sur les successions ab intestato. — Revue historique de droit français et étranger, 1923, v. 47, p. 520—530.

лись права колониста на земельный участок, что создавало возможность более прочной связи поселенца с земельным владением, заставляло его надолго осесть в том или ином месте царства в угоду верховной власти. Данное обстоятельство, по мысли автора, давало царям право регулировать этническую однородность колонистов, делая их опорой трона. Изменения в наследственном праве, когда стало возможным свободнее отдавать землю в заклад, означает, как предполагает Г. Коен, ослабление царской власти. Ведь усиление принципа единонаследия недвижимости должно было непременно привести к утере Селевкидами права получать участки умерших граждан обратно. А это неизбежно вело к ослаблению царского контроля в области земельной политики, а в конечном итоге — к кризису царской власти и государственности.

В общем концепция Г. Коена сводится к тому, что военные колонии-катойкии были главным средством внутренней и внешней политики Селевкидов в Азии. Для достижения их однородности цари прибегали к мерам социально-экономического характера, заключавшимся в строгой регламентации прав наследования недвижимости. Сильные и единые в этническом плане военные поселения обеспечивали могущество царства, закрепляли его присутствие на новых землях и в тех областях, которые не отличались особой лояльностью к Селевкидам.

В концепции автора имеются спорные моменты, на которых хотелось бы остановиться подробнее. Г. Коен исходит из положения, что все полисы в Селевкидском государстве возникли как военные колонии. Он, в частности, считает, что так обстояло дело с Дура-Европос в Месопотамии [3]. Однако еще М. И. Ростовцев доказал, что этот город с самого начала возник как полис, а военная колония, если таковая и была, существовала очень короткое время [4]. Уже при Антиохе I город чеканил собственную полисную монету. Деление же земли, принадлежавшей полисному гражданскому коллективу, на клеры характерно для Дура-Европос именно как полиса. При этом граждане, владевшие этими участками-клерами, подобно военным колонистам, также обязаны были за это военной службой царю. Проистекало это от того, что царь считался верховным собственником земли в государстве. Подобное положение свойственно и другим селевкидским центрам, в частности Сузам [5], земельная система которых аналогична Дура-Европос. Работами ряда исследователей (М. И. Ростовцев, Ж. Ле Риде, Г. А. Кошеленко) установлено, что система клерухии, т. е. земельных наделов в селевкидских полисных центрах, распространяется на весь коллектив граждан полиса, а не на какую-то одну привилегированную группу населения внутри этого коллектива. К сожалению, Г. Коен недостаточно учитывает данное обстоятельство и у него получается, что греко-македонские поселенцы всегда и везде были обособленным привилегированным слоем на Переднем Востоке. Вероятнее всего, не катойки в полисах, а сами полисы уже с III в. до н. э. стали главной опорой власти Селевкидов. Следует в этой связи отделять категорию «полисная земля» (γῆ πολιτικῆ) от «царской земли» (γῆ βασιλική) где военно-хозяйственные поселения действительно являлись основными социально-экономическими и военно-административными центрами, проводниками политики селевкидских царей.

С превращением колоний в полисы гарнизоны переставали представлять изолированные группы населения. Царские воины гарнизонов, расквартированные на акрополе или в цитадели, в военном отношении и в сфере землепользования вливались в единый коллектив полисов. При этом их земельные участки-клеры становились частью единой системы наделов всего коллектива граждан полиса. Подобная структура ха-

[3] Это старая точка зрения Ф. Кюмона (*Cumont F.* Fouilles de Doura-Europos. V. I. P., 1926, p. 291), которая теперь пересматривается (*Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979, с. 229).

[4] *Rostovtzeff M. I.* The Foundation of Dura-Europos on the Euphrates.— Annales de l'Institut Kondakov, 1938, v. X.

[5] *Le Rider G.* Suse sous Séleucides et les Parthes. P., 1965, p. 280—281.

рактерна для основной массы новооснованных общин в Селевкидском государстве [6]. Ввиду того, что граждане — держатели участков обязаны были выполнять как компенсацию военные повинности, подобно военным колонистам, получавшим право иметь в собственности земельный участок-клер, не представляется возможным категорически утверждать вслед за Г. Коеном о «чистоте греко-македонской расы» среди населения полисов на протяжении длительного времени их существования.

Серьезным недочетом представляется отсутствие в работе упоминания об административно-территориальной системе в царстве Селевкидов, которая основывается на делении земли на царскую и полисную. Именно в структуре всей этой системы отчетливо проявляется роль катойкии или ее разновидности (φρούριον, χωρίον, τεῖχος) как основанной на χώρα βασιλική и подчинявшейся царю. При этом колония являлась, как правило, центром определенной округи, к которому тяготели поселения-комы полузависимого и зависимого населения [7]. Подобная система облегчала царям превращать наиболее важные в экономическом и стратегическом отношении колонии в полисные центры, втягивая местное земледельческое население в торгово-ремесленные отношения. При ближайшем рассмотрении системы управления в царстве Селевкидов стало очевидно, что военные колонии возникали все-таки чаще именно как поселения, откуда верховная власть черпала военные силы для пополнения войска, нежели как место размещения отслуживших срок ветеранов [8], к чему склоняется Г. Коен.

Возражения вызывает и утверждение Г. Коена, что военные колонии, которые возникали на царской земле, не могли выводиться на земли, подаренные царями своим «друзьям», родственникам, крупной аристократии и чиновникам, так как эта категория земель якобы переставала быть царской. Это положение не совсем точное. Земля и поместья, отданные царями «в дар» своим вельможам, по-прежнему считались царскими и могли со временем быть возвращены в собственность царской власти. Об этом свидетельствует надпись OGIS, 338 из Пергама, согласно которой Аттал III имел право востребовать назад поместья, отданные друзьям и родственникам вместе с обслуживавшими их лицами зависимого и полузависимого положения вместе с «женщинами, кроме тех, кого взяли из поместий, *ставших царскими*» (καὶ τὰς γυναῖκας πλὴν...τῶν ἀνειλημμένω(ν) ἐκ τῶν οὐσιῶν τῶν γεγενημένων βασιλικῶν).

На Боспоре Киммерийском в послемитридатовскую эпоху крупные землевладельцы выступали правителями административно-территориальных округов царства вместе с расположенными там военно-хозяйственными поселениями типа катойкий[9]. В Понтийском царстве при Митридате VI Евпаторе некоторые лица из разряда высшей аристократии и землевладельцев получали крупные участки земли в качестве правителей. В состав этих участков входили и укрепления — φρούριοι, являвшиеся в Понте одной из разновидностей военных колоний. Таковыми землевладельцами-правителями были родственники географа Страбона Дорилай Младший и дед с материнской стороны (Strabo, XII, 3,33). Поскольку земля, отданная как ἑωρεά «друзьям» царя, оставалась царской, то ничто не препятствовало устраивать на ней военно-хозяйственные поселения и систему клерухий. Об этом свидетельствует известная надпись Мнесимаха, в которой перечисляются владения этого землевладельца, полученные некогда от Антигона Одноглазого, и доходы с них. В состав земельного владения Мнесимаха (οἴκου) входили селения (κῶμαι), клеры (κλῆροι) и относящиеся к ним усадьбы (οἰκοπέδων),

[6] Вряд ли колонисты-катойки долго могли представлять собой изолированную группу населения в полисах со своей собственной системой клерухий. Об этом см. *Levêque P.* Le monde hellénistique. P., 1969, p. 60—63; *Briant P.* D'Alexandre le Grand aux diadoques: les cas d'Eumene de Kardia. — REA, 1972, v. 74, p. 32 suiv.

[7] *Свенцицкая И. С.* Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963, с. 43—44.

[8] *Bickerman.* Op. cit., p. 79 suiv.; *Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. Cambr., 1976, p. 24; *Oertel.* Katoikoi. — RE, Bd. XXI, 1921, S. 2, 3.

[9] *Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976, с. 89 сл.; *Сапрыкин С. Ю.* Аспургиане.— СА, 1985, № 2, с. 65—78.

с которых специальные царские уполномоченные *хилиархи* взимали подать в казну [10]. На то же указывает и приводимое Г. Коеном свидетельство II в. до н. э. из Дура-Европос о продаже земли, где говорится о земле ἐν τῆι Ἀρρύββου ἐκάδι ἐν τᾶι Κόνωνος τοῦ δεῖνος κλήρωι. Ἐκάς, по некоторым предположениям,— это большая порция земли, которая могла принадлежать некоему крупному землевладельцу, поделившему ее между клерухами. В Парфии известны случаи, когда в соглашения о продаже частному лицу виноградников, находившихся в общем владении (σύνκληροι) жителей деревни, но переходивших постепенно в индивидуальную собственность членов общин, включался пункт о том, что в случае невыполнения условий соглашения одна из договаривавшихся сторон должна выплатить определенную сумму царю [11]. Перечисленные факты показывают, что во всех случаях земля, становившаяся частным владением отдельного лица, оставалась в то же время в собственности царя. Говоря о налоге и ренте в эллинистических государствах, П. Бриан отмечает, что в случае дарений земли форос с них уплачивался исключительно царю, тем самым царская администрация ограничивала права владельца земли. Главное, в чем проявлялось это ограничение, были доходы с означенных категорий земель [12]. Поэтому все действия новых владельцев так или иначе должны были согласовываться с царскими властями, стоявшими на страже интересов царя как верховного собственника всей земли в государстве. А посему на землях, отданных «в дар», могли возникать и поселения, обычные для γῆ βασιλική.

Слабым местом рецензируемой монографии является то, что ее автор сравнительно мало внимания уделил свободному и полузависимому населению на царских землях, его роли в становлении военных колоний и полисов. Этот вопрос тесно связан с ролью сельской общины на Переднем Востоке. Выделение сельской общины характерно для общества на стадии зарождения классовых отношений и государственности. В сельской или соседской общине индивидуально-семейная собственность была опосредствована коллективной собственностью общины. Поскольку на Переднем Востоке существовала деспотическая власть царя, опиравшегося на крупных сановников, жречество, то земля и сельские общины оказывались по обыкновению под контролем высших должностных лиц. Поэтому индивидуальная собственность общинника отступала на второй план перед общей ответственностью за поступление налогов в государственную казну. Это приводило к тому, что общинная собственность оказывалась как бы в зависимости от собственности крупной землевладельческой аристократии и царя.

Г. Коен не проводит различия между системой земельных отношений в полисах Малой Азии и остальной территорией, подвластной селевкидским царям. Между тем материал из Малой Азии свидетельствует о том, что общинники (паройки или катойки на хоре греческих городов Малой Азии) выступали наследственными владельцами своих земель. Собственником же земли при всех вариантах оставался город, а зависимость местных сельских общин от города выражалась в форме уплаты дани (фороса). При этом община взыскивала часть фороса с каждого ее члена. Если часть городской земли, как в случае с Приеной, изымалась из-под управления городских властей и становилась частью γῆ βασιλική, то и общинники превращались в царских λαοί, обязанных уплачивать форос в царскую казну. Когда происходила обратная операция и бывшие «царские» земледельцы возвращались в разряд «городских», то они переходили в категорию паройков или катойков и становились более свободными, нежели царские λαοί. Эти паройки по положению приближались к неполноправным гражданам полиса, их земельные владения превращались в собственность. Но не все паройки (катойки) автома-

[10] *Buckler W., Robinson D. M.* Greek Inscriptions from Sardes. I. — AJA, 1912, XVI, p. 11—82, 526 suiv.; *Ранович А. Б.* Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии. — ВДИ, 1947, № 2, с. 33.

[11] *Minns E.* Parchments of the Parthian Period from Avroman. — JHS, 1915, XXXV, p. 22.

[12] *Briant P.* Rois, tributs et paysans. P., 1982, p. 104—106.

тически становились гражданами, так как оставалась немалая часть таких, которые продолжали быть зависимыми от города земледельцами (λαοί). Так обстояло дело с педиеями Приены, фригийцами Зелеи и т. д. Для этих полисов характерна и поземельная зависимость крестьян-общинников от индивидуальных владельцев клеров[13].

Таким образом, данные о земельных владениях Зелеи и Приены не позволяют согласиться с Г. Коеном в том, что местное население в полисах фактически было лишено гражданских прав и вообще не имело земельной собственности. Напротив, немалая часть свободных крестьян-общинников могла приближаться по положению к неполноправной массе граждан и даже получить землю полиса в собственное владение. Однако это скорее было свойственно полисам Малой Азии, которые существовали еще до македонского завоевания. Полисы, возникшие после колонизации обширных областей Передней Азии греко-македонцами, фактически не изменили положения земледельцев, которые по-прежнему были лишены собственности, ибо верховным собственником земли в государстве (будь то земли полиса, храма, ὥρεά) оставался сам царь. А это затрудняло какое-либо освобождение λαοί.

Хотелось бы особо остановиться на некоторых положительных сторонах работы Г. Коена. Представляется интересным вывод автора, сделанный на основании селевкидского материала, что выведение колоний поблизости от храмов осуществлялось с согласия жреца храма на священной или царской земле, приданной храмовому центру. При этом данный акт не сопровождался экспроприацией храмовой земли с целью ослабить власть храмовых центров и влияние жречества. Это заключение соответствует тому, что мы встречаем в храмовых государствах Понта и Каппадокии (Комана Понтийская и Каппадокийская, Зела, Америя), Фригии, Киликии. В Понтийской и Великой Каппадокиях главные жрецы храмов, например, нередко выступали как правители — царские наместники[14] в определенной области государства (стратегии, эпархии), столицей которой являлся храмовый центр. Это проистекало от того, что земля, принадлежавшая храму, рассматривалась в качестве царской земли (γῆ βασιλική) и там могли возникнуть военно-хозяйственные поселения, подчинявшиеся жрецу храма как царскому наместнику-администратору и через него непосредственно царю и его канцелярии. Поскольку за организацию колонии отвечал стратег или какой-либо другой представитель царской канцелярии, то жрец, являясь нередко таким официальным лицом, мог также контролировать вывод колонии на земли по соседству с храмом. Следовательно, господствовавшая до недавнего времени в литературе точка зрения, что основание катойкий на храмовых землях служило орудием ослабления власти жрецов храмов[15], теперь требует пересмотра, по крайней мере, в отношении тех храмовых центров, верховный жрец которых выступал в качестве правителя царской области. В надписи 185 г. до н. э. (RC, 47) катойки храма Аполлона Тарсийского просят царя освободить их от налога на мелкий рогатый скот. Они обратились с подобной прось-

[13] Система землепользования в городах Малой Азии, подвластных Селевкидам, рассматривается в работах: *Свенцицкая И. С.* Земельные владения эллинистических полисов Малой Азии. — ВДИ, 1960, № 3, с. 86—104; *Голубцова Е. С.* Сельская община Малой Азии. М., 1972, с. 8—62; *Kreissig H.* Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich. B., 1978, S. 46—50; *idem.* Die Dorfgemeinde im Orient in der Hellenistischen Epoche. — In: Les Communautés Rurales. Recueils de la société Jean Bodin, 1983, XLI, p. 301—314.

[14] Об этом см. *Ramsay W.* Inscriptions of Cilicia, Cappadocia and Pontus.— The Journal of Philology, 1882, v. XI, № 5, p. 147; *idem.* The Social Basis of Roman Power in Asia Minor. Aberdeen, 1941, p. 105 f. Подробнее см. *Периханян А. Г.* Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959, с. 160 сл. О жреце Команы Понтийской как правителе области см. *Strabo*, XII, 3, 32; о жреце Команы Каппадокийской см. *Cic.*, Ep. ad fam. XV, 46; *Debord P.* Aspects sociaux et économiques de la vie religieuse dans l'Anatolie greco-romaine. Leiden, 1982, p. 58—60.

[15] Эту точку зрения разделяли М. И. Ростовцев (*Rostowzew M. I.* Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Lpz, 1910, S. 276 f.), А. Б. Ранович (Эллинизм и его историческая роль. М., 1950, с. 161 сл.), А. Г. Периханян (ук. соч., с. 158 сл.).

бой потому, что царь являлся верховным собственником земли в государстве, в том числе и храмовой, а сами катойки подчинялись непосредственно царю. Различные категории земледельцев, живших на храмовой земле, «вообще подчинены царю, но повинуются больше жрецу», как выразился Страбон (XII, 2, 3), описывая храм Ма в Каппадокийской Комане.

Монография Г. Коена поднимает важные вопросы социально-экономической истории эллинистического мира. При верном в целом подходе к проблеме *колония-полис* ее автору все же свойственны преувеличение роли военных колоний в истории государства Селевкидов и тенденциозность отдельных положений. Это, в частности, проявляется в утверждениях автора о том, что лишь сильные и единые в этническом плане колонии могли обеспечить могущество эллинистических царей. Тенденциозно и положение о том, что в районах, где местное население не всегда было лояльно царю, не создавались предпосылки для развития полисов.

С. Ю. Сапрыкин

The Oxyrhynchus Papyri. V. LII. Eb. with transl. and notes by Cockle H. M. with contrib. by Cavlini A. e. a. L.: Egyptian Exploration Society, 1984, XVIII, 161 p., VII pl.

Очередной, 52-й том Оксиринхских папирусов открывается портретом Э. Г. Тернера (1910—1983) — профессора Лондонского университетского колледжа и одного из президентов Международного комитета папирологов, памяти которого посвящен этот том [1]. Начав свою исследовательскую деятельность во второй половине 30-х годов с издания текстов папирусной коллекции Абердинского университета, Э. Тернер в послевоенные десятилетия вместе с Э. Лобелем (1889—1982) продолжил труд Б. Гринфелла и А. Ханта по публикации папирусных текстов Британского Музея и иных собраний; благодаря блестящей эрудиции и интуиции исследователя в сфере внимания проф. Э. Тернера оказалось большинство античных авторов, фрагменты уцелевших или новонайденных произведений которых были обнаружены среди папирусов. К его наибольшим заслугам и удачам мы причисляем прежде всего образцовую публикацию и филологическую интерпретацию фрагментов комедии Менандра «Ненавистный»; научная одаренность и творческая плодовитость исследователя проявлялись постоянно и многообразно — в редактировании целых томов Оксиринхских или найденных и хранящихся в других местах папирусов, носивших обычно обобщающий характер докладах на научных конференциях. Огромный опыт работы проф. Э. Тернера с папирусами позволил ему внести вклад и в технику папирологии, кое в чем пересмотреть ее методологию, разработанную еще Ф. Кенионом, У. Вилькеном и В. Шубартом [2]. Имя Э. Тернера носят теперь несколько литературных папирусных текстов, опубликованных учеными различных стран и составивших сборник, изданный к его 70-летию [3].

В рецензируемом томе Оксиринхских папирусов лишь один текст (№ 3649: Корнут, περὶ ἐκτῶν β′) подготовлен к изданию Э. Тернером, однако влияние его творческо-

---

[1] См. некрологи: Gnomon, 1983, Bd. 55, S. 574 f. (H. Maehler); Aegyptus, 1984, a. 64, p. 237 sqq. (M. Manfredi).

[2] *Turner E. G.* Greek Papyri: an introduction. Oxf., 1968; 1980 [2]; *idem.* Greek manuscripts in the Ancient world. Princeton, 1971; *idem.* Papyrologist at Work. Durham (N. C.), 1973; *idem.* The typology of the early codex. Philadelphia, 1977; *idem.* The terms 'recto' and 'verso': the anatomy of the Papyrus roll. Bruxelles, 1978.

[3] Paryri Greek and Egyptian edited in honour of Eric G. Turner on the occasion of his 70th birthbay. L. 1981.

го метода весьма ощутимо в остальных публикациях — издатели в комментариях и статьях к отдельным текстам нередко ссылаются на мнение, предложение или совет учителя. Сопровождающие большинство текстов статьи не только содержат заметки палеографического характера и перевод, но во многих случаях оказываются (совершенно в духе Э. Тернера!) пространными интерпретациями, практически почти исчерпывающими историко-литературный материал, относящийся к новонайденному тексту.

В 52-м томе не являются литературными памятниками только шесть текстов документального характера, подготовленных к публикации редактором всего тома Элен М. Кокл: это датируемое январем 226 г. извещение жительницы Оксиринха Аврелии о смерти ее брата (№ 3689), два юридических документа (№ 3690 и 3691), имеющих отношение к имущественным и наследственным делам семьи Сарапиона — оба документа относятся к июню — августу 139 г. Далее следуют завещание (на латинском языке) некоего Гая Юлия Диогена, датируемое II в. н. э., разделившего свое имущество между женой и тремя сыновьями (№ 3692), и две записки того же времени с приглашениями — на обед (№ 3693) и на посвященное Аммону празднество (№ 3694).

Литературные тексты, как новонайденные, так и засвидетельствованные сохранившимися памятниками античной литературы, относятся либо к философской прозе, либо к греческой трагедии, за исключением трех публикаций — списка IV—V вв. латинских словоформ (№ 3660), отрывков из третьей, пятой и восемнадцатой песен «Илиады» (№ 3661—3663) и двух небольших фрагментов «Панегирика» Исократа (№ 3664—3665); все эти тексты подготовила Э. Кокл.

Фрагменты известных произведений философской прозы сохранились в основном на папирусах II—III в.: это отрывки из диалогов Платона и псевдоплатоновских сочинений (№ 3666, 3668—3685, 3667). Издание этих текстов осуществлено большой группой ученых, среди которых Питер Парсонс и Антонио Карлини. Естественно, основной интерес антиковедов привлекут публикуемые впервые фрагменты неизвестных произведений философской прозы, среди которых — три колонки дополняющего P. Oxy. XI,1364 фр. 2 (1915) нового фрагмента сочинения Антифонта περὶ ἀληθείας на папирусе III в. (№ 3647), а также значительный отрывок из повествования Конона об Энее, основании Рима и колонизации греками Крита — всего около 40 строк на папирусе II в. (№ 3648); издатель текста М. Хардер реконструирует поврежденный справа текст и частично заполняет обширную лакуну, привлекая изложение этого материала у Фотия. Далее отметим изданные Д. Сидли № 3654 — отрывки медицинского трактата методического характера, № 3655 — изложение анекдота о философах Стилпоне и Метрокле и ораторе Алкиме, № 3656 — с отрывком из жизнеописания некоей девушки, изучавшей философию сначала у Платона, а после его смерти — у Спевсиппа и Менедема; № 3658 содержит три колонки текста (читается, впрочем, лишь средняя, около 15 строк) с реминисценциями учения философа-эпикурейца III в. до н. э. Полистрата, а № 3657 — 17 строк поврежденной в верхней части колонки с изложением принципов сочинения жизнеописаний в стоической манере. Заключает эту группу текстов № 3659 — хорошо сохранившаяся колонка в 30 строк, где упоминаются досократик Фрасиалк и в самом конце, в очень неясном контексте — Платон, Антисфен и Аристипп; речь в этом фрагменте идет главным образом о манере ведения философских споров, и автор замечает, между прочим, что если бы поместить в один дом философов, а в другой — сумасшедших, то по доносящимся изнутри крикам трудно было бы определить, кто где «дискутирует».

Обратим внимание специалистов в области античной философии на некоторые новейшие публикации недавних папирусных находок фрагментов философской прозы; наибольший интерес представляет и заслуживает отдельного рассмотрения отрывок из диалога «Мильтиад» сократика Эсхина из Сфетта [4], а также фрагмент неизвестного

[4] P. Oxy. XXXIX, 2889—2890 (1972). Ed. E. Lobel; cf. *Merkelbach R.* Zum «Miltiades» des Aischines (P. Oxy. 2890 back). — ZPE, 1972, Bd. 9, S. 201 f.; *Patzer A.*

по названию сократического диалога, где Сократ пытается объяснить причины «слабой», по мнению одного из участников беседы, аргументации его апологии; как считает издатель этого текста Михаэль Гроневальд, диалог мог относиться к наследию либо того же Эсхина, либо — чему есть больше доказательств — Аристиппа [5].

Первый из относящихся к области греческой трагедии фрагментов (№ 3650) принадлежит к тому же ролику, что и P. Oxy. XXVII, 2457 (1962) с гипотесами «Алкестиды» и «Эола» Еврипида, и содержит гипотесу с трагедии «Александр» — в данном случае P. Колс публикует изданный им еще в 1974 г. текст [6] с учетом всех сделанных за минувшее десятилетие текстологических предложений. Следующие тексты — папирусы II—III вв. с гипотесами к «Беллерофонту» и «Бусирису» (№ 3651) и к «Гипсипиле» и «Фриксу I» (№ 3652), подготовленные Э. Кокл; первый содержит весьма поврежденную колонку в 30 с., второй — последние 2—3 знака колонки I высотой в 12 с. и уцелевшую левую часть колонки II (около 30 с.), что дает некоторое основание для попытки реконструкции сюжета «Фрикса I» в сопоставлении с концовкой гипотесы «Фрикса II», известной по P. Oxy. XXVII, 2455 (1962), который опубликовал еще Э. Тернер.

Сохранившийся на обороте какого-то документа II в. н. э. текст (№ 3653, фр. I и II), — пожалуй, наиболее интересная и важная публикация 52-го тома, подготовленная Э. Кокл. Здесь мы получаем возможность познакомиться с концовкой гипотесы софокловского «Навплия», а также со значительной частью гипотесы к трагедии «Ниоба»; оба фрагмента плохо сохранились — во фр. I при ширине колонки в 30 или более знаков уцелела лишь правая часть с большими, до 14 знаков, лакунами; фр. II, состоящий из двух колонок, сохранил середину текста (по 7—10 знаков в с. 1—9) и правую часть с недостающими 7—10 знаками в начале строк колонки I, а от колонки II дошли лишь по 1—3 знака в начале строк. И все же это открывает некоторые возможности как для реконструкции текста, так и для неизбежно связанной с этим интерпретации сюжета «Ниобы»; значительная часть этой работы уже выполнена в обозреваемом издании, однако все опубликованные за последние 20 лет гипотесы к утраченным произведениям греческой трагедии заслуживают специального рассмотрения, и надо отметить весьма плодотворную деятельность в этом направлении исследователя из ГДР Вольфганга Луппе, чьи публикации по этой проблеме трудно даже перечислить [7].

В заключение обзора сообщим, что в 52-м томе Оксиринхских папирусов опубликованы еще небольшие отрывки из трагедий Софокла «Антигона» (№ 3685, дополняющий P. Oxy. 875) и «Трахинянки» (№ 3687, дополняющий P. Oxy. 1805); особое внимание привлекает оформление последнего текста (№ 3688 = «Трахинянки», ст. 1267—1278, финал трагедии), где конец поздней рукописи V—VI вв. украшен затейливыми параграфами, коронидой в форме незатейливой «птички» и любопытным обозначением партии хора — вместо обычного χοροῦ написана большая χ, во внутренних углах которой расположены остальные буквы слова.

Л. В. Павленко

Αἰσχίνου Μιλτιάδης.— ZPE, 1974, Bd. 15, S. 271—287; *Lausdei C., Rossetti L.* Su P. Oxy. 2890 front. — Aegyptus, 1979, a. 59, p. 91—96 et al.

[5] P. Köln. V, 205: Sokratischer Dialog. Hvsg. von Gronewald M. Köln, Papyri, Bd. 5, Opladen, 1985, S. 33—53.

[6] *Coles R. A.* A new Oxyrhynchus Papyrus: the hypothesis of Euripides' «Alexander». L., 1974 (BICS—Suppl., № 32).

[7] Назовем важнейшие: *Luppe W.* Der «Temenos» Papyrus. — Philologus, 1971, Bd. 122, S. 6—13; *idem.* Zu einigen kleinen Bruchstücken der Euripides' Hypotheseis.— ZPE, 1982, Bd. 49, S. 15—21; *idem.* Die Hypotheseis zu Euripides' «Alkestis» und «Aiolos».— Philologus, 1982, Bd. 126, S. 10—18; *idem.* Die Hypothesis zu Euripides' «Hippolytos». — Ibid., 1983, Bd. 127, S. 155—162; *idem.* Zu P. Strasb. 2676 bd: «Stheneboia» — Hypothesis. — ZPE, 1984, Bd. 55, S. 7—8; *idem.* Die «Syleis» — Hypothesis. — Studi ital. di filol. class., 1984, a. 77, p. 35—39.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ НА XVII МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АНТИЧНИКОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН «ЭЙРЕНЕ»

(Берлин, 11—15 августа 1986 г.)

Общество античников социалистических стран Европы «Эйрене» (Мир) существует с 1956 г. Регулярно, один раз в два-три года проводятся конференции, в которых участвуют специалисты по истории древнего мира социалистических и капиталистических стран. Труды конференций публикуются, общество имеет свой журнал «Эйрене», издающийся в Праге.

Очередная XVII конференция «Эйрене» проводилась Институтом древней истории и археологии АН ГДР совместно с Научным советом по археологии и древней истории Министерства высшего образования ГДР и Гумбольдт-Университетом. Темой конференции была избрана проблема «Античность и Европа. Центр и периферия античного мира». На конференции работали следующие секции:

I. Античность и «варварство» в их историко-культурных взаимоотношениях: А. Причерноморье и Балканы, Б. Западная и Средняя Европа.

II. Образ «варваров» в античной литературе, философии и науке.

III. Представление об «иных» народах в античном искусстве.

Были проведены также коллоквиумы по следующей проблематике: 1) новейшие археологические открытия; 2) микенологический коллоквиум; 3) изучение античности в социалистическом обществе; 4) симпозиум по истории поздней античности.

Открытие конференции состоялось 11 августа 1986 г. После приветствий от Академии наук ГДР и ректората Гумбольдт-Университета на пленарном заседании с большим докладом «Центр и периферия античного мира» выступил председатель оргкомитета, директор Центрального института древней истории и археологии АН ГДР *Й. Херрманн*. *Д. Б. Шелов* (СССР) прочел доклад на тему «Греческая колонизация Северного Причерноморья и варварский мир». На вечернем пленарном заседании было заслушано семь докладов.

В. Велков (НРБ) посвятил свой доклад экономическим, политическим и культурным взаимоотношениям античного мира с варварскими народами на Балканах в позднеантичную эпоху. Доклад *Т. Кольника* (ЧССР) касался отношений римлян с германскими и сарматскими племенами в районе паннонского лимеса на Среднем Дунае после Маркоманнских войн. Отношения римлян с кельтами и германцами на протяжении нескольких столетий и постепенное продвижение римлян на север были рассмотрены в докладе *К. Пешела* (ГДР) «Рим и северные страны до установления римской границы по Рейну». В докладе «Варвары в античной литературе» *Ш. Риток* (ВНР) показал, как греки и римляне относились к проблеме отличия «непохожести» представителей других народов и племен, как трактовалась эта «непохожесть» в литературе разного времени и разных направлений. Представление о варварах в антич-

ной философии и науке было темой доклада *Р. Мюллера* (ГДР), а образ чуземцев в античном искусстве — доклада *В. Шиндлера* (ГДР). *И. Ирмшер* (ГДР) посвятил свой доклад вопросу о восприятии античности в социалистическом обществе и напомнил о значении конференций «Эйрене» в решении этого вопроса.

С 12 августа началась работа секций и коллоквиумов, которая длилась три дня.

На секции I А было сделано около 30 докладов по следующим основным направлениям: *1*) постановка общих вопросов в свете проблемы «античность и варварство», *2*) исторический аспект данной проблемы, *3*) вопрос о греках и варварах в античных источниках, *4*) значение археологического материала при разработке данной проблемы, *5*) сюжеты, посвященные Балканам, Западному и Северному Причерноморью, которым было уделено особенно много внимания. Большой интерес и оживленную полемику вызвал доклад *В. Шуллера* (ФРГ) «Концепция новой греческой истории». Автор считает, что особое внимание должно быть уделено изучению истории негреческих народов при изучении истории Греции, роли истории культуры, значению литературных памятников и археологии, истории частного права, а также разработке вопросов, посвященных роли женщины в истории и исследование этого вопроса в общеисторическом аспекте.

Большой интерес вызвали доклады, посвященные проблемам древнегреческой колонизации, поскольку именно в этом процессе наиболее отчетливо проявились характерные черты взаимоотношений и столкновения греческого и варварского элементов. Известно, что в течение двух десятилетий вопрос о характере, целях и специфике греческой колонизации неоднократно дебатировался в науке. Имели место различные точки зрения — одни ученые считали, что колонизация имела задачей торговые цели и служила сбыту греческих товаров на рынках местных, туземных племен, другие подчеркивали аграрный характер колонизации. В последние годы выдвигается мнение о комплексном характере греческой колонизации, чему в значительной мере помогли исследования ученых социалистических стран, конференции, проводимые в Цхалтубо. Эта мысль отчетливо прозвучала в докладе *Д. Б. Шелова* (СССР) на пленарном заседании и в докладах, прочитанных на заседании секции I А *Х. Зеегебартом* (ГДР), *Г. К. Цехладзе* и *С. Н. Муравьевым* (СССР) и др. В ряде докладов был поставлен вопрос о взаимоотношениях: греков и местного населения в послеколонизационный период, фракийских царей и колоний на берегу Понта (*М. Тачева* — НРБ), эллинов и варваров в Западном Понте в начале н.э. (*А. В. Подосинов* — СССР), греков и варваров в Халкидике (*М. Б. Хадзопулос* — Греция), населения племен черняховской культуры и системы римского провинциального управления (*А. Хайэлер* — ГДР). Один из аспектов этой проблемы был поставлен в докладе *Е. С. Голубцовой* (СССР), посвященном изучению системы полис-хора для истории припонтийских стран.

Как было выше сказано, на заседаниях секции I А ряд докладов касался отдельных исторических сюжетов, в которых трактовались важные вопросы взаимоотношений греческого и местного элементов,— например, анализ политики Македонии на Черном море и Дунае (доклад *В. Илиеску* — ФРГ), изучение соотношения греческого и варварского элементов в армиях Александра Македонского и Селевкидов (доклад *Л. П. Маринович* — СССР), специфика соотношения восточных и античных элементов при изучении римско-парфянских отношений (доклад *Х. Фишера* — ГДР).

На заседании секции I А были сделаны доклады источниковедческого характера, построенные на изучении сведений античных авторов и данных эпиграфики,— проблема товарно-денежных отношений в сочинении Ксенофонта (доклад *А. Ене* — ГДР), анализ известий античных авторов о народах, населявших степные и лесостепные зоны (доклад *Я. Харматты* — ВНР), комментарий к тексту декрета в честь Диофанта, позволяющий пролить свет на спорный вопрос о характере восстания Савмака на Боспоре (доклад *А. К. Гаврилова* — СССР), анализ закона Митридата Евпатора о наследовании (доклад *С. Ю. Сапрыкина* — СССР).

На заседании секции I А был сделан ряд докладов, основанных на археологических раскопках последних лет и дающих представление о больших масштабах археологических исследований, проводимых учеными социалистических стран. Изучение организации ремесла и торговли в долине реки Струма (доклад *В. Любеновой* — НРБ) на основе археологических раскопок позволяет получить представление о характере и масштабах социально-экономических отношений этого региона с другими областями и в частности с Малой Азией. Материалы раскопок, о которых рассказал на секции *Г. Ст. Коррес* (Греция), дают возможность судить об условиях жизни населения Мессении, его погребальных обрядах и культах, характере землепользования. Изучение амфорных клейм дало возможность *Абрахам* (СРР) поставить вопрос о торговле Истрии и Фасоса. Результаты археологических исследований позволили венгерским ученым *А. Вадаи*, *Е. Иштвановичу*, *В. Культсару*, представить интересный доклад о сарматской одежде, обрядах, украшениях жителей Карпатского региона. Тщательному анализу подвергла *И. Кризелайт* (ГДР) фрагмент керамики из собрания Маврокордато. Как было выше сказано, большое значение в докладах на секции I А было уделено истории балканских народов, Западного и Северного Понта. Был поставлен вопрос о проникновении римских монет на Балканы (доклад *Е. Шонерт-Гейс* — ГДР). *Х. Маттеи* (СРР) сделал доклад об истории римского флота. Несколько докладов было посвящено истории Фракийцев, в частности, их религиозным культам (*М. Опперман* — ГДР), роли позднеримской цивилизации на Нижнем Дунае (*А. Барнеа* — СРР).

Секция I Б была посвящена античному и варварскому миру Западной и Средней Европы в историко-культурных взаимоотношениях. В соответствии с этой темой значительная часть докладов касалась взаимосвязей римского мира с обитавшими здесь племенами, преимущественно германскими, и проблем рабовладения.

В докладе *Х. Грюнерта* (ГДР) «Античное рабство и военная демократия. К роли античного рабовладельческого общества в возникновении эксплуатации и угнетения у германцев» было показано влияние римского рабовладельческого общества на разложение первобытно-общинных отношений у германцев и возникновение различных форм зависимости.

Политика Рима по отношению к германским племенам в начале нашей эры была всесторонне рассмотрена в докладе *Б. Крюгера* (ГДР), а в докладе *Б. Ринка* (ГДР) — вторжение кимвров и тевтонов как выражение кризиса римской военной системы. Автор отметил различные причины его: во главе войска стояли консулы, при выборе которых не учитывали их военные способности; для мелких крестьян, составлявших ядро римской армии, военная служба была обременительна и др.

Проблеме интерпретации античных источников был посвящен доклад *Г. Перля* (ГДР) «Римский фон в „Германии“ Тацита». Как отметил докладчик, перед специалистами, обращающимися к «Германии», возникает опасность того, что сведения, почерпнутые из других источников, часто более поздних, ошибочно вносят в текст этого труда Тацита, тем самым Тациту приписываются взгляды, не свойственные ему. Целью доклада *И. Ульмана* (ГДР) было рассмотреть генезис и содержание понятия «Германия», которое встречается в греческих и латинских источниках начиная с I в. до н.э. Название это являлось римским обозначением места расселения различных германских племен между Скандинавией, Дунаем и Рейном. Более точное определение границ Германии, как отметил докладчик, в источниках было различным.

Ряд докладов секции I Б касался связей Рима с германскими племенами. Влияние римлян на сельское хозяйство германских племен в областях римско-германских контактов на Рейне и Верхнем Дунае было рассмотрено преимущественно по археологическим находкам в докладах *И. Хеннинга* и *А. Роггиша* (ГДР).

Римское влияние на оборонительное и наступательное оружие германских племен проанализировал в своем докладе *Э. Шультце* (ГДР). *Р. Лазер* (ГДР) в докладе «Находки монет и других предметов импорта как свидетельство римско-германских

связей в III и IV вв.», отметив незначительное количество свидетельств письменных источников о германской политике Рима в эти века, подчеркнул значение археологических раскопок для изучения римско-германских контактов в это время (в частности, находок монет, терра сигиллата, фибул, стекла и др.). *К.-П. Йоне* (ГДР), отметив, что одной из характерных черт Поздней Римской империи было включение германцев в римское общество, показал различные формы этого процесса. С начала IV в. усиливается значение германцев в войске и целые племена поселяются на границе как федераты. Германцы использовались и как рабочая сила в сельском хозяйстве.

Два доклада на секции I Б были посвящены Паннонии. *А. Леубе* (ГДР), отметив, что включение Норика и Паннонии в состав Римской империи оказало разностороннее влияние на развитие германских племен — культурное, политическое и хозяйственное, поставил целью выявить эти различия на основе археологических источников.

Один из аспектов связей между Паннонией и варварским миром был рассмотрен *Б. Лоринцем* (ВНР) на примере изучения клейм на черепице и их датировки.

Целью доклада *Э. Крековича* (ЧССР) было рассмотрение римского импорта в Словакию. Предметами ввоза служили изделия из бронзы и серебра, терра сигиллата, кольца и другие украшения, лампы, вооружение. На территории Словакии зарегистрировано 197 мест находок римских изделий, которые поступали сюда с различной степенью интенсивности на протяжении всего существования Римской империи. Как считает докладчик, римский импорт, несомненно, оказал влияние на многие стороны жизни варварского мира.

Эпиграфический материал был положен в основу доклада *Ф. Вебера* (ГДР), который проанализировал надписи из Португалии, Боснии и Сербии об аренде колонами рудников. В докладе *Г. Немета* (ВНР) о договоре Афин с Сегестой (Италия) был рассмотрен спорный вопрос о датировке этой надписи. Поскольку от имени архонта, определяющего датировку, сохранились лишь последние буквы, ученые, исходя из чисто эпиграфических соображений, предложили три даты. Отвергая их, докладчик выдвинул новую датировку — 429/8 г. до н.э., связывая заключение договора Афин с Сегестой с экспедицией Формиона в 429 г. до н.э. На секции I Б был также зачитан доклад *В. П. Яйленко* (СССР), посвященный анализу свидетельств Тацита, Страбона и Плиния об эстиях, которых автор считает выходцами из кельтских областей севера Франции.

Заключая обзор работы секций I (А Б), отметим доклад *Х. Дитера* (ГДР) «Pax romana — мировое господство и цивилизации». Как считает докладчик, Pax romana явился наиболее отчетливым выражением претензий римлян на мировое господство. Эти идеи появились уже при Сулле. Основное содержание доклада составляет рассмотрение самого понятия Pax romana, в котором были выделены следующие элементы: претензии на мировое господство, гармония всех сил в империи (concordia и consensus).

На секции II, посвященной изучению проблемы «Образ варвара в литературе, философии и науке», анализировались в широком хронологическом диапазоне различные аспекты понятия «варвар» в античном мире. Исследовались зарождение этого представления, его трансформация, определяемая как общими идеологическими установками того или иного периода, так и конкретными историческими условиями.

В центре внимания работы секции были теоретические вопросы. Так, в докладе *Д. Метцлера* (ФРГ) «Греческая этнография в историко-дидактическом аспекте» была поставлена важная проблема о влиянии тенденций и событий современности на изучение категорий древности, реалий греческой и римской истории. По мнению докладчика, особенности противопоставления Востока и Запада в наши дни явно влияют на ракурс исследования роли варваров в античности и, несомненно, предопределяют некоторые выводы. Данный тезис был проиллюстрирован в основном на примерах освещения современной историографией темы варваров у Геродота.

В двух обзорных докладах были показаны особенности изображения варваров в античном романе и римской литературе. *Г. Кух* (ГДР) в докладе «Греки и варвары в ан-

тичном романе» обратил внимание на то, что нередко авторами античных романов были выходцы с варварских территорий, например, сириец Ямвлих и финикиец Гелиодор. Это зачастую определяло не только место действия, но и особенности фабулы, языка романов, которые были построены таким образом, что их могли читать не только эллины, но и образованные варвары. Это легко проследить на языковом материале и элементах местного колорита, ориентированного на негреческого читателя. В докладе *И. Тар* (ВНР) «Варвары в римской литературе (I в. н. э.)» речь шла об употреблении понятия «варвар» в поэзии Катулла.

Большой интерес вызвали доклады, по-разному интерпретирующие данные одного и того же источника или показывающие различные аспекты изучаемой проблемы у одного и того же автора. Так, две противоположные точки зрения об отношении Гомера к варварам были высказаны *М. Василеску* (СРР) и *И. Вернером* (ГДР). Эта проблема вызвала особенно оживленную дискуссию, так как определяла время возникновения оппозиции «эллин — варвар» и ее формы. М. Василеску полагал, что противопоставление эллинов и варваров в гомеровском эпосе фактически отсутствует, а пассажи с такими противопоставлениями следует считать поздними вставками. И. Вернер, напротив, был убежден, что у Гомера уже дано четкое различие между эллинами и варварами, но оно носит не столько этнический, культурный или политический характер, сколько языковый. Из римских авторов больше всего внимания уделялось Цицерону, ему были посвящены два доклада, ссылки на его произведения часто звучали в дискуссиях. *М. Цитовская* (ПНР) в докладе «Варвары у Цицерона» прежде всего поставила вопрос о критериях, применяемых оратором для определения варваров,— будь то язык, уровень образованности, этническая принадлежность, образ жизни. Судя по приведенным данным, ни один из перечисленных принципов не был главным, применялся комплексный метод, включавший в себя много элементов. Особенно была подчеркнута неоднозначность подхода к оценке варваров у Цицерона: как философ он проявлял в отношении к неримлянам большую терпимость и мягкость, давал более размытые и неопределенные дефиниции, нежели как юрист, защищающий интересы римского государства. Во втором варианте его позиция была достаточно жесткой и нетерпимой. *Л. Хухтхаузен* (ГДР), тщательно собрав упоминания о Митридате VI в речах оратора, продемонстрировала, как конкретная историческая ситуация (в данном случае — последовательная антиримская политика Митридата) влияла на формирование негативных элементов в характеристике варваров. Цицерон воспринимал заклятого врага Рима прежде всего как вероломного и жестокого варвара, вводя в повествование много риторических приемов и драматических сцен для усиления желаемого эффекта.

Группа докладов была посвящена трактовке варварской проблемы отдельными античными авторами. *Э. Екель* (Финляндия) обратил внимание на то, что данная тема была одной из центральных для творчества Исократа, так как тесно связана с идеей панэллинизма, в разработку которой афинский оратор внес весомый вклад. Противостояние греков варварскому миру было оборотной стороной этнического, социального и политического единства эллинов. Вместе с тем в речах заметен другой аспект восприятия варваров, не политический, а этический, в котором варваром считался человек не по этнической принадлежности, а по низкому культурному уровню. Своеобразным хронологическим продолжением исследования З. Екеля был доклад *С. Дворацкого* (ПНР) «Barbaricum в комедиях Менандра», показавшего изменение ракурса восприятия варваров греческой идеологией после покорения Эллады Македонией. В комедиях Менандра С. Дворацкий нашел следы и старого варварского стереотипа, достаточно прочно укоренившегося в сознании греков, и новые элементы, обусловленные расширением контактов с неэллинами, прежде всего — формами этих контактов, что повлияло на восприятие греками негреческого мира. На языковом уровне исследовал варварскую проблему в римской литературе *Т. Адамик* (ВНР) в докладе «Barbaricus». Взяв за основу произведения Квинтиллиана, он показал, какие слова и идиомы считались в латинском языке варваризмами и почему.

Некоторые доклады не укладывались в тематику секций, но представляли интерес, так как затрагивали важные проблемы греческой идеологии. *В. Вишневский* (ПНР) посвятил свой доклад речам Архидама и Перикла в I—II кн. Фукидида, где увидел столкновение двух философских систем — Продика и Гиппия. С его точки зрения, Продику был свойствен элитарный подход, Гиппий же ориентировался прежде всего на индивида. Речи Архидама и Перикла следует рассматривать как две различные точки зрения на прогресс человечества: с точки зрения науки и с точки зрения морали. *С. Пану* (Греция) рассмотрел социальную философию Платона как систему взаимоотношений права и общества. Описывая юридические взгляды философа, он пришел к выводу, что Платон отрицал политическое равенство. Его структура идеального общества иерархична, так как предполагает неравенство, вместе с тем она исключает привилегии. В докладе *М. К. Трофимовой* (СССР) «Некоторые вопросы интерпретации так называемой утопии Ямбула» были выделены в тексте Диодора, II, 50—60 три слоя: легенда об умилостивляющей жертве, рассказ Ямбула, воспользовавшегося этим сюжетом, и сокращенная передача повествования Ямбула Диодором, включившим его в свою «Историческую библиотеку».

В рамках конференции «Эйрене» работал Микенологический коллоквиум. В его работе принимали участие ученые социалистических стран, а также Японии (Х. Ота), Италии (Де Фидио), Голландии (К. Руиг). Тематика докладов охватывала различные проблемы социально-экономической истории, культуры микенского общества и шире — Эгеиды и отдельные вопросы филологии и лингвистики, связанные с микенскими источниками, и восточных связей микенского мира (в частности с Анатолией).

В докладе *П. де Фидио* (Италия) были рассмотрены различные категории микенских ремесленников, среди которых, как показал докладчик, особое место занимали кузнецы по бронзе. Их функции отчасти пересекались с жреческими, что находит многочисленные аналогии в других культурных традициях (магическая роль кузнеца). Доклад *И. фон Бредов* (НРБ) был посвящен анализу термина qasireu (греч. βασιλεύς) и функций лица, обозначаемого им в Пилосе. Отмечались неабсолютный характер центральной власти в Пилосе, важная роль, которую играла община, qasireu был независим от центральной власти и являлся главой общины. В докладе *А. И. Зайцева* (СССР) «Из предыстории микенских колесниц» были проанализированы различные упоминания о колесницах в гомеровском эпосе. Автор обратил внимание на ряд любопытных деталей, в частности на то, что герои (предводители) доставлялись обычно на поле боя на колесницах, а бой вели, сойдя с них (в отличие от того, как было принято на Востоке). Привлечение археологического материала позволило автору сделать вывод, что в эпосе сохранены пережитки того времени, когда колесницы (повозки) использовались только для передвижения, и запряжены в них в таком случае должны были быть не лошади, а быки. Это частное заключение автора хорошо согласуется с теорией индоевропейских миграций.

Некоторые вопросы мифологии рассматривались в докладе *Г. Бокиш* (ГДР) «Елена и Менелай». Анализируя многочисленные греческие мифологические сюжеты, вплоть до наиболее поздних, автор пришла к выводу, что эти два героя отражают две различные традиции и восходят к двум разным культам — к местному греческому (Менелай) и догреческому субстратному (Елена). К этой же второй традиции возводятся, как было отмечено при обсуждении доклада, и большинство представителей греческого пантеона, имена которых не могут быть объяснены из греческого или другого индоевропейского языка. В докладе *А. Бартонека* (ЧССР) было рассмотрено место микенского среди других греческих диалектов.

Этногенетической проблематике были посвящены доклады *Ю. В. Откупщикова* и *Л. С. Баюн* (СССР). Ю. В. Откупщиков поставил вопрос о правомерности выделения палеобалканской ветви индоевропейских языков, куда он включает греческий, карийский, фракийский, фригийский и др. (на основе анализа ономастического материала). Л. С. Баюн сделала доклад на тему «Греческий и фригийский: к проблеме гене-

тического родства», где доказываются теснейшие родственные связи этих двух языков и делаются важные этногенетические выводы.

На коллоквиуме «Новейшие археологические открытия» из членов советской делегации с докладами выступили: *Н. Кигурадзе* — «Некрополь Пицундского городища» и *В. Джапаридзе* — «О позднеантичных памятниках Восточной Колхиды». В первом сообщалось о новейших данных недавно открытого некрополя в Питиунте, изучение которого сможет внести определенную ясность в решение некоторых трудных вопросов истории Восточного Причерноморья в I в. н. э. Во втором докладе также были представлены новые материалы из раскопок крепости Сарепанис.

Группа докладов была посвящена арехологическим экспедициям Центрального института древней истории и археологии АН ГДР совместно с научными учреждениями АН НРБ на крепости Ятрус в Болгарии. Следует отметить доклады: *К. Вахтела* (ГДР) «О политической ситуации на Нижнем Дунае во второй половине IV в. и в первой половине V в.», *Б. Бётгера* (ГДР) «О хозяйственной жизни южнодунайского лимеса IV—V вв.] н. э.», в котором рассматривались конкретные археологические материалы (железные орудия и др.). Аналогичные материалы были использованы *Г. Гомольской* (ПНР) при постановке вопроса об этническом составе населения южнопонтийского лимеса. Доклад *В. Дъёла* (ВНР) касался вопроса о строительстве крепостей и укрепленных сооружений в константиновскую эпоху. В основу доклада автором были положены материалы изучения крепостных сооружений Ятруса.

Болгарским позднеантичным памятникам был посвящен доклад *Р. Доневского* (ПНР), в котором ставился вопрос о принадлежности частично раскопанной им укрепленной системы в Силистре канабе XI Клавдиева легиона. В докладе *Э. Гочевой* (НРБ) рассказывалось о результатах раскопок эллинистического и позднеантичного слоев в с. Огненово (Позаружинской обл., НРБ).

О раскопках и проблемах древнего гетского центра близ Исперих (Северо-Восточная Болгария) говорила в своем докладе *Д. Гергова* (НРБ). Изучения конкретного археологического материала касался доклад *Д. Бенеа* (СРР) «О производстве стеклянных украшений в Тибискуме».

Во время работы конференции состоялось заседание Постоянного комитета «Эйрене». В нем приняли участие представители: ГДР (Й. Херрманн, Р. Мюллер, В. Хартке, И. Ирмшер), ВНР (Я. Харматта, И. Боржак), ПНР (И. Бежуньска-Маловист, И. Левандовский), НРБ (В. Велков), СРР (Г. Чаушеску), СССР (Е. С. Голубцова, Д. Б. Шелов), ЧССР (П. Олива, А. Фроликова) и СФРЮ (К. Гантар). На заседании был рассмотрен вопрос о принятии заявления, направленного против угрозы ядерной войны, а также обсужден и принят проект Комитета «Эйрене» (ранее такого официального документа не существовало).

На заключительном заседании 15 августа состоялся просмотр документального фильма о последствиях применения ядерного оружия, созданного японскими кинематографистами и представленного конференции японским ученым М. Дои. Глубоко потрясенные этим реалистическим фильмом, участники конференции приняли заявление, направленное против угрозы атомной войны и роста ядерных вооружений.

Были подведены итоги работы конференции. С анализом работы всех секций и коллоквиумов выступили их председатели — Е. С. Голубцова (СССР), И. Буриан (ЧССР), А. Пиатковская (СРР), А. Садурская (ПНР), Е. Мароти (ВНР), З. Гочева (НРБ), И. Ирмшер (ГДР), А. Бартонек (ЧССР). Г. Коррес (Греция) информировал участников конференции о мероприятиях по увековечению в Греции памяти немецкого археолога Г. Шлимана, в частности, о создании в Афинах его мемориального дома-музея.

Президент конференции Й. Херрманн и секретарь оргкомитета Р. Мюллер доложили о состоявшемся накануне заседании Постоянного Комитета «Эйрене». Представитель Комитета И. Боржак (ВНР) пригласил ученых-антиковедов социалистических стран принять участие в работе следующей, XVIII конференции «Эйрене» в 1988 г. в Будапеште.

Е. С. Голубцова

ПРИЛОЖЕНИЕ

M. TULLII CICERONIS

ORATIO POST REDITUM AD QUIRITES HABITA

М. ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

РЕЧЬ К НАРОДУ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ ИЗГНАНИЯ

Перевод с латинского, вступительная статья и комментарии
В. О. Горенштейна

С политической борьбой на рубеже 50—60-х годов до н. э. связано изгнание Цицерона, которому вменялась в вину казнь пятерых сообщников Катилины, совершенная 5 декабря 63 г. без формального суда, на основании чрезвычайного постановления сената (senatus consultum ultimum).

В феврале 58 г. плебейский трибун П. Клодий, сторонник Цезаря и личный враг Цицерона, предложил закон «О правах римского гражданина» (lex de capite civis romani), подтверждавший положения прежних законов и предусматривавший «запрещение предоставлять огонь и воду» (ignis et aquae interdictio), т. е. лишение гражданских прав для всякого, кто без суда казнит римского гражданина. Хотя Цицерон и не был назван в этом законопроекте, но усмотрел в нем угрозу против себя лично и после безуспешной попытки добиться заступничества Помпея и консулов покинул Рим в марте 58 г. Клодий после этого провел второй закон — «Об изгнании Марка Цицерона» — с запрещением оказывать ему гостеприимство; этот закон предусматривал конфискацию имущества Цицерона; в дальнейшем ему было запрещено находиться в пределах 500 римских миль от Италии, причем он и его гостеприимцы

подлежали смертной казни в случае ослушания. Усадьбы Цицерона и его дом в Риме были разрушены. Присоединив к его земельному участку в Риме, на Палатинском холме, часть соседнего владения и сломав стоявший на нем портик, построенный победителем кимвров консулом 102 г. Кв. Лутацием Катулом, Клодий построил там портик и посвятил богам весь участок, установив на нем статую Свободы.

Выехав из Рима, Цицерон вначале намеревался отправиться в Эпир и воспользоваться гостеприимством своего друга Т. Помпония Аттика; затем он изменил свое решение и направился в Вибон, чтобы переехать в Сицилию, но пропретор последней Г. Вергилий запретил ему пребывание в Сицилии и на о-ве Мелите (Мальта). Цицерон направился в Брундисий, откуда он после остановки в доме М. Ления Флакка переправился в Диррахий. Не решившись поехать в Афины, он направился в Кизик, но квестор Македонии Гн. Планций принял его у себя и окружил заботой.

Движение за возвращение Цицерона из изгнания началось еще в 58 г., вскоре после его отъезда из Италии. 1 июня 58 г. плебейский трибун Л. Нинний Квадрат предложил в сенате возвратить Цицерона из изгнания, но с интерцессией выступил плебейский трибун П. Элий Лигур. Хотя большинство избранных на 57 г. магистратов было сторонниками возвращения Цицерона, этому препятствовал Клодий, при посредстве вооруженных отрядов державший Рим в своей власти.

29 октября 58 г. восемь плебейских трибунов (из десяти) внесло в сенат предложение о возвращении Цицерона из изгнания, и П. Корнелий Лентул Спинтер, избранный в консулы на 57 г., выступил в его защиту, но консулы Л. Кальпурний Писон и Авл Габиний и плебейский трибун Лигур снова воспротивились принятию решения сенатом. Совершив интерцессию, Клодий выступил против Помпея, угрожая сжечь его дом, и даже против Цезаря, заявив, что законы, проведенные Цезарем в в 59 г., недействительны, так как были приняты несмотря на обнунциацию со стороны его коллеги М. Кальпурния Бибула.

В ноябре 58 г. Цицерон в надежде на то, что общее положение изменилось в его пользу, избегая встречи с проконсулом Македонии Л. Писоном и его войсками, переехал из Фессалоники в Диррахий. Через своего брата Кв. Цицерона он дал Цезарю и Помпею заверение насчет своего поведения в будущем и признания им мероприятий и законов Цезаря; после этого Цезарь и Помпей согласились на его возвращение из изгнания.

1 января 57 г. во время торжественного заседания сената консул П. Корнелий Лентул Спинтер предложил возвратить Цицерона из изгнания; его поддержал его коллега Кв. Цецилий Метелл Непот; плебейский трибун С. Атилий Серран, не совершая интерцессии, потребовал ночь на размышление, и решение не было принято. 28 января плебейский трибун Кв. Фабриций внес в комиции предложение возвратить Цицерона из изгнания, но собрание было разогнано гладиаторами Клодия, причем произошло кровопролитие. Стычки на улицах и форуме продолжались на протяжении следующих месяцев; в это время плебейские трибуны П. Сестий и Т. Анний Милон, сторонники Цицерона, тоже составили для себя вооруженные отряды. В январе 57 г. в уличной стычке были тяжело ранены Сестий и противник Цицерона плебейский трибун Кв. Нумерий Руф. В 57 г. Милон дважды пытался привлечь Клодия к суду за насильственные действия, но суд не состоялся. Политическая жизнь в Риме замерла, уголовные суды перестали действовать.

В течение первой половины 57 г. Помпей объехал ряд муниципиев и колоний Италии и добился принятия ими постановлений в пользу возвращения Цицерона. Сенат препоручил Цицерона магистратам и подвластным Риму народам и предложил гражданам прибыть в Рим для голосования. В июле консул П. Корнелий Спинтер предложил в сенате возвратить Цицерона из изгнания; за его предложение проголосовало 416 сенаторов против одного голоса П. Клодия; кроме того, была выражена благодарность гражданам, съехавшимся в Рим, чтобы поддержать закон о возвра-

щении Цицерона. 4 секстилия (августа) центуриатскими комициями был принят Корнелиев-Цецилиев закон о возвращении Цицерона из изгнания. 5 секстилия Цицерон прибыл в Брундисий, а 4 сентября приехал в Рим, где ему устроили торжественную встречу. 5 сентября он произнес в сенате благодарственную речь; 7 сентября он на форуме произнес такую же речь, обращенную к народу.

М. ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

РЕЧЬ К НАРОДУ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ ИЗГНАНИЯ

[На форуме, 7 сентября 57 г.]

(I, 1). Обратившись к Юпитеру Всеблагому Величайшему и к другим бессмертным богам с молитвой [1] в то время, квириты [2], когда я обрек себя и свое достояние в жертву ради вашей неприкосновенности, ради мира и согласия между вами — с тем, чтобы меня, если я когда-либо предпочел свою выгоду вашему благополучию, постигла вечная кара, добровольно мною на себя навлеченная; если же и то, что я совершил ранее, я совершил ради спасения государства [3] и отправился в свой скорбный путь ради вашего блага, дабы ненависть, которую преступные и наглые люди, испытывая ее к государству и ко всем честнейшим людям, уже давно сдерживали, они обратили против меня одного, а не против всех лучших людей и не против всей гражданской общины; итак, если у меня были такие намерения по отношению к вам и вашим детям, то, чтобы когда-нибудь вы, отцы-сенаторы, и вся Италия обо мне вспомнили и почувствовали сожаление и тоску по мне; то, что мое самообречение подтверждено суждением бессмертных богов, свидетельством сената, согласием Италии, признанием моих недругов, вашими богами вам внушенным бессмертным благодеянием, доставляет мне величайшую радость. (2) Поэтому, хотя самое желанное для человека — счастливая, благополучная и неизменная судьба и безмятежное течение жизни без каких-либо неудач, все же, если бы на мою долю выпали только спокойствие и умиротворение, я был бы лишен необычайных и, пожалуй, богами ниспосланных радостей и наслаждений, какие я теперь испытываю от вашего благодеяния. Какой из даров природы человеку милее, чем его дети? Мне мои дети и ввиду моей любви к ним, и ввиду их редкостных качеств дороже жизни. И все же я взял их на руки [4] не с такой радостью, какую испытываю от того, что они мне возвращены. (3) Между двумя людьми не бывало такой приязни, какова приязнь между мною и братом; я чувствовал ее не столько тогда, когда с ним общался, сколько будучи с ним в разлуке; чувствую ее и после того, как вы возвратили меня ему, а мне его. Каждого радует его имущество; остатки моего возвращенного мне достояния приносят мне большее удовлетворение, чем приносили мне в ту пору, когда все оно было невредимо. Какое удовольствие приносят нам дружеские связи, общение, соседство, клиентелы, наконец, игры и праздничные дни, лишенный этого, я понял лучше, чем всем этим пользуясь. (4) Далее, хотя почет, достоинство, положение, сословная принадлежность и ваши милости всегда казались мне самыми прекрасными, все же теперь, когда они мне возвращены, они кажутся мне более блистательными, чем были бы в случае, если бы они некоторое время не были скрыты во мраке. А само отечество, бессмертные боги! Трудно выразить,

---

[1] С этой молитвой Цицерон мог обратиться к богам 19 марта 58 г. перед отъездом из Рима, поднявшись на Капитолий, чтобы установить на нем статую Минервы-Хранительницы.

[2] Квириты — торжественное наименование римских граждан.

[3] Подавление движения Катилины в 63 г.

[4] Древний обряд: отец семейства брал на руки новорожденного, положенного на землю, и тем самым признавал его. Отвергнутый новорожденный мог быть выброшен или подкинут.

как оно дорого и какое наслаждение доставляет оно, как красива Италия, как оживленны ее города, как прекрасны ее части, какие поля, какой урожай, как великолепен Город, как образованны его граждане, как велико достоинство государства и ваше величие! Всем этим я и ранее наслаждался более, чем всякий другой; но подобно тому как доброе здоровье людям, поправившимся после тяжелой болезни, приятнее, чем никогда не болевшим, так и все это, после того как человек был этого лишен, привлекательнее, чем в случае, если бы оно воспринималось постоянно.

(II, 5). Зачем я об этом рассуждаю? Зачем? Дабы вы смогли понять, что никто никогда не обладал ни таким красноречием, ни столь божественным и столь необычайным даром слова, чтобы быть в состоянии, уже не говорю — восхвалить и превознести в своей речи величие и множество благодеяний, оказанных вами мне, моему брату и нашим детям, но хотя бы перечислить и описать их. Родители в согласии с законом природы произвели меня на свет малюткой; вами я был рожден консуляром. Они дали мне брата, но не было известно, каков он будет; вы возвратили мне его испытанным и доказавшим мне свою необычайную преданность. Государство я принял в свои руки в те времена, когда оно, можно сказать, было утрачено; от вас я получил его обратно таким, какое признали сохраненным усилиями одного человека [5]. Бессмертные боги детей мне дали, вы мне их возвратили. Многого другого, чего я просил у бессмертных богов, я тоже достиг; но если бы не ваша добрая воля, то я был бы лишен всех даров бессмертных богов. Наконец, почести, которых я достигал по одной постепенно, я теперь получил от вас в совокупности,— так что, насколько я ранее был в долгу перед родителями, перед бессмертными богами, перед вами самими, настолько я теперь всецело в долгу перед всем римским народом.

(6) Ведь если само благодеяние ваше столь велико, что я не могу охватить его в своей речи, то в вашем рвении проявилась такая доброжелательность, что вы, мне кажется, не только избавили меня от несчастья, но даже возвеличили в моем высоком положении. (III) Ведь о моем возвращении не умоляли юные сыновья, как о возвращении Публия Попилия [6], знатнейшего человека, а также многочисленные родные и близкие, не умоляли, как о прославленном муже Квинте Метелле [7], ни сын его, чей возраст уже требовал уважения, ни консуляр Луций Диадемат, весьма влиятельный муж, ни цензорий Гай Метелл, ни их дети, ни Квинт Метелл Непот, в ту пору искавший консулата, ни сыновья его сестер — Лукуллы, Сервилии, Сципионы; о возвращении Квинта Метелла тогда вас и ваших отцов умоляли очень многие Метеллы и сыновья женщин из рода Метеллов; даже если бы его собственное высшее положение и величайшие деяния не были достаточны, то преданность его сына, мольбы его близких, траур юношей, слезы старших все же смогли бы тронуть римский народ. (7) Что касается Гая Мария, который после знаменитых консуляров минувшего времени был на памяти вашей и ваших отцов третьим до меня консуляром, несмотря на свою исключительную славу, испытавшим такую же унизительную участь, то его положение не походило на мое; ведь он возвратился без чьих-либо молений, он вернулся самовольно, во время раздоров между гражданами, прибегнув к помощи войска и к оружию [8]. Меня же, лишенного близких, не огражденного родовыми связями, не угрожавшего оружием и волнениями, вымолили у вас зять мой Гай Писон своей как бы внушенной ему богами беспримерной настойчивостью и доблестью и преданнейший брат своими каждодневными слезными просьбами и горестным трауром.

---

[5] Цицерон имеет в виду свой консулат, в начале которого он боролся против аграрного закона П. Сервилия Рулла, а в конце — против Катилины.

[6] П. Попилий Ленат был возвращен из изгнания в 121 г.

[7] Кв. Метелл Нумидийский возвратился из изгнания в 99 г.

[8] Ввиду популярности Г. Мария в народе Цицерон здесь выражается более мягко и более лестно для него, чем в речи, произнесенной в сенате.

(8) Брат мой был единственным человеком, который смог привлечь к себе ваши взоры своим трауром и вновь пробудить своим плачем тоску и воспоминания обо мне; он решил, квириты, подвергнуться такой же участи, какую испытал я, если вы не возвратите ему меня; он проявил столь необычайную любовь ко мне, что счел бы нарушением божеского закона быть разлученным со мною не только в жилище, но даже в могиле. В мою защиту в моем присутствии сенат надел траур и помимо сената двадцать тысяч человек; в мою защиту в мое отсутствие вы видели жалкие лохмотья и траур одного человека. Он один, который мог бывать на форуме, по своей преданности стал для меня сыном, по оказанному им мне благодеянию — отцом, по своей любви ко мне — тем же, кем всегда был,— братом. Ведь траур и рыдания моей несчастной жены, и безысходное горе преданнейшей дочери, и тоска моего малолетнего сына и его детские слезы либо были скрыты от вас из-за неизбежных переездов, либо большей частью таились во мраке их жилища. (IV) Поэтому ваша заслуга перед нами тем больше, что вы возвратили нас не многочисленным близким, а нам самим.

(9) Но если я не смог найти родных, способных своими мольбами отвратить от меня несчастье, то моя доблесть должна была дать мне помощников, предстателей и советчиков, чтобы я был возвращен и они были столь многочисленны, занимали столь высокое положение и обладали такой силой, что в этом отношении я превзошел всех людей, ранее упомянутых мною. Ни о Публии Попилии, прославленном и храбрейшем муже, ни о Квинте Метелле, знатнейшем и весьма стойком гражданине, ни о Гае Марии, охранителе государства и нашей державы, в сенате не упоминали никогда; (10) первые двое были восстановлены в правах по предложению трибунов, не по решению сената; Марий же был восстановлен в правах, уже не говорю — не сенатом, но даже после подавления сената, и при возвращении Гая Мария возымела силу не память о деяниях, а войска и оружие. Чтобы для меня она возымела силу, сенат все время требовал; чтобы она мне наконец, принесла пользу, он, как только ему дозволили, многолюдностью своего собрания и своим авторитетом достиг. При возвращении названных мною людей движения в муниципиях и колониях не было; меня же вся Италия постановлениями своими трижды призывала вернуться в отечество. Они были возвращены после истребления их недругов, после жестокой резни среди граждан; я же был возвращен в то время, когда изгнавшие меня управляли провинциями[9], когда один из моих недругов, честнейший и добрейший муж, был консулом[10], причем о моем возвращении докладывал другой консул[11]; между тем мой недруг[12], который, чтобы погубить меня, отдал свой голос общим врагам, хотя и был жив, то есть дышал, в действительности был низринут ниже, чем все умершие. (V, 11) Никогда ни в сенате, ни перед народом в защиту Публия Попилия не выступал храбрейший консул Луций Опимий[13]; никогда в защиту Квинта Метелла не выступал, уже не говорю — Гай Марий, бывший ему недругом, но даже сменивший его красноречивейший Марк Антоний с коллегой Авлом Альбином[14]. Что касается выступлений в мою пользу, то их от консулов прошлого года постоянно требовали, но все боялись впечатления, что делается так из личного расположения ко мне; ведь один из них был со мною в свойстве, а другого я однажды защищал по делу, угрожавшему его гражданским правам[15]; связанные договором о провинциях, они в течение всего прошлого года

---

[9] Консулы 58 г.: Авл Габиний, в 57 г. проконсул Сирии, и Луций Писон, в 57 г. проконсул Македонии.

[10] Кв. Цецилий Метелл Непот.

[11] П. Корнелий Ленгул Спинтер.

[12] П. Клодий, соединившийся с уцелевшими сторонниками Катилины.

[13] Консул 121 г., возглавивший борьбу нобилитета против Г. Гракха.

[14] Во время войны с Югуртой Г. Марий, легат Метелла Нумидийского, был им отпущен в Рим и там обвинил его в затягивании войны. М. Антоний, М. А. Постумий Альбин — консулы 99 г.

[15] А. Габиний, которого Цицерон мог защищать, будучи кандидатом в преторы.

должны были выслушивать сетования сената, плач честных людей, стоны Италии. Но в январские календы, после того как осиротевшее государство взмолилось о покровительстве к консулу, словно к законному опекуну, консул Публий Лентул, отец, бог, спаситель моей жизни, моего достояния, памяти обо мне, моего имени, тотчас же после доклада о торжественном обряде в честь богов счел своим долгом из всех людских дел прежде всего доложить о моем. (12) И оно было бы решено в этот же день, если бы тот плебейский трибун [16], которого я как консул осыпал величайшими благодеяниями в бытность его квестором, не потребовал для себя ночи на размышление, хотя все сословие и многие выдающиеся мужи его умоляли, а тесть его, честнейший муж Гней Оппий, в слезах лежал у него в ногах. Размышление это было использовано не для возвращения платы, чего кое-кто ожидал, а, как выяснилось, для ее увеличения. После этого сенат не рассмотрел ни одного дела. Хотя решению моего дела препятствовали разными способами, все-таки, так как воля сената была выражена ясно, мое дело должно было быть доложено в январе-месяце.

(13) Вот каково было различие между мною и моими недругами: так как я увидел, что подле Аврелиева трибунала людей открыто вербуют и распределяют на центурии; так как я понимал, что старым шайкам Катилины вновь подана надежда на резню; так как я видел, что люди из того лагеря, главой которого я даже считался,— одни из зависти, другие из боязни — меня либо предавали, либо покидали, когда оба консула, купленные соглашением о провинциях, предоставили себя в распоряжение недругов государства в качестве исполнителей, понимая, что смогут избавиться от бедности и удовлетворить свою алчность и развращенность только в том случае, если головою выдадут меня внутренним врагам; так как эдикты и указы запретили сенату и римским всадникам оплакивать и умолять вас, надев траур, так как соглашения во всех провинциях, все договоры и восстановление добрых отношений скреплялись моей кровью,— то я (хотя все честные люди не отказывались погибнуть либо за меня, либо вместе со мною) не захотел в защиту своего благополучия браться за оружие, полагая, что и моя победа, и мое поражение будут горестными для государства. (14) А недруги мои, когда мое дело обсуждалось в январе месяце, признали нужным преградить мне путь к возвращению телами убитых граждан, рекою крови. (VI) И вот в мое отсутствие общее положение было таково, что вы считали нужным в одинаковой мере восстановить в правах и меня, и государство; я же полагал, что государство, в котором сенат не имел никакой власти, где была возможна безнаказанность, где правосудие отсутствовало, где на форуме царили насилие и оружие, причем частные лица спасались за стенами своих домов, а не под защитой законов, где плебейским трибунам наносили раны у вас на глазах, к домам магистратов приходили с мечами и с факелами, фасцы консула ломали, храмы бессмертных богов поджигали,—что такое государство сведено на нет. Поэтому я и пришел к убеждению, что, пока государство в изгнании, для меня в этом Городе места нет; но я не сомневался в том, что оно, если будет восстановлено, само возвратит меня вместе с собой.

(15) Твердо зная, что в ближайший год консулом станет Публий Лентул, который как курульный эдил в опаснейшее для государства время, когда я был консулом, вместе со мною принимал все решения и разделял со мною опасности, мог ли я сомневаться в том, что мне, консулами раненному, лекарство консулов возвратит здоровье? Когда он стоял во главе, а его коллега, милосерднейший и честнейший муж, вначале не препятствовал, даже помогал ему, почти все остальные магистраты были поборниками моего восстановления в правах; из них особенное присутствие духа, доблесть, почин, готовность меня защищать проявил Тит Анний, а Публий Сестий— особенное расположение ко мне и внушенное ему богами рвение. По почину все того же Публия Лентула и по докладу его коллеги собравшийся в полном составе сенат

[16] С. Атилий Серран Гавиан. См. *Cic.*, Pro Sest. 74.

при несогласии только одного человека [17], без чьей-либо интерцессии возвеличил мои заслуги в самых лестных выражениях, в каких только мог, и поручил дело моего восстановления в правах всем вам, муниципиям и колониям. (16) Так за меня, не имевшего близких, лишенного поддержки родичей, все время вас умоляли консулы, преторы, плебейские трибуны, сенат и вся Италия; наконец, все те, кто был отмечен величайшими благодеяниями и почестями от вашего имени, не только побуждали вас спасти меня, когда этот же человек предоставил им слово, но даже заверяли вас в значении моих действий, свидетельствовали о них и их прославляли. (VII) Первым из них к вам обратился с уговорами и просьбами Гней Помпей, по своей доблести, мудрости и славе лучший из всех людей, которые существуют, существовали и будут существовать; он один дал мне одному, своему другу в частной жизни, все то, что он дал государству в целом: благополучие, покой, достоинство. Речь свою он, как я узнал, разделил на три части: сначала он доказал вам, что государство было спасено моими решениями, связал мое дело с делом всеобщего избавления и привлек вас к защите авторитета сената, государственного строя и достояния высокозаслуженного гражданина; затем он, заканчивая речь, сказал, что за меня вас просят сенат, римские всадники, вся Италия; затем, в конце он не только просил вас о моем восстановлении в правах, но даже заклинал. (17) Перед этим человеком, квириты, я в таком долгу, в каком божественный закон едва ли дозволяет человеку быть перед человеком. Последовав его советам, предложению Публия Лентула и авторитету сената, вы возвратили мне то же положение, какое я занимал ранее в силу ваших благодеяний, голосами тех же центурий, чьими вы мне его создали. В то же время вы слыхали, как выдающиеся мужи, виднейшие и известнейшие люди, первые среди граждан, все консуляры, все претории с этого места говорили одно и то же, так что ввиду всеобщего свидетельства становилось ясно, что государство было спасено мною одним. Поэтому, когда Публий Сервилий [18], влиятельный муж и виднейший гражданин, сказал, что благодаря именно моим усилиям государство было передано магистратам следующего года неприкосновенным, то другие присоединились к его мнению. Кроме того, вы слышали не только заверение, но и свидетельские показания прославленного мужа Луция Геллия [19]; когда он узнал, что во флоте, бывшем под его началом, пытались вызвать мятеж, причем ему самому грозила большая опасность, он сказал на вашем собрании, что, не будь я консулом тогда, когда я им был, государство бы погибло.

(VIII, 18) И вот я, квириты, благодаря стольким свидетельствам, авторитету сената, столь полному согласию Италии, такому рвению всех честных людей, когда дело вел Публий Лентул при одобрении со стороны всех других магистратов, когда за меня просил Гней Помпей, когда все люди ко мне относились благожелательно, наконец, когда бессмертные боги одобрили мое возвращение, ниспослав богатый урожай, изобилие и дешевизну хлеба, возвращенный себе самому, своим родным и государству, обещаю вам, квириты, делать для вас все, что только будет в моих силах: во-первых, с тем же благоговением, с каким благочестивейшие люди склонны относиться к бессмертным богам, я всегда буду относиться к римскому народу, и изъявление вашей воли будет в течение всей моей жизни столь же важным и священным для меня, сколь и изъявление воли бессмертных богов; затем, так как само государство возвратило меня в число граждан, я ни в чем не уклонюсь от выполнения своего долга перед государством. (19) И если кто-нибудь думает, что у меня либо изменились намерения, либо ослабело мужество, либо дух сломлен, то он глубоко заблуждается. Все то, что у меня смогли отнять насилие, несправедливость и бешенство преступников, они

[17] П. Клодий.

[18] Консуляр П. Сервилий Исаврийский, прославившийся своей борьбой с пиратами.

[19] Л. Геллий Попликола, консул 72 г., легат Помпея в 67—65 гг., во время войны с пиратами командовал подразделением флота, которое возмутили сторонники Катилины.

вырвали, унесли, рассеяли; то, чего у храброго мужа не отнять, у меня существует, остается и останется навсегда. Видел я храбрейшего мужа, земляка своего Гая Мария,— ведь нам, словно в силу какой-то роковой неизбежности, пришлось вести войну не только с теми, кто захотел уничтожить все это вот [20], но и с самой судьбой,— так вот, я видел его: несмотря на свою глубокую старость, он не только не был сломлен постигшим его величайшим несчастьем, но даже окреп и воспрял духом. (20) Я сам слышал, как он говорил, что был несчастен тогда, когда был лишен отечества, в прошлом избавленного им от вторжения врагов; когда слышал, что его имуществом владеют недруги и расхищают его; когда видел, что его юный сын разделяет с ним эти невзгоды; когда, укрываясь в болотах, благодаря помощи и состраданию жителей Минтурн [21] спасался от гибели; когда, переправившись на утлом челне в Африку, нищий и умоляющий о помощи, явился к тем, кому сам роздал царства; и вот, восстановив свое высокое положение, он не допустит себя до того, чтобы ему — после восстановления утраченного — недостало бы мужества, которое всегда оставалось при нем. Между нами обоими различие в том, что он отомстил своим недругам именно тем, в чем была его наибольшая сила,— оружием; я же буду пользоваться тем, чем привык пользоваться,— красноречием, так как искусству Мария место во время войны и смуты, моему —во времена мира и спокойствия. (21) Впрочем, Гай Марий в своем гневе помышлял только о мщении недругам, а я даже о недругах своих буду думать лишь в той мере, в какой государство мне это дозволит.

(IX) Наконец, квириты, так как мне причинили зло четыре рода людей: одни ввиду своей ненависти к государству были моими злейшими недругами именно потому, что я его спас им наперекор; другие — те, кто, притворившись моими друзьями, меня преступно предал; третьи — те, кто, из-за своей бездеятельности не будучи в состоянии достичь того же, чего достиг я, завидовал моим заслугам и высокому положению; четвертые, хотя они должны были стоять на страже интересов государства, продали мое благополучие, дело государства и достоинство того империя, каким были облечены. Итак, я буду карать этих людей в соответствии с их действиями по отношению ко мне: дурных граждан — честным ведением государственных дел; вероломных друзей — не веря им ни в чем и всего остерегаясь; завистников — служением доблести и славе; приобретателей провинций — отзывая их в Рим и требуя от них отчетов по наместничеству [22]. (22) Впрочем, для меня, квириты, отблагодарить вас, оказавших мне величайшие услуги, гораздо важнее, чем преследовать недругов за их несправедливости и жестокость. И право, способ отомстить за несправедливость найти легче, чем способ воздать за благодеяние, ибо одолеть бесчестных людей не так трудно, как сравняться с честными; кроме того, необходимо воздать должное не столько тем, кто причинил тебе зло, сколько тем, кто сделал тебе величайшее добро. (23) Ненависть возможно либо смягчить просьбами, либо забыть в связи с положением в государстве и ради общей пользы, либо сдержать ввиду трудности мщения, либо подавить в себе за давностью; но уступить просьбам и не чтить людей, оказавших нам большие услуги,— этого нам божеский закон не велит, и ни при каких обстоятельствах нельзя при этом ссылаться на пользу для государства; нельзя оправдываться и трудностью положения, и не подобает ограничивать память о благодеянии временем и сроком. Наконец, того, кто был мягок при мщении, открыто восхваляют, но очень резко порицают того, кто оказался медлителен в воздаянии за столь великие милости, какие вы оказали мне; его непременно назовут, уже не говорю — неблагодарным, что тяжко

---

[20] Все, находящееся перед взором оратора, — римское государство.

[21] Минтурны — колония на юге Лация. В 88 г. Марий, вытесненный Суллой из Рима, отплыл из Остии; его корабль был прибит бурей к берегам Италии, и Марий скрывался вблизи Минтурн. Впоследствии он добрался до Африки.

[22] В 56 г. Цицерон произнес в сенате речь «О консульских провинциях», в которой он требовал отозвать А. Габиния и Л. Писона.

само по себе, но даже нечестивым. [Ведь положение при воздаянии за услугу не походит на положение при денежном долге, так как тот, кто удерживает деньги у себя, долга не платит, а у того, кто отдал долг, денег уже нет; благодарность же и тот, кто воздал ее, сохраняет, и тот, кто ее сохраняет, долг свой платит.]

(X, 24) Поэтому я буду хранить память о вашем благодеянии, вечно чувствуя расположение к вам, и не утрачу ее вместе со своим последним вздохом; нет, даже тогда, когда жизнь покинет меня, воспоминания о благодеянии, оказанном мне вами, сохранятся. Что касается моей ответной благодарности, то вот что обещаю я вам и буду всегда выполнять: с моей стороны не будет недостатка ни в рвении при принятии решений по делам государства, ни в мужестве при устранении угрожающих ему опасностей, ни в честности при обычной подаче голосов, ни — во имя защиты государства — в доброй воле при противодействии злым людским умыслам, ни в настойчивости в тяжелых трудах, ни в благожелательности искреннего сердца при служении вашим интересам. (25) И вот какая забота, квириты, будет всегда со мною: чтобы я и вам, в моих глазах обладающим силой и волей бессмертных богов, и потомкам вашим, и всем народам казался вполне достойным того государства, которое всеми поданными голосами признало, что оно не может сохранить своего достоинства, если себе не возвратит меня.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВИИУ — Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту.— ВДИ, 1951, № 2—4.
АО — Археологические открытия
АПФГ — Археологические памятники феодальной Грузии. Тбилиси
ВАФ — Вопросы азербайджанской филологии
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашия
ВИ — Вопросы истории
ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей
ИАИЯЛИ — Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия
ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КБН — Корпус боспорских надписей. М.— Л., 1965
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАА — Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИНУз — Музей истории народов Узбекистана
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОГСДШ — *И. М. Дьяконов.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959
ПАИ — Полевые и археологические исследования в Грузии. Тбилиси
ПС — Палестинский сборник
ПЮЗГ — Памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси
СА — Советская археология
СП — *С. А. Жебелев.* Северное Причерноморье. М.— Л., 1953
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AAASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
AfO — Archiv für Orientforschung
AHw — Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1965
ARAB — *D. D. Lückenbill.* Ancient Records of Assyria and Babylonia. I—II. Chicago, 1926—1927
BAR — British Archaeological Reports
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum
BHMG — Bulletin of the historical metallurgy group
BPI — Bollettino di Paleoetnologia Italiana. Palermo
CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of Chicago, 1956 ff.
CAr — Cahiers archéologiques. Paris
CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum
DOP — Dumbarton Oaks Papers. Washington
FdD — Fouilles de Delphes
FGrH — *F. Jacoby.* Die Fragmente der griechischen Historiker
IAMS — Institute of archaeo-metallurgical Studies
IF — Istanbuler Forschungen. Berlin
IG — Inscriptiones Graecae
IOSPE — *B. Latyschev.* Inscriptiones Antiquae, Graecae et Latinae, Orae Septentrionalis Ponti Euxini

Ist. Mitt.— Istanbuler Mitteilungen
JAOS — Journal of American Oriental Society
JAS — Journal of Archaeological Science
JCS — Journal of Cuneiform Studies
JEA — Journal of Egyptian Archaeology
JHS — Journal of Hellenic Studies
JNES — Journal of Near Eastern Studies
JÖB — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien
JRS — Journal of Roman Studies
MA — Monumenti antichi dell'Accademia Nazionale dei Lincei. Roma
MAD — Materials for the Assyrian Dictionary. Chicago, 1952 ff.
MIO — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung
MVAG — Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft
NS — Notizie degli scavi di antichità. Roma
OLZ — Orientalistische Literaturzeitung
PSBA — Proceedings of the Society of Biblical Archaeology
RA — Revue d'assyriologie et archéologie orientale
RE — *Pauly*'s Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von *G. Wissowa*, hrsg. von *W. Kroll*
RhM — Rheinisches Museum für Philologie
RLA — Reallexikon der Assyriologie
SEG — Supplementum epigraphicum Graecum
SEHHW — *M. Rostovtzeff*. Social and Economic History of Hellenistic World
Syll.^{3} — *W. Dittenberger*. Sylloge Inscriptionum Graecarum, 3 ed.

СОДЕРЖАНИЕ

Андреев В. В. (Ленинград) — Ранние формы урбанизации 3
Юсифов Ю. Б. (Баку) — Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) 19
Ильинская Л. С. (Москва) — Финикийцы в Сицилии 41
Виноградов Ю. Г. (Москва) — Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. . . . 55

ПУБЛИКАЦИИ

Толстиков В. П. (Москва) — Святилище на акрополе Пантикапея 88
Пилипко В. Н. (Ашхабад) — К вопросу о чекане Митридатокерта 115
Кобахия Б. С., Хрушкова Л. Г., Шамба С. М. (Сухуми) — Новая раннехристианская церковь на городище Гюэнос (Абхазия) 126

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Редер Д. Г. (Москва) — Роль Муцацирского храма в экономике Урарту и Ассирии в VIII в. до н. э. 147
Бест Й. Г. П. (Амстердам) — К интерпретации надписей линейного письма *А* (Две традиции в спиралевидных надписях на линейном письме *А*; Еще раз о надписи на Закросском пифосе) 159
Казанский Н. Н. (Ленинград) — К папирусному фрагменту «Разрушения Трои» Стесихора (P. Oxy. 2619, fr. 15 b, 11—12) 168
Вершинин Л. Р. (Одесса) — Государство молоссов и территориальная консолидация античного Эпира 169
Мавлеев Е. В. (Ленинград) — Самнитские войны и зеркала Вольсиний . . . 185
Горончаровский В. А., Никоноров В. П. (Ленинград) — Илуратский катафрактарий (*К истории античной тяжелой кавалерии*) 201
Трейстер М. Ю. (Москва) — Комментарий к письму X. 74 Плиния Младшего 213

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Вигасин А. А. (Москва) — Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Индия в древности. М., 1985 220
Ломоури Н. Ю. (Тбилиси) — Культура Византии: IV — первая половина VII в. Т. I. М.: Наука, 1984 238
Сапрыкин С. Ю. (Москва) — G. Cohen. The Seleucid Colonies: Studies in founding, administration and organization. Wiesbaden, 1978 243
Павленко Л. В. (Симферополь) — The Oxyrhynchus Papyri. V. LII. Ed. with transl. and notes by Cockle H. M. with contrib. by Cavlini A. e. a. L.: Egyptian Exploration Society, 1984, XVIII 250

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Голубцова Е. С. (Москва) — Проблемы античной истории на XVII Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене» (Берлин, 11—15 августа 1986 г.) 253

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. Туллий Цицерон. Речь к народу по возвращении из изгнания. Перевод с латинского, вступительная статья и комментарии *В. О. Горенштейна* . 260

SOMMAIRE

Ju. V. Andrejev (Léningrad) — Les formes précoces de l'urbanisation 3
Ju. B. Jusifov (Bakou) — Les contacts entre la Mésopotamie et les pays du Nord-Est (zone du lac Ourmia) au IIIe millénaire av n. è 19
L. S. Il'jinskaja (Moscou) — Les Phéniciens en Sicile 41
Ju. G. Vinogradov (Moscou) — L'inscription votive de la fille du roi Scilure à Panticapée et l'histoire de la Scythie et du Bosphore au IIe s. avant n. è . . 55

PUBLICATIONS

V. P. Tolstikov (Moscou) — Le sanctuaire de l'acropole de Panticapée 88
V. N. Pilipko (Achkhabad) — A propos des monnaies de Mithridatokert 115
B. S. Kobakhia, L. G. Khruškova, S. M. Samba (Soukhoumi) — Une église chrétienne d'avant Justinien à Hyénos (Abkhazie) 126

RAPPORTS ET COMMUNICATIONS

D. G. Reder (Moscou) — Le rôle du temple de Moutsatsir dans l'économie de l'Ourartou et de l'Assyrie au VIIIe s. avant n. è 147
J. G. P. Best (Amsterdam) — Deux traditions des inscriptions en spirale utilisant le linéaire A; Encore une fois l'inscription du pithos de Zakko 159
N. N. Kazanskij (Léningrad) — A propos d'un fragment sur papyrus de la *Destruction de Troie de Stésichore* 168
L. R. Veršinin (Odessa) — L'Etat des Molosses et la consolidation territoriale de l'Epire antique 169
Je. V. Mavlejev (Léningrad) — Les guerres samnites et les miroirs de Volsinii . 185
V. A. Gorončarovskij, V. P. Nikonorov (Léningrad) — Le cataphractaire d'Iluratum 201
M. Ju. Trejster (Moscou) — Pline le Jeune, *Epitres*, X, 74 (un commentaire) . . 213

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

A. A. Vigasin (Moscou) — G. M. Bongard-Levin, G. F. Il'jin. Indija v drevnosti. M., 1985 220
N. Ju. Lomouri (Tbilisi) — Kultura Vizantii. IV — pervaja polovina VII v. M., 1984 238
S. Ju. Saprykin (Moscou) — G. Cohen. The Seleucid Colonies: Studies in founding, administration and organization. Wiesbaden, 1978 243
L. V. Pavlenko (Simféropol) — The Oxyrhynchus Papyri. V. LII. Ed. with transl. and notes by Cockle H. M. with contrib. by Cavlini A. e. a.: Egyptian Exploration Society, XVIII 250

CHRONIQUE SCIENTIFIQUE

Je. S. Golubtsova (Moscou) — La XVIIe Conférence internationale «Eirene» des études antiques dans les pays socialistes 253

SUPPLÉMENT

M. T. Cicéron. Discours adressé au peuple de retour d'exil. Traduction, article d'introduction et commentaire de *V. O. Gorenštejn* 260

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 20.11.86 Подписано к печати 16.01.87 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 22,1+2 вкл. Усл. кр.-отт. 165,3 тыс. Уч.-изд. л. 24,5 Бум. л. 8,5
Тираж 7318 экз. Зак. 3157

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6